

ПОЛІТИКА РОЗВИТТЯ В УМОВАХ ЦИФРОВІЗАЦІЇ ОБЩЕСТВА

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НОЦ «ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»
ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИИ КУБГУ

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Краснодар 2020

УДК 32:004
ББК66:32.971.3я431
П 504

Редакционная коллегия

Е.В. Морозова, д-р филос. наук, проф.
А.И. Кольба, д-р полит. наук, доц.
И.В. Мирошниченко, д-р полит. наук, доц.
М.В. Терешина, д-р экон. наук, доц.
А.В. Егупов, канд. полит. наук, доц.

П 504 Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Краснодар: Вика-Принт, 2020. – 400 с.
ISBN: 978-5-904370-45-9

Издание подготовлено по итогам работы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества», прошедшей 22-23 октября 2020 г. в Кубанском государственном университете. В него вошли выступления и сообщения участников конференции – ученых, представляющих научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Барнаула, Воронежа, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Калининграда, Краснодар, Курска, Майкопа, Перми, Ростова-на-Дону, Саратова, Старого Оскола, Твери, Томска, Читы, Ярославля, а также ряда зарубежных участников. Адресуется политологам, социологам, историкам, специалистам, работающим в сфере политического управления, а также всем, кто интересуется современной политикой развития.

Издание осуществлено при организационной и финансовой поддержке РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований), проект №22-011-22004.

УДК 32:004
ББК 66:32.971.3я431

© Авторы статей, 2020
© Кубанский государственный университет, 2020
© ООО «Вика-Принт»

ISBN: 978-5-904370-45-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цифровизация является одним из основных трендов развития современного общества. При этом в научных дискуссиях до настоящего времени обсуждаются проблемы, преимущественно связанные с её экономическими и технологическими эффектами, в том числе в сфере управления. Относительно мало затрагиваются аспекты цифровизации, отражающие изменения в публично-политической сфере, такие, как механизмы формирования политики развития в цифровой реальности, трансформация политических институтов и процессов, рост значимости личностного измерения политики, и ряд других. Представляется необходимым расширение пространства дискурса развития в социально-гуманитарных науках на основе междисциплинарного синтеза подходов, складывающихся в политической науке, социологии, экономике устойчивого развития.

Представленный сборник материалов подготовлен на основе выступлений участников Всероссийской конференции с международным участием «Политика развития в условиях цифровизации общества», которая состоялась 22-23 октября 2020 г. в Краснодаре. Мероприятие проводилось в онлайн-режиме в связи с ограничениями, налагаемыми пандемией вируса COVID-19. На конференции были представлены ведущие политологические и экономические школы российских университетов (МГУ, СПбГУ, МГИМО (У), НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Балтийский федеральный университет, Пермский ГУ, Южный федеральный университет, Воронежский ГУ, Ярославский ГУ и др.) и академические структуры (Институт социологии РАН, ИМЭМО РАН, Южный научный центр РАН). В конференции участвовали ученые 20 регионов России и зарубежные докладчики.

Научная дискуссия велась по таким направлениям, как концептуальные и методологические основания исследования социально-политических процессов в условиях цифровизации сферы политики и управления, дискурс развития в современных исследованиях публичной сферы, политическое управление кризисами и конфликтами с учётом требований цифровой среды, политико-институциональные и человеческие аспекты формирования политики развития, экономические и экологические аспекты политики развития в цифровой среде. На основе обсуждения были сформированы теоретико-методологические основания исследования процессов цифровизации

в сфере публичной политики и управления. Это даёт возможность активизировать научные дискуссии и инициировать проведение практикоориентированных эмпирических исследований. Конференция также позволила обсудить уже имеющиеся результаты, достигнутые при реализации научно-исследовательских проектов и расширить научные контакты между участниками, создав предпосылки для формирования новых исследовательских коллективов по указанным направлениям.

Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 22-011-22004.

В сборнике материалов конференции опубликованы исследования, подготовленные в ходе реализации проектов Российского фонда фундаментальных исследований: № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»; № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала»; № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных»; № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды»; № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)» (совместно с администрацией Краснодарского края); № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016–2017 гг.) (совместно с администрацией Краснодарского края); № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации» (совместно с администрацией Краснодарского края); № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (совместно с ЭИСИ); №

20-011-31626 «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в online-пространстве: субъекты, технологии и результаты» (совместно с ЭИСИ); № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации» (совместно с ЭИСИ); № 18-011-00756 «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства»; № 20-010-00981 «Формирование циркулярной экономики и разрешение экологических конфликтов»; № 18-011-00906 «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» (совместно с ЭИСИ); № 18-010-00594 «Согласование государственно-частных интересов в управлении устойчивым развитием региона на основе экономико-математического моделирования»; № 19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса»; № 20-011-32253 «Нарушение этических норм в региональных масс-элитных коммуникациях в период цифровизации публичной политики»; № 20-011-31040 «Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности» (совместно с ЭИСИ); № 19-311-90021 «Конструирование имиджа Республики Адыгея в пространстве социальных медиа»; № 19-011-00792 «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ»; № 20-011-31771 «Неформальные практики гражданского участия в осуществлении публичной власти: эффекты сетевизации и проблемы правовой институционализации» (совместно с ЭИСИ); № 20-011-00393 «Координационные эффекты стратегического управления политико-административными процессами в условиях цифровизации»; № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах»; № 18-011-00806 «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)»; № 19-010-00022 «Влияние пенсионной реформы на экономическое развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации»; № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде»

в 2007 – 2018 гг.: сравнительный анализ»; № 20-010-00350 «Методология и организационный механизм формирования сбалансированной системы инвестиционной поддержки всех стадий инновационного цикла, включая фундаментальные исследования и прикладные разработки, освоение и продвижение на рынке новых продуктов, услуг и технологий»; № 19-29-07024 «Комплексное исследование человеческого капитала Центрально-Черноземного экономического района в территориальном, отраслевом и историческом разрезах для разработки научных рекомендаций в целях повышения инновационного развития экономики и конкурентоспособности региона»; № 18-011-00756 «Гражданское участие в условиях формирования цифрового правительства»; № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществах в современной России»; № 20-011-32132 «Молодёжь в социальных сетях: особенности политического участия (Россия, 2019-2020 гг.)» (совместно с ЭИСИ); № 19-311-90034 «Трансформация образа Чужого в культуре постсоветского пространства Каспийского макрорегиона»; №17-29-02244 «Место и роль интеллекта населения в системе факторов развития страны»; № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества»; № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России»; № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Оргкомитет

ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В ПОСТПАНДЕМИЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Н.А. Азарова (Воронеж)

Основным показателем макроэкономической нестабильности и циклического развития является безработица. Она стала неотъемлемой частью современной постпандемичной экономики, которая вызывает не только экономические и политические последствия, но и серьезные нравственно-психологические, социальные проблемы у населения. Процессы занятости и безработицы должно регулировать государство, для этого оно проводит политику занятости.

Экономический кризис в России, вызванный пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, может вернуть в повестку дня «подзабытую проблему массовой безработицы»: ее уровень грозит подскочить до 8-10% от рабочей силы. Тенденцией занятости человеческого капитала в региональной экономике, формируемой под влиянием трендов региональных рынков труда, является развитие безработицы, во всех секторах российской экономики.

О появлении ее признаков можно судить по динамике соотношения индекса производства и индекса изменения численности занятых в промышленном производстве, измеряемого в официальной статистике цепными темпами роста, в процентах к предыдущему году. Соотношение этих индикаторов ниже 100% показывает «излишек» работников, темпы сокращения численности которых неадекватны темпам роста объемов производства. Соотношение этих индикаторов выше 100% показывает «излишек» работников, темпы сокращения численности которых неадекватны темпам роста объемов производства. Если оценить соотношение 2015г. и 2018 г., то количество регионов с показателем ниже 100% составляло 29 ед., в конце (2018 г.) – уменьшилось до 19 ед. (Федеральная служба государственной статистики (ФСГС), 2020, 137).

Однако в 2020 году в связи с пандемией коронавирусной инфекции тенденции изменения численности занятых в промышленном производстве резко сократились. Полные данные официальной статистики будут спустя некоторое время, однако в настоящее время доступны данные по таким последствиям безработицы, как рост доходов населения, спрос на рынке квалифицированного труда, тревожность населения. Все перечисленные экономические и социальные последствия безработицы лишь доказывают важность изучения причин ее возникновения, необходимость

исследования сложившейся ситуации и поиска методов снижения безработицы, превышающей естественный уровень (Даньшина, 2016, 64-66).

Материальное положение населения ухудшается. В частности, отмечается снижение заработной платы: данные за май 2020 года свидетельствуют о росте доли наемных работников, чьи доходы снизились вследствие сокращения заработной платы и/или иных выплат.

Наблюдается некоторый рост расходов населения. Оборот розничной торговли продовольственными и непродовольственными товарами в конце мая находился на максимуме за весь период самоизоляции.

Спрос на рынке квалифицированного труда не восстанавливается. Количество безработных за месяц увеличилось на 100 тыс. и почти в полтора раза превышает докризисное (3,5 млн. человек). Средний возраст безработных в августе составил 35,6 года, доля молодежи до 25 лет была равна 21,8%, россиян старше 50 лет – 15,9%. Из 4,8 млн. безработных 1,4 млн. составляли сельские жители. Самая большая доля безработных искала работу от 1 до 3 месяцев – 28,4% (в городской местности – 31,3%, в сельской – 21,6%), что примерно соответствует волне «антикризисных» увольнений мая–июня 2020 года. В состоянии застойной безработицы находились 27,1% сельских безработных и 14,7% городских (Доклад «Социально-экономическое положение России», 2020, с.5).

– тревожность населения относительно ситуации на рынке труда несколько снизилась, однако остается на уровне, существенно превышающем значения начала года (запросы об удаленной работе, безработице, бирже труда и пособиях по безработице). Учёные выявляют прямую связь между увеличением случаев самоубийств, убийств, психических заболеваний, разводов, смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и высоким уровнем безработицы (Алханов, Анаева, Хайдаева, 2015, 15).

1. Спад ВВП в апреле составил 12%, а наибольшее снижение наблюдалось в секторах, ориентированные на потребительский спрос. Так, оборот розничной торговли снизился на 23,4% (прежде всего, в части непродовольственных товаров), объем платных услуг, предоставленных населению, снизился на 37,9% (связано с ограничениями в сфере досуга, культуры и спорта, бытовых услуг). Выявить недоиспользование имеющихся ресурсов можно при помощи показателя разрыва валового национального продукта в процентах (Байдецкая, 2015, 180).

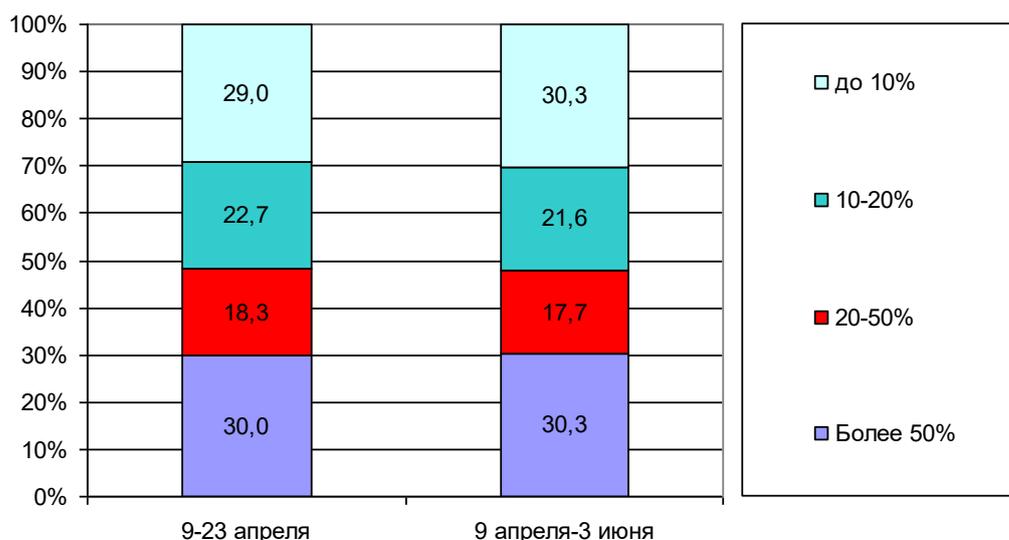
2. Ухудшение материального положения населения, в том числе, вследствие снижения оплаты труда, проведенного в середине мая, доля

наемных работников, чьи доходы снизились в связи с сокращением заработной платы и/или иных выплат, выросла в два раза.

3. Повышение рисков потери платежеспособности заемщиков вследствие снижения доходов, ухудшение платежной дисциплины в связи с ростом негативных ожиданий относительно будущего.

4. Численность зарегистрированных безработных в России выросла на 1,3 млн. в сравнении с данными на март 2020 года – до 4,8 млн. человек, из-за этого уровень безработицы в период пандемии достиг 6,4%. (против 1,6 млн. чел. на конец первой декады мая). Увеличение численности официально зарегистрированных безработных обуславливается рядом причин, в том числе существенным повышением размера пособия по безработице. Уровень безработицы по методологии МОТ, в апреле составил 5,8% (против 4,7% в марте 2020 г. и апреле 2019 г.) (Социально-экономическое положение..., 2020, 5).

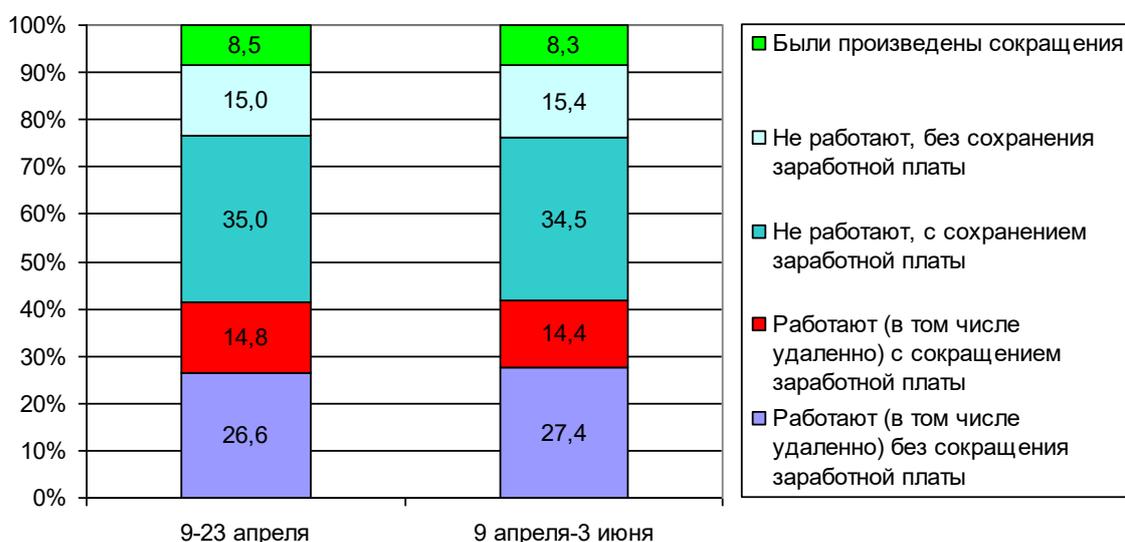
**Доля сокращаемых сотрудников
(в случае сокращений), % опрошенных компаний**

(Социально-экономическое положение..., 2020, 3)

5. Адаптация рынка труда и форм занятости: прежний режим работы сохранило 20% опрошенных, 80% респондентов отметило различные формы адаптации к режиму нерабочих дней. Одной из форм адаптации стало сокращение рабочего времени: 13% отметили, что находятся в «добровольно-принудительном» отпуске, 11% – перешли на неполную рабочую неделю или день. Однако, в определенной мере, на ранних стадиях безработицы стимулируется интерес к получению новой профессии и повышению квалификации (Файзуллин, 2014, 44).

**Форма занятости сотрудников в период самоизоляции,
% опрошенных компаний**

6. Повышение тревожности населения вследствие неопределенности и снижения доходов, что отражается ухудшением платежной дисциплины в отношении налогов.

Выводы: по итогам исследования, предполагается наличие трех сценариев соотношения занятости и безработицы в ближайший период:

– оптимистичный сценарий. Характеризуется перераспределением сжимающихся ресурсов от инвестиций к выплатам работникам. Высвобождение занятых – умеренное, с уровнем безработицы на пике в 5.3-5.6%. В данном сценарии приоритеты государственной политики включают:

- а) поддержание занятости;
- б) поддержка доходов;
- в) финансовая стабильность;
- г) поддержка государственных и квази-государственных инвестиций.

– базовый сценарий. Из-за затяжного кризиса и исчерпания возможностей «пассивной адаптации» компаний и субъектов Федерации к новым условиям функционирования возникает масштабная коррекция занятости во втором полугодии. Скачок безработицы до 8.0%-8.3% рабочей силы в 2021 г. и 7.0-7.3% в 2022-2023 гг., усиливая конкуренцию на рынке труда, будет сдерживать динамику реальной заработной платы. На динамику реальной заработной платы в данном

сценарии воздействует существенно более высокий уровень безработицы, подсакаживающий во втором полугодии 2020 г. (на фоне «второй волны» карантинных мероприятий) и в 2021 г. В итоге провал реальной заработной платы оказывается почти вдвое выше, чем в оптимистичном сценарии (-4.5– -4.8%), с последующей стагнацией в 2021 г. И только в 2023 г. начнется интенсивный рост реальной заработной платы (2.2-2.5%).

– пессимистичный сценарий. Карантин в значительных масштабах продлится до июля. Из-за кризиса доходов компаний уровень безработицы окажется катастрофически высоким (2020 г.: 10.5-10.7% рабочей силы), причём острота проблемы практически не убывает даже к концу прогнозного периода (2023 г.: 9.0-9.5% рабочей силы).

Библиографический список

Алханов Л.Х., Анаева З.К., Хайдаева С.И. Безработица и ее социально-экономические последствия // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 7-1 (16). 2.

Байдецкая Е.А. Эмпирическая зависимость между ВВП и безработицей // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2015. – № 2-3 (66-67).

Даньшина Д. Н. Проблемы безработицы в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2016. – № 6.

Смоленцева Е.В. Сущность и социально-экономические последствия безработицы // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 2, № 9.

Социально-экономическое положение России. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

Файзуллин И.Ф. Безработица и основные пути ее сокращения: дис. ... канд. соц. н. – Уфа, 2008.

Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) 2020 год. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186?print=1>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОГО ПАНОПТИКУМА»¹

Н.А. Баранов (Санкт-Петербург)

Цифровые технологии кардинальным образом меняют представления человека о гипотетическом участии в политике и его возможностях влиять на политические решения. Цифровизация способствует оптимизации человеческих ресурсов в соответствии с меняющимися приоритетами, что находит выражение в новых формах цифрового политического участия.

Для политики важна массовость – только в этом случае может идти речь о реализации интересов широких слоев населения, а не тех группировок, которые находятся у власти. Именно массовая политика оказывает решающее влияние на государство в интересах общества. Для вовлечения людей в политическую жизнь необходима мобилизация, под которой понимается обеспечение политического участия, определяемое мотивами субъектов мобилизации, их целями и ресурсами (Массовая политика, 2016, 75).

Традиционные формы мобилизации, связанные с деятельностью политических партий, профсоюзов, находятся в непростых отношениях с новыми формами мобилизации. Люди принимают участие в массовых мероприятиях, нередко, не по призыву политических организаций, а благодаря онлайн-коммуникации. Например, массовые митинги протеста жителей Хабаровска против ареста губернатора края или движение жителей Архангельской области против строительства полигона для московских отходов на станции Шиес происходили не по призыву политических структур.

Политической мобилизации способствуют новые формы социального контроля, получившие название «цифровой паноптикум»: распознавание лиц, анализ походки, цифровые приложения, аффективные вычисления, микрочипирование, цифровое чтение по губам, датчики, считывающие отпечатки пальцев. «Благодаря распространению этих технологий, – констатируется в Докладе, подготовленном к началу работы Давосского экономического форума в 2019 г., – мы движемся в мир, в котором все данные о нас собраны, хранятся и под-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001; грант №20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации»

вергаются проверке через алгоритмы искусственного интеллекта» (The Global Risks...).

Опасности цифрового контроля, на которые акцентируют внимание ученые, эксперты и политики, уже реализуются в нашей жизни. В общественно-политической практике появился термин «цифровой тоталитаризм», под которым понимается тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе. Об опасности его распространения пишет в своей статье заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев: «Цифра», несомненно, станет важнейшим фактором экономического, социального и политического развития в постпандемийном мире. Но критически важно провести чёткое разграничение между благами, которые даёт цифровизация, и угрозой появления «цифрового Большого Брата», ограничения фундаментальных прав и свобод человека. Экономическая эффективность, которую несёт цифровизация, не может быть куплена ценой «цифрового тоталитаризма» (Медведев, 2020).

Цифровое политическое участие можно рассматривать как технологичный ответ нового поколения на возникающие политические проблемы. Особенно это касается новых форм коммуникации в онлайн-среде, которые охватывают значительное количество людей. Например, по данным аналитической системы Brand Analytics в ноябре 2019 г. число участников в социальных медиа в Российской Федерации составило 49 млн. чел. или каждый третий житель нашей страны. Ими было написано 1,3 млрд публичных сообщений (постов, репостов, комментариев) (Социальные сети...).

В современной массовой коммуникации становится востребованным хэштег-активизм (hashtag activism), который может быть интерпретирован как быстрое перенесение в политическую сферу эмоций и чувств людей, равнодушных к определенной ситуации. Термин «Hashtag activism» введен средствами массовой информации и означает интернет-активность (лайки, комментарии, репосты, публикации, подписки на политизированные интернет-ресурсы и т. д.) путем использования хэштегов. Интернет-ресурсы обладают большим потенциалом для быстрого обмена мнениями, мгновенной реакцией на события, использование изображений и символов, подчеркивающих идеологическую значимость ситуации. По мнению бельгийского

социолингвиста Я. Бломмерта, таких реакций может быть достаточно, чтобы вывести на улицу людей, объединенных чувством несправедливости (Blommaert, 2017).

Следует отметить, что происходит непрекращающаяся трансформация форм участия молодежи в политической жизни. Среди наиболее предпочтительных форм современного политического участия Я. Теохарис называет социальные сети и микроблоги. Британский исследователь полагает, что цифровое участие не может быть интерпретировано как политическая деятельность, но, так как политически мотивированный акт совершается добровольно и направленно в повышении осведомленности о политических событиях, то речь идет о политическом участии (Theocharis, 2015).

Я. Теохарис и Дж. Ван Дет используют термин цифровое политическое участие для характеристики современных форм политической активности, к которым можно отнести подписание петиций на цифровых платформах, активность в социальных сетях, микроблогах, подкастинг – процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов в интернете в стиле радио- и телепередач с определённой тематикой и периодичностью издания. За последний год резко вырос интерес именно к подкастам: в исследовании «Подкасты в России 2019» говорится о буме данного жанра в российском сегменте интернета (Бескина, 2019).

Одной из форм цифрового политического участия является подача электронной петиции. Современные исследования позволяют утверждать о том, что онлайн-петиции популярных негосударственных цифровых платформ оказывают эффект на принятие политических решений (Радина, Крупная, 2019).

К пассивным формам цифрового политического участия относят слактивизм (slacktivism) – практику поддержки политической или социальной цели с помощью средств цифровой активности и характеризующуюся тем, что она требует очень мало усилий или обязательств. Слактивизм рассматривается как новый цифровой инструментарий, расширяющий возможности политического участия и выступающий в роли мотивационного компонента политической активности.

Таким образом, в условиях цифровизации возникают новые формы онлайн-мобилизации, адаптирующиеся к политической реальности.

Библиографический список

Бескина О. Подкасты в России 2019 – на пороге бума? // Brand Analytics. 02.10.2019. Режимдоступа: <https://br-analytics.ru/blog/podcasts-in-russia-2019/>

Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. – М., 2016.

Медведев Д.А. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса // Россия в глобальной политике. 17.06.2020. Режимдоступа: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/>

Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале change.org) // Полис: Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 113-127.

Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 // Brand Analytics. 26.12.2019. Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/>

Blommaert Jan. Ludic membership and orthopractic mobilization: On slacktivism and all that // Tilburg Papers in Culture Studies. Paper 193. 2017. Режимдоступа: https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/TPCS_193_Blommaert_2.pdf

The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2019, p. 70. Режимдоступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf

Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. July-December 2015, pp. 1–14.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КРУПНОГО И СРЕДНЕГО ГОРОДА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)²

И.С. Башмаков (Краснодар)

Несмотря на очевидное движение нашего мира в сторону «глобальной деревни» с развитой цифровой (сетевой) идентичностью, традиционные социальные принадлежности также сохраняются или даже усиливаются благодаря новым информационным технологиям. Локальные

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)»

сообщества, в том числе городские, благодаря наличию своей административной и политической системы (муниципальных органов и местной власти), общей для жителей географии, природы, истории, культуры и образа жизни могут обладать специфическим самосознанием и идентичностью, которая в современных условиях может формироваться и усиливаться благодаря распространению гаджетов и социальных сетей. Особенно это справедливо в отношении молодежи, возрастной группы, которая наиболее активно включена в процессы социализации в Интернете.

В рамках исследования локальной идентичности как ресурса вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики в крупных и средних городах Краснодарского края (Краснодар, Сочи, Новороссийск, Армавир) был проведен опрос школьников-старшеклассников, студентов, представителей работающей молодежи в перечисленных городах по методике иерархии идентичности (десять ответов на вопрос «Я – это?» порядке убывания значимости). Мы выяснили, что территориальная принадлежность не является самой важной для молодежи, если речь идет о всех значимых социальных ролях, что подтверждается редкой встречаемостью географического места как основы для идентификации в целом, а также локального сообщества в частности. Ситуация меняется в том случае, если молодым людям задают вопрос о месте, которое имеет для них большее значение (необходимо было указать три варианта «Я – это...» в связи с принадлежностью к месту). Таким образом, в иерархии гражданско-территориальных принадлежностей молодежи (от общемирового до локального уровня) место локальной идентичности более заметно, чем в общей иерархии социальных принадлежностей. Например, в городе Армавире среди школьников «я – армавирец» на первом месте встречается два раза (25% опрошенных), на втором месте три раза (37,5 % респондентов), на третьем месте четыре раза (50% опрошенных) причем один раз встречается микро-локальная идентичность («живу в центре города»).

Во всех исследуемых городах среди всех возрастных категорий молодежи, в том случае, когда респондентов просили распределить территориальные уровни по важности, они нередко упоминали города в качестве приоритетной идентификации. Исследование также показывает, что чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. Так, в столице Кубани молодежь реже всего упоминала город как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии территориальных принадлежностей. Для школьников (за исключением Краснодарского края, демонстрирующего по результатам опроса скорее государствен-

но-гражданский патриотизм) непосредственное место проживания (город или его район), в качестве идентификационного ориентира является более частым, чем для других категорий молодежи. Среди работающей молодежи степень принадлежности к месту проживания в перечне территориальных принадлежностей оказалась также достаточно сильной. Напротив, больший космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах, в которых проводилось исследование, в связи с переездом на новое место жительства в целях получения высшего или среднего профессионального образования, а также желания уехать в другой город или страны после окончания учебы.

В рамках данного исследования нами также была организована серия фокус-групп, где представители молодежи в форме дискуссии отвечали на поставленные вопросы. Результаты свидетельствуют о том, что составляющими локальной идентичности молодежи крупного и среднего города могут являться такие когнитивные, аффирмативные и поведенческие аспекты как осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни. На наш взгляд, социальные сети и местные паблики играют большую роль в формировании данных составляющих местной идентичности. Многие из активистов школьного и студенческого самоуправления, а также молодые специалисты по работе с молодежью, участвовавшие в фокус-группах нашего исследования, упоминали среди своих подписок в социальных сетях местные паблики, регулярно публикующие информацию, касающуюся местной общественной жизни. Например, школьники в Новороссийске, как, впрочем, и в других городах, указывали на те ресурсы в социальных сетях, из которых они черпают информацию о городской жизни: «Блокнот и Новороссийский рабочий – это самые влиятельные СМИ из групп ВК в Новороссийске сейчас ... там пишут про каждую яму и после эти ямы заделывают». Некоторые из молодых людей указывали, что паблики в социальных сетях – это самый главный источник информации: «Наверное, мы все в первую очередь черпаем информацию из интернета, я бы даже сказал из конкретного паблика» (студент в г. Краснодаре).

Социальные сети способствуют пробуждению интереса к той или иной теме, связанной с городом, а также возможностям общественно-политического участия: «...надо сначала об этом где-то в социальной се-

ти прочитать, чтоб заинтересовало, затем ты уже погружаешься в какую-то тему...» (представитель работающей молодежи в г. Краснодаре). Наиболее активная часть молодежи подписывается в социальных сетях на группы органов власти, отдельных ее представителей, учреждений по делам молодежи, а также общественных волонтерских организаций и движений, таким образом следят за их деятельностью, а также сами могут участвовать в этой деятельности: «Также в Инстаграме есть группа мэра города, там тоже подписаны. Там (публикуется информация – прим. авт.) насчет всей ситуации с карантином, с вирусом. Также информация о каких-то мероприятиях...» (школьник в г. Сочи). «Многие армавирские политики ведут Инстаграм. Например, Алексей Титов, депутат ЗСК. В основном его смотрю. Просматриваю прессу Единой России, там про всех местных политиков и депутатов обширная информация, по проектам, и кто чем занимается. Хочу куратора нашего выделить Виталия Юрьевича Шаулова. Активно ведет свою страницу и к нему всегда можно обратиться» (студент в г. Армавире).

Итак, общественные изменения, связанные с цифровизацией и сетевизацией общества, неизбежно повлияли на такой важный нематериальный ресурс политики как социальная идентичность. Особенно это справедливо в отношении молодого поколения. В случае с локальной идентичностью молодежи в настоящее время можно говорить не только о ее сохранении, но и дальнейшем формировании и укреплении в том числе с помощью социальных медиа и Интернета. Активность в социальных сетях может способствовать повышению интереса к общественно-политическим проблемам местных сообществ, сплочению молодых людей, увеличению уровня общественно-политического участия представителей молодежи.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Т.Е. Бейдина, А.Н. Кухарский (Чита)

При написании статьи была поставлена одна из важных научно-практических задач – совершенствование информационной безопасности политического процесса органов власти. На основе результатов проведенного исследования можно выделить следующие выводы.

Информационная безопасность – это составляющая политического процесса, ориентированная на защищенность органов власти от манипулирования информацией. Формирование информационного пространства, использовавшего современные методы и средства воздействия, являет-

ся веле́нием времени. Российское информационное пространство призвано играть фундаментальную роль в жизни российского государства. Условием эффективного функционирования информационного пространства считается наличие стабильной обратной связи в его информационных каналах, которое позволяет учитывать и знать мнение граждан при определении приоритетов духовно-нравственного, экономического, политического развития общества (Абрамов, 2010, 55).

Было отмечено, что согласно «Концепции региональной информатизации» информатизация региона направлена на повышение эффективности решения социально-экономических задач развития регионов, обеспечение функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и учреждений. Кроме того, информатизация региона ориентирована на обеспечение прозрачности и информационной открытости органов управления, а также на формирование доступа гражданам к информационным ресурсам. Важную роль в развитии информационного пространства играют муниципалитеты, которые распространяют информацию в интересах органов власти и муниципальных образований, обеспечивая информационную поддержку (Гафнер, 2015, 183). Все принятые в организациях технологии обработки информации основываются на федеральной нормативно-правовой базе в области информационной безопасности. И хотя вопросы информационной безопасности относятся к полномочиям федерального уровня, существует их региональное и муниципальное разнообразие.

Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности предполагает реализацию комплекса законов, нормативов, управленческих решений, регламентирующих функционирование защиты сведений и информации, единые стандарты обеспечения информационной безопасности. К функционалу обеспечения информационной безопасности относятся:

- развитие основных методов и принципов отнесения сведений к защищаемой информации конфиденциального характера;
- регулирование системы органов власти и должностных лиц, имеющих ответственность за реализацию по защите информации;
- формирование системы различных видов документов, регулирующих механизмы по реализации системы защиты информации;
- детализация мер ответственности за нарушения норм защиты информации;

- закрепление регламента по решению конфликтных ситуаций по вопросам обеспечения защиты информации;
- становление экономических, налоговых взаимоотношений с целью эффективной борьбы с киберпреступностью и защиты информации в информационной сфере;
- улучшение компонентов экономического и налогового мотивирования научно-технологического прогресса в сфере информатизации и защиты информации» (Систер, 2003, 143).

Анализ эффективности цифровизации политических институтов позволяет выделить многообразие защиты информации в органах государственной и муниципальной власти. Очевидно, что целый спектр государственных и муниципальных мероприятий зависит от числа опасностей и возможностей органов власти регулировать данные угрозы, используя надлежащие контрмеры. Одной из имеющихся угроз защиты информации служит потеря сведений по техническим каналам. Объектами допуска являются элементы информатизации органов государственной и муниципальной власти, в том числе технологическое оборудование, архивы, специализированные библиотеки, те объекты, в которых имеется информация ограниченного допуска (Чеботарева, 2016, 48-51). Для преодоления большей части технических каналов утечки сведений органы власти осуществляют технологически сложные методы защиты информации.

Оценка цифровизации политических институтов позволяет оценить эффективность информационной системы «Электронный муниципалитет» (далее ЭМ) представляющая программный комплекс, предназначенный для автоматизации функций органов местного самоуправления (далее ОМСУ).

Цели системы «ЭМ»:

Унификация информации, обрабатываемой ОМСУ, с целью:

- а) консолидации данных на уровне муниципального района для оценки социально-экономического развития региона в целом;
- б) организации регламентированного обмена информацией с государственными органами власти и учреждениями.

Сокращение количества обработки данных хозяйственного и других видов учета, справок и выписок для населения и других видов отчетов администрацией ОМСУ.

Сокращение времени получения государственных и муниципальных услуг гражданами.

Оценивая эффективность цифровизации в Забайкальском крае необходимо отметить, что важно уделить внимание таким аспектам, как:

- разработка организационных методов управления информацией внутри как государственных органов власти, так и администраций муниципальных образований;
- совершенствование законодательной базы информационной безопасности при взаимодействии государственных и муниципальных учреждений;
- персональная ответственность за возникновение информационных угроз в работе специалистов государственных и муниципальных администраций;
- защита электронного и бумажного документооборота.

Бумажный документооборот требует стабильности и архивного хранения в бумажном виде.

Можно сделать вывод, что вышеперечисленные направления по обеспечению информационной безопасности в администрациях государственных органов и муниципальных районов связаны с развитием ноу-хау и современных инновационных технологий, имеющих новые способы защиты автоматизированных систем и программы для внедрения электронного документооборота. Необходимы формы персональной ответственности и контроля за использованием информации. Данный контроль обеспечат технические средства, но, на наш взгляд, эффективным методом будет совмещение технических средств с административными мерами контроля. Ограничение функций, осуществляемых с документами, которые содержат конфиденциальные сведения, позволит снизить риск утечек информации во внешнюю среду. Оптимизация внутренних процессов и управление персоналом государственных органов и администраций муниципалитетов являются первоочередными мерами улучшения защиты информации. Также для эффективной организации информационной безопасности должна учитываться информационная открытость муниципалитетов и органов власти как инновационный фактор развития эффективности информатизации управления. Такова авторская оценка информационных угроз органов государственного и муниципального управления и анализа эффективности цифровизации политических институтов в депрессивном субъекте РФ.

Библиографический список

Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятия // Власть. – Май 2010.

Аксенов С.Г. Организационно-правовые основы обеспечения информационной безопасности органов государственной власти // Налоги. – 2008. – № 3(2).

Гафнер В.В. Информационная безопасность. – Ростов-на-Дону, 2015.

Зеленков М.Ю. Политология. – М., 2009.

Лапкин В.В. Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран. – М., 2008.

Методические рекомендации по внедрению принципов и механизмов открытого государственного управления в субъектах Российской Федерации. Режим доступа: <http://open.gov.ru/upload/iblock/00f/00fe0e47c2b1d068ad07318689bb13c4.pdf>.

Систер В.Г. Информационные технологии на службе города// Информационное общество – 2003. – № 1.

Чеботарева А.А. Обеспечение информационной безопасности личности: роль международной информационной безопасности и стратегического партнерства // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 1 (42).

Якимец В.Н. Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика // Труды ИСА РАН. Т.57. – М., 2010.

THE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON MEMBERS OF THE ISLAMIC STATE TAKFIRI STREAM (CASE STUDY: EUROPEAN AND RUSSIAN CITIZENS)

Aref Bijan (Saint Petersburg)

Propaganda messages are usually not the only grounds for radicalization or recruitment to violent extremist ideologies. Those people who have joined terrorist groups such as IS, and actually travelled to the caliphate, have usually done so after having interacted with others, online or offline. (Dunleavy, 2012) Propaganda can be a gateway into a radicalisation process, and it can also serve as a sustaining factor in an ongoing radicalisation process. There is also the matter of lone actors, individuals who commit terror attacks without any prior reciprocal contact with a terrorist group. For these individuals, propaganda is essential for the development of extreme beliefs, and also an inspiration for violent actions.

Al Qaeda had already recognized the opportunities to carry out terrorist operations in the virtual sphere. In 2005, Ayman al-Zawahiri said, «we are in a battle and more than half of this battle is in the media. In this media battle we

are in the race for the hearts and minds of our Umma [the Muslim community] (Schori Liang, 2015).

ISIS propaganda is also multi-vectored. ISIS' communication agency, AMAQ, is highly active. The group communicates through its media center Al-Hayat (Schori Liang, 2015: 2) and the «jihadosphere» has experienced significant development since the official proclamation of the caliphate in 2014. Henceforth, the so-called Islamic State not only has websites, chat rooms and online journals, but it also makes extensive use of social networks, blogs, instant messengers, video sharing sites, Twitter, Facebook, Instagram, WhatsApp, Tumblr, etc. (Jeangène Vilmer and others, 2018,44).

As of 9 January 2017, approximately 150 returnees from IS resided in Sweden. (Karlsson, 2017) Returnees have usually accumulated new knowledge and new contacts, lowered their violence threshold, and sometimes become status figures or role models for other violent extremists. While away, some of them have received military training, or carried out terrorist offences. According to the Swedish Security Service, it is likely that many of these individuals will continue to operate in Sweden, in support activities or radicalisation. (Swedish Security Service annual report 2016) Even if the returnees are capable of conducting terror attacks, it is estimated that only a small number of them have an intention to commit a terrorist act in Sweden. Among those individuals who do constitute a terror threat in Sweden are not only returnees, but also individuals who have been radicalised without ever having left the country. Terrorist attacks that can be linked to IS between January 2013 and September 2018 have killed at least 6,305 and injured 11,800. Suicide bombs were used in almost half of the attacks. Firearms are the second most commonly used tactic (Cohen, Kaati, 2018, 14).

IS continues to use social media to urge its supporters in Europe to execute attacks in their country of residence. The 2018 FIFA World Cup became a focus for propaganda urging lone individuals or small cells to carry out attacks. IS continues to disseminate various attack methodologies, as well as instructions for creating bombs and explosive vests (UN, 2018).

IS regularly publishes online magazines for propaganda and recruitment. A total of fifteen issues of Dabiq were published between July 2014 and July 2016. To attract members from all over the world, both Dabiq and Rumiya are published in a number of different languages. Rumiya, for example, is released in eleven different languages - English, Bahasa, Bosnian, French, German, Kurdish, Pashto, Russian, Turkish Urdu and Uyghur. (Mahlouly and Winter, 2018) Each issue is sub-divided thematically, and includes a segment on latest news updates from the battlefields. Each issue of

Rumiyah is around 40 pages, while the predecessor Dabiq was nearly twice that length (Mhazam, 2017). Dabiq and Rumiyah target three broad groups of readers: 1) IS fighters, supporters and sympathisers, 2) potential recruits from across the world, and 3) IS's enemies.

It is perfectly understandable that United Nations has expressed its «grave concern at the increase of foreign fighters joining the Islamic State in Iraq and the Levant/Sham». According to UN estimates, over 25,000 foreign citizens from more than 100 countries have joined ISIS and other branches. The secretary general of the UN also confirmed, on May 29, that there has been an estimated 70 percent increase in foreign terrorist fighters worldwide between the middle of 2014 and March 2015 (El Ghamari, 2017, 77).

There is no single, simple answer to explain the growth of admiration and attraction that young citizens all around the world feel about joining international terrorism. But trying to understand this phenomenon from the perspective of public communication may provide some clues.

Russia has a disproportionately high number of Russian citizens who have joined ISIS, with a lower percentage of that group having returned to Russia. A 2018 report by the International Center for the Study of Radicalization (ICSR) indicates that Russia had as many as 1,000 female members, 1,000 minors, and upwards of 5,000 total members of ISIS. Of these, only 73 minors and 24 females have returned to Russia. With such a small number of returnees, ISIS children and women are either dead, imprisoned, unaccounted for, or living in refugee camps. Currently, the Kremlin has not articulated a clear policy, despite having previously played a role in allowing for the movement of people from Russia to Syria and aspiring to partner with the United States in a counter-terror alliance in the Middle East. Today, Russian citizens are now in SDF-run camps, raising the broader question about what to do with these thousands of people who travelled to join the now defeated caliphate. Countries in the region—and around the world—must now face this question and develop a coherent policy (Lampe, 2019).

The return of ISIS fighters could pose a security challenge for Russian. The authorities may respond true to form, with repression, but efforts to repatriate women and children stranded in Syria and, in some cases, to reintegrate foreign fighters should not be discounted.

The return of female ISIS members, who have given birth to stateless children, to Russia is complicated. The greatest challenge for Russia is what ICSR refers to as affiliates. ICSR groups all foreign nationals born into ISIS or who travelled to Syria and Iraq (willingly or coercively) as ISIS affiliates. there is little political upside for countries to repatriate their citizens from Iraq and

Syria. If they return and don't reintegrate into society, or worse, commit terrorist attacks at home, citizens will blame the government. It is easier to ignore the problem, and hope they die or another country takes them. Russia has been more focused on returning the children of ISIS members than it has been on returning female ISIS members. What's more, Russia may have ulterior motives for returning the female members (Lampe, 2019).

The focus of this report has been to increase knowledge about how IS use digital propaganda to gain followers in the West. Their digital prowess has been a crucial part of their successes in gaining a global network of followers. A decline of IS propaganda distribution was noted during the final three months of 2017, after the great territorial losses during which several key media contributors were also presumably killed. Between 2015 and 2017 IS carried out on average 21 attacks per year, whereas they have only carried out four in 2018 (by September). Yet, the number of averted attacks has remained on a steady level; showing that IS is intention of committing terror attacks has not waned at all.

What is important for the Russian government and European countries is how to control their citizens who became members of takfiri groups, especially ISIS. Of course, many of them return to their home countries and are likely to pose dangers to other youth and children in the community. Therefore, they must make the right decision by forming a specialized working group in relation to returnees and their continuation of life. The impact of social networks on the re-formation of terrorist groups at any time can have a negative impact on Russian and European society.

References

Cohen K., Kaati L. (November 2018). Digital Jihad Propaganda from the Islamic State. Swedish Defence Research Agency (FOI).

Dunleavy P. The Myth of Self-Radicalization. IPT News, 4 April 2012.

El Ghamari M. (2017), «Pro-Daesh jihadist propaganda. A study of social media and video games», *Security and Defence Quarterly*, 14(1):69–90, DOI: <https://doi.org/10.5604/01.3001.0010.8472>

Jeangène Vilmer J.-B., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J. (2018). Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies, report by the Policy Planning Staff (CAPS) of the Ministry for Europe and Foreign Affairs and the Institute for Strategic Research (IRSEM) of the Ministry for the Armed Forces, Paris, August.

Karlsson P (2017). Säpo-chefen: Över 150-jihadister har återvänt till Sverige [Security Service Chief: Over 150 jihadis have returned to Sweden]. *Aftonbladet*, 9 January.

Lampe C. (April 12, 2019). Russia's Repatriation of ISIS Members. Foreign Policy Research Institute, available in: <https://www.fpri.org/article/2019/04/russias-repatriation-of-isis-members/>

Mahlouly D., Winter C. (2018). A tale of two caliphates. Comparing the Islamic state's internal and external messaging priorities. VOX Pol.

Mahzam R. (2017). Rumiya: Jihadist Propaganda and Information Warfare in Cyberspace. Counter Terrorist Trends and Analyses by the S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), 9 (3), March. Available in: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/03/CTTA-March-2017.pdf>

Schori Liang C. (2015). Cyber Jihad: Understanding and Countering Islamic State Propaganda, the Geneva Centre for Security Policy, Policy Paper 2015/2, February, p. 2.

Swedish Security Service annual report 2016, (2016), available in: https://www.securitas.com/globalassets/com/files/annual-reports/en/securitas_annual_report_2016.pdf

UN (2018). Seventh report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. United Nations, August 2018.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ РАДИКАЛИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

М.Ю. Бизина (Томск)

Цифровизация человеческого общества происходит быстрее, чем законодательная и исполнительная власть разрабатывают инструменты контроля в сети Интернет. Анонимность во всемирной паутине позволяет писать радикальные, террористические и экстремистские посты в форумах и создавать пропагандистские вебсайты, без боязни уголовной ответственности. Источники радикализации могут находиться далеко, в другой стране, и заинтересованным людям необязательно встречаться лично, рискуя арестом.

Использование технологии VPN (англ. Virtual Private Network – виртуальная частная сеть) помогает создателям и потребителям радикального содержимого скрыться от правоохранительных органов. Кроме того, радикализированной молодежи приходят на помощь такие инструменты как Темная сеть (англ. DarkNet) анонимная сеть, соединяющая только проверенных «друзей» и предающая данные в зашифрованном виде; и TOR (англ. The Onion Router) браузер предоставляющий анонимность посредством луковой маршрутизации.

Молодежь все чаще получает новости онлайн, ей легко найти информацию, процесс происходит быстрее, чем в реальном режиме (газеты, телевидение). В отличие от новостей онлайн, при просмотре телевизионной программы, телезритель видит сюжеты на разнообразные темы, в то время как алгоритмы поисковых систем выстраивают результаты и новостные ленты социальных сетей таким образом, что пользователь все чаще видит ссылки и сюжеты на интересующую его тематику.

Ультраправые экстремисты, (вебсайты в основном в Северной Америке, так как в Европе цензура отрицания Холокоста запрещает подобную тематику), находят информацию радикального характера онлайн, при поиске платформы, где они могли бы самовыразиться, принадлежать к большому политическому движению (Odag, 2019, 269). Джихадисты, если они «начинающие», попадают на радикальные вебсайты, так как перенаправляются по ссылкам с других сайтов, посредством целевого маркетинга (Odag, 2019, 273). И те, и другие, становятся легкой добычей для пропаганды радикализма в юном возрасте, когда еще отсутствует опыт критического мышления, и не развита возможность разглядеть завуалированный расизм или экстремизм в, казалось бы, безобидных шутках и видеороликах. В то же самое время, желание молодых людей самоопределиться, получить коллективную идентичность, накладывается на их техническую подкованность, упрощая процесс радикализации онлайн. Более того, «в последние годы нацистские, неонацистские и другие экстремистские группы активно используют Интернет для вербовки и радикализации молодежи, они «охотятся» на потенциальных новобранцев в чатах и на других сайтах и все чаще используют в своих целях видеоигры» (Ачиуме, 2019).

В этой связи особняком стоят террористы-одиночки, которые ищут экстремистскую пропаганду целенаправленно, чаще всего реагируя, таким образом, на шоковые события в своей реальной жизни, как, например, Аарон Драйвер, террорист-смертник, убитый в ходе спецоперации в Канаде в 2016 году.

Сеть Интернет упрощает процесс поиска экстремистской информации для всех видов радикализированной молодежи, будучи также своеобразной эхо-камерой, где экстремистские идеи и убеждения усиливаются, как показало великобританское исследование дел пятнадцати террористов и экстремистов (Von Behr, 2013, 24).

Еще одной проблемой в процессе цифровизации общества является вопрос правдивости преподносимой информации. И как нельзя более остро эта проблема проявляется в экстремистских текстах и видеороликах. Объем информации бомбардирующей пользователя заставляет его забыть о необ-

ходимости проверять достоверность фактов. Распространение не соответствующих действительности сведений, воспринимаемых в качестве истинных, может привести к политическим изменениям (Коньков, 2019, 17). Завуалированный экстремизм и расизм преподносится как борьба за свободу слова и самовыражения, а исламизм преподносится ваххабитами как единственно верный вариант следования исламу.

В этой связи важно рассмотреть существующее международное законодательство, которое могло бы помочь как национальным полицейским службам, так и международным правовым организациям в борьбе с экстремизмом и радикализацией онлайн. Во многих государствах акт радикализации не является уголовно наказуемым преступлением (Shefet, 2016, 19), в отличие от акта подстрекательства к насильственному экстремизму, что усложняет правовой аспект противостояния радикализации. В дополнение к этому, международное сообщество сталкивается с вопросом территориальности – в какой стране и по каким законам судить подстрекателей – на территории где они проживают, на территории расположения сервера, или на территории свершения акта насильственного экстремизма, произошедшего в результате влияния подстрекателей. В настоящий момент существует только национальное законодательство, регулирующее деятельность средств массовой информации, которое может быть использовано правоохранительными органами на территории его страны, но и оно не в силах адекватно ответить на угрозу радикализации онлайн ведущую к насильственному экстремизму в реальной жизни.

Кроме того, создание международного законодательства по предотвращению радикализации в сети Интернет неизменно столкнется с необходимостью учитывать права человека на свободу слова и свободу самовыражения. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №70/291 указывает на необходимость разработки эффективных средств противодействия подстрекательству и вербовке в Интернет, в то же время, соблюдая защиту прав человека (ООН..., 2016, 13).

Таким образом, во главу угла противостояния радикализации онлайн нужно поставить информационную грамотность, четкие и правдивые, легкодоступные контраргументы, а также создание региональных организаций, как, например, Сеть Осведомленности о Радикализации в Европе. Данная организация помогает информационному обмену между специалистами (социальными работниками, учителями, академиками, полицейскими) находящимися на «линии фронта» – работающими с людьми находящимися в группе риска (Von Behr and other, 2013, 7).

Библиографический список

Ачиуме Т. В целях радикализации молодежи экстремисты все чаще используют компьютерные игры. Тендаи Ачиуме о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2019/06/1357371>

Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2019. – № 6. – С. 6–28.

ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/291. Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций. Режим доступа: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/291&Lang=R

Odag Ö, Leiser A., Boehnke K. Reviewing the role of the Internet in radicalization processes // *Journal for deradicalization.* Winter 2019-20. № 21.

Shefet, D. Policy options and regulatory mechanisms for managing radicalization on the Internet. Режим доступа: https://en.unesco.org/sites/default/files/rapport_dan_shefet.pdf

Von Behr I., Reding A., Edwards C., Gribbon L. Radicalisation in the digital era: The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism. Режим доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR400/RR453/RAND_RR453.pdf

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ЗЕРКАЛЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

С.Н. Бобылев (Москва)

Имплементация концепции устойчивого развития как консенсусной парадигмы развития человечества в 21 веке порождает много проблем и конфликтов на всех уровнях – глобальном, национальном, локальном (Бобылев, 2017). Для повышения эффективности такой имплементации важное значение может иметь «оцифрование» перехода к устойчивому развитию. В качестве конструктивного подхода на этом направлении могут быть использованы возможности цифровой экономики для реализации Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), которые являются ориентиром для мира и всех стран до 2030 г. (Transforming, 2015). Количественная идентификация процессов перехода к устойчивости позволяет осуществлять мониторинг ЦУР, контроль и корректировать содержащиеся в них задачи и индикаторы и – что очень важно в условиях мирового кризиса и пандемии COVID-19 – с меньшими экологическими издержками. Между тем очевидная выго-

да использования инструментов цифровой экономики для многих ЦУР не учитывает существенных аспектов, связанных с потенциальным возникновением новых экологических конфликтов или обострением уже имеющихся.

Традиционно ЦУР рассматриваются как сбалансированная система социальных, экономических и экологических целей, задач, индикаторов. Само появление ЦУР во многом связано с «неустойчивостью» развития человечества. Несмотря на очевидные успехи в мире в начале 2000-х гг., многие глобальные и национальные конфликты и проблемы сохранились и усугубились. Обостряются экологические проблемы, в частности климатические, доступ населения к чистой воде, загрязнение воздуха, рост отходов и многие другие.

В настоящее время экологическая информация и статистика по ЦУР имеет наибольшее число пробелов по сравнению с социальной и экономической статистикой. Такая ситуация сложилась фактически во всем мире. Это объясняется вполне понятными проблемами, связанными с колоссальной сложностью природных взаимосвязей, трудностью полной оценки последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, слабостью современной науки в «оцифровании» и адекватном количественном отражении природных закономерностей, высокими издержками на получение подавляющей части экологических показателей. В связи с этим большие возможности дает научно-технический прогресс, радикальные технологические изменения в области контроля и мониторинга состояния окружающей среды, разработка сложнейших моделей, отражающих природные трансформации. Здесь велики возможности цифровой экономики на основе анализа больших данных (Big data analytics), представляющих собой набор методов и инструментов, используемых для обработки и интерпретации больших объемов данных, генерирующихся за счет увеличения оцифровки контента, в частности такой их разновидности как BigEarthData. Важную роль в охране окружающей среды играет специализированное гидрометеорологическое обеспечение, которое является одним из важнейших направлений деятельности по эффективному использованию информационных ресурсов для формирования цифровой экономики.

Для реализации экологических и экологически связанных ЦУР (ЦУР 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17) необходимо шире использовать геопространственные, спутниковые, ГИС данные. Фактически речь идет о предоставлении массивов индикаторов и данных для цифровой экономики в широком смысле этого понятия, так как экономическое разви-

тие не может быть устойчивым без экономической интерпретации экологических данных, связанных, в частности, с такими фундаментальными и сложнейшими природными процессами как климатические изменения, утрата и деградация экосистем и их услуг, биоразнообразия и т.д.

Реализации многих задач в рамках ЦУР могут помочь так называемые цифровые двойники – системы моделей, организующих массивы цифровых данных и информации, описывающих технологию, изделие или процесс. Здесь можно отметить прежде всего реализацию в мире концепции наилучших доступных технологий (НДТ) (Best Available Techniques), широко используемых как в теории, так и на практике. Нужно отметить две важные черты НДТ: 1) снижение экологического воздействия; 2) экономическая (инвестиционная) приемлемость, технология не должна быть «сверхдорогой». В России внедрение НДТ началось в 2019 г.

Цифровизация может привести к возникновению или обострению экологических конфликтов. Здесь отметим только некоторые аспекты данной проблемы. Рассматривая в целом решение экологических проблем в рамках ЦУР с помощью цифровой экономики, следует отметить необходимость максимизации эффекта декаплинга. Декаплинг предусматривает расхождение трендов роста конечных результатов, с одной стороны, и стабилизацию/уменьшение потребления природных ресурсов и загрязнений, с другой. Цифровая экономика позволяет эффективнее и масштабнее реализовать такое расхождение. Однако для развивающихся стран достижение эффекта декаплинга в силу своей наукоемкости, требования новых технологий и высокого уровня человеческого капитала может оказаться проблематичным, что сохранит негативные экологические тенденции в этих странах и обострит экологический конфликт между биосферой и человечеством в целом. Это хорошо видно на примере вырубки тропических лесов, обострения дефицита водных, земельных, лесных ресурсов в бедных странах (ЦУР 15, 2 и 6). В частности, уменьшение площади лесов в этих странах приводит к дальнейшему глобальному изменению климата, что сказывается на всех странах.

На глобальном уровне очевидны и растущие трудности в рамках ЦУР 17, которая ориентирована на глобальное партнерство, помощь со стороны развитых стран развивающимся странам. Такое партнерство предусматривает значительную финансовую поддержку, передачу технологий. Инфраструктура цифровой экономики чрезвычайно наукоем-

ка и на первых этапах требует значительных затрат, на которые бедные страны не способны. В результате скорее всего разрыв между развитыми и развивающимися странами будет нарастать, что противоречит реализации ЦУР 12, предусматривающей сокращение неравенства между странами. Также существенно может быть затруднена реализация ЦУР 16, связанная с институтами, правами на интеллектуальную собственность и т.д.

На локальном уровне резкое расширение объемов и качества экологической информации может привести к возникновению/обострению экологических конфликтов между населением и властью. Доступные для общества с помощью спутникового и гидрометеорологического мониторинга данные о качестве воздуха в городах (ЦУР 11), состоянии земельных и водных ресурсов (ЦУР 2, 6), лесных пожарах и вырубках (ЦУР 15) и др. в случае, например, высокого риска для здоровья населения могут привести к активизации общественных протестов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта 20-010-00981.

Библиографический список

Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения.* –2017. – Т. 61, № 3.
Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN, 2015.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РОЛЕВЫЕ ПРОФИЛИ³

О.А. Бориско (Краснодар)

Современная молодежь – это социально-демографическая группа, внутренне неоднородная. Каждый молодой человек под воздействием семьи, школы, других социальных институтов формирует собственные представления о политике и политических процессах. Разные политические ориентации современной молодежи, разный опыт взаимодействия с политикой предполагают разные модели политического поведения молодых людей. Еще в начале 1990-х гг. Э. Гидденс отметил влияние уникальных

³ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016–2017 гг.)»

характеристик социального порядка, связанных с его динамикой и отрицанием традиционных привычек и ценностей, на самоидентификацию индивида, от которой зависит характер повседневного поведения (Giddens, 1991). Уникальность моделей поведения зависит от влияния процессов, происходящих в регионе, стране, глобализационных процессов, с одной стороны, и от специфики интересов личности, с другой. В данных обстоятельствах, в глобализирующемся мире с его сложной системой многообразных взаимодействий, действие одного индивида может оказать более значимые воздействие и иметь более важные последствия, чем прежде.

В новых условиях, созданных с помощью глобальной сети Интернет, проявление активности в политике переходит в форму субактивизма, или микроактивизма. В онлайн-пространстве люди ежедневно получают информацию, взаимодействуют друг с другом, и политические проблемы являются скорее случайными. Обсуждение актуальных проблем в сети Интернет, включение индивида в сообщество единомышленников происходит на стыке между частным и политическим (Bakardjieva, 2009). Несмотря на то, что Интернет дает возможность действовать в глобальных масштабах, фокус внимания современных пользователей смещается на локальный уровень. Они нацелены развивать так называемые «малые локальные нарративы» (Bang, 2010). Сеть Интернет, в частности социальные сети, создали основу для возникновения новых форм проявления активности: народная журналистика, краудсорсинговый гражданский мониторинг, кликтивизм.

Не утихает дискуссия в научной литературе о влиянии Интернета на политическое участие и политическое поведение индивида. Одни авторы высказывают ожидание снижения уровня политического участия в результате использования Интернета, что ведет, по их мнению, к ослаблению социальной сплоченности. Оптимисты, напротив, утверждают, что Интернет будет способствовать более широкому участию граждан в политике. Третьи считают, что вопрос о влиянии Интернета на политическое участие не совсем ясен. Нужно уточнить, влияние на какой вид деятельности изучается: на деятельность, которая возможна только в Интернете, на ту, которая может осуществляться в равной степени в реальности и через Интернет, или на ту, которая может осуществляться только в традиционных формах (Krueger, 2006).

Развитие Web 2.0 открыла эру, в которой пользователи стали активными производителями и распространителями оригинального контента. Отдельные люди, сначала это были блоггеры, становились лучшими источниками информации, нежели традиционные СМИ.

Социальные сети активно используются для политического образования, формирования отношения к политике и политикам, для мобилизации населения. Социальные сети помогают формировать политические сети для коллективного поведения, способствуют мотивированию людей участвовать в политической деятельности (Valenzuela, Kim, Gil de Zúñiga, 2012).

На основе анализа информационного контента социальной сети «ВКонтакте» как наиболее популярной в России интернет-платформы нами была предложена классификация ролевых профилей молодежи. Было определено четыре критерия классификации, в зависимости от критерия классификации было предложено по два ролевых профиля. По степени самостоятельности представленной информации были предложены следующие ролевые профили: «Ретранслятор» и «Самостоятельный актер («сам себе политик»)), по характеру публикаций – «Агитатор» и «Информатор», по частоте публикуемого контента – «Случайный гость» и «Постоянный гость», по отношению к политическим объектам – «Критик» и «Апологет». Коротко опишем каждый ролевой профиль.

Ретранслятор зачастую представляет определенную политическую организацию (органы власти, политические партии, молодежные движения и т.д.), информирует о деятельности организации, транслирует идеи политической организации, призывает не только к участию в ее деятельности, но и к каким-либо действиям.

Самостоятельный актер («сам себе политик») всегда выступает от своего имени. Его публикации чаще всего связаны с профессиональной деятельностью.

Агитатор чаще всего выражает собственное мнение. Каждая его публикация является призывом к действию.

Информатор предоставляет информацию о событии без призыва к участию в нем, без пропаганды своих убеждений и ценностей. Представителями данного ролевого профиля могут быть как члены определенных организаций, участвующих в политике по своему профилю, так и обычные молодые люди, которые принимают участие в акциях, митингах и информируют об этом через социальные сети.

Случайный гость отличается редкой политической активностью в социальной сети, избирательно подходит к публикуемой информации, зачастую являясь участником тех событий, что впоследствии берутся за основу публикуемого поста. К представителям данного типа можно отнести лиц, проявивших активность однажды в ключевом политическом событии (вы-

боры, референдум, митинг, акция); молодежь, которой не хватает времени на обновление публикаций.

Постоянный гость чаще всего является автором самостоятельно написанных публикаций. Его посты на политическую тематику, которые появляются регулярно, преобладают над остальными темами. Большинство постов представителей данного ролевого профиля являются постами сообщениями вида (посты, содержащие новости, мотивационные посты, посты, содержащие статистику и т.д.) и схожи по тематике.

Критик почти всегда размещает юмористические посты, содержащие критику политических акторов, мотивационные посты и новостные посты критического характера.

Апологет чаще всего восхваляет деятельность политических субъектов (проводимые ими мероприятия, участие в тех или иных событиях) путем размещения публикаций от собственного лица или в форме репоста.

Выделение ролевых профилей молодежи в социальных сетях позволяет понять разнообразные интересы молодых людей в политике, мотивы их политического поведения. Социальные сети представляет собой новый тип пространства, в котором молодежь может реализовать свою политическую субъектность. Для многих молодых людей общение в социальных сетях становится продолжением повседневной деятельности. Этому способствует простота использования Интернета и предоставляемая новым пространством свобода общения. Быстрота получения и отправления информации способствует сегодня и будет способствовать в дальнейшем интенсификации использования молодежью социальных сетей для проявления себя как политического актора.

Библиографический список

Bang H. *Everyday Makers and Expert Citizens: Active Participants in the Search for a New Governance, Public Management in the Postmodern Era*. 2010.

Bakardjieva M. *Subactivism: Lifeworld and Politics in the Age of the Internet*, *The Information Society: An International Journal*. 2009. Volume 25. Issue 2.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. 1991.

Krueger, B. S. 'A comparison of conventional and Internet political mobilization', *American Politics Research*, 2006, vol. 34, no. 6, pp. 759–776.

Valenzuela, S., Kim, Y., & Gil de Zúñiga, H. *Social networks that matter: Exploring the role of political discussion for online political participation*. Interna-

tional Journal of Public Opinion Research, 2012. 24(2). 163–184. <http://dx.doi.org/10.1093/ijpor/edr037>.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF URBANIZED TERRITORIES

R. Veckalne, T. Tambovceva (Riga)

Sustainability of urban areas has become an increasingly topical concern in the past few decades, due to the ever growing spread of urbanisation across the globe (Wu, 2014). Indeed, in the year 2018 over a half of the world's population lived in urban areas, and this number is expected to reach 68 per cent by 2050 (UN, 2018). While cities are portrayed as innovation hubs as well as centers for cross-cultural collaboration, their ecological footprint is extended far beyond their physical boundaries, leading to drawbacks in social and economic aspects within these urban centers as well as between them (Keiviani, 2010). Therefore, many scholars and practitioners seek to find and implement strategies that will help shrinking the impact of cities on the planet, while simultaneously improving quality of life for current generation and future.

Sustainability is an endeavor to lift global standards of living, while respecting and protecting the Earth (Dearing et al, 2014; Steffen et al, 2015). Following this logic, sustainable cities are urban areas the surroundings of which are planned and managed to provide livelihood and equity to the citizens, while avoiding pressuring environment beyond key threshold. Cities being complex systems that are nested within unique ecological systems, each one being defined by its own historical and cultural context, make it extremely challenging to adequately select some out of wide variety of factors that have direct or indirect influence on urban sustainability (Gonzales et al, 2011). In this paper we will look at what factors are mentioned the most in the literature.

Within the concept of urban sustainability, a proposal to overcome social and environmental problems associated with rapid worldwide urbanization process has been developed. Over time, this urban sustainability was conceptualized in many other ways that are reflected in various interdisciplinary approaches to it, including smart-growth frameworks focusing on compact, multi-use urban design and structure; biophilic ideas, zero-impact approaches aiming at achieving resource through technology; biocultural diversity and nature-based solutions that concentrate on ecosystem services, mimicry of nature, etc. Moreover, we have approaches centered at creation of environmentally-just cities, fair distribution of environmental benefits and meaningful integration of underrepresented groups in decision making process.

Some interdisciplinary frameworks tried to conceptualize urban sustainability and therefore propose different pathways to the concept of sustainable urban

development (Jepson & Edwards, 2010; Elmqvist et al, 2019). The proposal of smart growth concentrates on compact multiuse dense urban structure and design (Wolff et al, 2019); nature-based solutions focus on ecosystem services, public health and human wellbeing (Neßhöver et al, 2017); low and zero impact approaches emphasize resource efficiency achieved through technological advancement (Zaman et al, 2011); concepts of distributional, procedural and interactional justice and equity within sustainable development aim at achieving fair social structures and enhancement of social inclusiveness (Haase et al, 2017).Figure 1 presents the various urban sustainability approaches.

Planned Oriented Approaches	Greening and Eco-Oriented City Approaches	Ecological Economics Approaches	Social Justice Oriented Approaches	Sustainability Management Oriented Approaches
<ul style="list-style-type: none"> • New Urbanism • Compact Cities • Smart Growth • Participatory Planning 	<ul style="list-style-type: none"> • Ecosystem services • Urban socio-ecological systems • Green infrastructure • Nature-based solutions 	<ul style="list-style-type: none"> • Ecological/environmental system-based limits • Ecological footprint • Energy • Zero waste carbon pollution 	<ul style="list-style-type: none"> • Access and participation in decision making • Inequitable distribution of environmental burdens and access amenities 	<ul style="list-style-type: none"> • Goal setting • Continuous improvement • Indicator measurement

Figure 1. Different Approaches to Urban Sustainability

The wide variety of different approaches to urban sustainability imply different factors that have an influence on the level of sustainability of urban development. Further in this paper we will analyze these factors and try to understand what factors mentioned the most in literature sources. This will also show us what factors are considered to be most important.

This paper presents a systematic literature review of the literature on urban sustainability, following Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analysis (PRISMA) guidelines (Moher et al, 2009).

The search terms «sustainability», «sustain», «urban», «community», «factor», «indicator» were used in SCOPUS, Web of Science and Science Direct. These sources were used as they are large search systems that employ multiple databases. The timeframe applied was 2001-2020. Such a data range was employed to narrow down the results to the articles published during the period after sustainability science was identified as a unique discipline (Kates et al, 2001). We only considered peer-reviewed articles that were published in English. While we mainly focused on the articles related to urban sustainability, some articles,

providing information about factors impacting sustainability in general were also taken into consideration. In total, 2134 articles have been identified.

The reviewed articles included papers on urban sustainability development with case-studies from around the globe. Figure 2 demonstrates PRISMA Flow Diagram of the literature search and review.

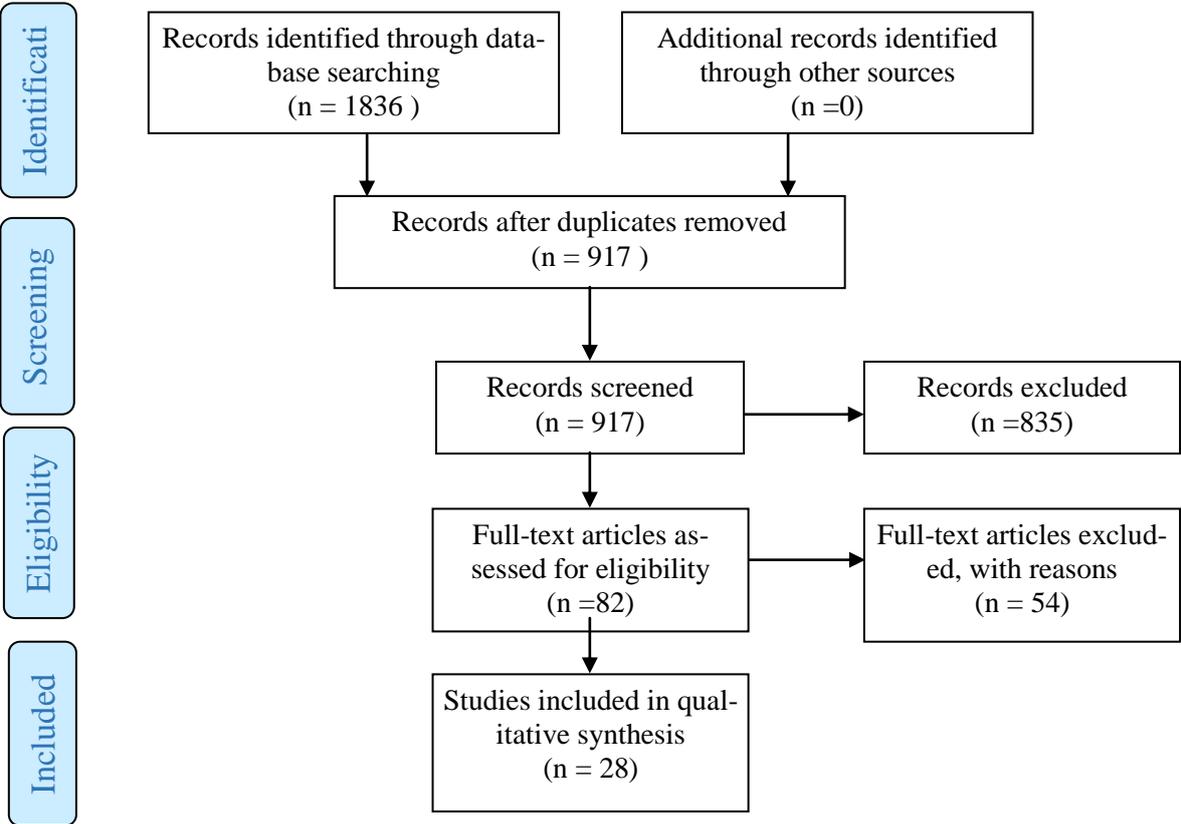

Figure 2. PRISMA Flow Diagram

Once 28 literature sources were selected for inclusion, every single source was read in full for a qualitative content analysis. Information related to urban sustainability was recorded in a spreadsheet, organized by columns for categories, identified by the authors. Notwithstanding the efforts to systematize a set of studies on urban sustainability and to identify factors affecting it, this study has several limitations. First of all, the selection of literature is limited to the papers found by the selected databases. Second, the content analysis was produced based by the findings and interpretations of other authors and there is little room to control the biases that may have occurred in those studies. This research, however, still demonstrates a broad reading of the literature and combines reported by others factors by categories.

A plurality of studies organized factors affecting urban sustainability around the traditional «three pillars»- ecology, economy and society. Overall we

managed to identify 14 different factors that are thought to have influence on the level of sustainability in the context of urban development (Figure 3). Those factors can be grouped based on their features.

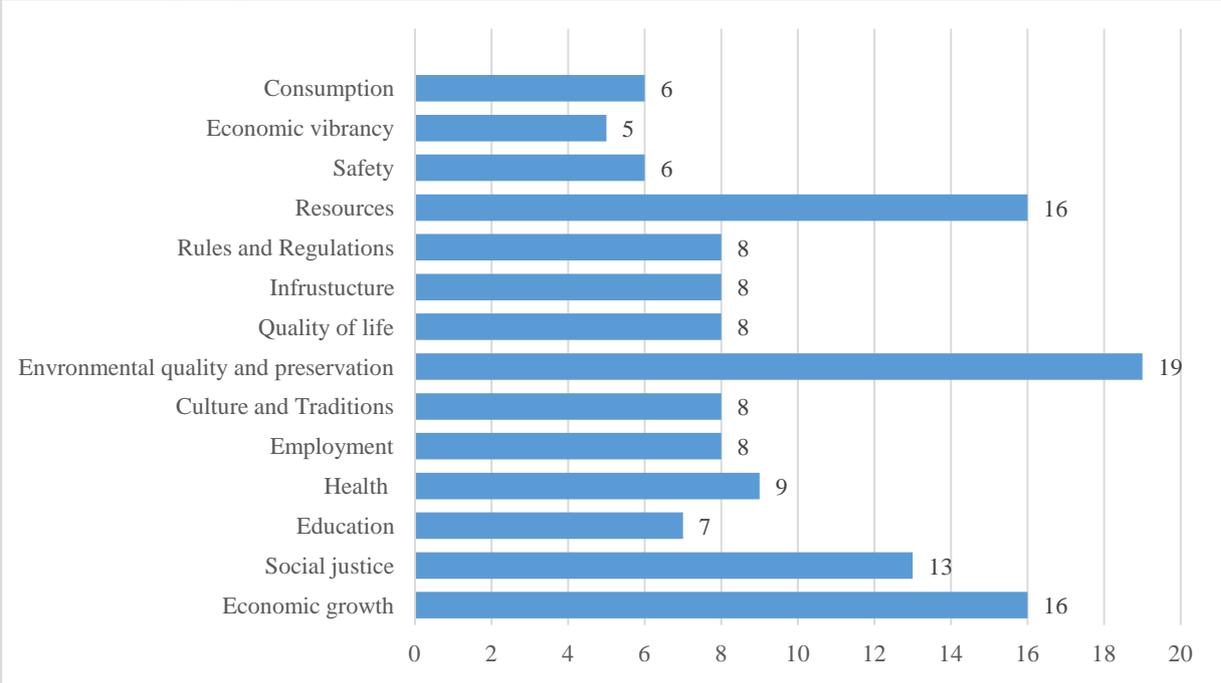

Figure 3. Factors affecting the level of sustainability of urban development

This paper reviewed the literature on urban sustainability to identify the most common impacting factors. Through an analysis of the literature, this paper concludes that the factors mentioned the most are the ones related to the traditional three-pillars of sustainability model. Overall, 14 factors have been identified and packed into 4 groups: social factors, environmental factors, economic factors, and awareness factors. This research paper is limited by its reliance on other scholars self-reporting results of their studies. Moreover, there are language inconsistencies across various literature sources, therefore current analysis is bases on our interpretations of what is at times unclear work of others. Nevertheless, this paper attempts to systematize the knowledge we have on the factors influencing urban sustainability.

References

Dearing, J.A.; Wang, R.; Zhang, K.; Dyke, J.G.; Haberl, H.; Hossain, M.S.; Langdon, P.G.; Lenton, T.M.; Raworth, K.; Brown, S.; et al. (2014). Safe and just operating spaces for regional social-ecological systems. *Glob. Environ. Chang.*, 28, 227–238.

Elmqvist, T., Andersson, E., Frantzeskaki, N., McPhearson, T., Olsson, P., Gaffney, O., et al. (2019). Sustainability and resilience for transformation in the

urban century. *Nature Sustainability*, 2(4), 267–273. <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0250-1>

Gonzalez, A.; Donnelly, A.; Jones, M. (2011). Community of practice approach to developing urban sustainability indicators. *J. Environ. Assess. Policy Manag.* 13, 591–617.

Haase, D., Kabisch, S., Haase, A., Andersson, E., Banzhaf, E., Baró, F., et al. (2017). Greening cities –To be socially inclusive? About the alleged paradox of society and ecology in cities. *Habitat International*, 64, 41–48. <https://doi.org/10.1016/J.HABITATINT.2017.04.005>

Jepson, E. J., & Edwards, M. M. (2010). How possible is sustainable urban development? An analysis of planners' perceptions about new urbanism, smart growth and the ecological city. *Planning Practice & Research* 25(4), 417–437. <https://doi.org/10.1080/02697459.2010.511016>

Kates, R.W.; Clark, W.C.; Corell, R.; Hall, M.J.; Jaeger, C.C.; Lowe, I.; McCarthy, J.J.; Schellnhuber, H.-J.; Bolin, B.; Dickson, N.M.; et al. (2001). Sustainability science. *Science*, 292, 641–642.

Keivani, R. (2010). A review of the main challenges to urban sustainability. *Int. J. Urban Sustain. Dev.*, 1, 5–16.

Moher, D.; Liberati, A.; Tetzlaff, J.; Altman, D.G. (2009). The PRISMA Group. Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses: The PRISMA statement. *PLoS Med.*, 6, 1–6.

Neßhöver, C., Assmuth, T., Irvine, K. N., Rusch, G. M., Waylen, K. A., Delbaere, B., et al. (2017). The science, policy and practice of nature-based solutions: An interdisciplinary perspective. *Science of the Total Environment*, 579(2017), 1215–1227.

Steffen, W.; Richardson, K.; Rockström, J.; Cornell, S.E.; Fetzer, I.; Bennett, E.M.; Biggs, R.; Carpenter, S.R.; Vries, W.D.; Wit, C.A.D.; et al. (2015). Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet. *Science*, 347, 1259855.

UN DESA | United Nations Department of Economic and Social Affairs. (2018). Retrieved 31 July 2020, from <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>

Wolff, M., Haase, D., & Haase, A. (2018). Compact or Spread? A quantitative spatial model of urban areas in Europe since 1990. *PLoS ONE*, 13(2), 1–22. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192326>

Wu, Jianguo. (2009). Urban sustainability: An inevitable goal of landscape research. *Landscape Ecology*, 25, 1–4. <https://doi.org/10.1007/s10980-009-9444-7>

Zaman, A. U., Lehmann, S., Zaman, A. U., & Lehmann, S. (2011). Challenges and opportunities in transforming a city into a 'zero waste city'. *Challenges*, 2(4), 73–93. <https://doi.org/10.3390/challe2040073>

ПАТРИОТИЗМ, ПРОТЕСТЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)⁴

Л.Б. Внукова (Ростов-на-Дону)

Социологический опрос студентов вузов «Россия и мир – сегодня и завтра» проходил в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах в течение осени 2019 г. в городах: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Астрахани, Ставрополе, Нальчике и Пятигорске. Следует отметить, что в тот период информационное поле было гораздо более спокойно в отношении обсуждения кризисов и лиминальных ситуаций по сравнению с общественным дискурсом 2020 года, где в центре внимания мировая пандемия, глобальный кризис, будущие и текущие экономические проблемы в России и т.д. и т.п. Анкетирование охватило 2551 студента: 1472 девушек (57,7%), 1079 юношей (42,3%). 61,4% представители первого курса, более 50% в возрасте 17-18 лет. Данное исследование включает ряд взаимосвязанных тем и опирается на теоретические разработки (Potseluev, Konstantinov, Podshibyakina, 2020), в рамках настоящей работы мы подробно остановимся на картине идеологических предпочтений, рассмотрим молодежное видение патриотизма и причин протестов.

Не вызывает удивления тот факт, что в силу молодого возраста около трети опрошенных затруднились как-либо обозначить свои идейно-политические убеждения. Таким образом, «затрудняюсь ответить» – это самый популярный ответ. Пятая часть, примерно 20% указали, что придерживаются либеральных убеждений. Причем, используя возможность написать собственный вариант, получались иногда довольно оригинальные гибриды: «либерально-консервативные» или «смесь либеральных и социал-демократических», не говоря уже про экстравагантный вариант «радикально – либерально – экологически – капиталистические». На второй позиции после либеральных убеждений находятся «социал-демократические» (по-

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов», проект №18-011-00906а

рядка 11%). Более подробная картина убеждений представлена на диаграмме (рис. 1).

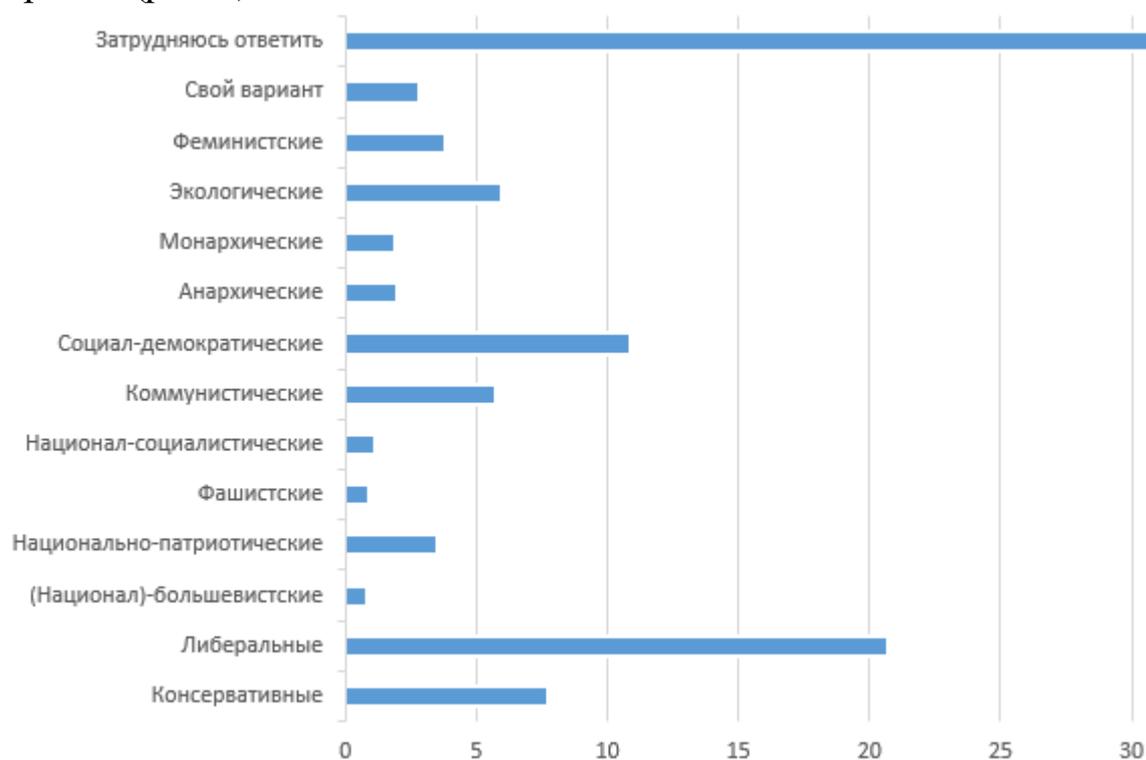

Рис. 1. – Распределение ответов на вопрос об идейно-политических убеждениях

Зачастую указывая тот или иной ответ, при анализе результатов следует понимать, что в сознании молодого человека отсутствует достоверное целостное представление о той или иной идеологии, речь идет скорее о трансляции знакомых идей из авторитетного для этого индивида источника информации, вероятнее всего, поддерживаемых значимыми людьми – родителями и/или друзьями. Поэтому настоящий проект посвящен когнитивно-идеологическим матрицам, выводы формируются только на основе сопоставления полученных результатов по нескольким вопросам. Таким фреймом в данном случае может служить вопрос о том, кого респонденты считают патриотом России. Опираясь на данные, представленные в Таблице видно, что ответы на вопросы, связанные по смыслу с либеральными идеями, демократией и западным влиянием, заметно отличаются от неполитизированных утверждений. К последним относится утверждение, что патриот «Любит природу родной страны и борется за ее сохранение» или «Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов», с которыми согласны 83,5% и 76,5% ответивших соответственно. Наоборот, вопросы о господстве либеральных ценностей, демократии или

противодействию таковым показывают разделение, можно даже употребить и более нагруженный смыслом термин «разлом», который отражает размежевание молодежи на два противоположных лагеря: условных «западников» и «самодержавников». Этот сюжет имеет место быть в нашей истории уже на протяжении нескольких столетий, данный опрос высветил его актуальность в молодежном сознании. Точно также, подчиняясь дискурсивному мейнстриму, популяризируются экологические взгляды и в идейно-политических убеждениях, и в патриотических воззрениях.

Таблица. Распределение ответов на вопрос «Кого бы Вы назвали патриотом России?», % (Внукова, 2019, 106-107)

Кого бы Вы назвали патриотом России?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов	76,5	10,9	12,5
Трудится на благо страны, не ожидая «достойного» вознаграждения за свой труд	59,2	24,3	16,5
Критикует «ошибки» политического руководства и указывает на имеющиеся социальные проблемы	45,0	32,0	23,0
Проявляет терпимость по отношению к представителям нетитульных этносов в различных сферах экономической и политической жизни страны	48,5	25,5	26,0
Хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию	58,2	24,3	17,5
Осуществляет идейную борьбу с влиянием иностранной культуры и либеральных ценностей	26,5	47,7	25,8
Восхищается культурой Запада и мечтает о том, чтобы культура России была столь же высокой	26,5	48,2	25,3
Хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей	47,3	22,8	29,9
Поддерживает дружбу между народами России и других стран	73,9	10,6	15,4
Любит природу родной страны и борется за ее сохранение	83,5	6,8	9,6

Тесно связан по смыслу с патриотизмом блок вопросов относительно протестов. Так, согласились с тем, что патриот это тот, кто «... трудится на благо страны, не ожидая «достойного» вознаграждения за свой труд», почти 60% респондентов. При этом интересный результат показывает сопоставление с положительным ответом у более двух третей опрошенных на вопрос «Есть ли у вас ощущение, что напряжение в обществе нарастает?». Этот положительный ответ складывается из суммы процентного распределения двух ответов: «Конечно, есть такое ощущение. Пока что люди терпят, но когда-то может и рвануть» (37,1%) и «Однозначно растет недовольство. И я думаю, нас ждет новая волна протестов» (33,1%). Отрицают на-

растание напряженности в обществе и считают нормальной ситуацию в стране всего лишь 2,6%. Следующий вопрос «Какие события, по Вашему мнению, могут повлечь за собой протестные акции в России?» показал, что экономические проблемы угнетают подавляющее большинство молодых людей, а именно: дальнейшее социальное расслоение на бедных и богатых – почти 39%. «Гуманитарная помощь другим странам мира в ущерб собственной экономике» – почти 20%, и углубление экономических санкций – чуть более 7%. Собственно, политические причины отдельно от экономики волнуют в разы меньшее количество студентов. Еще раз заострю внимание, что это данные осени 2019 г., которые интересно сопоставить с положением дел в 2020 г., для этого обратимся к данным ВЦИОМа. Такой индекс «А как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение России в целом?» в мае падал до рекордно низкого уровня в семь пунктов (ВЦИОМ). Индекс «Как Вы в целом оцениваете ситуацию, сложившуюся в стране?» показал отрицательное значение в этот период на уровне – 12 пунктов (ВЦИОМ). Другие индексы, связанные только с политикой, например, «Как бы Вы оценили в целом нынешнюю политическую обстановку в России?» не показали такого падения.

Можно сделать предварительные выводы о том, что в молодежном сознании существует связка между либеральными ценностями, демократией и экономическим благополучием, и большая часть респондентов является носителем этой когнитивно-идеологической матрицы. Связка между приверженностью самостоятельной сильной России, отсутствием боязни экономических проблем в стране и отрицанием ценностей «запада» также просматривается, но набирает гораздо меньше «носителей» в сознании. Данные выводы требуют проверки с помощью корреляционного анализа, что будет сделано в последующей работе.

Библиографический список

Внукова Л.Б. Общественно-политические настроения студенческой молодежи ЮФО и СКФО: на материалах социологического опроса // Конфликтология / nota bene. 2019. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31790 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31790

ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/

ВЦИОМ. Индекс социальных ожиданий. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_soc_nastroenij/ (датаобращения 20.09.2020)

Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИЗАЙНОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ЭСТОНИИ)⁵

А.В. Волкова (Санкт-Петербург)

Цифровизация порождает множество новых связей и смыслов, прежде всего за счет того, что управление сетями основано на социальной координации и делает упор на процессы (а не на структуры), а его границы усугубляются и постоянно обсуждаются участниками. Управление здесь фактически выступает как режим, способ функционирования конкретных институциональных структур (Hofmann, 2017). Это соответствует установкам неинституционального анализа, акцентирующего внимание не столько на формализованных структурах, сколько на анализе устойчивых практик взаимодействия.

Нельзя забывать, что сегодня успешная стратегия выхода из текущей пандемии напрямую связана с надежностью цифровых общественных услуг, включая электронное здравоохранение, и с использованием передовых технологий для улучшения государственных услуг. Среди параметров, оцениваемых Европейским индексом DESI (The Digital Economy and Society Index) не только качество связи, но и человеческий капитал (навыки, необходимые для использования возможностей, предлагаемых цифровыми технологиями), интенсивность потребления онлайн-контента гражданами, интеграция цифровых технологий в бизнес и уровень оцифровки государственных услуг. DESI и ряд международных индексов уже нескольких лет фиксируют не просто пробуксовку институционализации внедрения цифровых технологий, а значительное отставание ФРГ по ряду параметров, являющихся принципиальными для качества цифровой трансформации, в их числе: участие и вовлечение бизнеса, уровень цифровых технологий, качество электронного правительства, цифровая квалификация граждан, их доверие политике цифровизации и структурам, ее реализующим на федеральном и земельном уровнях. Эстония обошла Германию по всем показателям, включая динамику внедрения цифровизации, причём по

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

ряду показателей оказалась лучшей в ЕС. Причины такого разрыва требуют серьёзного осмысления с позиции междисциплинарности.

История создания рамочных условий цифровизации Германии, на первый взгляд, представляется как планомерная и поэтапная реализация ряда программ, цифровых стратегий и насчитывает уже более пятнадцати лет, начиная с «BundOnline 2005» (Umsetzungsplan für die eGovernment-initiative BundOnline 2005). Целью этой программы было внедрение соответствующих ИТ-инфраструктур, требований и стандартов. Услуги оценивались по размеру пользовательского сегмента, преимуществам, но именно с этой программы начался разрыв в процессах институционализации цифровых технологий в бизнесе и государственной администрации.

Но невысокая «результативность воплощения планов федерального правительства в области цифровизации во многом объясняется неразберихой в распределении полномочий в данной сфере» (Супян, 2018).

Институт Алленсбаха (Das Institut Demoskopie Allensbach — крупнейший центр исследования общественного мнения), опубликовал в начале 2020 г. «Цифровой отчет 2020». Согласно его данным большинство граждан Германии считает, что федеральному правительству не хватает понимания реальных процессов и проблем для того, чтобы провести внедрение цифровых технологий, только 2% населения считают правительство достаточно компетентным в этой области, 47% опрошенных для «Цифрового отчета 2020» считают правительство «мало компетентным», а 10 % считают, что оно «совсем не компетентно».

В то же время, касательно фирм и крупных компаний, 70% опрошенных выразили уверенность в том, что они грамотно используют процессы цифровизации.

Крайне важно, что опрос также показал, что термин «цифровизация» не имеет однородного определения среди граждан. Как правило, под цифровизацией понимают преобразование аналогового контента или процессов в цифровую форму. Тем не менее, этот термин часто используется в публичных дебатах, когда речь идет о расширении широкополосного доступа, охвате мобильных телефонов, подготовке студентов к цифровому миру работы или работе в социальных сетях⁶.

Истории реализации политики цифровизации на уровне земель достаточно разнообразны, они отражают противоречивые тенденции. Проблема в том, для подключения высокопроизводительных компьютеров по бес-

⁶ Die Bundesregierung bekommt den digitalen Wandel nicht hin <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/digitec/digitalisierung-regierung-bekommt-digitalen-wandel-nicht-hin-16572685.html> (10.08.2020)

проводной сети и в режиме реального времени, 5G необходим для массового распространения «умных технологий»: в Германии не везде присутствует обычная сеть и внедрение цифровизации определяется условиями конкретной земли. Бавария, претендующая на лидерство в реализации политики цифровизации План цифровизации Мюнхена⁷, но в настоящий момент запустило проект по сбору конкретных истории успеха в области оцифровки к восьмому Дню открытого правительства 2020 года, под девизом «Передовой опыт цифровизации: делиться опытом – учиться вместе». В восточных землях традиционно с технологическими инновациями все обстоит сложнее.

Между тем, цифровизация Германии характеризуется обострением конфликтов, связанных с проблемами уровня грамотности населения и традиционными противоречиями немецкого общества. Показателен небольшого города в Гессене, где мэром был избран неонацист, находящийся под наблюдением суда, поскольку, по утверждению совета, только этот человек знал как обращаться с компьютером, мог заполнять таблицы Excel и отправлять электронные письма⁸. После огласки в СМИ, результаты выборов были пересмотрены.

Возникновение конфликтов вызывает необходимость обращения и к институциональным возможностям этики. К примеру, в Дармштадте создан Консультативный совет по этике и технологиям, как полностью подконтрольная гражданам инициатива. Совет, состоящий из 32 членов, выполнил за два года сопровождение почти 100 проектов по цифровизации, предоставлял административную и координационную поддержку для сложных случаев Его институциональный дизайн определяют такие ценности как добровольчество, доверие, открытость, а вопрос о необходимости обсуждения и координации этической основы деятельности по внедрению цифровизации возник, как признают сами участники проекта, благодаря участию граждан и рабочим встречам руководителей различных отделов и органов власти⁹.

По мнению участников Консультативного совета, важной проблемой является то, что внедрение цифровых технологий должно осуществляться вместе с обычной деятельностью, что не всем удаётся. В центре внимания – этические проблемы «Интернета вещей»: массовая цифровизация возможна при установке IoT (Internet of Things) сети, которая могла бы связывать объекты между собой. Установка такой сети уже технически достаточно

⁷ DieDigitalisierungsstrategieMünchens | München-Digital-Portal (11.08.2020)

⁸ [https://news.ru/europe/neonacist-stal-merom-kommuny-v-germanii/\(02.08.2020\)](https://news.ru/europe/neonacist-stal-merom-kommuny-v-germanii/(02.08.2020)).

⁹ [https://www.digitalstadt-darmstadt.de/digitalstadt-darmstadt/beiraete/\(05.09.2020\)](https://www.digitalstadt-darmstadt.de/digitalstadt-darmstadt/beiraete/(05.09.2020))

сложна и также имеет «нехороший привкус» («smart» изначально интерпретируется очень индивидуально: если повседневные, субъективные действия и потребности удовлетворяются быстрее, то ситуация воспринимается как «smart», подразумевая, что она лучше, чем раньше). Но такую систему требуется внедрить не только в жизнь рабочую, но и личную, т.е. вторгнуться в личное пространство граждан.

В дополнение к дискуссии о IoT, интерфейсах, необходимом для успешного функционирования количестве данных и аспектах защиты (сколько информации собирать и как её защищать (хранить, удалять), этический экспертный совет оценивает и консультирует дармштадтские цифровые проекты в соответствии со следующим принципом: наивысшей целью всех проектов по цифровизации является сделать повседневную жизнь более приятной, продуктивной и экологически чистой для каждого, при этом обеспечивая достижение ключевых целей сообщества

Базовые этические принципы («Этические рекомендации по развитию Дармштадта в цифровой город»), принятые решением консультативного совета от 13 июня 2019 г., воспринимаются разработчиками как предложение для всей Германии.

1. Приверженность общему благу. Процесс оцифровки должен быть направлен на общее благо. Целью цифровой трансформации всегда должно быть социальное и / или экологическое улучшение коммунальных услуг, представляющих общий интерес, и других городских услуг. Делать это нужно максимально экономично и эффективно.

2. Демократический контроль. Задача, разработка, реализация и использование проектов оцифровки должны подлежать контролируемому парламентом самоуправлению в соответствии с применимыми / существующими правилами. Это касается и компаний, в которых участвует город. Не должно возникать никаких новых властных структур, которые уклоняются от демократического контроля и представляют угрозу основным правам, безопасности и частной жизни людей.

3. Ответственность и прозрачность. Ответственность демократически избранных органов за решения в городе должна быть сохранена. Автоматизированные процедуры не должны заменять их. Необходимо раскрывать критерии автоматизированных административных решений. Когда город общается с горожанами, необходимо с самого начала дать понять, используется ли машина.

4. Дискриминация и беспрепятственный доступ к услугам. Доступность и удобство использования аналоговых услуг или соответствующих

предложений аналоговой помощи должны поддерживаться, чтобы обеспечить участие в общественной жизни всех групп городского населения.

5. Суверенитет города и его жителей. Государственный сектор и граждане должны иметь возможность с уверенностью разрабатывать, эксплуатировать и использовать цифровые инфраструктуры, платформы и базовые услуги. Следует избегать зависимости от продуктов и компаний.

6. Защита данных. Дармштадт хочет быть пионером в области защиты данных. При сборе, обработке и публикации данных защита данных должна приниматься во внимание с самого начала. Персональные данные могут быть записаны и переданы как можно реже. Личные данные не могут быть проданы. Если городские или муниципальные компании передают данные третьим лицам, их ответственное обращение с данными должно регулироваться соответствующими соглашениями об использовании.

7. Публикация данных. Данные неличного характера, которые представляют демократически решенный и законный интерес для общественности, должны быть доступны и доступны в удобной для пользователя форме.

8. Оценка технологий и устойчивость. Во всех проектах оцифровки последствия для экологической устойчивости, для обеспечения информации и коммуникации, для мобильности и здоровья, для социального равновесия и дизайна работы должны быть изучены и оценены с самого начала. Все проекты оцифровки должны предлагать нынешнему и будущим поколениям равные возможности развития.

9. Обеспечение безопасности инфраструктуры. Во всех проектах цифрового города необходимо учитывать уязвимость систем госуслуг и гарантировать их функциональную надежность (кибербезопасность).

Следует признать, что данные принципы ориентированы в большей степени на регулирование, а не обеспечение координации. Современных немцев беспокоят экологичность политики цифровизации, потенциальные риски узурпации власти «новыми властными структурами» или «автоматизированными процессами», обеспечение инклюзивности (не исключать из системы тех, кто в силу своего социального/материального положения не может полноценно быть членом цифрового общества), риск зависимости от определённых продуктов и крупных компаний, и защита персональных данных.

По мере того как диапазон доступных объективных информационных технологий увеличивается, разрыв с практически реализуемыми технологиями увеличивается за счет существования организационных и институциональных барьеров, которые необходимо преодолевать разными

способами. Если организационные барьеры могут быть устранены государственными менеджерами напрямую, то институциональные барьеры могут быть предметом политических инициатив (Schedler, 2019). Цифровизация актуализирует объяснительный потенциал культурологических теорий, онтологии, конфликтологии [Schou, 2018; Волкова, 2013, 85], идет поиск новых предметных областей исследования. К примеру, проекты гражданской науки, наряду с повышением уровня образования и интереса к науке, способствуют приобретению опыта публичного согласования интересов, формированию общей системы ценностных ориентиров, а также предполагают совместную ответственность. Платформа «Граждане создают знание» (Die Plattform für Citizen Science), проект Технического университета Мюнхена, направленный на привлечение обычных людей в науку или сайт, где преподаватели собирают подсказки друг другу о том, как вести занятия во времена дистанционного обучения и «принуждённой» цифровизации, стимулируют повышение гражданской активности, сотрудничества и ответственности. Они способствуют развитию «цифрового таланта» и «цифровых способностей». Активное развитие и поддержка данного направления в современной Германии связано со стремлением правительства, бизнеса, общества добиться социального прогресса.

В политике расширения прав и возможностей граждан с помощью цифровых технологий государственного сектора, Эстония оказалась в лидерах ЕС. Цифровизация государства для комфорта граждан, по сути, обрела силу национальной идеи. Первый прорыв в оцифровке был совершен в 1995 г., когда все школы Эстонии были подключены к Интернету и после школьного звонка новые компьютерные лаборатории оставались открытыми, чтобы поощрять бесплатное общественное использование. На сегодняшний день страна построила эффективную, безопасную и прозрачную экосистему, в которой 99% государственных услуг находятся в режиме онлайн. Как и в Германии, в Эстонии основные риски и конфликты связывают с проблемами обеспечения беспристрастного сбора, обработки, целевого использования и конфиденциальностью персональных данных. Но в Эстонии цифровые государственные услуги успешно позиционируются как справедливые, как обеспечивающие равноправие (доступные) и ориентированные на общее благо. Отдельной темой является антикоррупционная политика, этот общемировой тренд не актуален при внедрении цифровых технологий в Германии, но Эстония позиционирует свою систему, как эффективный способ преодоления коррупции. Основа электронной Эстонии – программное обеспечение X-Road X-tee, обеспечившее полный спектр услуг для граждан и прогрессивную систему безопасности, позволяющее

расширяться по мере появления новых электронных услуг и новых платформ: стоить экосистему и объединяться с другими системами (в 2018 г. была создана электронная федерация Эстонии и Финляндии). Анализируя нынешний кризис, последствия пандемии и «вынужденную цифровизацию» в Европе успех Эстонии часто преподносят как революционный цифровой проект. Обретение независимости и отсутствие негативного исторического опыта государственности способствовали исключительному доверию национальному правительству, которое предложило стратегию цифрового роста и государственную идеологию, основанную на инновационном развитии. Таким образом, успех реализации политики цифровизации связан зависит от выстраивания системы государственных и негосударственных образований, использующих общие нормы и ценности, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной взаимозависимости с целью достижения общего согласия, публичного блага. Такие сети сегодня признаются наиболее эффективным видом связи государства и гражданского общества, они стимулируют перманентное развитие инновационных решений, поиск новых коммуникационных каналов и социальное научение. В процессе институционализации цифровых инноваций, когда обмен знаниями и технологиями становится жизненно важным для развития каждой фирмы, отрасли и национальных экономик, а плюрализация делает неэффективным жесткое регулирование, формируется установка на обеспечение координации для управления знаниями и социально-информационными процессами, базирующееся на общности этических принципов и ценностей.

Библиографический список

Волкова А. В. Электронное правительство и формирование публичных ценностей в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2013. – № 3. – С. 84-92.

Сулян Н.В. Цифровые цели большой коалиции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – №2. – С. 159-167.

Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance // New media. 2017. Vol. 19. №. 9. P. 1406-1423.

Schedler, K., Guenduez, A.A. and Frischknecht, R. How smart can government be? Exploring barriers to the adoption of smart government // Information Polity. 2019. Vol. 24. No. 1:3-20.

Schou, J., Hjelholt, M. Digitalization and public sector transformations. PalgraveMacmillan.2018.

ЦИФРО-СЕТЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.А. Воронкова (Москва)

Культура любого общества – это синтез форм осмысления социальных состояний и событий. Политическая культура – это синтез форм осмысления отношений власти и отношений социума к власти в исторически сложившемся социальном пространстве. Категория политической культуры концептуально неразрывно связана с категориями политического мышления. В жестко заданных идеологических условиях массовое сознание формируется через усвоение аксиоматических формул, не предполагающих возможность критического переосмысления. В России такие формулы с древних исторических времен заданы вокруг центра единой власти – «сильной руки», ответственной за все политические процессы и решающей проблемы милитаризованными средствами. И в XXI веке на высшем уровне высказываются убеждения, что «в России «естественным образом» сложилась «гиперпрезидентская» форма правления», «органичная для нашей политической культуры», которую необходимо «формально-юридически закрепить» (Сурков..., 2020).

Однако цифровой технологический прорыв конца XX – начала XXI века качественно меняет социально-политическую реальность. Развитие цифро-сетевой реальности – неизбежный процесс, преобразующий все аспекты жизни, от бытовых до ментальных, трансформирующих саму среду обитания и систему человеческих отношений. Властно-пирамидальная структура общества трансформируется в публично-сферическую. Соответственно, меняется логика становления политической культуры. В цифро-сетевых условиях «политическое» трансформируется в «социополитическое» и, соответственно, формируются черты нового типа культуры и этики.

В политологическом дискурсе часто проявляются алармистские настроения по поводу сценариев социального развития в цифро-сетевых условиях. Так, в Экспертной дискуссии «Сети 4.0: управление сложностью» (22 июля 2020 г.) доминировали опасения и даже страхи деградации социума. «Самым страшным сценарием будущего» видится преобразование социальной реальности по принципу устройства соцсетей – «все эти лайки, дизлайки, соцрейтинги, сетевые вожди, племена, их враги, информационные волны» интерпретируются традиционалистским мышлением как «опасная примитивизация и деградация разнообразной и сложно устроенной жизни». Общество, сформировавшееся в соцсетях, уподобляется «человечеству в пещерах – агрессивному, разделённому и примитивному. Ре-

цептом противодействия «деградации» объявляется необходимость «наполнять сети культурой», вследза которой «туда придёт и де-факто отсутствующая сегодня этика сетевого поведения». «Исследователи должны взять на себя ответственность за вскрытие этой страшной эволюции и её предъявление миру» (Социальные сети..., 2020). Традиционалистские подходы, в которых отсутствует понимание сменившейся логики становления политической культуры, не могут преодолеть барьер командно-административной установки управления – установления механизмов тотального контроля над сетью со стороны «вышестоящих» сфер. По нашему убеждению, в современной цифро-сетевой реальности продвижение таких механизмов обречено на поражение.

В цифро-сетевом дискурсе отчетливо проявляется изменение тональности и содержательного наполнения коммуникации. Динамика современного социополитического культурного процесса стимулирует конкуренцию идентификационных символично-смысловых кодов политических сообществ. Поэтому приоритетной методологией исследования цифро-сетевой политико-культурной реальности становится дискурсивно-когнитивный анализ символических структур смыслов, традиционных и вновь возникающих – в их конфликтном взаимодействии.

Основной задачей исследования цифро-сетевой политической культуры в России становится экспертная оценка идентификационных «портретов» новых политических акторов, новой социополитической элиты и наиболее вероятных векторов социальных и политических изменений на коротких и более длинных дистанциях. Более конкретно, исследование предполагает поиск ответа на вопрос, каким образом происходит формирование новых институтов социально-политического взаимодействия:

- как меняются традиционные авторитарно-харизматические установки массовых слоев по отношению к власти;
- как меняются бюрократические практики решения конкретных проблем населения в цифро-сетевых условиях;
- как меняется характер политического участия гражданского общества в процессе принятия решений и какова степень влияния различных форм гражданского участия на изменение институциональных принципов функционирования политической системы.

Для ответа на эти вопросы, прежде всего, необходимо понимать, что современные сети социальных отношений – это уже не «объект управления» какими-либо структурами, политическими или экспертными, считающими себя вышестоявшими над обществом в рамках традиционно-иерархического менталитета. Сети это пространство развития новой ри-

зомной (способной развиваться в любом направлении) культуры, основанной на широких возможностях социального включения в общий коммуникативный процесс. Соответственно, механизмы становления ризомной сетевой культуры качественно отличаются от традиционно-иерархических. Это, главным образом, механизмы самоструктуриации и самоорганизации. Ризомная коммуникативная цифро-сетевая среда способствует образованию автономных сообществ, формирующихся на основе внутренне самоопределяющихся тем, смыслов и отношений к социальным и политическим процессам. Становление ризомной сетевой культуры основывается на ранней социализации молодежи и быстром освоении навыков гражданского участия (Воронкова, 2018). Сетевая интериоризация, или «цифросетевизация», становится новой формой социализации, когда накапливаемый социальный капитал подвергается постоянному пересмотру и переоценке под воздействием широко доступной информации и ее активной интерпретации в соцсетях. Быстрое накопление сетевого социального капитала, включающего в себя как овладение информацией, так и выработку способов ее обработки, создает качественно новые формы гражданского и политического поведения. Доступность любой информации, которую невозможно скрыть или проигнорировать, и сетевое взаимодействие, выравнивающее различные тренды информационных искажений, порождает новые форматы социальных медиа, концентрирующих вокруг своих центров социальные и политические смыслы. Механизм ризомной сетевой самоорганизации ослабляет традиционный принцип политического лидерства и содействует появлению принципиально новых политических акторов, вступающих в социально-политический дискурс – коммуникацию с властью на равных. Этот процесс, в отличие от вертикально-иерархических отношений власти-социума, способствует коммуникативному разотчуждению (деалиенации) сфер государства и гражданского общества. (Социальная реальность..., 2020).

Цифро-сетевые технологии и практики, ими определяемые, вступают в конфликт с традиционными культурными формами и институтами. И через этот конфликт происходит обновление принципов политического мышления и социально-политического взаимодействия.

Библиографический список

Воронкова О.А. Ранняя социализация молодежи в цифровой интерактивной среде // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. материалы 6-й всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. – 2018. – С. 323-329.

Социальная реальность и политические отношения в контексте сетевой парадигмы: проблемы и перспективы исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 3. – С. 201-241.

Социальные сети: управление сложностью // Московская Школа Конфликтологии. Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/2020/07/24/soczialnye-seti-upravlenie-slozhnostyu/>

Сурков считает нужным обнулить президентские сроки после изменения Конституции // Коммерсант. 26.02.2020.

ИНВЕСТИЦИИ В ОБЛАСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Е.С. Вотченко (Познань)

Несомненно, инновации в социальной сфере остаются ключевым драйвером экономического роста в условиях современной конкуренции. Инновационное развитие современных государств затрагивает не только сферу международных отношений (экономические инновации), но и сферу социального партнерства государства с гражданским обществом и бизнесом (социальные инновации). Социальные инновации могут быть инфраструктурными – в области развития материально-технической базы для проектирования, оптимизации и внедрения инновационного продукта (здания, телекоммуникационные и социальные сети, информационно-коммуникативные технологии и интерактивные механизмы сетевого публичного управления).

Гуманитарные социальные инновации лежат в поле развития человеческого капитала как основного актора инновационной экономики знаний, сферы образования и науки как объекта инновационного потенциала, включая активность социокультурной среды современного общества и степени инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления и экономики в условиях конкурентной инновационной борьбы.

Институциональные политические инновации носят характер общественных благ и могут быть закреплены в политических практиках граждан через межличностное социальное общение, краудсорсинговую деятельность, неисчерпаемость и неограниченность используемых институтов и ресурсов.

Социальные инновации могут быть адаптированы к вызовам современности, интегрировать конкурентные преимущества трех равновесных сил социального взаимодействия (триады «государство–бизнес–общество»)

и трансформироваться в социальные инвестиции как механизм инновационного устойчивого развития экономической системы. Социальное инвестирование как механизм инновационного развития любого государства отражает, на наш взгляд, текущие потребности общества в учете и реализации глобальных целей устойчивого развития, которых придерживается мировое сообщество. Инновационный потенциал социального инвестирования как технологии позволяет выработать способы решений общественно значимых проблем, с которыми государство не способно справиться самостоятельно. Социальное инвестирование позволяет институционализировать взаимодействие власти и бизнеса как стратегическое партнерство, обеспечивающее не только инновационное развитие территории, но и социально-политическую стабильность. Социальными инвестициями могут считаться тогда, когда они инициированы в партнерстве бизнеса и государства и направлены на социальные проекты, например, на финансовую поддержку науки, исследований, образования, спорта, культуры – то есть тех взаимовыгодных межсекторных направлений финансового обеспечения, в результатах проактивной деятельности которых заинтересовано как государство, так и бизнес. При этом следует различать инвестиции как вложение средств с целью получения определенного вида дохода в долго- или среднесрочной перспективе (это и есть социальные инвестиции) и благотворительность (которая не предусматривает финансовой отчетности по итогам транзакции).

В текущей общемировой практике измерение социального инвестирования можно подразделить минимум на две подструктуры: общественно-социальную и экологическую.

Вызовы современности обуславливают динамичное внедрение теорий устойчивого развития в корпоративные стандарты и государственные политики. Основной принцип теорий устойчивого развития защищает концепцию, направленную на гармоничное сочетание интересов акторов в экономике, политике, обществе, экологии; данные подходы представляют собой процесс сближения приоритетов человеческого развития, поддержания природных экосистем с целями развития производства, прибыли и накопления капитала. Международные корпорации нацелились в своих программах этичного поведения на участие в различных долгосрочных экологических проектах, таких как финансирование разработок новых технологий переработки мусора путем его разделения и циклического воспроизводства, развитие местных сообществ посредством экологического образования с акцентом на экономию биоресурсов, выпуск био-товаров с возможностью биоразложения и последующей переработки, поддержание

биоразнообразия флоры и фауны, в глобальных экологических проектах и законах.

Экологические инвестиции могут быть представлены как одна из технологий экологической экономики. Экономика в области окружающей среды отражает текущие тенденции устойчивого развития территорий, привлекает внимание граждан возможностью начать решать проблемы снизу, на локальном уровне, не дожидаясь вовлечения государства и вступления в силу законодательных актов. В экологической экономике проблемы, которые волнуют человечество (переход к новым источникам энергии и биотопливу, «острова» из пластика в мировом океане, процесс разделения ТБО и переработки ненужной одежды) могут быть решены в партнерстве гражданского общества и бизнеса при инициативе самих граждан, которые заинтересованы не только с этической точки зрения, а также могут получать доход от участия в экологических инициативах, став частным инвестором, соучредителем или держателем «зеленых» облигаций социального предприятия.

В экономике окружающей среды в странах ЕС и Азии используется термин циркулярная экономика (*circular economy*), которая привлекает все большее внимание ученых, практиков и политиков. Часто обсуждение возможностей циркулярной экономики касается мезо- и макроуровней управления, в то время как инициативы рождаются на уровне социального предпринимательства, стартапов и новых, гибких практик самоуправления. На сегодняшний день существует крайне ограниченное количество исследований, с которыми устоявшиеся – обычно глубоко укоренившиеся в линейной модели экономики – организации сталкиваются при принятии решения о переходе к новой циклической системе закрытого воспроизводства.

Так, в Евросоюзе растет политический и социально-экономический консенсус в отношении настоятельной необходимости отделить экономический рост от воздействия на окружающую среду. В новом Плане действий Европейского союза по циркулярной экономике (*European Union, 2020*) прогнозируется, что глобальное потребление биомассы, металлов и других материалов удвоится в ближайшие сорок лет. В то же время образование отходов увеличится на 70% в течение следующих тридцати лет. В конце жизненного цикла продуктов большая часть (60%) либо превращается в отходы, либо сжигается (*Ellen MacArthur Foundation, 2015*). Только 40% материалов используется для вторичной переработки или повторного использования.

Переход от линейного типа экономического потребления (добыча ресурсов, производство, использование, отход) до циклического (добыча ре-

сурсов, производство с учетом возможной переработки, использование, разборка, восстановление, ремонт или повторная переработка, сортировка, перепроизводство). Циркулярность кратко описывается как подход «4R»: сокращение (reduction), повторное использование (reuse), переработка (recycle) и восстановление (refurbish). Благодаря этому процессу можно минимизировать количество отходов и управлять ими более эффективно.

Такие условия могут относиться к действиям правительства, включая налогообложение, стимулы, закупки, образование (повышение осведомленности и приобретение навыков), правовую базу, финансирование и возможности финансирования, технологии и стандарты (European Commission). Сертификация на основе принципа циркулярности и схемы маркировки также необходимы, чтобы помочь потребителям и предприятиям создавать ценностные предложения и продукты, соответствующие ее принципам (например, проектировать отходы). Переход к циркулярной экономике влечет за собой системные изменения, требующие действий всех участников триады государственных институтов, бизнеса (промышленности) и гражданского общества.

Библиографический список

Вотченко Е.С., Богдашев И.В. Социальное инвестирование в современных государствах: монография. – Краснодар, 2018.

Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: монография. – М., 2016.

Сунгуров А.Ю. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям: учебное пособие. – СПб, 2011.

Ellen MacArthur Foundation, 2015. Growth Within: A Circular Economy Vision For a Competitive Europe. McKinsey Center for Business and Environment.

European Commission, 2020. Communication from the Commission to the European parliament. In: The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions. A New Circular Economy Action Plan. For A Cleaner And More Competitive Europe Brussels. COM (2020) 98 final.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ TELEGRAM-КАНАЛОВ)¹⁰

Б.Г. Вульфович (Краснодар)

Первые попытки интернет-коммуникации были сделаны уже давно в прошлом веке. Принимая такой вид общения как данное, сегодня мы уже говорим о различных формах межличностного общения в Интернете: форумы, чаты, блоги, вебинары, онлайн-конференции и прочее – все данные категории получили свою типизацию на просторах Сети.

Общение в рамках таких каналов затрагивает абсолютно все сферы жизни, поскольку при смене формата общения его тематическая сторона не меняется. К сожалению, коммуникация не всегда сводится к обсуждению житейских тем; с помощью неё можно оказывать влияние на людей, на их сознание, образ мышления и т.д.

В нашей статье речь идёт непосредственно о коммуникации в рамках политического дискурса. Согласно А.Н. Баранову, данный вид дискурса «направлен непосредственно на захват и удержание политической власти» (Баранов, 1991, 6). Следовательно, как и со стороны политиков, так и со стороны народа, любая активность в пределах политического дискурса может расцениваться как борьба за власть. Отличие будет проявляться только в целях такого воздействия: в то время как политики действительно борются за власть, обычный народ стремится почувствовать себя причастным к этому процессу и желает тем или иным образом оказать на него влияние.

Помимо борьбы за власть, как считает Л.С. Чикилёва, другой важной целью является «воздействие на аудиторию, поэтому основной характеристикой политического дискурса является его воздействующий характер. Цели и задачи политической коммуникации реализуются как с помощью аргументации, так и с помощью приёмов манипуляции сознанием массовой аудитории. Механизм воздействия заключается во взаимодействии картин мира адресанта и адресата политического дискурса, посредством которого у реципиента формируется определённая политическая картина мира. Функция воздействия реализуется за счёт использования определённых стратегий и тактик» (Чикилева, 2017, 89).

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды»

Однако две данные цели взаимосвязаны: получив возможность влиять на аудиторию, можно использовать полученное преимущество для дальнейшей борьбы за власть.

Политическая лингвистика рассматривается как средство создания информационно-политической войны, иными словами, войны за достоверность и истинность информации, сообщаемой населению. Как считает А.П. Чудинов, «политическая лингвистика – это научное направление, имеющее большую прикладную значимость» (Чудинов, 2006, 10), подразумевая под ней большой потенциал для дальнейших исследований. Однако помимо исследований, политическая лингвистика также активно применяется при оказании воздействия на аудиторию, что будет проиллюстрировано в примерах.

От политической лингвистики, в свою очередь, берёт начало новый её раздел – лингвистика ИПВ (информационно-психологических войн), «объектом изучения которого является специфика использования языка как средства информационно-психологического противоборства, возникающего из-за конфликта интересов и/или идеологий» (Колмогорова, Копнина, Сквородников, 2020, 10). Данный раздел изучает непосредственно применение средств лингвистики для агрессивного информационного воздействия на аудиторию. Следует отметить, что все представленные примеры являются образцами ИПВ, поскольку отвечают их критериям: публичный характер; включённость в идеологический дискурс; тематика, связанная с властью или экономическим положением народа; наличие приёмов речевой агрессии или манипуляции; повторяемость дискредитирующих оценок, пропаганда (там же, 15-17).

Источниками примеров для исследования выбраны неофициальные Telegram-каналы («Flanders» и «ShadowRun»), которые позиционируют себя как каналы, лишённые цензуры. Решение выбора именно таких каналов обусловлено тем, что «свободные» источники имеют возможность использовать больше средств языковой выразительности, нежели официальные источники, следовательно, мы можем рассмотреть более яркие и очевидные примеры. Тематика примеров – народные восстания в Белоруссии. В настоящее время СМИ уделяют достаточно большое внимание событиям в этой стране, однако неофициальные СМИ помимо этого публикуют весьма интересный с лингвистической точки зрения контекст (авторская орфография и пунктуация сохранены).

К примеру, 16 августа, президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, организовал встречу с поддерживающими его работниками бюджетной сферы. В официальных СМИ данное мероприятие было представлено с положи-

тельной стороны, однако канал «ShadowRun» выдвинул свою версию: «Усатый таракан решил организовать мощную ответочку протестующим и устроил митинг в свою поддержку с проплаченными бюджетниками, которых привезли в Минск со всей страны на полупустых автобусах с заготовленными плакатами. Удалось собрать всего около 500 человек».

В данном сообщении отмечается ярко выраженное негативное отношение к президенту страны, что является применением одной из стратегий, применяемых в ИПФ: «Основными речевыми стратегиями ИПВ, на наш взгляд, являются стратегии двух типов: стратегия негативации «чужих» и стратегия позитивации «своих» (Колмогорова, Копнина, Сквородников, 2020, 19). Отрицательность по отношению к лидеру Белоруссии выражается целым рядом средств выразительности: «усатый таракан» – оскорбительное сравнение, при этом первая часть связана с внешностью А.Г. Лукашенко, а вторая олицетворяет неприятное впечатление, создаваемое от вида тараканов. Применение разговорной лексики («ответочка») выполнено с целью подчеркнуть ментальное единение автора с народом: как мы видим, создатель текста избегает высокого стиля языка, чтобы быть максимально понятным простым людям, в отличие от СМИ, которые обязаны выдерживать газетный стиль. Более того, использование лексемы «митинг» также является выражением агрессии в адрес президента, поскольку чаще всего данное слово используется в отношении беспорядков, следовательно, президент, созывающий митинг, выглядит нелепо. Помимо этого, «проплаченные бюджетники» также создают впечатление у читателя, что данное собрание было плановым, ведь, действительно, зачем бы бюджетникам с их невысокими зарплатами поддерживать нынешний режим власти? А тут ещё и плакаты «заготовлены».

Иными словами, автором предполагается, что, прочитав данное сообщение, читатель проникнется ненавистью к А.Г. Порошенко и будет переходить на сторону митингующих. Однако данное сообщение не подкрепляется никакими фактами, потому что его задача – «затмить» аналитическое мышление читателя экспрессивно окрашенной лексикой и заставить поверить буквально «на слово», не вдумываясь в детали.

Другой пример, опубликованный уже на канале «Flanders» 23 августа, мог бы быть сочтённым за нейтральный, если бы не одна специфическая формулировка: «В Беларуси сегодня снова проходят масштабные акции протеста. По данным СМИ, только в центр Минска собралось 100 тысяч человек. Милиция, к сожалению, тоже на месте».

В первую очередь нам сообщается, что на протесты пришло такое огромное количество людей, т.е. подчёркивается эффект масштабности, при-

званный вызвать одобрение и согласие с происходящим, поскольку такие цифры из народных масс не так легко собрать. И затем, милиция, «к сожалению» оказывается на месте: данная фраза полностью сообщает нам об отрицательной стратегии данного сообщения («негативация чужих»). В результате автор способствует заниманию читателем «народной» позиции.

На том же канале читаем сообщение от 19 августа: «Думали беларусы угомонились? Никак нет! Тысячи человек снова собрались перед домом Правительства».

Прежде всего, данное сообщение содержит скрытый эмоциональный посыл в форме риторического вопроса в самом начале предложения к сторонникам президента; оно указывает, что относительное затишье не является отступлением. Это дополняется следующим восклицательным предложением «Никак нет!», при этом оно использовано не случайно: поскольку именно силами военных устанавливается порядок на улицах, военная фраза и использована в данном случае, чтобы показать, что люди ещё «в строю». В дальнейшем автор снова подчёркивает масштабность протестующих, а лексема «снова» усиливает данный эффект.

Таким образом, мы установили, что неофициальные СМИ в противовес официальным выставляют народ не «идейными отступниками», а пострадавшей частью населения, борющейся за свои права и свободы. Более того, количество средств лексической выразительности указывает на их специфическую задачу: воздействовать на чувства и эмоции читателя, а не на здравый смысл и ум. С одной стороны, такие сообщения ближе к «народу», но в то же время лишены объективности. Однако отметим, что такое воздействие имеет смысл, поскольку человек легче поверит «новым открывшимся фактам», нежели тому, что уже несколько дней передают официальные СМИ. Данный формат сообщений, безусловно, нуждается в дальнейшей фактической проверке и не может быть воспринят как достоверный источник информации.

Библиографический список

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М., 1991.

Колмогорова А.В., Копнина Г.А., Сквородников А.П. Актуальные проблемы лингвистики информационно-психологической войны: краткий аналитический обзор // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / под ред. проф. А.П. Сквородникова. – Красноярск, 2020. – С. 10-20.

Чикилева Л.С. Прагмалингвистический аспект политического медиа-дискурса как средства формирования ценностей нации / Л.С. Чикилева // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Том 6. №1. – С. 82-94.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М., 2006.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕБРЕНДИНГ РОССИИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

И.О. Вяткин (Санкт-Петербург)

В данном тезисе анализируется инструментарий и эффективность попыток изменения образа России в странах-членах Европейского Союза в период с 2005 по 2018 год. Набор образов, сконструированных российским руководством «на экспорт», а также совокупность методов их трансляции концептуализируются с помощью понятия национального (ре)брендинга (nation branding). Эта концепция, принадлежащая С. Анхольту, произрастает из теоретических предпосылок неолиберальной линии понимания международных отношений, подходя к проблеме изменения имиджа страны с рыночной точки зрения, а точнее – с позиции маркетинга (Anholt 2006). В качестве необходимых условий успешной кампании ребрендинга значатся достаточное количество ресурсов для составления прозрачного, пользующегося доверием посыла о возвышенной цели страны и его эксплицитной трансляции различными способами (ibid, 97–99).

Касательно кампании по изменению образа России в ЕС в период 2000–2010-ых годов, В. Феклюнина утверждает, что кураторы ребрендинга разработали несколько фундаментальных элементов желанного имиджа страны (Feklyunina, 2008, 612–620). Она выделяет три содержательных элемента или «суб-имиджа» (sub-images) России и выражает каждый из них характерным тезисом-установкой (ibid):

– «Россия как энергетическая сверхдержава» (Russiaasanenergysuperpower): страна-обладатель богатейших запасов природных ресурсов, успешно осуществившая переход к рыночной экономике и которая впредь должна восприниматься как «надежный поставщик газа», обладающий внушительным потенциалом для взаимовыгодного сотрудничества;

– «Россия как не империя» (Russiaasnotanempire): Россия, бесспорно, в основных характеристиках совпадает с западными демократиями, но со своеобразными исторически сложившимися характеристиками, продиктованных географическими особенностями – огромными размерами и промежуточным положением между Востоком и Западом;

– «Россия как великая держава» (Russiaasagreatpower): Россия, как правопреемник СССР, по-прежнему обладает статусом великой державы и, таким образом, играет роль одного из ключевых стабилизаторов современной международной системы, особенно в регионе, условно маркируемым как Большая Евразия (GreaterEurasia).

В свою очередь, инструменты российского ребрендинга могут быть классифицированы следующим образом:

1. Акции на макроуровне: саммит G8 в Санкт-Петербурге в 2006 году; учреждение и привлечение иностранных лиц к участию в дискуссионном клубе «Валдай». Также, ряд шагов российского руководства в сфере «высокой политики» (high politics): вступление России в ВТО в 2012 году, подписание нового Договора о Сокращении Наступательных Вооружений (СНВ-III) в 2010 году и попытка «перезагрузки» отношений с США во время президентства Дмитрия Медведева.

2. Некоммерческие взаимодействия на микроуровне: создание неправительственных организаций, нацеленных на ознакомление европейских граждан с подлинным лицом России, например, Россотрудничество, фонд «Русский мир» и фонд поддержки общественной дипломатии им. Горчакова.

3. Коммерческое партнерство: сотрудничество в энергетической сфере, прежде всего, поставки российского углеводородного топлива в Европу и крупные инфраструктурные проекты (напр. «Северный поток»)

4. Мегапроекты: зимние Олимпийские игры 2014 года, символически проведенные в Сочи (в непосредственной близости к Северному Кавказу – региону с уменьшающейся, но все еще присутствующей террористической активностью); чемпионат мира по футболу 2018 года.

5. Информационный и новостные потоки: онлайн-коммуникация, сочетающая сбор информации из открытых источников и влияние на общественное мнение за рубежом с помощью авторитетных заявлений с целью ознакомить иностранную аудиторию с официальной российской точкой зрения и мнениями о различных политических событиях: англоязычные телеканалы «Россия Сегодня», радиостанция «Голос России» и журнал «Русский профиль», проект «Реальная Россия» информационного агентства РИА Новости, а также социальные сети – Твиттера и Фейсбука – активно используемые, в частности, чиновниками МИД России для публикации мнений о внешнеполитической проблематике.

Стоит отметить, что интенсивность применения описанного инструментария резко упала после украинского кризиса 2014 года, вследствие ох-

лаждения отношений РФ с ЕС, повлекшее за собой смещение желаемого проецируемого имиджа к образу «великой державы».

Оценивая обобщённые результаты усилий России по проецированию сконструированного бренда «Россия», мы обратились к количественным метрикам, отражающим подобные тренды. В качестве ключевого индикатора следует принять позиции России в Индексе национальных брендов (Anholt-GfK Nation Brands Index). Оказывается, что, несмотря на размах и интенсивность кампании, они не привели к заметному подъёму России в общей выборке из 50 наций, где её положение колебалось вокруг 20-ой позиции в течение всего периода ребрендинга (Игнатъева, Федотов, 2017). Кроме того, результаты опросов общественного мнения, проведенные в частности BBC World Service в 2015 году, рисуют картину отсутствия каких-либо сдвигов в восприятии российского бренда, тогда как другие, например, Heritage Foundation, зафиксировали лишь незначительные улучшения (Simons, 2011, 344–345).

Тем не менее, пожертвовав образом «не империи», и используя агрессивные техники проекции своего влияния, Россия была признана «...играющей более важную роль в международных делах, чем десятилетие назад» (Letterman, 2018). Эти методы также спровоцировали линию аргументации так называемых *Russlandversther* (нем. – «те, кто понимают Россию») в европейском политическом дискурсе, призывающих к особому уважению интересов России как ядерной державы. Несмотря на это, неотъемлемым атрибутом данных достижений было оформившееся впоследствии видение России как первостепенной угрозы стабильности и безопасности ЕС в сочетании с общим негативным отношением к российским обещаниям, действиям и внутренней политике.

Главными причинами подобного исхода выступают отсутствие консенсуса среди групп российской элиты по поводу проецируемого образа, неправильное понимание принципов публичной дипломатии («коммуникации публики с публикой» – *publics to publics communication* и важность организации двустороннего потока информации) и, главным образом, диссонанс между проецируемым дружелюбным образом и фактическими политическими шагами (такими как газовые войны с Украиной, конфликт в Южной Осетии, и, безусловно, украинский кризис 2014 года и последовавшая гибридная война с коллективным «Западом»).

Тем не менее, устранение данных проблем в сочетании с акцентом на сильные стороны российского образа в представлениях граждан ЕС – культуру и людей – предположительно должно увеличить влияние российских усилий по ребрендингу страны в государствах-членах ЕС.

Библиографический список

Игнатъева Н., Федотов А. (2017). Исследование GfK: Anholt-GfK Nation Brand Index 2017, GfK Russia Press release, 04.12.2017, Режимдоступа: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/GfK_Rus_Press_Release_NationBrandsIndex_Dec2017.pdf

Anholt S. (2006). Why brand? Some practical considerations for nation branding. Palgrave Macmillan Ltd, 2(2), pp.97–107.

Feklyunina V. (2008). Battle for perceptions: Projecting Russia in the West. Europe-Asia Studies, 60(4), pp. 605-629.

Letterman C. (2018). Image of Putin, Russia Suffers Internationally. Pew Research Center. Dec. 6. URL: <http://www.pewglobal.org/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/>

Simons G. (2011). Attempting to re-brand the branded: Russia's international image in the 21st century. Russian Journal of Communication, 4(3-4), pp. 322–350.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Х.А. Гаджиев (Москва)

Перманентный охват цифровизацией новых ниш общественной жизни, включая политическую сферу, очень серьезно ставит вопрос о последствиях данного процесса. Особенно чувствительно это может сказаться именно на политической сфере, поскольку именно в ней задаются ключевые рамки и векторы социального развития. И очевидно, что одним из наиболее значимых вопросов, выходящих на передний план, является проблема трансформации «традиционных», привычных механизмов и форм политического участия.

С одной стороны, интенсивное внедрение новых технологий в политическую сферу, несомненно, имеет значительный позитивный потенциал, поскольку может: 1) способствовать росту уровня политической активности общества; 2) создать большее количество механизмов реального влияния общества на принятие политических решений; 3) положительно сказаться на «обратной связи» в системе политического управления, повысив ее информативность и репрезентативность; 4) повысить уровень политической конкуренции, предоставив возможность участвовать в борьбе за представление интересов различных сегментов общества большему числу групп, борющихся за власть и т.д.

В этом плане очень перспективными выглядят такие направления, как внедрение технологий электронного голосования (прежде всего в дистанционной форме), создание официальных информационных ресурсов для подачи электронных петиций, внедрение специальных интернет-площадок для общественного обсуждения законопроектов, формирование интернет-ресурсов по выдвижению общественных инициатив и др.

Однако, вместе с тем, наглядно прослеживаются и возможные негативные последствия использования цифровых технологий в развитии политического участия. Так, пожалуй, наиболее остро стоит проблема возможного манипулирования общественным мнением (Протасов, Славин, 2017, 43). Зачастую неконтролируемый поток информации, помноженный на использование «ботов» и других механизмов искажения социально-политической картины в виртуальном пространстве серьезно может отражаться на общественном мнении. Особенно с учетом того, что лишь малая часть аудитории относится к политически хорошо информированной и одновременно ориентирующейся в виртуальном пространстве.

Другой, не менее сложный и важный вопрос, иллюстрирующий неоднозначность модификаций механизмов и процедур политического участия посредством цифровых технологий, – проблема обеспечения общественного контроля над корректным подведением итогов «электронного политического участия». Здесь, на самом деле, открывается довольно много рисков злоупотребления административными ресурсами, с учетом того, что они концентрируются в руках довольно узкого круга лиц, преследующих конкретные политические цели (Грачев, 2012, 206). И эта проблема выглядит еще и довольно трудно решаемой, поскольку, с другой стороны, ослабление централизованного государственного управления над данными ресурсами создавало бы серьезную угрозу внешнего вмешательства. Однако стоит оговориться, что такой риск, хоть и не такой степени, но существует и при сохранении государственного контроля, поскольку отдельно взятые государства не могут всеобъемлюще контролировать интернет-пространство. Это связано с тем, что в интернете нет четкой территориальной демаркации, совпадающей с реальным территориальным пространством. При этом следует отметить, что современные государства стремятся установить контроль над информационным полем в пределах границ распространения и использования цифровых технологий на территории, которая находится под их юрисдикцией. С этой целью используются различные инструменты: введение нормативно-правовых ограничений в онлайн-пространстве, использование национальных брандмауэров (это, своего рода, защитные программы, обеспечивающие проверку и фильтрацию дан-

ных), использование технологий геолокации (это позволяет блокировать нежелательные материалы и онлайн-площадки), формирование и реализация национальных программ по обеспечению информационной безопасности и т.п. (Lambach, 2019, 25-27).

Если с учетом всего сказанного объективно оценивать перспективы внедрения цифровых технологий в политический процесс и в частности процесс политического участия, то вполне отчетливо прослеживаются несколько выводов.

Во-первых, процесс внедрения цифровых технологий в политическую сферу неизбежен и его темпы будут только расти. Ведь цифровизация общества предполагает не просто увеличение количества новых технологий в основных сферах его жизнедеятельности, но также и повышение их значимости для повседневной жизни людей. И политическая сфера в этом смысле не является исключением.

Во-вторых, использование цифровых технологий в процедурах и механизмах политического участия необязательно означает полную замену традиционных институтов политического участия на новые, связанные с цифровыми технологиями. Более вероятно, что вектор цифровизации институтов политического участия будет направлен на совершенствование существующих политических институтов посредством «вкрапления» цифровых технологий. Хотя это не исключает и возможного учреждения совершенно новых форм политического участия, всецело основанных на цифровых технологиях.

В-третьих, по мере внедрения цифровых технологий в процедуры и механизмы политического участия все более остро будет вставать вопрос о прозрачности и объективности в подведении итогов политического участия (голосований, подачи петиций, обсуждения законопроектов и т.д.). Без выработки эффективного решения данного вопроса могут возникнуть серьезные сложности с легитимацией принятых решений.

В-четвертых, с учетом очень серьезных рисков и угроз, которые имеют место при использовании цифровых технологий в процедурах и механизмах политического участия, на один из передних планов в данном направлении выходит необходимость обеспечения информационной безопасности государств, превентивных мер, которые бы не допускали любое деструктивное внешнее (прежде всего со стороны других государств) вмешательство в результаты политического участия.

В-пятых, неограниченный доступ к информации (в первую очередь за счет развития интернета) все более заметно меняет восприятие власти обществом: социум становится более требовательным к власти, к ее эффек-

тивности и открытости. Немалую роль в этой тенденции играет возможность сопоставлять достигнутые властью результаты и выстроенную политическую систему с зарубежными политическими системами и успешностью их функционирования.

В-шестых, возможность стремительного распространения информации через социальные сети и другие популярные виртуальные площадки и платформы требует от власти не только постоянного мониторинга реакции общества на текущий политический процесс, но также значительно более оперативного реагирования на такую обратную связь. Причем реагирование должно включать не только реальные шаги по решению наиболее актуальных и бурно обсуждаемых в информационном поле вопросов, но также формирование по ним альтернативных интерпретаций и информационной картины.

Библиографический список

Грачев М.Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / гл. ред. А.И. Соловьев. – М., 2012. С. 200-208.

Протасов В.И., Славин Б.Б. Совершенствование инструментов электронной демократии с использованием технологий коллективного интеллекта // Информационное общество. – 2017. – № 2. – С. 37-44.

Lambach D. The Territorialization of Cyberspace // International Studies Review. 2019. P.1-34.

ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ¹¹

А.В. Глухова (Воронеж)

Представительная демократия в современном политическом дискурсе предстает как структура, подвергающаяся серьезному вызову: традиционные народные партии подвергаются эрозии; популисты повсюдуна подъеме; волатильность избирателей растет; граждане теряют доверие к парламентам и правительствам, низкодходные слои населения сторонятся избирательных урн. Одновременно политические решения все чаще принимаются на экспертных площадках и в рамках все более усиливающихся, хотя и не избираемых народом, институтов – в центральных банках или в меж-

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала»

дународных организациях. Английский социолог К.Крауч дал этим явлениям популярное определение – «постдемократия».

Признавая серьезность новых вызовов, необходимо дать ответ на главный вопрос: ставят ли они под вопрос демократию как таковую или же указывают лишь на дефицит представительства?

Несущими принципами демократии, обозначающими ее неизменное этически-нормативное ядро, являются свобода, равенство и контроль над властью. Каковы шансы сохранения и укрепления демократии в цифровую эпоху? Разрушает ли цифровизация демократические принципы, институты и процедуры? Или, напротив, открывает новые возможности для более прямой и инклюзивной демократии? Если проанализировать дискурс по этой теме за последние 30 лет, то можно выделить три периода в трактовке цифровизации применительно к демократии: оптимистический, реалистический и пессимистический (Балаян, Томин, 2016).

Первый, оптимистический период заключался в рассмотрении новой эпохи цифровой демократии как реализуемой мечты. Границы между коммуникацией, партисипацией и принятием решений мыслились как проходимые и взаимно пересекающиеся, а граждане – как активные участники политики, непосредственно включающиеся в процессы принятия решений. Считалось, что дифференциация между управляющими и управляемыми исчезает: обычные функции репрезентации могут быть заменены прямыми демократическими процедурами участия и принятия решений в рамках своеобразной «цифровой коммуны» (digital common). Цифровая техника понизила входную планку к политическому участию и освободила последнее от пространственных ограничений (Кастельс, 2017).

В канун XXI века возник более реалистический взгляд на вещи, т.е. четкое калькулирование приобретений и возможных потерь демократии. В Интернете появились конкретные политические инструменты, простирающиеся от электронного голосования (E-Voting) до электронных разоблачений коррупции, нарушений прав человека и т.д. Одновременно изменился интерфейс в интеракциях между гражданами и государственной бюрократией. Понятие E-Governments свелось к определенному набору услуг, предоставляемых государством, но не к реальному соуправлению.

В последние годы перевес получили скептические голоса, предупреждающие от опасностей, которые несет с собой цифровизация. Они фокусируются, прежде всего, на Интернете как платформе общестности, которая раскалывается на пресловутые «эхо-камеры». Мир частично анонимного выражения мнений сделал возможным расцвет речей ненависти, ра-

сизма и ксенофобии. По словам В. Меркеля, эти пользователи нашли в Интернете полутемную арену, которая облегчает им возможность беспрепятственно распространять в коммуникациях свое «отвратительное Я» (Merkel, 2019). Манипулятивных ботов все труднее отличить от достоверных сообщений. Надежды на универсально-открытую агору обмена мнениями и диалога превратились в свою противоположность.

Каковы эффекты цифровизации на трех полях демократии?

Партисипация (участие). Насколько активно посягаются политические смыслы в сетях? 50% пользователей используют Интернет вообще не в политических целях. 40% информируются политически через Интернет; 9% регулярно читают политические посты, но только 1% регулярно посягают сами. Эмпирические исследования показывают, что в социальных медиа только 3% постов имеют политическое содержание (Merkel, 2019). Низкие квоты участия снижают объем и значение, которые приписываются сетевым политическим дискурсам.

Интернет не смог исцелить социальную селекцию в партисипации, эту старую болезнь представительной оффлайн-демократии. Упрощая, можно сказать, что социальные структуры оффлайн-партисипации в лучшем случае тогда зеркалят в онлайн, а в худшем – социальная селекция обостряется через дигитальный раскол. Интернет создал удобное общение для младших групп сетевых людей, однако комфорт еще никогда не был релевантным фактором политического участия. Напротив, политическое участие – в одиночку перед компьютером – выхолащивает и тривиализирует дискурсивный принцип политической делиберации.

Репрезентация (представительство). Все известные политические представители презентуют себя онлайн: отсылают видеопослания, твитят на Ютуб-каналах, однако это не является собственным актом политической репрезентации. Профили и позиции политиков распространяются в цифровом пространстве как ассиметричная информация, но в качестве места делиберации и политических решений оно вряд ли годится. Решающим институтом репрезентации был и остается парламент, и цифровая эпоха вряд ли может это кардинально изменить. Отказ от парламентских процедур в угоду поклонникам прямой демократии, отвергающим механизмы репрезентации из-за якобы повреждения «аутентичной народной воли», имел бы крайне негативные последствия с точки зрения соразмерности проблем, ясности и прозрачности принимаемых решений.

Вместе с тем в позитивную сторону изменились механизмы репрезентации в политическом гражданском обществе. Имеется целый ряд не избранных, но уважаемых организаций (Amnesty International, Transparency

International, Human Rights Watch oder Election Watch), стоящих на страже демократии и выступающих моральными инстанциями общества. Свою представительную силу они черпают не из всеобщих выборов, а из морального авторитета и вклада в функционирование демократии. Этот вид гражданско-общественной репрезентации является завоеванием демократии.

Принятие решений. На примере президента США Д. Трампа видно, как он через Твиттер пытается утвердить вульгарную версию идеи плебисцитарно-прямой демократии по К. Шмитту в обход парламента. Но даже в системе сильного президенциализма, президент, сообщая об одних принятых решениях, для принятия других аналогичных решений нуждается в согласии парламента. Иными словами, и здесь цифровой медиум выполняет, прежде всего, коммуникативную, в меньшей степени репрезентативную и совсем не выполняет функцию принятия решений.

Таким образом, цифровизация сильно изменила коммуникативное поведение людей и условия их профессиональной деятельности. К сожалению, в политике победили негативные эффекты: в диктатурах Интернет эффективнее используется автократическими элитами, чем оппозицией. «Авторитарное государство – сторож нашло эффективнейший инструмент контроля, – пишет В. Меркель. – Китайская Народная Республика как раз рисует нам это зловещее предзнаменование на электронной стене» (Merkel, 2019). Но и в классических демократиях власти легально используют приватно собранные данные для продажи или нелегально – для манипуляций на выборах. Очевидно, что политическая коммуникация под знаком цифровизации тоже изменилась. Мало изменились только коренные процедуры и ядерные институты демократии, что и оставляет надежду на ее сохранение.

Библиографический список

Балаян А.А., Томин Л.В. Интернет и социальные медиа в современном политическом процессе: по ту сторону киберутопизма // Публичная политика – 2015. Сб. статей / под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. – СПб, 2016. С. 60–68.

Кастельс М. Власть коммуникации. – М., 2017.

Merkel W. Laesst sich die Demokratie digital neu erfinden? 01.01.2019 Ausgabe 1+2/2019. Режим доступа: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/laesst-sich-die-demokratie-digital-neu-erfinden-2711/>

ДЕТЕРМИНАНТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В СУБЪЕКТАХ РФ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ КАНДИДАТОВ, ПОБЕДИВШИХ НА ВЫБОРАХ ГУБЕРНАТОРА В 2018 Г.¹²

А.А. Гнедаш, О.П. Малышева (Краснодар)

Региональный политический дискурс, включает политический контент и продуцируемые им асинхронные мультимодальные дискурсивные поля, которые накапливают в online-пространстве потенциал социального действия. По сравнению с offline политическим контентом, контент, находящийся online, непрерывно трансформируется участниками разнообразных социальных сетей и сообществ, поскольку является основой их интеракций. В то же время, трансформации политического контента запускают изменения самих социальных сетей и сообществ, определяя социальное и политическое действие в offline, так конструктивное, так и деструктивное (Jones, 2015; Рябченко, 2020, 101-113).

Комплексное исследование официального политического контента в субъектах РФ основано на сетевом подходе, который заключается в рассмотрении социально-политических процессов и их участников как глобальных социальных графов (Найбет, 2009; Wong, 2011, 470–479). Классическая методика математического анализа социальных сетей, представляющая собой структурный сетевой анализ, была дополнена нами реляционной социологией и лингводискурсивным анализом (Рябченко, 2018, 139–162). Дискурс-аналитические теоретические построения обладают меньшим уровнем спекулятивности и расширяют наши представления о сущности, структурных компонентах и функциях исследуемых феноменов, поскольку в дискурс-анализе конкретный текст или коммуникативная ситуация исследуется всегда в рамках более глобальных социально-политических структур – комплексов текстов, дискурсивной формации, исторического контекста (Alefrenko, 2014, 32-45; Crystal, 2013). Еще одним отличительным моментом дискурс-анализа является то, что социально-политическая реальность в рамках этого исследовательского направления рассматривается не как данность, но как постоянно изменяющийся конструкт. Акцент, таким образом, делается на процесс, на исследование способов производства, воспроизводства и потребления политического контента и дискурса. В связи с этим, дискурс-анализ позволяет рассмотреть не толь-

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды»

ко то, как язык создает, отражает и выражает политический контент, но и другую сторону этого сложного взаимодействия – то, как язык формирует и конструирует сущность коммуникативных процессов как online, так и offline (Katermina, 2020, 619–626; Ryabchenko, 2020, 1200–1209).

Одним из ключевых событий 2018 года в социально-политической жизни были выборы глав субъектов РФ. Прямые выборы состоялись в 22 субъектах РФ, – это и послужило основным критерием для включения данных регионов в исследование.

Парсинг открытых данных и лингводискурсивный анализ осуществлялся посредством созданной и зарегистрированной Рябченко Н.А. программой для ЭВМ «Парсинг сетевых данных» (свидетельство о государственной регистрации № 2019610035). Dataset «Контент предвыборных кампаний кандидатов на пост губернатора» составлен из материалов предвыборных кампаний 105 кандидатов в губернаторы (период – весь 2018-ый г.): 33 кандидата позиционировали свою предвыборную кампанию посредством предвыборной программы, 31 кандидат использовал журналистские интерпретации для позиционирования своей компании; 12 кандидатов использовали для позиционирования своей предвыборной программы интервью региональным СМИ; 29 кандидатов не формировали контент в online-пространстве о своей предвыборной кампании (при этом из 29 кандидатов, не представивших предвыборную программу ни в каком виде в онлайн-пространстве, победу одержали 3 кандидата в Чукотском АО, Кемеровской области, Ивановской области; все кандидаты от субъекта выдвижения регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»; данные кандидаты до выборов временно исполняли обязанности губернатора региона).

Исходя из способа позиционирования своей предвыборной кампании dataset «Контент предвыборных кампаний кандидатов на пост губернатора» был разделен на три dataset: «Прямое позиционирование кандидата в губернаторы», «Смешанное позиционирование кандидата в губернаторы», «Опосредованное позиционирование кандидата в губернаторы».

Dataset «Прямое позиционирование кандидата в губернаторы» – это 33 предвыборные программы кандидатов в губернаторы 16 субъектов РФ (Алтайский край – 1 из 4 кандидатов, Амурская область – 2 из 4, Владимирская область – 1 из 4, Воронежская область – 3 из 6, Ивановская область – 1 из 5, Магаданская область – 2 из 4, Московская область – 2 из 6, Москва – 3 из 5, Новосибирская область – 1 из 4, Орловская область – 3 из 5, Приморский край – 3 из 9, Псковская область – 1 из 5, Самарская область – 1 из 6, Саха (Якутия) – 2 из 4, Хабаровский край – 5 из 5, Республика Хакасия – 2

из 4 кандидатов). Dataset включил предвыборный контент, сформированный посредством публикации предвыборной программы в online-пространстве. Хабаровский край оказался единственным регионом, в котором у всех кандидатов были представлены предвыборные программы в открытом доступе. Из 33 кандидатов этого dataset победу одержали 5 кандидатов (Алтайский край, Воронежская область, Москва, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край). 3 кандидата (Алтайский край, Воронежская область, Республика Саха (Якутия)) до выборов исполняли обязанности губернатора региона и являлись представителями от субъекта выдвижения региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия»; 1 кандидат был мэром (г. Москва) – самовыдвижение; 1 кандидат (Хабаровский край) являлся представителем от субъекта выдвижения региональное отделение «Либерально-демократической партии России».

Dataset «Опосредованное позиционирование кандидата в губернаторы» – 31 кандидат (Алтайский край – 3 из 4 кандидатов, Амурская область – 1 из 4, Воронежская область – 3 из 6, Кемеровская область 1 из 6, Красноярский край – 1 из 3, Московская область – 4 из 6, Москва – 2 из 5, Нижегородская область – 1 из 4, Новосибирская область – 2 из 4, Омская область – 3 из 4, Орловская область – 1 из 5, Приморский край – 3 из 9, Псковская область – 2 из 5, Самарская область – 1 из 6, Тюменская область – 1 из 4, Республика Хакасия – 2 из 4 кандидатов) не представили предвыборные программы в открытом доступе, но имеется информация о направлениях их работы в виде журналистской интерпретации положений и направлений предвыборных программ. Из 31 кандидата победу в этой группе одержали 7 кандидатов (Красноярский край, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область, Республика Хакасия). 6 кандидатов до выборов исполняли обязанности губернатора региона (Красноярский край, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Орловская область). Из 7 кандидатов, победивших на выборах, 4 кандидата (Красноярский край, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область) являлись представителями от субъекта выдвижения региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия»; 2 кандидата от регионального отделения «Коммунистической партии Российской Федерации» (Орловская область, Республика Хакасия), 1 кандидат – самовыдвиженец (Омская область).

Dataset «Смешанное позиционирование кандидата в губернаторы» - 12 кандидатов (Амурская область – 1 из 4 кандидатов, Владимирская область – 1 из 4, Ивановская область – 1 из 5, Магаданская область – 1 из 4,

Приморский край – 2 из 9, Псковская область – 1 из 5, Самарская область – 2 из 6, Тюменская область – 3 из 4 кандидатов) не представили предвыборные программы в открытом доступе, но дали интервью о направлениях своей работы. Из 12 кандидатов, давших интервью, победу одержали 7 кандидатов (Амурская область, Владимирская область, Магаданская область, Приморский край, Псковская область, Самарская область, Тюменская область). 4 кандидата были исполняющими обязанности губернатора региона (Амурская область, Магаданская область, Псковская область, Самарская область). Из 7 кандидатов, победивших на выборах, 5 кандидатов являлись представителями от субъекта выдвижения региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия» (Амурская область, Магаданская область, Псковская область, Самарская область, Тюменская область); 1 кандидат от регионального отделения «Либерально-демократической партии России» (Владимирская область); 1 кандидат – самовыдвиженец (Приморский край).

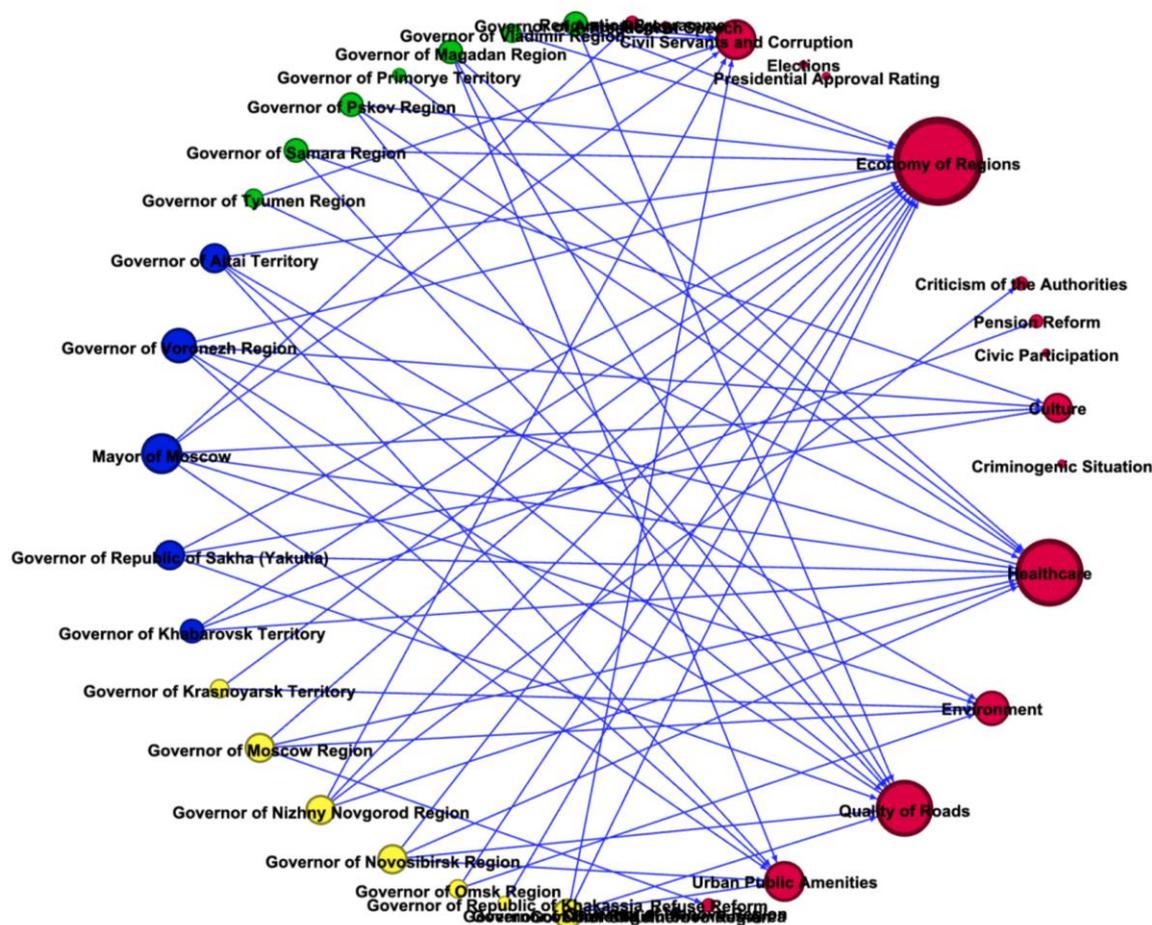

Рис. 1. – Детерминанты официального политического контента в программах кандидатов, победивших на выборах губернатора в 2018 г. в 22 субъектах РФ

Визуализируем детерминанты официального политического контента в субъектах РФ, сформированного кандидатами, одержавшими победу на выборах губернаторов в 2018 г. Данные детерминанты были получены в результате парсинга открытых данных и лингводискурсивного анализа.

На рисунке 1 красным цветом обозначена социально-политическая проблематика, выделенная всеми кандидатами (будущими губернаторами), в своих предвыборных платформах: «Мусорная реформа»; «Благоустройство городов»; «Дороги»; «Экология»; «Здравоохранение»; «Криминогенная обстановка»; «Культура»; «Гражданская активность/пассивность»; «Пенсионная реформа»; «Критика власти»; «Экономика. Долги регионов»; «Рейтинг Президента»; «Выборы»; «Чиновники и коррупция»; «Свобода слова»; «Реновация». Желтым цветом обозначены кандидаты\губернаторы, которые не представили предвыборные программы в открытом доступе, но имеется информация о направлениях их работы в виде журналистской интерпретации положений и направлений предвыборных программ (опосредованное позиционирование); зеленым – кандидаты\губернаторы, которые не представили предвыборные программы в открытом доступе, но дали интервью о направлениях своей работы (смешанное позиционирование); синим кандидаты\губернаторы, которые (прямое позиционирование).

Подобные исследования политического контента, формируемого представителями власти в публичном региональном онлайн-пространстве, позволяют провести новый качественный и количественный анализ социально-политической ситуации в регионах РФ для эффективного выстраивания коммуникаций между властью и гражданским обществом, а также выявлять возможные точки роста протестных настроений в социальных сетях и сетевых сообществах в онлайн-пространстве, если данные настроения не совпадают с официальным политическим дискурсом, формируемом губернаторами (Рябченко, 2019, 27–48).

Библиографический список

Горошко Е.А. Лингвистика новых медиа как один из вызовов лингвистической традиции прошлого. – М., 2013.

Найбет Т., Рода К. Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. – М., 2009.

Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Мальшева О.П., Шестакова А.А., Николаева М.В. Социально-политический контент и региональный дискурс в современной России: что обсуждают граждане в online-пространстве, и что предлагают кандидаты на пост губернатора в предвыборных программах (точки пересечения и линии разлома) // Южно-российский журнал соци-

альных наук. – 2019. – Т. 20. № 4. – С. 27-48. URL: http://chsu.kubsu.ru/images/2019_4/2019-4-2.pdf

Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Мальшева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – № 3. – С. 139–162.

Рябченко Н.А., Мальшева О.П. Характеристики современной политической коммуникации в онлайн-пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 101–113.

Alefirenko N.F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory // *XLinguae. European Scientific Language Journal*. 2014. Vol. 7. Issue 2. P. 32-45.

Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2003.

Jones R.H., Chik A., Hafner C.A. (Eds.). *Discourse and Digital Practices: Doing Discourse Analysis in the Digital Era*. N.Y.: Routledge, 2015.

Katermina V., Gnedash A. Regional Political Discourse As An Object Of Interdisciplinary Research // WUT 2020 10th International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Pp. 619-626. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.73 Режим доступа: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut2020>

Ryabchenko N., Malysheva O. Innovative Approaches In Linguistics: Network Analysis Of Linguistic Data // WUT 2020 10th International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Pp. 1200-1209. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.138 Режим доступа: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut2020>

Wong S., Altman E., Rojas-Mora J. Internet access: Where Law, Economy, Culture and Technology Meet // *Computer Networks*. 2011. № 55 (2). Pp. 470–479.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

К.А. Говорухина, Т.Е. Телятник (Краснодар)

Процессы глобальной цифровизации диктуют современному обществу новые условия модификации социально-экономического и политического взаимодействия государств. Цифровизация способствует созданию новых возможностей для налаживания взаимодействия между членами социума, возникновению новых социальных и политических структур. Но, несмотря на множество благоприятных моментов цифрового развития об-

щества, существуют трудности адаптации к новым технологиям в условиях беспрецедентно высокой скорости трансформационных процессов.

На международном уровне сегодня активно взаимодействуют друг с другом так называемые центры силы, которые оказывают значительное влияние на формирование геополитической конфигурации современного мира. Мы наблюдаем процессы трансформации геополитических взаимодействий под влиянием цифровизации политических отношений. Это проявляется прежде всего в контексте формирования цифровой дипломатии, когда процесс принятия важных политических решений надгосударственного уровня можно организовать достаточно оперативно с помощью информационно-коммуникационных технологий и т.д.

Отметим, что в научной среде понятие «цифровизация» трактуют в нескольких вариантах. Во-первых, происходит масштабное изменение технологического уклада, в первую очередь в информационной сфере в электронике; во-вторых – это распространение компьютерной техники, всеобщая компьютеризация производственных и общественных процессов; в-третьих – ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий, влекущее за собой перемены в организации информационной сферы общества.

Таким образом, «цифровизацию» можно рассмотреть как обобщение, как некий результат идентификации всех процессов, которые включают активное использование цифровых технологий. При анализе всех тенденций, происходящих в обществе, учитывая построение институтов и изменение структур, цифровизация, безусловно, приобретает большое значение. Но мы не можем говорить об однозначно отрицательных или только положительных тенденциях. С одной стороны, проявляются особенности, разрушающие общественные институты (могут исчезнуть связи, составлявшие долгое время большую часть нашей жизни), а с другой стороны, нам предоставляются такие возможности в сфере коммуникации, о которых мы не могли бы предположить буквально пять-десять лет назад.

Политическое измерение цифровизации указывает на изменение формата политических отношений. Все чаще мы слышим о некоем новом отражении политической реальности и о грядущей замене традиционных форм верификации политических процессов. Ученые пишут о зарождении нового типа легитимности – цифрового, который в ближайшем будущем может расширить известную веберовскую триаду (Коньков, 2019, 10). Кроме того, крупные геополитические игроки, используя во внешнеполитической конкуренции инструменты цифрового общества, могут претендо-

вать на глобальное лидерство, или превосходство на определенном региональном уровне, а также реализовывать свои интересы.

Характеристика современного мирового геополитического порядка, как гетерогенного и полиморфного («гибридного»), дополняется еще и признаками нестабильности и перманентной трансформации (Гольцов, 2017, 345). Акцентируем внимание на полицентрических моделях мирового порядка. Если рассмотреть такую полицентрическую систему, в которой происходит свободное взаимодействие между разнообразными центрами, основанное на полном равноправии и четком соответствии нормам международного права, то такой справедливый, равноправный и демократический мировой порядок без каких-либо претензий на доминирование представляется идеалом. Но, с учетом реального неравномерного развития центров современного мира во всех направлениях — политическом, культурном, экономическом, очевидно противоречивость взаимодействия этих центров от стремления к сотрудничеству и помощи, до перехода к острой конкуренции и соперничеству (Гольцов, 2017, 343).

Отметим, что сегодня Россия выступает в роли трансконтинентальной державы Европы и Азии. Национальная программа «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг.», формирование российской доменной зоны (.ru, .рф, и т.д.), могут рассматриваться в качестве собственной стратегии политики цифровизации на территории страны. Здесь можно упомянуть электронное правительство, электронную демократию и другие политические институты, формирующие цифровые ценности российских граждан.

Обозначим критерии и показатели, по которым определяется сегодня принадлежность политических субъектов к центрам силы. Прежде всего, это инновационный потенциал экономики. Цифровые технологии в экономической сфере обеспечивают конкуренцию и оказывают влияние на уровень конвертируемости национальной валюты. Также, традиционно, тяготение к центру силы обеспечивается выгодным географическим положением. Важным показателем выступает и обладание ракетно-ядерным оружием. И, в целом, это интегральный показатель экспансии.

Активная консолидация центров силы началась после переустройства биполярного мира. Противоречивость и медленное течение этого процесса обусловлены определяющим влиянием финансово-экономического кризиса, а также немалым числом возникающих локальных конфликтов. Вместе с этим, на первый план выходит большая группа стран, которых неформально причисляют к «большой двадцатке». Это такие страны как: Аргентина, Бразилия, Турция, Австралия, Южная Корея, ЮАР и Канада. В итоге,

возможны различные варианты трансформации миропорядка. Довольно вероятным представляется усиление его полярности. Г.Киссинджер с американской системой миропорядка, определенно, обращал внимание на особенности однополярности (Киссинджер, 2016, 233). К тому же, американский политолог опирается не только на технологическое превосходство своей страны, и другие преимущества, но и политизирует технологии воздействия, установления гегемонии одного государства, объясняя их легитимность в интересах США.

В рамках рассмотрения деятельности таких значимых международных организаций как G20, АТЭС, БРИКС нельзя не отметить важную роль цифровизации экономики. Эта тема особенно актуальна сейчас и провозглашается приоритетом во многих странах, активно обсуждается на различных форумах и конференциях. В России, например, запущена и реализуется Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», призванная создать устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных.

Стратегии ведущих западных государств сейчас концентрируются в направлении сбережения сфер влияния в регионах и странах, где сосредоточены их геоэкономические интересы. При сохранении нынешних международных институтов Запад стоит перед необходимостью строить новые институты, как чисто западные, так и с вовлечением других стран. Кроме того, для целого ряда незападных государств мира (особенно слабых) мировой порядок с преобладанием Запада считается не только выгодным, но и необходимым для суверенного существования.

В обозримом будущем, предполагается возрастание влияния на мировой порядок негосударственных транснациональных акторов. В целях поддержания и реализации своих геоэкономических и геополитических проектов «государства-державы» не могут не учитывать интересы транснациональных компаний, фондов, банков, религиозных объединений и других весомых в мировой политике акторов. Совместные усилия и мощь государственных и негосударственных политических субъектов (с их сетями) способны поддерживать стабильный мировой порядок.

Немаловажен тот факт, что в мире продолжается активное усиление и развитие региональных центров (Балашова, 2013, 36). Происходит расширение сфер их влияния, устанавливается неформальный контроль над соседними контрагентами, начинается процесс организации интеграционных группировок, наблюдается стремительное движение за пределы «материнских» регионов ради обеспечения своих интересов, прежде всего экономи-

ческих. Наиболее мощные из таких центров вполне способны превратиться в региональные полюсы. У отдельных из них возникают амбициозные намерения влиять на мировой порядок для реализации своих целенаправленных интересов.

Потенциальная возможность становления новых полюсов представляет собой вызов для геополитических и геоэкономических интересов «коллективного» Запада. Используя свою «жесткую» и «мягкую» силу, США вместе с другими ведущими западными государствами, способны оказывать противодействие формированию новых полюсов. И даже такое могущественное государство, как Китай, для обеспечения существенного влияния на мировую политику и экономику нуждается в многочисленных тесно связанных с ним (и зависимых от него) партнерах, подконтрольных институтах регионального (и трансрегионального) сотрудничества. Новому мировому полюсу нужна своя неоимперская система, способная конкурировать с Западом. Для незападных полюсов актуальна возможность не только конкурировать, но и конструктивно взаимодействовать между собой.

Таким образом, геополитическое взаимодействие переходит в сетевое пространство; посредством электронных ресурсов, сетевых механизмов осуществляется политическая конкуренция – как на уровне макрополитики в борьбе за публичную власть, так и на уровне мегаполитики – между субъектами глобального управления и международных отношений. В труднодостижимом идеале конструктивное взаимодействие между полюсами должно обеспечивать мирное и стабильное развитие всего мира.

Библиографический список

Балашова М. А. О современном мировом порядке и уровне развития информационного общества: теория и практика // Известия БГУ. – 2013. – №6. Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-mirovom-poryadke-i-urovne-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-teoriya-i-praktika>

Гольцов А. Г. Геополитический порядок в мире: тенденции развития // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2017. – №4. Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskiy-poryadok-v-mire-tendentsii-razvitiya>

Киссинджер Генри. Мировой порядок. – М., 2016.

Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-politicheskikh-otnosheniy-grani-poznaniya-i-mehanizmy-transformatsii>

МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАННОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ¹³

О.И. Горбанева, А.Д. Мурзин (Ростов-на-Дону)

В современной системе регионального управления важным инструментом реализации программно-целевого подхода выступают государственные программы и проекты развития. По целому ряду направлений можно отметить успешность и эффективность такого подхода, что обуславливает закономерность расширения его взаимосвязи с федеральными программами и проектами.

Реализация государственных задач на определенной территории позволяет реализовать сразу две функции. Во-первых, такой подход обеспечивает подробное планирование и формирование четкого механизма социально-экономического развития территории, а во-вторых, позволяет обеспечить связь уровней государственной власти, структуризацию финансирования намеченных мероприятий, обеспечение инструментов социально-экономической стратегии развития.

Государственные программы и проекты регионального уровня зачастую имеют структуру пошагового социально-экономического процесса, то позволяет логично и полно применить к ним инструментарий статического моделирования.

Целью исследования является приложение известных моделей сочетания общих и частных интересов (СОЧИ) в задачах социально-экономического развития региональных систем.

Статические СОЧИ-модели исследованы в работах (Анопченко, Мурзин, Угольницкий, 2017; Горбанева, Мурзин, Угольницкий, 2018). Сущность взаимосвязей субъектов модели заключается в их согласованном взаимодействии для решения общих задач, в результате которого каждый из участников получает собственную выгоду. Экономической интерпретацией такого взаимодействия является, например, улучшение инвестиционного климата отдельной территории, формирование устойчивых экономических связей внутри кластера, развитие логистических путей, улучшение экологической обстановки и т.п.

Для реализации общих взаимовыгодных целей субъекты могут кооперироваться в использовании доступных материальных финансо-

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00594 «Согласование государственно-частных интересов в управлении устойчивым развитием региона на основе экономико-математического моделирования»

вых, трудовых, временных ресурсов (Горбанева, Мурзин, Угольницкий, 2020). Но при этом неизбежно возникает вопрос оптимального соотношения долей ресурсов, направляемых на решение общих целей и задача, и ресурсов, необходимых для собственного развития (Горбанева, Мурзин Анопченко, 2020).

Координацию действий субъектов и распределение долей участия в общем благосостоянии целесообразно поручить управляющему, в качестве которого может выступать координационный совет или регулятор кластера, либо областная администрация для решения задач согласования интересов сопредельных муниципальных образований.

Распределение имеющихся ресурсов может происходить в виде прямой административной директивы, либо на принципах экономического стимулирования (Горбанева, Мурзин, Лазарева, 2020). Координатор выполняет функции побуждения субъектов к распределению ресурсов в четко установленных долях.

Результаты исследования СОЧИ-моделей и механизмов распределения находят широкое применение в различных социально-экономических системах общества, организации и управления. В частности, возможно применение данных моделей к управлению развитием территориальных субъектов разного уровня в составе региона.

В данном исследовании СОЧИ-модели приложены к задаче оптимизации управления реализацией государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

По результатам моделирования видно, что достижение общественных целей требует участия в реализации совместных проектов всех участников. Однако вклад Азовского Сальского, Зерноградского и Песчанокского районов Ростовской области наиболее важен. При этом Азовский и Веселовский районы должны потратить на общее развитие почти все целевые ресурсы.

Для стимулирования субъектов расходования имеющихся ресурсов на проекты общих интересов в заданных модельными расчетами пропорциях применяются различные механизмы управления. Рассмотрим результаты применения механизма пропорционального распределения, механизмы экономического регулирования и административного нормирования.

Механизм пропорционального распределения позволяет добиться от участников выгодных всей системе стратегий. При этом доли вклада каждого субъекта определяются из общей суммы необходимых средств.

Механизм экономического регулирования предполагает определение вариантов распределения вклада участников совместных проектов таким образом, чтобы экономический эффект всей системы как можно больше соответствовал максимальному доходу. Это условия достигается при распределении вклада участников. Однако при этом не достигается условие привлечение в совместные проекты всех участников, пять из восьми субъектов отказываются от участия, что ставит под сомнение оптимальность такой стратегии.

Механизм административного нормирования требует задания минимальной величины вклада ресурсов на общие цели, меньше которой участники не могут выделить необходимые ресурсы. По результатам исследования такие минимальные параметры представлены. Эффект для каждого участника фиксируется в равных долях.

Сопоставление результатов применения механизмов управления совместной деятельностью субъектов выявило приоритеты интересов по каждому административному району Ростовской области.

Отказ от добровольного участия в совместных проектах для некоторых районов при механизме экономического регулирования можно объяснить небольшой долей специфического сельскохозяйственного производства, требующего масштабной совместной деятельности с соседними районами. Другими словами, эти районы обладают высокой самодостаточностью и слабо зависят от соседних районов. Высокая эластичность результатов самостоятельных решений позволяет либо использовать собственные ресурсы для развития, либо перепрофилировать сельскохозяйственный сектор на менее затратное и более экономически эффективное производство.

Для общественных целей (всей системы) оказывается выгодным применение административного механизма управления или механизма пропорционального распределения, в то время как экономический механизм оказывается нерациональным. Общественному координатору необходимо привлечь к совместному решению задач все рассматриваемые районы, а применяя экономический механизм управления реализовать это не удастся.

Таким образом, в рамках рассматриваемого проекта по решению задач согласования интересов участников совместных проектов развития на базе районов Юга Ростовской области в части развития сельскохозяйственного производства можно заключить, что наиболее приемлемым для реализации является административный механизм управления.

Только этот механизм позволяет решить управленческие задачи в заданных условиях среди всех рассматриваемых районов.

Библиографический список

Анопченко Т.Ю., Мурзин А.Д., Угольницкий Г.А. Моделирование согласования интересов в задачах управления устойчивым развитием территорий // Экономика природопользования. – 2017. – № 6. – С. 35-47.

Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Анопченко Т.Ю. Приложение динамической модели согласования общих и частных интересов устойчивого развития на региональном уровне // Кибернетика и программирование. – 2020. – № 1. – С. 18-28.

Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Лазарева Е.И. Параметры устойчивого эколого-экономического развития в динамической СОЧИ-модели развития системы субъектов // Кибернетика и программирование. – 2020. – № 1. – С. 9-17.

Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Угольницкий Г.А. Механизмы согласования интересов при управлении проектами развития территорий. Управление большими системами: сборник трудов. – 2018. – № 71. – С. 61-97.

Горбанева О.И., Мурзин А.Д., Угольницкий Г.А. Моделирование согласования общих и частных интересов развития экономических субъектов // Кибернетика и программирование. – 2020. – № 1. – С. 1-8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВО ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТОВ: ФОРМА И СУБЪЕКТНОСТЬ¹⁴

Н.В. Гришин (Санкт-Петербург)

Международное сообщество играет все более активную роль в системе публичного регулирования в сфере выборов. Происходит трансформация форм и механизмов такого влияния. При этом не меньшую эволюцию претерпевает и само международное сообщество как субъект этого процесса. Его составляют, прежде всего, международные межправительственные и неправительственные организации. Возникают и более сложные формы субъектов международного влияния, одной из которых является онлайн сообщество электоральных экспертов.

¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса»

Онлайн сообщество электоральных экспертов – сетевым образом структурированные группы специалистов в сфере выборов, осуществляющие экспертную работу при помощи интернет-технологий.

С начала XXI века традиционные типы субъектов (в их числе различные организации, «фабрики мысли») поэтапно повышают свое присутствие в интернете. Можно выделить несколько форм использования интернет-технологий со стороны «традиционных» субъектов электоральной экспертизы:

1. Появление блогов у известных политологов (в России – Г. Голосов и А. Кынев в 2006 г. и др.).

2. Удаленное взаимодействие экспертов и исследовательских центров. Международные проекты в сфере изучения выборов, в частности, крупнейший из них ElectoralIntegrityProject, активно используют дистанционную форму коммуникации со специалистами из разных стран.

3. Активное использование интернет-технологий для международного наблюдения на выборах. В частности, пандемия способствовала переводу части работы в интернет. Некоторые из международных наблюдателей на выборах в 2020 г., в том числе автор этого доклада, были вынуждены осуществлять свои функции удаленно. Международная организация по наблюдению за выборами ENEMO после формирования состава миссии по наблюдению за выборами в Черногории в условиях невозможности пересечения границ перевела двоих членов группы на удаленный статус, что имело следствием существенное реформатирование порядка работы.

4. Перенесение в интернет традиционных форматов, таких, как НКО или научный журнал. Например, в 2017 г. в России был создан экспертный форум «Законы о выборах – для избирателя», работающий преимущественно онлайн. Продолжает эту линию создание в 2019 г. международного электронного научного журнала о выборах «ElectoralPolitics».

Внимание электоральных блогеров преимущественно обращено на процессы в их собственных странах. Но уже в первое десятилетие XXI века появляются электоральные блоги эмигрировавших россиян, которые фокусируются как на российской, так и на международной проблематике: блоги А. Киреева (kireev.livejournal.com) и М. Пшеничникова (ouderus.livejournal.com). Технологии Web 2.0 позволяли уже на этапе авторских блогов формироваться устойчивому онлайн сообществу экспертов за счет возможности комментирования, обсуждения, френдинга и т.д. Блоги ведущих авторов структурировали это сообщество и выступали основными площадками общения и обмена информацией.

Наряду с этим, разворачивается активность новых субъектов электоральной экспертизы, которые изначально ориентированы на онлайн-формат. Онлайн-технологии меняют не только формы работы электоральных экспертов, но и позволяют расширить круг лиц, которые выступают в таком качестве и могут оказать значительное влияние на общественную оценку избирательного процесса. Можно отметить существование следующих форм новых субъектов электоральной экспертизы:

1. Появление электоральных блогеров, для которых развиртуализация происходит после получения ими известности и влияния. Например, 2007 г. в России был создан ставший впоследствии знаменитым электоральный блог С. Шпилькина (podmoskovnik.livejournal.com);

2. Развитие в интернете новых типов коммуникации электоральных экспертов.

Вероятно, наиболее значительным примером институционализации онлайн сообщества электоральных экспертов является ACE Electoral Knowledge Network. Первоначально создан в 1998 г. по инициативе Международного института демократии и содействия выборам (International IDEA), Международного фонда избирательных систем (IFES), Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (UNDESA) как интернет-проект для изучения темы «Администрация и стоимость выборов», первый в мире онлайн-ресурс такого уровня, посвященный выборам. В 2006 г. он приобрел статус постоянно действующего экспертного онлайн-сообщества, которое объединило свыше 1000 электоральных экспертов со всего мира. Сообщество решает несколько задач:

- поддержание в актуальном виде Энциклопедии ACEProject, посвященной выборам;

- развитие виртуальной библиотеки избирательных материалов со всего мира, включая образцы бюллетеней для голосования, информационные материалы, электоральные нормативно-правовые акты;

- систематический сбор данных о выборах для более чем 200 стран и территорий;

- функционирование портала наблюдения за выборами с более чем 2 000 отчетов о наблюдении за выборами;

- предоставление экспертных консультаций и информационных услуг в режиме реального времени.

Специфические правила интернет-пространства соответствующим образом изменяют условия работы электоральных экспертов: минимальное значение имеет формальный статус эксперта, повышается роль анонимных

акторов, происходит демократизация процесса формирования экспертного мнения.

Представители официальных органов и традиционных субъектов иногда пытаются противостоять возрастающему информационному влиянию со стороны т.н. «самопровозглашенных» экспертов. В России комическим примером такого сопротивления служат периодически возникающие дискуссии о самой реальности существования С. Шпилькина.

На современном этапе онлайн сообщество электоральных экспертов повышает свое присутствие на международном уровне и выступает серьезным конкурентом для традиционных субъектов формирования общественного мнения об избирательном процессе.

ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НКО И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

М.Е. Громов (Санкт-Петербург)

В России после распада Советского Союза реформы были направленные преимущественно на преобразование экономической модели государства от командно-административной к рыночной, однако мало внимания уделялось социальной сфере, в связи с чем трансформация социальной структуры российского общества приобрела в подобных условиях отчасти стихийный характер, что осложняет коммуникацию между государственной властью и гражданским обществом.

На сегодняшний день среди участников публичной коммуникации можно выделить общественные движения, неправительственные организации, гражданские инициативные группы и структуры, их объединяющие, среди которых неправительственные организации, комитеты и другие.

Привлечение экспертного сообщества представителями власти или общественных организаций может преследовать своей целью не только получение объективной информации в виде научных рекомендаций, но и стремлении к легитимации принимаемых решений, обеспечению их общественной поддержкой, в том числе основанной на авторитете ученых, в связи с чем эксперт должен понимать какие структуры предлагают содействие и для чего и нести ответственность за предоставление своего интеллектуального продукта – экспертизы.

Особое влияние на принятие политических решений имеет общественное мнение. Значительно труднее реализовывать непопулярные, не согласующиеся с мнением общества, проекты (Ваньке, 2014, 118). Однако общественное мнение не только может влиять на поиск решений тех или иных социальных проблем и контроль над исполнением этих решений, но

и деформироваться под влиянием средств массовой информации, часто используемых политическими акторами.

Гражданское общество выражено в сети социальных горизонтальных связей и коллективных действиях граждан в публичной сфере, противопоставленной сфере их частного интереса, и в то же время сформированной совокупностью этих интересов, реализация которых невозможна вне публичного действия (Межуев, 2008, 3). Активное участие некоммерческих организаций в формировании политической среды, связано, как правило, либо с созданием политическим деятелем общественной организации, которая осуществляла бы его поддержку, либо при ситуации раскола локальных элит и конфликта между политическими акторами (Яргомская, Белокурова, Ноженко, Торхов, 2004, 67).

В то же время ряд общественных организаций непосредственно задействованы в формировании гражданской среды в России, в развитии институтов гражданского общества. Среди таких организаций Комитет Гражданских инициатив под председательством Алексея Кудрина, экс-министра финансов Российской Федерации, представляет собой общественную организацию, аккумулирующую действия социально активных граждан России, предлагающих, например, инициативы в сфере экономики, малого бизнеса, ЖКХ, муниципального и государственного управления, повышения эффективности труда.

Некоммерческая организация Фонд Развития Гражданского общества специализируется на исследования в области политики, регионального развития и современных медиа, ставя себе задачу сблизить академическую науку с практической политикой, сделав результаты работы прикладными, а выводы инструментальными и применимыми. Фонд реализует самостоятельные научно-исследовательские проекты и выступает грантодателем для других общественных и научных организаций.

Общероссийский гражданский форум – площадка для открытого и цивилизованного гражданского диалога между представителями разных общественных интересов, в том числе, между обществом и властью.

Подобные организации артикулируют общественные интересы, освещают мнения экспертного сообщества и включают его в публичную коммуникацию, стимулируют образовательные и исследовательские проекты, в том числе в гуманитарной и общественной научных сферах. В современных условиях, когда с одной стороны очные форматы взаимодействия осложнены и ограничены по эпидемиологическим причинам, а с другой с развитием технологий предоставляются новые возможности для развития общественных проектов и межличностной и межгрупповой комму-

никации, особое место занимают образовательные проекты – за чем особенно интересно наблюдать и чему в дальнейшем можно посвятить отдельное исследование.

Государством в свою было инициировано создание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – структуры по взаимодействию с представителями общественности. Главная цель Совета – содействие гаранту Конституции, которым является глава государства, для реализации его полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, содействия развитию институтов гражданского общества.

Таким образом, можно отметить, что в нашей стране существует ряд организаций и объединений граждан, ставящих своей задачей развитие гражданского общества. Некоторые из этих организаций созданы гражданскими активистами и продолжают развиваться за счет финансовых и временных ресурсов неравнодушных граждан. Другие – созданы с помощью государства и функционируют за счет его поддержки, что тоже не менее важно, так как показывает, что правящая элита понимает всю важность обеспечения условий правового государства и финансирования, а порой и инициирования, некоторых проектов, нацеленных на решение этой задачи. Взаимодействие государства и общества в цифровую эпоху через создание новых и развития имеющихся площадок для диалога, непрерывающееся выявление общественных интересов и донесение их до государственных управленцев – есть важнейшее условие становления гражданского общества.

Библиографический список

Ваньке А.В. Политические эмоции: Российские митинги 2011-2013 годов. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 5 (97). – С.117-132.

Межуев В.М. Гражданское общество и современная Россия. // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. – М., 2008.

Яргомская Н., Белокурова Е., Ноженко М., Торхов Д. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада // Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе. – СПб, 2004. – С. 52-147.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛОЖИВШИХСЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

А.В. Егунов (Краснодар)

Оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме способствует повышению технологических навыков и осведомленности населения, расширения возможностей самообслуживания граждан, а также ослабления влияния географического фактора. Модернизация системы предоставления электронных государственных и муниципальных услуг обеспечивает качественно новый уровень управления. Благодаря внедрению в РФ новых технологий повышается эффективность взаимодействия на федеральном и региональном уровне путем создания единого информационного пространства.

Развитие электронного сотрудничества граждан с государственными и муниципальными органами власти позволяет заявителю получить ту или иную необходимую услугу в краткие сроки и удобное для него время при наименьшей затрате усилий и сокращения количества посещения органов, предоставляющих услуги. А это является важным элементом повышения результативности управления, развития экономики и социальной сферы и формирования цифровой экономики.

Судить о качестве оказания государственной или муниципальной в электронном формате представляется достаточно сложной задачей. Определенные сдвиги в данном направлении имеются – функционирует портал «Ваш контроль», помогающий повысить эффективность получения электронных услуг, а также сориентировать их согласно запросам и нуждам граждан. Все отзывы оказывают влияние при оценивании работы чиновников. Законодательно процесс оценки качества закреплен в постановлении Правительства РФ № 1284 от 12 декабря 2012 г. Указанный документ позволяет гражданам напрямую влиять на качество государственных и муниципальных услуг. Оценку полученных услуг можно осуществить несколькими способами: отправить смс-сообщение, поучаствовать в телефонном опросе или воспользоваться электронным терминалом в МФЦ, органах власти, внебюджетных фондах и на Интернет-сайтах. В настоящее время, к системе мониторинга качества госуслуг подключены Росреестр, ФНС России, МВД России, Росгвардия, Фонд Социального Страхования российской Федерации, Пенсионный Фонд Российской Федерации, ФССП России, Росимущество, Роспотребнадзор, а также все объекты сети МФЦ, «Мои документы». Благодаря сайту «Ваш контроль» органы государственной и му-

ниципальной власти имеют возможность разобраться в недочетах, отмеченных потребителем, сравнить себя с другими, чтобы в дальнейшем принимать решения касательно совершенствования системы оказания услуг.

Ключевым направлением модернизации государственного управления является использование ИКТ при оказании государственных услуг. Такое применение предполагает облегчение межведомственной коммуникации и, как следствие, повышение эффективности деятельности органов государственной власти. Законодательство устанавливает целевые показатели эффективности электронного правительства, которые касаются четырех основных аспектов: уровня удовлетворенности граждан услугами, доступности услуг, использования механизма получения государственных услуг в электронном виде и времени ожидания получения услуг.

Инструменты электронного взаимодействия призваны существенно снизить административные барьеры для граждан и необходимость личного посещения государственных учреждений. Любой гражданин России сможет подать заявку, а также оценить качество предоставляемых госуслуг. Переход к электронному правительству упрощает взаимодействие граждан или бизнеса с органами государственной власти всех уровней. Уже сейчас можно получить ряд услуг полностью в электронном виде на веб-портале Госуслуг.

На федеральном уровне Постановлением Правительства РФ от 24 октября 2011 года №861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» закреплены положения о предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме. В рамках реализации данного нормативного акта в Краснодарском крае реализуется Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 18 июня 2012 года №680 «О региональных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)». В нормативном документе губернатора содержится четкий перечень и порядок предоставления услуг. Региональная государственная информационная система «Реестр государственных услуг (функций) Краснодарского края» создана для обеспечения ведения в электронной форме реестра государственных услуг, а также функций по осуществлению государственного контроля (надзора) Краснодарского края. Вся представленная информация является исчерпывающей, понятной и доступной для любого гражданина в случае возникновения сложностей с получением электронных государственных и муниципальных услуг.

Широко представленные в России специальные сервисные центры – многофункциональные центры (МФЦ) – являются материализацией и практической реализацией принципа «одного окна». Гражданин подает заявление в «окно» оператора в ближайшем МФЦ, а через определенный промежуток времени получает результат (или желаемую услугу) в том же «окне». Поэтому вся работа по координации информационных потоков и обмену информацией между государственными органами, участвующими в предоставлении той или иной услуги, осуществляется сотрудниками МФЦ (Зарецкая, 2013, 245–250).

На сегодняшний день МФЦ Кубани – это 44 филиала государственного автономного учреждения Краснодарского края «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Краснодарского края», которые включают в себя 57 офисов в каждом городе и районном центре и 286 территориально обособленных структурных подразделений (ТОСП) в городских и сельских поселениях. Общее количество окон приема заявителей составляет 1286.

Охват населения края МФЦ составляет 97,08 % при плановом значении не менее 90%, установленном Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (средний показатель по ЮФО – 96,91%).

Помещения МФЦ, автоматизированная система МФЦ, режим работы соответствуют требованиям законодательства (Правилам организации деятельности МФЦ, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.2012 № 1376).

В МФЦ представлены все наиболее массовые и востребованные услуги органов власти. Общее количество услуг в МФЦ составляет 220 государственных и 10 057 муниципальных услуг.

В регионе реализован принцип экстерриториальности, который предусматривает возможность обращения заявителя в любой МФЦ в пределах территории Краснодарского края независимо от его места жительства или места пребывания (для физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей) либо места нахождения (для юридических лиц).

В целом по качеству оказания государственных и муниципальных услуг граждане оставляют не значительное количество отзывов. Чаще всего это либо какие-либо вопросы, интересующие население, или же жалобы. В работе по предоставлению услуг в электронной форме органы власти всей Российской Федерации и в том числе Краснодарского края руководствуются Постановлением Правительства РФ от 26 марта 2016 г. №236 «О требо-

ваниях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг».

Сложным аспектом остаются системы межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти субъекта и органов МСУ, которые при недолжном использовании замедляют планирование задач и дальнейшую модернизацию всего процесса оказания государственных и муниципальных услуг в электронном формате.

Также значительной и особо отмеченной является проблема отсутствия возможности приостановки услуги. Существуют строго ограниченные сроки и условия предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а иногда получается так, что заявитель в силу непредвиденных обстоятельств (командировка по работе, отъезд или другие объективные причины) не имеет возможности явиться или предоставить недостающую информацию, документы в органы, оказывающие услугу. В таком случае было бы удобно «заморозить» услугу на том моменте, на котором она была приостановлена, а затем продолжить с этого этапа в удобное для заявителя время.

Часто заявители предоставляют некачественные копии документов, и это вызывает сомнение в подлинности полученной информации. В дальнейшем это влечет за собой ряд процедур по утверждению достоверности данных и доставляет неудобства как заявителю, так и органу, предоставляющему услугу.

Барьерами, препятствующими гражданам обращаться за получением государственных и муниципальных услуг в электронном формате являются:

- нормативно-правовые ограничения по оказанию некоторых видов услуг в электронном виде;
- низкий уровень распространённости среди граждан электронной подписи, что ограничивает заявителя в перечне услуг, которые могут быть предоставлены;
- неполная регистрация (не осуществили подтверждение личности путем личного посещения ближайшего многофункционального центра) на портале Госуслуг.

В рамках совершенствования оказания государственных и муниципальных услуг важным можно считать послание Президента Федеральному Собранию, оглашенное в феврале 2019 года. Президент указал на необходимость обеспечить до конца 2020 года предоставление всех ключевых государственных услуг «именно в проактивном формате, когда человеку достаточно выслать запрос на необходимую услугу, а остальное система

должна сделать самостоятельно, автоматически». в соответствии с показателями федерального проекта «Цифровое госуправление», доля приоритетных государственных услуг и сервисов, оказываемых без необходимости личного посещения государственных органов и иных организаций, с применением реестровой модели, в автоматическом режиме, проактивно, к 2020 году должна достичь 15%, к 2024 году – 100%.

Для повышения эффективности и результативности технологий оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме в Краснодарском крае необходимо дальнейшее формирование методологии, создание организационных, нормативных и кадровых условий развития деятельности.

Библиографический список

Зарецкая Д.С. Электронное правительство: понятие и перспективы развития / Д.С. Зарецкая // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 3. – С. 245–250.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

М.А. Езупова (Краснодар)

Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, задачами которого является поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (ч. 2 ст. 7).

В Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования (ст. 43).

Еще двадцать лет назад в интервью корреспонденту «Российской газеты» В.М. Филиппов отметил: «Студенты будут учиться с помощью электронных средств, компьютеров по традиционным технологиям еще не-

сколько лет. А потом мы будем иметь совершенно другую парадигму вузовского образования – виртуальные университеты. Студенты будут сидеть дома, слушать и читать лекции, отвечать на вопросы, сдавать зачеты и экзамены. Готовиться к таким технологиям нужно уже сейчас» (Российская газета, №115, 1999). Переход к таким формам обучения должен был быть постепенным, однако, пандемия коронавируса внесла коррективы в этот план. Проблемы тотального перехода на использование дистанционных технологий в образовании и возможные пути их решения, перспективы дальнейшего развития системы образования после пандемии волнуют всех. По мнению специалистов ВШЭ, которые оценили ряд факторов: технических (наличие компьютерной техники, необходимого программного обеспечения, Интернета с достаточной для устойчивого сигнала скоростью), финансовых (готовность семей к расходам на компьютерную технику, оплату Интернета), методических (разработка уроков, материалов для учителей и учеников), кадровых (наличие ИКТ-квалификаций у педагогов), организационных (комплекс правильных своевременных управленческих решений), немалая доля учащихся может оказаться неготовой для перехода на дистанционный режим работы (Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А. и др., 2020, 37).

В настоящее время о дистанционной форме обучения высказываются самые разные мнения, иногда диаметрально противоположные. Чтобы разобраться в терминах, необходимо обратиться к Федеральному закону от 29.12.2010 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В этом документе под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников; под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Таким образом, дистанционное, или электронное обучение – это форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфичными средствами интернет-технологий или другими

средствами, предусматривающими интерактивность (Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. и др., 2004, 17). Что же касается образовательного процесса, который реализовывался в период карантина, – это обучение с использованием дистанционных образовательных технологий.

Аргументы «за» дистанционное обучение – во-первых, удобство, позволяющее учащимся осваивать необходимые предметы в домашних условиях; во-вторых, дистанционное обучение дешевле традиционного обучения; наконец, обучающиеся могут выбирать из курсов-модулей те, которые отвечают их индивидуальным потребностям. В качестве недостатков отмечается отсутствие непосредственного контакта между учителем и учеником, преподавателем и студентом, а также между обучающимися, что препятствует их гармоничной социализации. Вызывает нарекания качество обучения. Аргумент «против» дистанционного обучения – это также не всегда достаточно хороший уровень связи, препятствующий получению графических, звуковых и видео-файлов. Кроме того, не все обучающиеся имеют возможность выхода в Интернет или не обладают необходимыми навыками работы в сети.

Споры о дистанционном обучении сложно свести к единому мнению, однако, необходимо признать, что дистанционное обучение – это реалии сегодняшнего дня, а развитие дистанционных образовательных технологий – одна из задач, которую ставит перед собой государство. Статья 108 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» уже была дополнена частью 17, в соответствии с которой при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части реализация образовательных программ, а также проведение государственной итоговой аттестации, завершающей освоение основных профессиональных образовательных программ, осуществляется с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий.

Для достижения целей развития системы образования, поставленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.», в настоящее время реализуются приоритетный национальный проект «Образование» и национальная программа «Цифровая экономика РФ».

Целью нацпроекта «Образование» названо обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение РФ в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования, а одной из задач для достижения этой цели – создание к 2024 году современной

и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней. Предусмотрена реализация федерального проекта «Цифровая образовательная среда», задачей которого названо создание современной и безопасной цифровой образовательной среды для обеспечения высокого качества и доступного образования всех видов и уровней. В рамках реализации проекта «Цифровая образовательная среда» в 2019 г. была обновлена база ИКТ почти в 900 школах и созданы центры цифрового образования детей «IT-куб».

В конце июня 2020 года Правительство РФ опубликовало проект постановления «О проведении в 2020–2022 годах эксперимента по внедрению целевой модели цифровой образовательной среды в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых». Целью эксперимента является создание и апробация цифровой образовательной среды (далее – ЦОС) и обеспечение возможности использования ЦОС на постоянной основе на всей территории РФ.

Согласно проекту цифровая образовательная среда представляет собой, в частности, совокупность условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся.

Участниками эксперимента являются Министерство просвещения РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, привлекающие органы местного самоуправления – на добровольной основе, а также участники цифровой образовательной среды, в том числе обучающиеся, родители обучающихся (законные представители), образовательные организации, потребители контента, поставщики контента и образовательных сервисов – на добровольной основе. В реализации эксперимента будут участвовать четырнадцать субъектов РФ: Алтайский край, Астраханская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область – Кузбасс, Московская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Пермский край, Сахалинская область, Тюменская область, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Результаты этого эксперимента можно будет оценить уже через несколько лет, а пока необходимо готовиться к серьезным изменениям в об-

разовании на всех уровнях, поскольку поступательное развитие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий – одна из важнейших задач государственной политики в сфере образования в условиях цифровизации общества.

Библиографический список

Готовность российских школ и семей к обучению в условиях карантина: оценка базовых показателей / С.И. Заир-Бек, Т.А. Мерцалова, К.М. Анчиков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М., 2020. – 32 с.

Российская газета, № 115 от 19 июня 1999 г.

Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева. – М., 2004. – С. 17.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

З.А. Жаде, А.М. Шадже (Майкон)

Глобальная кризисная трансформация, вызванная пандемией COVID-19, в корне изменила стандарты и радикально обновила систему образования во всем мире. Связанные с ней риски становятся новым вызовом для современных университетов, а стратегии их развития во многом будут определяться балансом между потребностью общества в совершенствовании потенциала университета как социально ориентированного института (Неборский, 2017).

Сегодня вся система образования вынужденно адаптировалась под новые условия и перешла на применение дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ). В цифровую эпоху расширились возможности электронного обучения, делающего информацию более доступной и удобной для пользователя; появились современные информационно-коммуникационные технологии; онлайн-обучение стало рассматриваться как способ коммерциализации деятельности высших учебных заведений (Лубский, 2020, 34).

Одним из важных аспектов применения ДОТ, которые реализуются через информационно-телекоммуникационные сети в образовательном процессе, является его правовое регулирование. Система правового регулирования образования включает в себя значительное число нормативных актов различного уровня и направленности, которые составляют многоуровневую и сложную систему.

Системообразующим нормативным актом, регулирующим образовательную деятельность в РФ, является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», одним из основных принципов которого является перевод процесса обучения в цивилизованный правовой формат во всех деталях и направлениях. В соответствии со статьей 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» Закона № 273-ФЗ «под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» (Об образовании...).

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, является Министерство образования и науки РФ (с 2018 года – Министерство науки и высшего образования РФ). В нормах «Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 09.01.2014 № 2 устанавливается, что образовательные организации: «оказывают учебно-методическую помощь обучающимся, в том числе в форме индивидуальных консультаций, оказываемых дистанционно с использованием информационных и телекоммуникационных технологий» (Порядок применения...).

Несмотря на то, что регламентация важнейших аспектов образовательной политики осуществляется множеством нормативно-правовых актов различных уровней, задача систематизации образовательного законодательства остается актуальной. В настоящее время система законов и иных правовых актов об образовательной деятельности все более расширяется и совершенствуется. Новейшим нормативно-правовым актом, регламентирующим ДОТ, является приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14.03. 2020 № 397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации», в котором Министерство в связи с неблагоприятной ситуацией по новой коронавирусной инфекции рекомендовало вузам организовать обучение студентов с ис-

пользованием цифровых образовательных технологий вне места нахождения организаций. В приказе подчеркивается: «при реализации образовательных программ предусмотреть использование различных образовательных технологий, позволяющих обеспечивать взаимодействие обучающихся и педагогических работников опосредовано (на расстоянии), в том числе с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» (Об организации...).

27 мая 2020 года Государственная Дума РФ приняла закон о совершенствовании целевого обучения в России и порядке дистанционного обучения в стране в случае введения режима чрезвычайной ситуации или повышенной готовности.

Исходя из анализа содержания законодательства в сфере ДОТ, можно сделать вывод о сохранении основополагающих признаков предоставления данного вида образования, его поддержка органами власти различного уровня. Действующие в России законы и подзаконные акты закрепляют правовые основы реализации образовательных программ высшего образования с применением ДОТ, а также отдельные принципы, в соответствии с которыми они должны применяться.

Нормативно-правовое обеспечение образовательной организации является главной составляющей управления. Сложная правовая среда, в которой функционирует образовательное учреждение, обязывает его следить за изменениями в нормах права на различных уровнях. Законы, принимаемые на федеральном уровне, устанавливают общее направление развития и регулируют общие вопросы сферы образования, получающие последующее развитие в законодательных актах субъектов РФ с учетом особенностей регионов.

Анализ нормативно-правовой основы применения ДОТ при реализации программ высшего образования позволил сделать следующие выводы: действующие нормативно-правовые акты наделяют образовательные организации достаточными полномочиями в вопросах использования в образовательном процессе ДО и ДОТ, однако на практике в полной мере реализация обучения в данной форме вызывает сложности; в то же время наличие правовой возможности осуществления внедрения ДО и ДОТ образовательными организациями, реализация доступности и других преимуществ основных образовательных программ не способствуют как снижению издержек на реализацию образовательного процесса, так и извлечению прибыли.

Разработка нормативно-правового обеспечения СДО остается одной из актуальных проблем законодательства, поскольку является основой для его эффективного функционирования и развития. Анализ нормативно-

правовой базы ДО показывает, что законодательство в этой области находится в стадии своего развития, появляются новые недочеты образовательного законодательства, что обуславливает его недостаточную эффективность, способствуют возникновению ряда негативных тенденций в развитии образования. Данное направление развития образования и соответствующего законодательства в России с учетом возникших проблем является инновационным и требует научного изучения для выявления путей и способов его совершенствования, дальнейшего развития нормативно-правового регулирования образовательных отношений.

Библиографический список

Лубский А.В., Ковалев В.В. От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Том 9. № 2. – С. 33-50.

Неборский Е.В. Глобальные риски как вызов развитию современных университетов // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Т. 5. № 6. <https://mir-nauki.com/PDF/95PDMN617.pdf>

Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020). Режим доступа: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/>

Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14.03. 2020 № 397. Режим доступа: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=1064&cat=/documents/docs/

Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Приказ Министерства образования и науки РФ от 09.01.2014 № 2. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161601/

ВОЗРАСТАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РОЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И НОРМАТИВНО- МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДОКУМЕНТНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М.Р. Закарян (Краснодар)

Во всех сферах жизнедеятельности общества самой актуальной проблемой остается проблема теоретическая, которая приобрела радикальный характер, а именно – отсутствие фундаментальной общей теории деятельности. Обосновано утверждение о невозможности ее построения как парадигматической теории, что обуславливалось сначала многопредметностью сфер жизнедеятельности общества, а затем и ростом динамики ее изменения. Исходя из необходимости формирования теории деятельности как системной теории делается вывод, что теория деятельности может быть построена только на основе смысловой, не формальной, а содержательной логики. Показано что есть два пути построения такой теории и преодоления теоретической проблемы в обществе. Во-первых, это разработка диалектико-системологической методологии как научной методологии построения общей системной теории деятельности. Во-вторых, с учетом того, что не смотря на теоретический кризис в обществе непрерывно формируется и постоянно совершенствуется законодательно-правовая и нормативно-методическая база его жизнедеятельности, которая и позволяет в целом удовлетворительно ее осуществлять, можно сделать вывод о том, что действующая законодательно-правовая и нормативно-методическая база жизнедеятельности общества потенциально содержит в себе не только прикладную но и фундаментальную ее теорию, которые можно извлечь, применяя известный метод индукции. Здесь только надо ясно понимать, что последовательно индуцируя из действующей законодательно-правовой и нормативно-методической базы сначала прикладную, а затем и фундаментальную теорию деятельности, необходимо применять логико-смысловую, т.е. диалектико-феноменолого-системологическую индукцию. В этом случае, как это понятно, действующей законодательно-правовой и нормативно-методической базе придается методологическая функция, что и обуславливает возрастание ее методологической роли в обществе. В ходе научно-технического прогресса все большую определяющую роль в жизнедеятельности общества приобретает законодательно-правовая и нормативно-методическая база информационно документной сферы общества.

В ходе формирования и развития информационно-документной сферы общества возникает и документоведческая наука, которая с момента своего возникновения и до сегодняшнего дня озабочена построением фун-

даментальной общей теории документоведения. В некотором смысле документоведение как научная дисциплина возникает вынужденно как необходимость научного обоснования решения практической важной государственной задачи по формированию эффективной документной сферы жизнедеятельности общества в масштабе всей страны. Эта задача, в свою очередь, была обусловлена успешным решением другой важной государственной задачи – задачи индустриализации всей страны. Индустриализация всей страны ознаменовалась возникновением наряду с ремесленной деятельностью и кустарным производством промышленного производства и профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность в промышленном производстве, в отличие от кустарной деятельности в кустарном производстве и ремесленной деятельности, необходимо требует такой же профессиональной организации и управления, а вместе с ними и такого же профессионального документационного обеспечения.

Дальнейшее развитие индустриального общества привело к постепенному, но постоянно ускоряющемуся в результате научно-технического прогресса перераспределению и качественному изменению сфер ремесленной, профессиональной и кустарной деятельности в обществе. Понятно, что это перераспределение и качественные изменения осуществлялись в сторону увеличения, как доли, так и значимости профессиональной деятельности практически во всех сферах жизнедеятельности общества.

С исторической точки зрения такой процесс сопровождался актуализацией задачи научного обоснования документационного обеспечения профессиональной деятельности сначала на уровне различных производств, потом на отраслевых уровнях и только в начале второй половины прошлого века эта задача достигла своей актуализации на государственном уровне. Понятно, что для решения такой задачи в государственном масштабе необходима фундаментальная научная теории документоведения. «Внимание к теоретическим проблемам документоведения особенно усилилось в 1960-1970 гг. в связи с разработкой и внедрением Единой государственной системы делопроизводства и информационной базы автоматизированных систем управления. Важнейшей задачей документоведения на современном этапе является теоретическое обоснование процессов документационного обеспечения аппарата управления» пишет Я.З. Лившиц во введении в одном из первых учебных пособий по документоведению (Илюшенко, 1977, 4–5).

Уже тогда ясно (и надо сказать – точно) была определена структура содержания этой будущей теории документоведения. «Документоведение – научная дисциплина, изучающая в историческом развитии закономерности

образования документов, способы их создания, становление и развитие систем документации и систем документирования» (Илюшенко, 1977, 3). В то время, судя по содержанию цитируемого здесь учебного пособия и другим публикациям документоведов того времени, например, (Митяев, 1964) или (Лившиц, 1973), – при ясном понимании всей сложности поставленной задачи все же была уверенность в том, что фундаментальная научная теория документоведения будет создана. Однако найти решение этой задачи оказалось настолько сложным и проблематичным, что сегодня приходится констатировать не только факт отсутствия такой теории, но и осознание самой задачи ее создания как сложнейшей научной теоретико-методологической проблемы современного документоведения.

Сначала эта проблема осознавалась и обсуждалась в кругу ученых историков, архивоведов и документоведов непосредственно участвующих в решении государственной задачи по созданию Единой государственной системы делопроизводства. Как известно это были ученые Московского государственного историко-архивного института, ныне Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ) и Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Надо отдать должное этим ученым – они более чем успешно справились с этой задачей. Именно благодаря им Российское общество каждый раз возрождает былое величие России, когда, казалось бы, что от него уже ничего не осталось. А это возможно только там, где создана эффективная документная система общества. Ученый состав этих учреждений и ныне достойно представляет документоведческую элиту нашей страны. «В настоящее время институт входит в систему Федерального архивного агентства (Росархива). Его основными задачами остаются разработка теоретических и методических проблем архивоведения и документоведения, архивного дела и документационного обеспечения управления» (Об институте, 2017). Тем не менее, теоретическая проблема документоведения до сих пор не решена, однако при этом в России создана и успешно функционирует эффективная документная сфера общества с необходимой и пока еще надежной законодательно-правовой и нормативно-методической базой. Ситуация парадоксальная, но это – факт.

Сегодня всем становится понятно, что эта ситуация приобретает критический характер, что в документной сфере общества появляются и накапливаются все новые и новые проблемы. В интеграционном восприятии этих проблем можно говорить, что документная сфера общества не только России, но и всего мира, уже вступила в кризис, и кризис этот теоретический.

Надо сказать, что теоретический кризис сегодня охватил всю социогуманитарную, политическую и экономическую сферы общества.

Глобальная профессионализация жизнедеятельности общества требует здесь говорить не просто о теории, а о научной теории. В этом случае, очевидно, что возникновение и развитие теоретического кризиса будет определяться методологическими особенностями, а точнее говоря, самой методологией получения теоретического знания тех наук, которые лежат в основе формирования и развития профессионализма той или иной сферы жизнедеятельности общества. Известно, что в основе технико-технологической сферы общества и, стало быть, научно-технического прогресса лежат математические и физико-технические науки, для которых характерны гипотетико-дедуктивные и эмпирико-индуктивные методологии, которые приводят к построению аксиоматических формально-логических теорий. В силу свойств этих теорий математические и физико-технические науки получили статус точных наук. Большую роль в формировании и развитии технико-технологической сферы общества сегодня играют химико-биологические и медицинские науки, где изначально господствует натуралистическая описательная методология, на основе которой формируются естественно-описательные теории, характеризующиеся в свою очередь натуралистической точностью. В основе формирования и развития профессионализированной социально-гуманитарной, политической и экономической сфер жизнедеятельности общества, в том числе и документной сферы, лежат гуманитарные, социальные, политические, юридические, экономические и документоведческие науки, в которых сегодня устойчиво утвердились гипотетико-парадигмальная и эмпирико-парадигмальная методологии. Понятно, что эти методологии формируют парадигматические теории. Уже этот факт позволяет сделать предположение о том, что не только для документоведческих наук невозможно сформировать фундаментальную общую теорию документоведения, но и для всех общественных наук не возможно сегодня построить общую теорию деятельности на основе парадигмальной методологии. Короче и точнее говоря, фундаментальная общая теория документоведения, как и общая теория деятельности не может быть парадигматической.

Парадигматическая теория по своему методологическому происхождению сама по себе не является научной, но может приобрести статус научной теории по договоренности всего научного сообщества в соответствующей предметной области. Статус научной теории действует до тех пор, пока сохраняется эта договоренность и теоретические модели предметной области, полученные на основе этой парадигматической теории, хорошо

согласуются с практикой. Понятно, что невозможность построения научной парадигматической теории определяется наличием объективных причин, которые не позволяют установить в научном сообществе договоренность о научном статусе рассматриваемой парадигматической теории. По меньшей мере, можно установить две таких независимых причины. Во-первых, это многопредметность изучаемого явления реальности или изучаемой части реальности, которая обуславливает для каждого единичного предмета частную научную дисциплину, что делает научное сообщество разнородным и порождает множество конкурирующих между собой общих парадигматических теорий. Это множество характеризуется не только многообразием этих теорий, но и их разнообразием и даже разнобразием, при которых установить договоренность в научном сообществе относительно одной из них становится невозможным. Во-вторых, это рост динамики изменений в самой предметной области, обусловленный научно-техническим прогрессом, когда скорость изменений достигает такого уровня, при котором возникает необходимость так быстро сменять парадигмы, что не остается времени для формирования парадигматической теории. Именно такая ситуация с самого начала существует в документоведческой науке и сегодня сложилась во всех общественных науках.

Библиографический список

Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В., Лившиц Я.З. Документоведение. Документ и системы документации: учебное пособие. – М., 1977.

Лившиц Я.З. Документоведение как научная дисциплина // Советские архивы. – 1973. – № 6.

Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. – 1964. – № 2.

Обинституте. Режимдоступа: http://www.vniidad.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1153&Itemid=779

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЛОНТЁРСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА¹⁵

С.В. Звягинцев (Краснодар)

Категория идентичности достаточно хорошо разработана в научном плане, в том числе на основе междисциплинарного подхода, при этом феномен экологической идентичности, его содержательный и динамический

¹⁵ Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта РФФИ № 18-011-00975 А «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

аспекты, а также его место в более широкой структуре механизмов регуляции социального поведения, довольно редко попадает в поле зрения исследователей. Наиболее близкими к понятию экологической идентичности, хотя и не тождественными ему, являются категории экологического сознания, экологического мировоззрения, экологического мышления и экологической культуры, которые начали появляться в научной литературе вслед за развитием экологического движения с 1960-х гг. В зарубежных источниках часто используется термин (*pro-environmental behavior*) «проэкологическое поведение», чаще всего трактуемый как «преднамеренное уменьшение отрицательного воздействия, оказываемого на окружающую среду».

Экологическое волонтерство трактуется в комплексе со многими мерами связи с природой: «экологическая идентичность», «природа связанности», «эмоциональное единство с природой». Ценности формируют субъективное чувство единения с естественным миром и самоопределением как части мира и природы. Связь с природой происходит в рамках концепции коллективной идентификации, в которых коллективная идентификация воспринимается как единство с группой, а индивидуальное «Я» является лишь одной частью целого. По мнению исследователя М. Томашоу, «экологическая идентичность – это различные способы восприятия себя в связи с окружающей средой, что проявляется в характере, ценностях, действиях, чувстве собственного Я» (Thomashow, 1996, 112).

Кроме того, факторы, влияющие на степень связи природой, схожи с теми категориями, которые используются для измерения идентификации с группами людей, отражающие многие психологические проявления «множественной идентичности». К ним относятся акцентирование сходства между членами группы («Я чувствую, что у меня много общего с другими»), чувство взаимозависимости («от нынешнего состояния нечеловеческих видов зависит будущее людей»).

Ряд исследований рассматривают комплексное соотношение между социальной идентичностью, экологической идентичностью и экологической активностью. С. Клейтон создала Шкалу экологической идентичности (EID) (Clayton, 2003, 56) для оценки взаимосвязи между экологической идентичностью (включая элементы и природы, и социальной идентичности) и экологическим поведением, обнаружив, что EID значительно коррелирует с определёнными устойчивыми действиями человека в отношении к экологии, причём как на бытовом уровне (например, экономичный подход к использованию энергоносителей в доме), так и на уровне гражданской активности (денежные пожертвования экологическим организациям).

Политизация идентичности формирует чувство несправедливости в рамках социальной системы и критичное отношение к власти внутри общества, что создаёт почву для политизированных групп для совместных действий по исправлению данной ситуации. Без чувства социальной несправедливости люди не хотят оспаривать существующие порядки в социальной системе. Таким образом, по сравнению с идентичностью как более широкой категорией, политизация идентичности – рычаг к коллективным действиям.

Помимо политизации идентичности в целом, существуют и другие процессы, которые могут объяснить косвенные отношения между отождествлением индивида с природой и экоактивизмом. Идентификация личности с природой рассматривается некоторыми учёными в категории «чувства морального долга» людей перед окружающей средой, в то же самом виде, в котором идентификация человека с группой формирует чувство ответственности за защиту членов этой группы. У каждого человека, так или иначе, есть потенциал для формирования экологической идентичности, также как у каждого есть потенциал для формирования, например, этнической идентичности, но степень выраженности этой идентичности будет зависеть от значимого опыта, связанного с этим. Ранний опыт взаимодействия с природой, особенно в компании значимых «других», играет важную роль в развитии экологической идентичности. М. Мацуба и др. также утверждают, что экологическая идентичность зависит в своём развитии, как от определенного уровня зрелости и генеративности, так и возможности взять на себя личную ответственность о беспокойстве за своё влияние на мир (Matsuba, Pratt, Norris, Mohle, Alisat, McAdams, 2012, 1099).

Природа влияет на формирование важных аспектов экологической идентичности по трём причинам. Во-первых, природа – это источник эмоционально резонансных и значимых переживаний для многих людей. Во-вторых, такого рода фон, зачастую, способствует саморефлексии. Действительно, многие люди описывают природную среду как некую ценностно-смысловую категорию, место, где они хотели бы думать о важных для них решениях. Наконец, природа напрямую влияет на удовлетворение некоторых базовых потребностей человека. Следовательно, некорректное поведение со стороны внешних акторов по отношению к природе может восприниматься человеком как личная угроза.

Одной из основ для формирования экологической идентичности является экологическая грамотность. Экологическое образование формирует экологическую культуру, которая развивает экологическое мировоззрение и ценностные установки, перерастающие в убеждения. В этой связи, про-

цесс формирования экологической идентичности единство решения трех проблем: объяснение негативных последствий загрязнения окружающей среды, использование экологического подхода к организации экономики и других сфер жизни, формирование экологической культуры. Например, в Финляндии некоммерческие проекты, связанные с экологией активно внедрены в систему образования, здравоохранения, социальную инфраструктуру. Особого внимания заслуживают многочисленные церковные инициативы, которые вносят большой вклад в экологическое образование. В целом, национальная идея Финляндии сформулирована как «природа-дом-семья».

Анализ СМИ демонстрирует, что в России существует масштабный экологический медиадискурс в цифровой среде, состоящий из нескольких тематических доминант: мусорная проблема, обращение людей с животными, причинение вреда окружающей среде человеком. Ведущие стратегии экологических активистов в цифровых форматах: сторителлинг, визуализация контента, технологическая активизация соучастия адресата и коммуникативное лидерство (предполагающее оперативный отклик на политическую повестку и инициирование политического дискурса). Общественное мнение формируется посредством механизма стереотипизации, при котором в текстовый поток информации внедряются упрощенные и стандартные представления. Эти коммуникативные механизмы активно использовались экологическими организациями (в частности, в процессе «мусорных бунтов» в Архангельске, Подмосковье) как в медиаформатах, так и при протестной офлайн-коммуникации.

В целом, экологическая идентичность является важной концепцией, поскольку она связана с устойчивым развитием, влияет на наше благосостояние и на принятие политических и экономических решений. Анализ теоретических данных позволяет определить экологическую идентичность как многообразие ценностей и способов, с помощью которых отдельный человек или группа людей осознает себя как актора взаимоотношений с окружающей природной средой и процессам изменений экологических условий территории проживания. Усиление экологической идентичности способствует необходимости решения экологических проблем, большей общественной поддержке и заинтересованности в реализации экологических проектов, заставляя местных чиновников прислушиваться к мнению жителей и общественности, учитывать «зелёный фактор» при принятии значимых политических и экономических решений.

Библиографический список

Clayton S. Environmental identity: A conceptual and an operational definition // Identity and the natural environment. 2003 Cambridge, MA: MIT Press. P. 45–66.

Matsuba M., Pratt M., Norris J., Mohle E., Alisat S., McAdams D. Environmentalism as a context for expressing identity and generativity: Patterns among activists and uninvolved youth and midlife adults // Journal of Personality. 2012. №80(4). P. 1091–1115.

Thomashow M. Ecological Identity: Becoming a Reflective Environmentalist. Cambridge: MIT Press, 1996. 250 p.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ВОПРОС ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Т.В. Иващенко (Барнаул)

Тема цифровизации общества становится актуальнее день ото дня, это связано с тенденцией развития информационных технологий и повышением уровня вовлеченности в данные процессы всех сфер и элементов общественной жизни.

Политическую цифровизацию можно охарактеризовать как часть системной цифровой трансформации, которая подвержена общим закономерностям развития. Влияние цифровизации на политическую сферу можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле предпосылки политической цифровизации заложены в изменениях экономического базиса, которые имеют определенное влияние на трансформацию институциональной и политической надстройки. А в узком – политическую цифровизацию можно трактовать как инструментальное проникновение цифровых технологий в область политических отношений. Цифровизация политической жизни выражается во все более широком использовании современных технических средств массовой коммуникации, а также в постоянном совершенствовании технологий, обеспечивающих сбор, обработку, создание и распространение цифрового информационного контента общественно-политической направленности (Мальшева, 2018, 164).

Имплантиция, в свою очередь, цифровых изменений в тело политических институтов в особенной степени привлекает внимание всех акторов политической деятельности, т.к. данные модификации открывают огромные перспективы для развития демократии. Говоря об электронном правительстве как будущем электронной федеральной и региональной инфраструктуры, можно отметить, что в таком случае можно надеяться на снижение различного рода издержек. В организационном плане этот эффект

достигается обустройством call-центров, разработкой мобильных приложений и реинжинирингом государственных интернет-платформ (Паньшин, 2016, 20).

Партии также являются политическим институтом, как и государство, и в условиях глобальной цифровизации выстраивают свою работу в соответствии со временем и аналогичными вызовами современности. Одним из методов, которым оперируют для полноценного функционирования партии и выполнения их главной функции является голосование. Под влиянием цифровизации сам процесс голосования переходит в электронную форму, которая хотя имеет определенные преимущества, но также обладает и недостатками. Наиболее ярко это проявилось во время распространения COVID-19 и вынужденной необходимости использования дистанционного способа голосования. Это время обнажило ряд острых проблем и вопросов, решение которых уже невозможно откладывать. Ведь голосование, переход различных государственных систем в электронный режим и другие трансформации ставят под удар информацию не просто пользователей того или иного сервиса, а данные граждан страны, вплоть до данных на государственных интернет порталах, в частности, портале «Госуслуги».

В настоящее время уже внедренные технологии позволяют собирать и обрабатывать колоссальные объемы информации о потенциальных политических сторонниках и избирателях, политических конкурентах и обычных гражданах. Эта база может быть использована для отслеживания пользовательских данных и при недостаточном уровне инструментов информационной безопасности может привести к сегментации разнообразных персональных данных, которые дают возможность создавать связанные персональные профили граждан, определять степень их лояльности и осуществлять прогностическое моделирование социального поведения. Таким образом, данная технология может быть использована в политических целях для анализа и управления поведением людей, продвижения политических программ, мониторинга социальной и политической о напряженности в различных регионах, выявления сетевых сообществ с определенными идеологическими предпочтениями и даже шантажа или мошенничества. Обладание цифровым технологическим преимуществом дает реальные рычаги воздействия на политическое пространство в собственной стране и за ее пределами.

Риски цифровизации состоят также в необходимости строгого инжиниринга разработки и эксплуатации сложных цифровых систем, так как программирование (как вид деятельности) недостаточно технологично в

принципе. Многие программист подразумевают по умолчанию, а принципиальные решения не отмечаются в комментариях исходного текста как само собой разумеющееся. Кроме того, часто документация к программам составлена некорректно. Поэтому в ходе эксплуатации теряется контроль над программным продуктом. Эти риски усиливаются тем, что в проектах информатизации, как правило, не предусматриваются затраты на обслуживание, которые в значительной мере влияют на эффективность эксплуатации (Карапетян, 2019, 2).

Нужно признать, что цифровое общество – это наше будущее, которого невозможно избежать, и чтобы процессы цифровизации не вышли из-под контроля необходимо научиться управлять ими. Одним из основных источников проблем является стремительность обновления и непрерывность самой трансформации технологий. Пока общество приспосабливается к имеющимся технологическим инновациям, на смену им приходят новые, еще более совершенные. Замечено, что технологии устаревают быстрее, чем заканчивается гарантийный срок произведенной на их основе продукции. Как бы ни были велики возможности цифровых технологий сегодня, завтра они будут способны на гораздо большее с точки зрения их позитивного и негативного влияния на общественное развитие. А это ведет к настоящей гонке на выживание между теми, кто хочет извлечь из этого «нехорошую» выгоду и теми, кто должен эти действия предотвратить. А учитывая, что цифровая экономика глобальна, все государственные проекты цифровизации необходимо рассматривать комплексно, на основе целостной системы кодирования и идентификации экономической и управленческой информации. Подкрепляя успех в данной плоскости проведением работы, связанной с подготовкой квалифицированных кадров, можно предугадать и предотвратить информационные атаки и совершенствовать инструменты, направленные на сохранение и поддержание информационной безопасности. Помимо подготовки кадров, решение проблемы безопасности заключается в разработке альтернативного программного обеспечения в рамках национальных и интернациональных проектов, подрывающих технологическую монополизацию цифрового пространства. В данном направлении и нужно проводить активную работу государственным органам, как одним из наиболее заинтересованных лиц в стабильности процесса цифровизации политических институтах.

Библиографический список

Баранов Н.А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. – 2019. – №10. – С.28-36.

Карапетыян Д.Т. Мероприятия по снижению рисков цифровизации. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meropriyatiya-po-snizheniyu-riskov-tsifrovizatsii>

Мальшева Г.А. О влиянии цифровизации на общественно-политическое развитие в России // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С.164-169.

Осипов П. Н. «Вирусная» цифровизация и ее последствия // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – №2. – С. 75-77.

Панышин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. – 2016. – №3 (157). – С.17-20.

Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. – М., 2007. – 24 с.

Ткаченко И.Ю. Проблемы развития цифровых технологий // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – №9. – С. 76-87.

Халин В. Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – №10. – С. 46-63.

СЕТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

О.А. Игнатьева (Санкт-Петербург)

Сетевой анализ появился в социальных науках в начале 1970-х гг. (Мирошниченко, 2013), и с тех пор стал важной парадигмой не только в сфере социологии (Б. Латур, М. Кастельс), но и в сфере политической науки. Р. Родс выделяет три школы анализа политических сетей, которые внесли существенный вклад в развитие данной парадигмы в политологии. Это американская школа (Г. Гекло, Р. Рипли, Л. О’Туул, Л. Саламон), английская (Р. Родс, М. Татчер) и школа континентальной Европы (Т. Берцель). Корни сетевого политического анализа лежат в исследовании разделения власти между публичными и частными акторами в сфере принятия политических решений. Наличие политических сетей позволяет говорить об организационном государстве (Кнок и др., 1996), как о характеристике отношений между различными субъектами принятия политических решений.

Необходимо отметить, что политические сети складываются не только в интернет пространстве, но и в реальном мире, для описания которого и возник первоначально данный термин. По определению Родса (Rhodes, 2006), политические сети представляют собой совокупность формальных и неформальных связей между правительством и другими субъектами,

структурированных вокруг общих убеждений и интересов в процессе разработки и осуществления государственной политики. Среди основных разновидностей политических сетей можно выделить проблемные сети (Г. Гекло), железные треугольники (Р. Рипли, Дж. Франклин), субправительства (Дж. Фримен, Дж. Стивенс), политические сообщества (Дж. Ричардсон, Г. Джордан) и эпистемические сообщества (Хаас).

Сетевой анализ позволяет детально изучить взаимосвязи между акторами, рассчитать показатели центральности, определить положения акторов с точки зрения брокерства и престижа, а также вычислить другие характеристики сети (В. де Нуй). Однако сбор данных для проведения сетевого анализа является непростой задачей в условиях российского общества (Сморгунов, Шерстобитов, 2014, Сморгунов, 2016).

Еще одной проблемой данного подхода являются сложности установления взаимосвязи между коммуникацией внутри политической сети и ее влиянием на изменения политической повестки дня (Родс, 2007, Родс, 2006). Для решения данной проблемы и расширения объяснительного потенциала сетевого анализа предлагается использование разных аналитических моделей, таких как модель институционального рационального выбора (Э. Остром), модель политических потоков (Дж. Кингдон), модель пунктационного равновесия (Дж. Баумгартнер), модель коалиций представительства интересов (П. Сабатье), модель политического предпринимательства (М. Минтром), модель коллективного действия (Л. Карлссон) и т.д.

Коммуникация в сети основана на ресурсозависимости, и в процессе выстраивания отношений складываются правила игры, порождающие отношения доверия (Сморгунов, Шерстобитов, 2014). По мнению Т. Берцель, идеи, верования, ценности, идентичность, доверие являются важными для сетевого взаимодействия. Объединение в сеть происходит при необходимости решения проблемы и при недостаточности собственных ресурсов для этого. Однако от такого взаимодействия не все акторы выигрывают одинаково. Те, кто имеют более центральное положение, получают больше возможностей от объединения в сеть, чем те, кто находятся на ее периферии.

С развитием информационно-коммуникационных технологий все большее значение начинают играть сообщества, формируемые в интернет пространстве в целом, и в социальных сетях в частности. Государственные органы и политические партии считают необходимым быть представленными в этом пространстве для позиционирования себя в глазах общества и

привлечения последнего к принятию, обсуждению и реализации политических решений (Сморгунов, 2016, Сморгун, Шерстобитов, 2014).

По поводу наличия мобилизационного эффекта внутри сетевых сообществ и его выражения за пределами сети исследователи в области политических сетей делятся на две группы. Одни полагают, что эта связь существует (Г.В. Лукьянова, А.Ю. Соловьев, Э. Ариас, Т. Ким, С. Виссер). Другая группа считает, что этот эффект трудно доказать более серьезными исследованиями (Ш. Буллейн, А.С. Шерстобитов). Некоторые исследователи полагают, что власть слабо представлена в социальных сетях и проявляет мало активности в случае высоко резонансных событий (С.С. Бодрунова). Д.С. Мартьянов полагает, что наибольшую эффективность имеют сетевые сообщества, управляемые администраторами.

Таким образом, объединение в сеть увеличивает возможности отдельных акторов по решению важных для них проблем за счет обмена разного рода ресурсами на основе отношений доверия, возникающих в процессе длительного взаимодействия. В свою очередь сетевой анализ расширяет методологический потенциал для проведения социальных исследований и отвечает новому типу публичного управления (governance).

Библиографический список

Мирошниченко И.В. Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 3. – С. 68-86.

Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа: учебник для студентов вузов. – М., 2014. – 320 с.

Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. Comparing Policy Networks. Labor Politics in the U.S., Germany and Japan. New York: Cambridge University Press, 1996. 288 p.

Rhodes R. Policy Network Analysis. In M. Moran, M. Rein and R. E. Goodin (Eds.) The Oxford Handbook of Public Policy. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 423-45.

Rhodes R. Understanding Governance: Ten Years On // Organization Studies, 2007. Vol. 28 № 08. P.1-22.

Smorgunov L.V. Russian movement for «open government»: issues of civic engagement in politics // International Journal of Electronic Governance, 2016. Vol.8. № 3.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ВСЕМИРНОГО ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ю.В. Ирхин (Москва)

В современных условиях возрастает значение цифровой ориентированности экономики, планирования и управления в целом, его социальной направленности и ответственности. Наиболее эффективным в условиях борьбы с последствиями современного мирового пандемического и структурного кризиса является применение цифровых технологий в парадигме постнеокейнсианских подходов, предполагающих повышение регулирующей роли государства, его постоянную и по сути мгновенную обратную связь, с остальными субъектами и объектами управления, соответствующую социальную политику. Опыт ряда стран, в которых была недостаточно эффективная государственная поддержки экономики, а также наблюдалась разобщенность общества, быстрое преодоление негативных экономических последствий пандемического экономического и структурного кризиса, не получилось.

Существующие практики государственного управления, в силу объективной необходимости и учета исторического опыта преодоления мировых экономических кризисов, начинают, в частности, опосредоваться неокейнсианскими подходами (Carter, 2020, 72).

Принципы кейнсианства, как известно, включают: ведущую роль государственного, умного регулирования экономики и соответствующих сфер общества, учет инфляции, контроль процентной ставки, спроса-предложения, целенаправленное формирование эффективного спроса, учет темпов развития/падения экономики (доходов и сбережений), ожиданий рынка, постоянный мониторинг безработицы, понимание значения качества институтов, их трансформации и другое (Кейнс, 2007).

В разных кейнсианских подходах, делаются различные акценты на указанные выше параметры и требования (Global, 2011, 216).

Кейнсианскую мысль о необходимом и умном повышении роли государства в условиях кризисного и посткризисного развития подчеркивает известный американский исследователь ливанского происхождения Нассим Талеб (автор трудов по прогнозированию: «Черный лебедь», «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса»). Он отметил, что «Мы нуждаемся в государстве, чтобы оно обеспечивало главную ценность – безопасность людей. В период пандемии государство должно брать на себя управление всеми мерами, которые позволят добиться этой цели» (Taleb, 2020, 45).

Мы полагаем, что учитывая характер беспрецедентных по масштабу мер поддержки экономики и общества, принятых государствами в период пандемии, а также широкого использования цифровых технологий, можно говорить о новом этапе кейнсианства, как учения, обозначив его как постнеокейнсианство.

В подобной ситуации на первый план среди антикризисных мер выдвигаются программы поддержки доходов населения, и одной из главных становится концепция безусловного базового дохода, нисходящего к идеям Т. Мора, Т. Пейна и общей логике Дж. Кейнса об эффективном спросе (Keynes, 1982, 278).

В условиях пандемического кризиса многие страны пошли по пути выплаты определенных фиксированных сумм большинству граждан. В некоторых государствах прямая финансовая поддержка имела социально направленный характер. Важно, что большая часть выплат производилась в парадигме цифрового правительства. Например, в России почти 98% родителей (10,5 млн. заявлений на 15 млн. детей) обратились за финансовой помощью в поддержку детей до 18 лет включительно, именно через портал Госуслуг и получили ее в течение трех дней; двум млн. пенсионеров г. Москвы Пенсионный фонд автоматически перечислил на их счета в течение одного дня дополнительное финансирование в условиях самоизоляции; большинство врачей, работающих непосредственно с больными коронавирусом, оперативно получили серьезные надбавки, но полностью вопрос был решен через 10 дней, после доработки нормативных (нецифровых!) документов; полные списки, для возвращения россиян, оказавшихся за границей в этот период времени, были также созданы при помощи цифровых инструментов: на их основе велся мониторинг и т.д.

Для России – характерна точечная поддержка государством различных сфер производства, торговли, культуры и т.д.

Сегодня пользователями портала Госуслуг являются более 100 млн. взрослых граждан Российской Федерации. А всего таких граждан около 109 млн. человек. Это открывает принципиально новые возможности для оптимизации государственного управления: от конкретного, прямого, мгновенного финансирования, до мониторинга пандемической обстановки (результатов анализа на портале) и организации массового и объективного электронного голосования во время выборов и т.д.

Во многих странах мира были сформированы общенациональные финансовые фонды для преодоления кризиса. В России принят Общенациональный трехэтапный план восстановления экономики в 2020-2021 гг., предполагающий прирост ВВП в 2021 г. в 2,5%, а безработицу ниже 5%.

Примерная стоимость финансирования дополнительных мероприятий по преодолению кризиса в России по этому плану и примыкающим мероприятиям – это дополнительные 5 триллионов рублей (или значительная часть ФНБ).

По прогнозам МВФ, если падение ВВП стран ЕС прогнозируется в минус 10%, то в России – в минус 4%. Косвенным результатом этого, станет достижение Россией по итогам года статуса 5-й экономики мира по паритету покупательной способности – перегонит ФРГ. Другой вопрос, как долго Россия сможет удерживать это почетное место.

В условиях пандемического кризиса в меньшей степени, по сравнению с 2008 г., используется политика национализации ключевых корпораций и банков. Однако и она имеет место. Например, государство ФРГ приобрело контрольный пакет акций «Люфтганзы» (World, 2020, 431).

Особую роль во время пандемического кризиса стали играть информационные корпорации, технологии «цифрового правительства», дистанционная работа и т.п. Достаточно сказать, что кризис гораздо слабее затронул информационные производства, ТНК, управленческие структуры, учебные заведения и другие организации, эффективно использующие цифровые платформы. С 2005 года численность людей, работающих удаленно, в мире выросла на 140%, а в 2020 г. – двукратно и продолжает увеличиваться быстрыми темпами. Количество российских граждан, использующих дистанционную форму работы, выросла в несколько раз и составила в середине 2020 г. более 6 млн. человек. Повсеместно на дистанционное обучение перешли все вузы и большинство школ России.

Пандемический кризис, создав огромное количество проблем (падение производства, увеличение безработицы и др.) и унеся сотни тысяч жизней, явился, в то же время, катализатором структурных реформ. Сейчас, очевидно, зарождаются элементы новой постреальности, связанные с принципиально новыми технологиями и их противоречивым воздействием на общество. Роль государственного управления в этих условиях состоит в том, чтобы учитывая наметившиеся тенденции структурных технологических и иных преобразований, умно направлять и контролировать их совместно со всеми акторами общественного развития, в целях как ускорения экономического роста, так и повышения благосостояния всех граждан.

В целом, необходимо умело использовать достижения ведущих управленческих подходов: административного (эффективная бюрократия), нового государственного управления и менеджмента, включая нелиберальную модель (с акцентом на рынках, контрактах и аутсорсинге), постнеолиберальную модель (с контролем за финансовыми рынками, поддержкой

национального производства, ориентацией на подлинно публичные ценности, противодействия навязываемым из-за рубежа санкциям, повышения национального потребительского спроса и др.). Желательно избегать конфликта конкурирующих моделей государственного управления, правильно их выбирать и развивать, творчески применяя к особым условиям страны, добиваясь ее успешного социально-экономического развития.

В условиях пандемического кризиса принципиально важным является рациональное использование современных кейнсианских методов, опосредованных цифровыми технологиями и ответственной, лидерской социально-экономической государственной политикой.

Библиографический список

Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2007. – 960 с.

Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М., 2020. – 583 с.

Global Development, Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040 /Problems of Contemporary World Futurology /ed. by Vladimir I. Yakunin. Cambridge Scholars Publishing, United Kingdom, 2011. 460 p.

Keynes. J. M. (1936,1982), The General Theory of Employment, Interest and Money, Macmillan, 360 p.

World Bank. Governance and Development. Washington, 2020. 566 p.

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹⁶

*Ю. А. Кабанов, М. Е. Карягин, С. М. Кукарцев, П. Д. Миронов
(Санкт-Петербург)*

Общественные советы (ОС) являются заметной составляющей системы государственного управления в России, хотя возможности их влияния на публичную политику и место в процессе принятия решений получают неоднозначные оценки исследователей (Сунгуров, 2013; Сулимов, 2018; Дьякова, Трахтенберг, 2019; Owen & Bindman, 2017). Одним из важных направлений исследований ОС является анализ их информационной открытости. Она не только отражает активность ОС и качество «обратной связи»

¹⁶ Исследование выполнено в рамках проекта «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного сообщества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге» № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ)

с обществом, но и является условием контроля за их деятельностью (Карягин, 2017). Особенную актуальность информационный компонент приобретает в контексте «открытости» и «прозрачности» органов власти, которая рассматривается как один из ключевых показателей качества государственного управления (Meijer et al., 2012; Hansson et al., 2015). Настоящая работа представляет собой эмпирический анализ информационной открытости ОС Санкт-Петербурга, а также их представленности в медиапространстве.

В рамках исследования открытости было проанализировано 46 сайтов советов, которые оценивались по методике Проектного центра «Инфометр», апробированной в исследовании 2019 г. (Сунгуров и др., 2020). Это позволило проследить временную динамику в развитии информационной открытости ОС.

В качестве критериев оценки были выбраны индикаторы, характеризующие открытость информации о составе совета, его полномочиях и текущей деятельности. Результаты анализа (Таблица 1, полные данные доступны по ссылке: <https://clck.ru/QwTAj>) свидетельствуют об отсутствии существенных изменений открытости ОС по сравнению с предыдущим годом (Сунгуров и др., 2020). Лидером по-прежнему является ОС по развитию малого предпринимательства при Губернаторе Санкт-Петербурга (100 % открытости), при среднем уровне открытости около 52 %. В целом сохраняются проблемы с размещением на сайтах важной информации о деятельности ОС (планов и отчетов), а также низким уровнем открытости ОС при Губернаторе и Правительстве Санкт-Петербурга.

Таблица 1. Уровень открытости ОС Санкт-Петербурга (лучшие показатели).

Место	Организация	Открытость
1	ОС по развитию малого предпринимательства при Губернаторе Санкт-Петербурга	100,00%
2	ОС при Комитете государственного финансового контроля СПб	89,25%
3	ОС при Правительстве Санкт-Петербурга по вопросам отношения к домашним животным	87,50%
4	ОС при вице-губернаторе Санкт-Петербурга по содействию уполномоченным исполнительным органам государственной власти Санкт-Петербурга в осуществлении контроля за выполнением организациями жилищно-коммунального комплекса своих обязательств	81,25%
5	ОС в области обращения с отходами производства и потребления, дорожного, садово-паркового и лесного хозяйства при Комитете по благоустройству Санкт-Петербурга	77,50%
6	ОС при Комитете Санкт-Петербурга по делам Арктики на 2019 год	77,13%

Источник: расчеты авторов.

На втором этапе был проведен анализ представленности ОС в медиaprостранстве. Для этого, используя ресурс «Медиалогия», мы оценили упоминаемость ОС за последний год. Поиск производился по федеральным и региональным СМИ за период с 8 сентября 2019 года по 8 сентября 2020 года. Учитывались все упоминания объектов в СМИ. После автоматизированного поиска производилась ручная проверка с удалением нерелевантных совпадений. Всего удалось обнаружить 955 упоминаний ОС. Лидером здесь также является ОС по развитию малого предпринимательства (544 упоминания), далее следует Совет по стратегическому развитию и проектной деятельности в Санкт-Петербурге (103), а также ОС при Правительстве Санкт-Петербурга по вопросам отношения к домашним животным (94). Для 19 из 46 ОС упоминаний не было обнаружено вовсе (полные данные доступны по ссылке: <https://clck.ru/QwTAj>). В целом можно сделать вывод о слабой и чрезвычайно неравномерной представленности ОС в медиaprостранстве.

К вероятным причинам выявленных диспропорций мы относим, во-первых, личностный фактор, связанный с позицией руководства ОС или соответствующих органов власти (Сунгуров, 2013, Kabanov et al., 2017). Во-вторых, учитывая, что большинство сайтов ОС располагается на доменах органов власти, степень открытости может определяться политикой соответствующих комитетов, как это отмечается в других исследованиях (Кнох & Janenova, 2018). В-третьих, разница в информационной политике ОС может объясняться различием в их функционале: например, как выразителей общественных интересов или экспертных структур (Дьякова, Трахтенберг 2019; Сунгуров и др., 2020). Отсюда низкая информационная открытость объясняется не отсутствием активности, а скорее ее закрытостью, при которой ОС оказывают ограниченную поддержку и легитимацию принятия решений (Owen & Bindman, 2017), слабо вовлекая граждан и информируя их о своей деятельности. Эти гипотезы планируется протестировать на следующем этапе нашего исследования.

Библиографический список

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А.Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 180–201.

Карягин М.Е. Информационная открытость деятельности экспертных сообществ на примере общественных советов при федеральных органах исполнительной власти РФ // XVII Апрельская международная на-

учная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2. / отв. ред. Е.Г. Ясин. – М., 2017. – С. 145–151.

Сулимов К. Консультативно-совещательные органы в современной России: субъектность без автономии? // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – №. 3. – С. 88–102.

Сунгуров А. Ю. и др. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – №. 2. – С. 7–31.

Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институт мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края // Социум и власть. – 2013. – № 6 (44). – С. 48–54.

Hansson K., Belkacem K., Ekenberg L. Open government and democracy: A research review // Social Science Computer Review. 2015. Vol. 33. №. 5. P. 540–555.

Kabanov Y., Karyagin M., Romanov V. Politics of Open Data in Russia: Regional and municipal perspectives // E-Democracy for Smart Cities. Springer, Singapore, 2017. P. 461–485.

Knox C., Janenova S. Public councils in Kazakhstan: a case of emergent participative democracy? // Central Asian Survey. 2018. Vol. 37. №. 2. P. 305–321.

Meijer A. J., Curtin D., Hillebrandt M. Open government: connecting vision and voice // International review of administrative sciences. 2012. Vol. 78. №. 1. P. 10–29.

Owen C., Bindman E. Civic participation in a hybrid regime: Limited pluralism in policymaking and delivery in contemporary Russia // Government and Opposition. 2017. Vol. 54. №. 1. P. 98–120.

ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК НОВЫЙ ТИП ТЕКСТА¹⁷

В.В. Катермина (Краснодар)

В современном мире, характеризующемся переломными моментами цивилизационного плана, особое значение приобретает изучение основ формирования общества, роли информационных технологий и новых дискурсивных практик социального взаимодействия. В рамках данных направлений ставится вопрос о формах и модальностях отношения к

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды»

себе и другим, посредством которого индивид конституирует и признает себя в качестве субъекта (Фуко, 1996).

Интернет-пространство задаёт особого типа коммуникативную ситуацию на уровне межперсонального общения для репрезентации человека как цифровой личности. Цифровая личность реализуется в таких параметрах, как свобода входа и выхода из коммуникативного пространства или данного формата коммуникации, перцептивная скрытость, анонимность, глобальная адресация, которые определяют ее существование. Перечисленные параметры позволяют ей приобрести определенные дискурсивные возможности: свобода выражения мнения; влияние на конструирование социальных смыслов; структурирование и трансляции сценариев возможного мира. Цифровая личность, таким образом, реализует интернет-дискурс определенного жанра (Попова, 2017, 63).

В эпоху научно-технического прогресса изменения коснулись всех сфер человеческой жизни. «Экспериментирование с искусственной реальностью, различные способы производства реальности повлекли за собой изменения в характере не только восприятия самой действительности, но и повлияли на способ общения людей» (Печенкина, 2006, 3). Ярким примером тому является возникновение и развитие такого феномена, как социальная сеть.

Стремительное развитие информационных технологий и усиление влияния электронных медиан формируют языковую картину мира пользователей трансформировали такое базовое понятие как текст и способы его лингвистической рефлексии и способствовали образованию новых текстовых форм, требующих полипарадигмального лингвистического изучения в рамках коммуникативного пространства Интернета. Интенсивная компьютеризация и активное использование в языковой практике мультимедийных и гипертекстуальных возможностей Сети усилили интерес исследователей к лингвистическому осмыслению интернет-коммуникации на всех языковых уровнях в текстах различных интернет-служб, обеспечивающих взаимодействие пользователей веб-сайта, компьютерной конференции, чата, интернет-дневника и блога, а также Твиттера (Павлова, 2014; Горошко, Полякова, 2014).

Сегодня текст приобретает черты многослойности, что происходит за счет совмещения вербальной части текста с медийными свойствами среды (Добросклонская, 2008, 39), и приводит к образованию нового типа текста – электронного медиатекста.

Социальные медиа – это «онлайн-коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве ауди-

тории, то в качестве автора. Для этого используется социальное программное обеспечение, которое позволяет любому без специальных знаний в области кодирования размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов» (Thornley, www).

В социальных медиа разные уровни пользователей могут получать сообщения, ориентированные на массовую аудиторию, комментировать и высказывать свое мнение относительно действий коммуникатора, влияя в конечном счете на процессы восприятия аудиторией сообщения СМИ. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют пользователям более активно участвовать в коммуникативном процессе в рамках информационно-коммуникативного пространства (Шестеркина, 2017, 23).

В связи с бурным развитием социальных сетей и возможностью доступа любого интернет-пользователя к созданию контента социальные сети начали рассматриваться как средства массовой информации в контексте «новых медиа» или «социальных медиа». Наиболее популярные сайты, которые обычно относят к категории социальных медиа (Facebook, Twitter, LiveJournal, Wikipedia, YouTube и т.д.), обладают уникальным интерфейсом и работают на основе определенного набора технологий, которые делают этот сайт удачным средством коммуникации (Свободный словарь терминов..., www).

Специфической чертой лингвистики новых медиа является глубоко символический характер языка социальных сетей. Это объясняется ограниченностью высказывания во времени и пространстве. Как следствие - метафоричность, афористичность высказываний, появление неологизмов. Характерным примером этой особенности является использование хэштегов. По мнению М.Н. Макеевой, Н.Ю. Бородулиной, сочетание решетки и слова (или слов без пробелов), превращающееся в ссылку, хэштег, сопоставимо с метафорой вместилища, в котором скрывается подборка всех сообщений, помеченных данным хэштегом (Макеева, Бородулина, 2017). Хэштег можно рассматривать как свернутый текст, в сжатом виде способный передать информацию об источнике либо о целом культурном/историческом событии. Это позволяет обеспечить «узнавание» данного феномена адресатом и его последующую интерпретацию. Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым для достижения коммуникативного эффекта (Рябеченко, Катермина, Гнедаш, Вульфович, 2019).

Анализ материала позволяет говорить об изменении информационной парадигмы в XXI веке: адресат более не является пассивным участником коммуникации, наоборот, он привносит свою интерпретацию рассматриваемого события, тем самым, обогащая знания о мире и обуславливая его модификацию.

Социальные медиа играют важную роль в процессах медиатизации, порождая общественные феномены и трансформируя коммуникационную структуру общества. Они насыщают информационное пространство и предоставляют новые возможности для реализации социальных потребностей.

Библиографический список

Горошко Е.И., Полякова Л.В. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №19. – С. 92–104.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ: учебное пособие. – М., 2008.

Макеева М. Н., Бородулина Н. Ю. Когнитивный аспект использования метафоры пространства в Интернете // Filologicke vedomosti. – 2017. – № 3. – С. 8–15. Режимдоступа: http://sociosphera.com/files/conference/2017/Filologicke_vedomosti_3-17/8-15_m_n_makeeva_n_yu_borodulina.pdf

Павлова Л.В. Лингвокоммуникативные особенности медиатекста в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Запорожье, 2014.

Печенкина О.А. Эра тотальной симуляции, или искусственное воскрешение реальности. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/index.php

Попова Д.А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария: дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2017.

Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Вульфович Б.Г. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в Online-пространстве субъектов РФ // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5. – С. 114-131.

Свободный словарь терминов, понятий и определений по экономике, финансам и бизнесу. Режим доступа: <http://termin.bposd.ru/publ/54-1-0-28293>

Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: монография. – Челябинск, 2017.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.

Thornley J. What Is «social media»? Режим доступа: <http://propr.ca/2008/what-is-social-media>

МЕДИЙНЫЕ «КОНФУЗЫ» РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹⁸

3.3. Кныжова, И.В. Суслов (Саратов)

С осени 2018 года пространство публичной политики стало активнее, чем прежде, наполняться провокационной риторикой региональной политической элиты. Причины негативной трансформации традиционно сдержанного и корректного имиджа публичной политики региональной элиты в фактор роста критического отношения к власти и активизацию гражданского самосознания требуют внимания со стороны политических наук.

Медийные скандалы, связанные с высказываниями политической элиты, актуализируют эмоциональный поворот в изучении политических процессов (Немировский, 2018). Проявлением страха может быть объяснена резкая общественная критика Н. Соколовой (уволенной в октябре 2018 года с поста министра занятости Саратовской области), заявившей, что «макарошки везде стоят одинаково» и можно прожить на 3,5 тыс. рублей в месяц. Однако ситуация с «макарошками» породила также и обратный эффект смеха. Телеграм-каналы активно обыграли «макарошки» как на уровне карикатур, так и ассоциаций. Соколову рисовали в образе Марии Антуанетты, которой приписывается совет голодным парижанам в отсутствие хлеба кушать пирожные; предлагались варианты макаронного герба Саратовской области. Саратовские телеграм-каналы упоминали создание премии «Золотые макарошки» за одиозные фразы российских чиновников. Обосновывалась актуальность создания кулинарной передачи «Три с половиной» на местном телевидении.

Кейс «Макарошек» в очередной раз продемонстрировал важность изучения политических эмоций, ведь общество и власть отнеслись к вы-

¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-32253 «Нарушение этических норм в региональных масс-элитных коммуникациях в период цифровизации публичной политики»

сказыванию Соколовой и ее многочисленных последователей скорее иррационально. Критики подвергались не суть и причины высказывания, а их форма. Можно предположить, что эмоциональный взрыв массовых фобий и «моральных» паник произошел благодаря эффекту интерференции обостренного чувства социальной несправедливости (присущего современному российскому обществу) на скандальные высказывания, интерпретируемые населением как предательство региональными элитами патерналистского контракта.

Обсуждение медийного хамства позволяет пересмотреть феномен расколотости российского общества. О наличии некоего прогрессивного (модернизационного) меньшинства и пассивного традиционного большинства писали многие ученые-обществоведы. Данное разделение укладывается в концепцию (нео) или (поздне) этакратической модели социума, характеризующегося верой большинства в государство как «инструмент реализации интересов макрообщности, чьи интересы важнее интересов отдельных индивидов, и именно ее интересами как целого оно и должно руководствоваться в своей деятельности» (Тихонова, 2018). Лояльность государственным структурам в данном случае зависит от способности последнего «заботиться о минимальных текущих нуждах ее членов».

Н.Е. Тихонова отмечает существование в обществе 20% граждан, ставящих личные права выше государственных, 20% их антиподов и 60% – молчаливого большинства (Тихонова, 2018). Однако волна возмущения по поводу хамской риторики чиновников затронула и обе полярные группировки, и молчаливое большинство, что стало причиной освещения скандала федеральными телеканалами.

Данная ситуация является новой для российского политического пространства. В течение последних двадцати лет основная масса россиян продемонстрировала отсутствие доверия к либеральной оппозиции и интереса к протесту против политических институций, что дополнялось слабой консолидацией протеста по экономическим причинам (Латов, 2017).

Как отмечает Э.Э. Шульц, рост протестной активности в России слабо соотносится с собственно падением уровня жизни, которое обычно списывается на враждебные зарубежные силы и не менее абстрактный экономический кризис (Шульц, 2017). Однако, общество может выйти на уличные протесты при условии потери доверия к власти и веры в ее силу решать проблемы. Медийные конфузы одновременно для основной массы россиян представляют региональные элиты в качестве предателей, для либерально настроенного меньшинства (склонного к объявлению приори-

тетности собственных прав над государственными) – как нарушители гражданского контракта, что имеет потенциал объединить в едином протесте, обе составляющие (но неравноценные) части российского общества. Таким образом, характер обсуждений медийных конфузов позволяет говорить о возможности объединения (условно обобщенного) патерналистски-настроенного большинства и либерального меньшинства.

Данная гипотеза позволяет прогнозировать дальнейшее развитие протестных настроений в российском обществе. Кажется, в ноябре 2018 года усилиями некоторых российских чиновников, блогеров ютуба, провинциальных и столичных журналистов была найдена если не серьезная болевая точка, то точно важный раздражающий фактор, который способен сыграть (или не сыграть) определенную роль в электоральных процессах, что полезно принять в расчет как политикам, так и политологам.

Дискуссии вокруг скандальных высказываний показали, что общественность раздражена больше социально-экономическим разрывом между чиновниками и населением, чем устройством политической системы вообще. В первую очередь, народный гнев направлен на конкретные персоны (региональной политики), однако, с каждым новым скандалом уровень критики власти, возможно, будет лишь возрастать. Имиджевые потери заставляют федеральную власть давать комментарии и переводить проблему в этическую плоскость¹⁹. Подобный прием успокаивающе воздействует на массы российской общественности.

Российский политический процесс периодически преподносит сюрпризы. Прошедшие в 2018 году выборы глав регионов, четыре из которых закончились вторым туром, и в трех победили оппозиционные кандидаты, наглядно свидетельствуют об активизации протестного голосования, которое не в состоянии скорректировать ни политтехнологи, ни административный ресурс. Тем не менее частота появления подобных эмоциональных кейсов со стороны чиновников, а также реакция со стороны общественности на них, привели к появлению законопроектов, один из них летом 2020 г. преодолел первое чтение Государственной Думой.

¹⁹ В рамках повышения культуры коммуникации с населением в декабре 2018 г. на очередном съезде политической партии «Единая Россия» был представлен свод этических норм партийцев. 13 февраля 2019 года секретарь генсовета «Единой России» Андрей Турчак раскритиковал представителей политической элиты, которые «окончательно теряют ощущение реальности: человек совершает аморальные поступки и делает странные заявления»

Библиографический список

Латов Ю.В. Протестные настроения и протестные действия россиян // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 1. – С. 49-69.

Немировский В.Г. Теоретические основания изучения эмоциональных феноменов социального неравенства в современной России // Siberian Socium. – 2018. – Том 2. № 3. – С. 16-26.

Тихонова Н.Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 134-149.

Шульц Э.Э. К вопросу о мальтузианской ловушке и демографическом росте как причинах радикальных форм массового социального протеста // Полития. – 2017. – № 4. – С. 23-34.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ²⁰

Н.Н. Козлова (Тверь), О.Г. Овчарова (Москва), С.В. Рассадин (Тверь)

Стремительное развитие сетевого общества способствует вынесению в публичную сферу значительной части проблем приватной жизни, с одной стороны, размывая границы между приватностью и публичностью, с другой стороны, обеспечивая диалог между ними. Авторы солидаризируются с позицией А.Е. Конькова в том, что в политическом измерении цифровизации важно не столько изменение формата самих политических отношений, сколько формирование «нового качества социальных связей в целом, которое возникает по мере смещения баланса между традиционной прямой коммуникацией и виртуальной, опосредованной теми или иными построенными на цифровой переработке передаваемой информации технологиями и программными продуктами» (Коньков, 2019, 9). В трудах зарубежных и российских исследователей информационного, сетевого обществ отмечается, что в условиях сетевого общества возникает более реалистичный формат разработки государственной политики, происходит интенсификация различных форм взаимодействия между частными и государственными субъектами политики, возрастает значение между-

²⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31701 «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020)

народных политических институтов, часто имеющих сетевую природу (Кастельс, 2017; Политика..., 2019 и др.).

На наш взгляд, обмен мнениями граждан и государства, дискуссии в социальных сетях и т. п. в определенной степени могут позволить разрешить обозначенную классиками политической науки дилемму демократии – противоречие между вовлеченностью граждан в политический процесс и эффективностью принятых государственных решений.

На политической повестке дня современной России демографическая проблема артикулируется государством как одна из наиболее актуальных. Для её решения был разработан ряд концепций (Концепция демографической политики РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 09.10.2007 г., Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г., концепции субъектов федерации РФ), предусматривающих использование преимуществ дигитализации и сетевого пространства для выстраивания связи с гражданами. В рамках их реализации были созданы различные сервисы, которые направлены на уведомление граждан о мероприятиях в этой области. В частности, Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодежь) создало платформу «Молодая семья Онлайн» как «форум для молодых семейных пар с детьми и без, который направлен на развитие каждого участника, улучшение взаимоотношений внутри семьи, формирование активной команды всероссийского сообщества молодых семей» ([URL.https://https://молодаясемья.онлайн](https://молодаясемья.онлайн)).

К моменту создания Концепции государственной семейной политики в социальных сетях уже появились самодеятельные сообщества родителей, мобилизационный ресурс которых был проанализирован российскими исследователями. Ж. Чернова указывает, что данные сообщества как элемент гражданского общества важны для формирования «актуальной политической и социальной повестки дня» (Чернова, 2013, 237). Согласно исследователю, пользователи, преимущественно женщины, становятся создателями контента, а «участие в интернет-сообществах родителей выступает способом решения практических проблем» (там же). Автор анализирует отдельные случаи привлечения для защиты коллективных интересов внешних ресурсов, выявляя схемы мобилизации интернет-сообщества.

В исследовании А.А. Гнедаш, объектом которого является сообщество «МАМА», отмечается также политическая составляющая.

Автор полагает, что «через данные «сэлфи-гламурно-повседневные» сообщения и последующую хвалебную и поддерживающую реакцию постоянных и потенциальных участников сообщества мы видим формирование современного стандарта жизни мамы в контексте сетевого общества» (Гнедаш А.А., 2019, 106).

В нашем исследовании анализируется сообщество Вконтакте – «Тверская семья. Родители и дети» (https://vk.com/tverreg_family), созданное Министерством демографической и семейной политики Тверской области в рамках реализации госпрограммы «Развитие демографической и семейной политики Тверской области на 2020–2025 годы». Объектом анализа явилась новостная лента данного ресурса с 1 августа по 15 сентября 2020 года.

Основная информация на сайте представлена сведениями от Министерства о различных мерах и мероприятиях, осуществляемых органами государственной власти, общественными организациями-партнерами по воплощению в жизнь задач демографических и семейных проектов – Рсмолодежи, Ассоциации организаций по защите семьи, АНО «Россия – страна возможностей» и др. Данная категория материалов отражена в 26 публикациях из 54, сообщающих о различных формах помощи семьям, в частности, в выплате ипотеки, о выдаче ученикам 1-5 классов из многодетных семей школьной формы, о профилактике детского травматизма и др. К указанным материалам (20 публикаций) непосредственно примыкает информация о работе муниципальных семейных центров, которые проводят различные мастер-классы и акции для детей и взрослых. В третью категорию мы отнесли новости культуры (14 публикаций), имеющие просветительский характер – информацию о Международном дне молодежи, Всемирной неделе грудного вскармливания, а также многочисленные статьи о православных праздниках, которые отмечаются в августе-сентябре. В четвертую категорию была выделена информация о различных конкурсах, проводимых для семей на различных региональных и федеральных площадках: в 12 публикациях содержится призыв к участию или подводятся итоги Всероссийского форума отцов, конкурсов «Слингوماма России–2020», «Семья года–2020» и т. д. Пятая группа (4 публикации) представлена кейсами-биографиями отдельных семей об успешных семейных практиках – успехах сыроварения, квасоделания, музыкальном воспитании детей и др. Ответная реакция со стороны пользователей чата присутствует, но количество вопросов и ремарок незначительно: пользователи уточняют информацию, пред-

ставленную министерством, в частности, можно ли бабушкам вместо мам присутствовать на мероприятиях; где купить сырную продукцию; что такое горячее питание – завтрак или обед. Единственный информационный повод, вызвавший оживленную дискуссию, – это выдача школьной формы перед 1 сентября многодетным семьям. Семьи активно делились своим опытом о получении этой формы, высказывая как благодарности Министерству, так и пожелания, что «лучше бы дали деньгами».

Таким образом, анализ страницы Вконтакте показывает, что, будучи ресурсом, созданным «сверху», он направлен на обеспечение гласности и открытости органов власти в решении вопросов семейной и демографической политики, повышение информированности пользователей, но при этом не имеет значительного потенциала для консолидации семей как субъектов гражданского общества, ограничивается отдельными рекомендациями по улучшению конкретных мер, проводимых государством, в этом направлении.

Библиографический список

Гнедаш А.А. Идеологический дискурс и общественная повестка дня современных сетевых сообществ рунета: кейс-стади online-сообщества «мама» // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: матер. Всеросс. науч. конф. РАПН с междунар. участием. – М., 2019. – С. 106–107.

Кастельс М. Власть коммуникации. – М., 2017. – 591 с.

Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т.12. № 6. – С.6–28.

Политика в сетевом обществе: матер. Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (Адлер, 16-19 мая 2019 г.). – Краснодар, 2019. – 400 с.

Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. – СПб, 2013. – 288 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНФЛИКТОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТРУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА²¹

А.И. Кольба (Краснодар)

В исследованиях конфликтов, происходящих в социальной среде крупного города, городские сообщества рассматриваются как один из основных акторов, наряду с органами власти и бизнесом. При этом уровень субъектности сообществ в процессах конфликтования может весьма существенно различаться в зависимости от ряда факторов (практики, исторически складывающиеся в конкретной стране или регионе, тип городского политического режима, темпы прироста населения в городе и др.). Возможности, связанные с развитием цифровых технологий и сетевых ресурсов взаимодействия, как мы полагаем, открывают новые перспективы для развития городских сообществ в этом направлении.

В ходе проведённого нами в августе 2020 г. экспертного вопроса был охвачен ряд аспектов, связанных с использованием сообществами новых инструментов для качественного и количественного роста, налаживания коммуникаций с другими субъектами конфликтов и усиления влияния на принятие решений по проблемам городского развития. Нами были опрошены 34 эксперта в трёх крупных региональных центрах России - Воронеже, Краснодаре, Ярославле. Они представляют городские сообщества, некоммерческие организации и гражданские инициативы, органы власти регионального и местного уровня, бизнес-структуры, академическую среду. По итогам исследования был сделан ряд обобщений, представленных в докладе.

Согласно полученным данным, роль цифровых технологий в развитии сообществ, периодически выступающих в качестве акторов конфликта, постепенно возрастает. Так, эксперты отметили наибольший потенциал мессенджеров и социальных сетей для вовлечения новых участников в деятельность сообществ (оценка 8,7 из 10). Указанные интернет-площадки взаимодействия представляют элементы среды для использования цифровых технологий (фото-, видео-, аудио- средства визуализации конфликтов, технологии быстрого размещения и распространения

²¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала»

информации с использованием нескольких социальных сетей одновременно и др.). Сопоставляя высокие оценки экспертов с мнениями респондентов, полученными в ходе предыдущего этапа исследования (полуструктурированные интервью с лидерами и активистами городских сообществ, проведённые в тех же городах), можно отметить, что ряд интервьюируемых отмечали значимость контроля над информационной повесткой сообщества как механизма лидерства. Таким образом, использование цифровых технологий имеет существенное значения для поддержания положительной динамики численности сообществ и укрепления их внутренней структуры.

Важно также отметить, что программные методы мониторинга, используемые современными аналитическими платформами (например, «Медиалогией») позволяют отслеживать сообщения в социальных сетях. Это позволяет активным сообществам влиять на формирование повестки дня уже в городском масштабе. В данном случае они выполняют роль коллективных «производителей информации» относительно противоречий различного масштаба, формируемых в городской среде. Большинство опрошенных экспертов отметило, что коммуникации в социальных сетях играют большую роль во взаимодействии городских сообществ с иными субъектами конфликтов (в первую очередь, с другими сообществами и местными органами власти), нежели официальные каналы. Через публичные каналы с использованием цифровых технологий коммуникации сообщества, по мнению ряда экспертов, могут оказывать давление через органы государственной власти и иные контролирующие и надзорные органы.

Участие в публичной политике не является приоритетной целью городских сообществ (никто из опрошенных не поддержал такую позицию). Однако процессы, связанные с избирательным циклом 2020 г., в рамках которого голосование пришлось на вторую декаду сентября, указывают на возможность вовлечения в неё, как минимум, отдельных общественных активистов городского уровня. Так, в Краснодаре на старте избирательной кампании по выборам в городскую думу было создано несколько объединений общественных активистов. Одно из них – «Краснодар 2020» – было в большей степени ориентировано на сотрудничество с оппозицией (КПРФ). Другое – «Команда Краснодар» – ориентировалось на городскую администрацию, однако без сближения с какими-либо политическими партиями. (Характерно, что при этом мэр города Е. А. Первышов возглавил на выборах список «Единой России»). Первой из коалиций удалось провести в состав думы двух кандидатов, второй –

одного, ещё ряд общественных активистов навязали оппонентам серьёзную борьбу в своих округах. Таким образом, представители городских сообществ («Помоги городу!», «Транспортная инициатива») приобрели опыт деятельности в сфере публичной политики и электоральных конфликтов. Пока нет ясности, является ли подобное политическое участие отражением определённой тенденции.

Ещё одной проблемой, которая предполагает цифровизацию коммуникаций городских сообществ, является пандемия COVID-19 и её последствия в контексте развития городской конфликтности. Эксперты не отметили существенного влияния пандемии на деятельность городских сообществ. Большинство экспертов отметило, что влияние не было однозначным: часть сообществ активизировалась, другая – замедлила свою деятельность. Часть также указала на приоритет тенденции к замедлению их деятельности в условиях ограничений социальной активности. Не наблюдалось и значительной интенсификации конфликтов, либо значительного спада конфликтности. Однако потенциально режимы «самоизоляции» и «карантина» создают как новые поля конфликтов (цифровая слежка и т.д.), так и новые возможности деятельности сообществ (on-line обсуждения городских инициатив). Так, некоторыми экспертами было отмечено, что пандемия породила специфические конфликты (например, связанные с выдачей пропусков, разрешений на передвижение в рамках города, обсуждением решений властей всех уровней, закрытием социальных учреждений и др.). Эти конфликты развивались преимущественно в цифровой среде. В частности, повысилась роль групп, создаваемых городскими сообществами в социальных сетях, где регулярно присутствуют чиновники городских администраций.

В качестве позитивного опыта регулирования конфликтов с помощью цифровых инструментов можно отметить создание (развитие) платформ для взаимодействия с городской общественностью. Так, можно отметить разработанный в короткие сроки «Портал общественных обсуждений Краснодара», который был использован для организации общественных слушаний перед утверждением нового генерального плана развития города.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что цифровизация взаимодействий пока что не стала одним из главных трендов развития конфликтов с участием городских сообществ, однако её влияние в данной сфере возрастает. Как и другие механизмы политико-управленческого регулирования, цифровые инструменты имеют амбивалентный характер: могут служить как эскалации конфликтов, так и раз-

витию их позитивных составляющих. Характер использования их потенциала зависит в первую очередь от институциональных возможностей и ограничений.

АКТУАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ²²

А.Е. Коньков (Москва)

Развитие сетевых форм делиберации и артикулирования интересов в государственной политике трансформирует стратегии акторов в политическом пространстве. Больше внимания уделяется взаимодействию именно с использованием сетевых инструментов – политики и политические институты перенимают из бизнес-среды практики SMM, привлекая специалистов и реализуя соответствующие проекты. Таким образом осуществляются задачи по таргетингу, продвижению необходимой информации, повышению узнаваемости бренда, мобилизация электората, налаживанию обратной связи (Володенков, 2015).

Использование сетевых механизмов, таким образом, становится ключевым фактором политической конкуренции – при этом, несмотря на возможные национальные особенности тех или иных политических систем, вовлечение электронных ресурсов для взаимодействия с аудиторией становится свойством универсальным (Борисов и др., 2017). С другой стороны, и сама аудитория, т.е. общество в лице отдельных индивидов и различных групп также формирует свои стратегии под влиянием сетевых нарративов, что особенно ярко проявляется в протестном поведении (Кольцова, Киркиж, 2016). Политические акторы всё более совершенствуют свои компетенции в агрегировании социальных интересов посредством соответствующих механизмов.

Перенос конкурентного взаимодействия в сетевое пространство происходит не только на макрополитическом уровне в борьбе за публичную власть, но и на уровне мегаполитики – во внешней среде, между субъектами глобального управления и международных отношений. В контексте усложнения и интенсификации геополитического противостояния мировых держав, а также вхождения в этот процесс различных негосударственных акторов сформировалась новая модальность международного взаимодействия, которая протекает в глобальном информаци-

²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31040 «Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности» (совместно с ЭИСИ)»

онном пространстве и в зависимости от степени конфронтационности конкурентных интересов может принимать формы как информационной войны, так и публичной дипломатии.

В целом же, систематизация способов и методов использования цифровых технологий политическими акторами и государством как наиболее значимым среди них позволяет увидеть целый спектр направлений или модальностей, по которым можно наблюдать трансформацию соответствующих социальных отношений и формирование дискурса цифровой политики. Среди таких направлений можно обозначить цифровую демократию, цифровую бюрократию и цифровую дипломатию.

Цифровая демократия характеризует меняющееся качество государственной политики, в которой значимость идеализированных, виртуальных конструктов и образов усиливается уже не столько за счёт производителей соответствующего контента (масс-медиа, PR-службы), сколько за счёт сетевых платформ и алгоритмов, в рамках которых они могут воспроизводиться неограниченным кругом пользователей-акторов. Это направление цифровизации политических отношений базируется на абсолютизации электронно-сетевых форм делиберации и всеобщей цифровой мобилизации, благодаря которым воспроизводимые в виртуальном пространстве конструкты политических связей между пользователями становятся первичными по отношению к их реальным прототипам. Иными словами, если на начальных этапах сетевые стратегии акторов формировались под воздействием в том числе их политических предпочтений, то теперь политическое поведение в реальной жизни становится уже отражением продуктов взаимодействия в цифровом пространстве.

Цифровая бюрократия, в свою очередь, возникает как закономерная стадия развития технократического управления в условиях цифровизации и подразумевает формирование универсальных алгоритмов взаимодействия между субъектом и объектом политико-управленческой деятельности, развёртываемых в рамках определённых программных решений. Последовательная и ценностно-нейтральная оптимизация функционала бюрократических институтов приводит к попыткам построения единых платформенных решений электронного правительства (Петров, Буров, Шклярук, Шаров, 2018), за счёт внедрения универсальных супер-сервисов претендующего на подмену деятельности традиционных правительственных структур.

Цифровая дипломатия – внешний контур политической цифровизации, инструментарий воспроизводства субъектности в первую очередь национальных государств в цифровом пространстве, которое изначально

имеет трансграничный характер и вненормативно по своей природе, а потому с трудом укладывается в экранлируемые государственными границами социально-политические матрицы. Наряду с использованием электронно-сетевых коммуникационных технологий цифровая дипломатия отражает также изменение круга субъектов мировой политики: помимо государств и межгосударственных объединений возрастает роль негосударственных акторов, взаимодействие с которыми посредством цифровых технологий для традиционных участников этого уровня политических отношений представляет всё большую значимость.

Специфика такого рода политизации цифрового пространства заключается в значительном масштабировании субъект-объектных связей и взаимном наложении политических дискурсов (акторы национальных политических систем – государство, партии, институты гражданского общества – включаются со своим коммуникационным инструментарием во взаимодействие глобальных акторов – государств, их объединений, транснациональных корпораций, международных общественных движений). С одной стороны, у цифровой дипломатии есть очевидные задачи по продвижению внешнеполитических интересов, с другой – она глобализирует политическую цифровизацию и тем самым влияет на внутренние процессы в различных политических системах.

Выделение означенных модальностей рассмотрения политической цифровизации, во-первых, не ограничивает ими столь сложный и далёкий от завершения процесс трансформации общественной жизни под воздействием всеобъемлющего внедрения новых технологий, а во-вторых, не изолирует протекающие в соответствующей логике процессы друг от друга – скорее, наоборот, намечает основания для их пересечения и взаимопроникновения.

С высокой долей вероятности появление и распространение на различные сферы общественной жизни новых цифровых технологий будет лишь нарастать, а потому проектировать некую «законченную» стадию цифровизации можно лишь с высокой долей условности. Тот темп перманентной трансформации, который уже принят социумом какое-то время назад, этому проектированию навряд ли способствует. Скорее, он подавляет излишнюю нормативность, что, с одной стороны, продолжает актуализировать дефицит и одновременно ценность стабильности, но с другой – стимулирует восприимчивость к новому: кто быстрее сумеет «социализировать» появляющиеся технологии, тот повышает собственные шансы на возникающую добавленную стоимость. В государственной политике такого рода тенденции быстрых, но краткосрочных эффек-

тов коррелируют с феноменом популизма, который вновь стал активно воспроизводиться в демократических системах именно в последние годы. Непрерывное обновление повестки и инструментария ее продвижения, минимизирующее рефлекссию о достигнутых или не достигнутых результатах из-за переключения внимания на новое целеполагание, – вероятно, в числе экстерналий непрерывного технологического (в том числе и цифрового) развития: общество не успевает в полной мере овладеть новым навыком, который вскоре сменяется следующим.

Библиографический список

Борисов И.Б. (ред.), Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: агитация в сети Интернет. – М., 2017.

Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М., 2015.

Кольцова О.Ю., Киркиж Э.А. Влияние интернета на участие в протестах // Полития. – 2016. – № 1. – С. 90-110.

Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. – М., 2018.

ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Коряковцева , Т.В. Бугайчук (Ярославль)

В условиях быстрого роста информационного потока, его высокой плотности и неоднородности социальные технологии трансформируются, изменяя формы и способы идентификации человека. В обществе активизируются процессы конструирования, изменения и реактуализации идентичностей. Прежние социальные механизмы идентификации не соответствуют общественным потребностям, а новые еще только формируются. Особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности.

Отметим, что с одной стороны, новый тип социальности основан на сети микросообществ, которые соединены между собой все время развивающимися информационными связями и часто не зависят от социальной стратификации, уровня материального достатка, возраста участников и даже их мировоззрения. Это явление называется трайбализмом. С другой стороны, мировая глобализация вовлекает во взаимодействие разные общества и культуры и требует развития идентичностей, диалектически

противоположных социальной стандартизации (Пэлфри, Гассер, 2011). В связи с названными процессами основными характеристиками социального бытия становятся толерантность, плюрализм, космополитизм, глобализм.

Таковы условия «открытого общества», где в индивидуальном и общественном сознании возрастает неуверенность, рушатся традиционные ценности и фундаментальные социальные структуры. Проблема выбора и самоопределения индивида усложняется, он «вынужден находить собственные решения в ответ на возникающие коллективные противоречия» (Коряковцева, Доссэ, 2016).

Указанные тенденции настоятельно требуют осмысления сущности человеческого бытия и его специфики в эпоху постиндустриального информационного общества.

Американский социальный философ А. Этциони справедливо утверждает, что если XX век – это век борьбы идеологий, то социальные процессы XXI века будут определяться вызовами идентичности (Этциони, 2004). П. Тейяр де Шарден ещё в 2002 году замечает: «Мир движется в сторону усложнения, а оно сопровождается все большей значимостью психического сознательного» (Тейяр де Шарден, 2002).

Действительно, в эпоху Интернета традиционная шкала ценностей рухнула и в духовной атмосфере общества все более ощущается «экзистенциальный вакуум». Австрийский психолог В. Франкл обращает внимание на то, что «... в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно» (Франкл, 1990). Действительно, современный молодой человек не знает, что ему нужно, что он должен, а значит, и – что хочет. Следствием этого может быть либо конформизм, либо абсентеизм, либо экстремизм.

Проведённые нами в течение ряда лет исследования результатов некоторых социальных практик подтверждают, что в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня в процессе сетевого общения), преобладает субъективная составляющая идентичности (Коряковцева, Бугайчук, 2016). Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности молодёжи «цифрового поколения».

В качестве примера приведем результаты исследования научной лабораторией «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» ЯГПУ им. К.Д. Ушинского социально-психологических особенностей и гражданской идентичности участников нескольких проектов, которые являются наиболее социально активной частью молодежи региона.

В результате эмпирического исследования мы получили важные результаты о самооценке уровня развития социальной креативности личности, самооценке лидерских качеств, конкурентоспособности, которые позволили доказать гипотезу о том, что виртуальный мир видится молодому человеку безграничным, свободным от запретов, формируя тем самым запрос на новые идентичности с условными признаками, позволяя создавать множественные образы и играть собственными идентичностями, в том числе и гражданской.

Представляем результаты исследования. У 93% испытуемых уровень социальной креативности высокий или выше среднего, что говорит об адекватном отношении молодых активистов к изменениям, происходящим в современном обществе, способности и готовности самим постоянно изменяться, проявлять собственную неповторимость.

Судя по тесту самооценки лидерских качеств, в исследуемой группе средний балл составляет 7,46, что авторы методики относят к высокому уровню лидерства. Высокий уровень самооценки лидерских качеств личностью свидетельствует об уверенности в своих социально-коммуникативных и организаторских способностях, готовности принимать на себя роль лидера в различных ситуациях взаимодействия.

Полученные результаты показывают: в среднем по выборке личностная конкурентоспособность незначительна (среднее значение 13,75). Как правило, данный уровень личностной конкурентоспособности свидетельствует о том, что индивид не имеет достаточного опыта совладания с трудностями и изменениями, но для него характерна заинтересованность, включенность в происходящее, поиск чего-то стоящего и интересного для собственного развития.

На основе результатов исследования можно утверждать, что молодые активисты Ярославского региона высоко оценивают себя как идеального Гражданина, что, казалось бы, является одним из показателей сформированности гражданской идентичности. Но при ответе на вопросы, связанные с оценкой других людей, они априори проявляют индивидуалистическую позицию, считая других граждан далекими от идеала Гражданина, и принижая тем самым их гражданское достоинство. Переоценка своих гражданских качеств и недооценивание других людей говорит о формировании «кастового» снобизма в среде молодежного актива. Молодые активисты попали в психологическую ловушку: где завышенная самооценка, к сожалению, мешают адекватному взаимодействию с другими гражданами.

Как показывает анализ результатов исследования, современная молодежь, даже социально активная, к сожалению, далека от представлений об истинном гражданском долге. И это характерно не только для России. Время ставит вопрос о настоящей необходимости разработки технологий и моделей формирования идентичности молодых граждан в постиндустриальном обществе. А главное – о создании адекватной государственно-общественной системы социализации молодежи с опорой на научные изыскания.

Расцвет эпохи digital привел к совершенно новому контексту формирования собственного «Я» и экспериментов с собственной идентичностью. Это повлекло за собой изменение баланса между публичной и приватной сферами и сформировало принципиально новый процесс идентификации личности (Лисенкова, 2017).

Молодые люди, активно включенные в пространство социальных медиа, в гораздо большей степени адаптированы к изменениям внешней среды электронно-цифрового общества. Они более активны и демонстрируют инновационное поведение, проще и быстрее ориентируются во внешней среде, принимают решения. Поведенческие паттерны все чаще усваиваются в виртуальном пространстве, транслируя в последующем этот опыт и образы в офлайн-практики. Использование Интернета говорит о мобильности и успешности. Сети позволяют безгранично расширять круг общения, привлекать внимание, добиваясь социального одобрения.

Вместе с тем, сегодня перед обществом стоит чрезвычайно актуальная и сложная задача – найти приемлемые формы и пути обучения молодежи критическому анализу, умению видеть элементы манипулирования, владеть навыками взаимодействия с различными группами людей, понимать мотивы и способы общения. Это возможно только в условиях образования, просвещения и минимизации информационного неравенства. Сетевому взаимодействию следует обучать.

Кроме того, рассматривая роль Интернета в формировании личности, психология, социология и политология как науки должны остановиться на проблемах, которые сопровождают этот процесс. И, прежде всего, на проблеме формирования гражданской идентичности в современном обществе с его неустойчивостью, кризисами и рисками.

Библиографический список

Ананьева Н.А. Мотивы выбора качеств значимых людей в процессе общения и процесс «самовыбирания» // Мир психологии. – 1999. – №3. – С. 167-173.

Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодежи: современный взгляд // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): материалы IV международной научной конференции. – Белгород, 2016. – С. 56-61.

Коряковцева О.А., Доссэ Т.Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи. Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 29-35.

Лисенкова А.А. Самокатегоризация как форма идентичности в социальных медиа // Ценности и смыслы. – 2017. – № 3(49). – С. 28–34.

Пэлфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. – М., 2011.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М., 2002.

Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТИПОВ ХЕШТЕГОВ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ (КЕЙС ИВАНА ГОЛУНОВА)²³

М.И. Кришталь, А.В. Щекотуров (Калининград)

Цель исследования состояла в создании типологии хештегов и особенностей их использования в процессе освещения политической акции в социальных медиа. В качестве анализируемого кейса были выбраны ключевые события, развернувшиеся вокруг ареста журналиста-расследователя Ивана Голунова в июне 2019 года: его нахождение под арестом, освобождение из-под стражи и проведение массовых протестных акций на следующий день после выхода на свободу. Выбор этого кейса обусловлен тем, что он оказался настолько резонансным, что количество упоминаний журналиста в социальных медиа обогнало, согласно данным Системы мониторинга социальных сетей Brand Analytics, количество упоминаний президента Владимира Путина: 165 тысяч раз против 136 тысяч 8 июня 2019 года (Система..., 2019).

В социальной сети «ВКонтакте» были отобраны интернет-посты, посвященные тематике ареста журналиста. Принципом их группировки было наличие у них общего хештега #ИванГолунов, отличающегося своей нейтральностью. Применялась сплошная выборка: в анализ были добавлены все обнаруженные посты в «ВКонтакте», соответствующие хронологиче-

²³ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-1909.2019.6 «Приватное в публичном: культурные особенности управления самопрезентацией студенческой молодежи в социальных медиа (на примере России и США)» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта

ским рамкам и имеющие хештег #ИванГолунов. Хронологические рамки исследования охватывают период с 9 июня 2019 года (публикация первого поста в социальной сети «ВКонтакте» с хештегом #ИванГолунов) по 12 июня 2019 года (день проведения массовых акций протеста по случаю ареста журналиста). В итоге было обработано 614 постов. Выбор социальной сети «ВКонтакте» определялся ее наибольшей популярностью среди жителей России. Также учитывались результаты предыдущих исследований, продемонстрировавших наличие в ней мобилизационной силы и политически ангажированных сообществ (Шерстобитов, Бряннов, 2013).

Была создана авторская типология хештегов, исходя из того, какие смыслы и символы они приносили в социальный контекст рассматриваемого события (табл. 1). Предложенная типология развивает исследование Л.С. Патрушевой (Патрушева, 2018), которая выделила типы хештегов в зависимости от их функций.

Таблица 1. Типология хештегов

Тип хештегов	Описание хештега	Примеры хештегов
Хештег-требование	Хештеги, призывающие к чему-либо	#свободуГолунову; #засвободуслова
Хештег-отклик (за)	Хештеги в поддержку Ивана Голунова	#ЯМыИванГолунов; #ЯИванГолунов
Хештег-отклик (против)	Хештеги против Ивана Голунова или высмеивающие ситуацию с его арестом	#ЯнеИванГолунов; #ИванГовнов
Хештег-власть	Хештеги с упоминанием власти или ее представителей	#Путин; #МВД; #Кремль; #Матвиенко
Хештег-публичные люди	Хештеги с упоминанием общественных деятелей	#Навальный; #Соловьев
Хештег-внимание	Хештеги, которые используются для привлечения внимания к определенному сообществу в социальной сети или какому-либо СМИ	#Медуза; #РБК
Хештег-расширение контекста	Хештег, которые охватывают новые смысловые значения	#Шиес; #прямаялиния
Хештег-контекст	Хештеги, передающие контекст события, вокруг которого сгруппированы все посты	#арест; #арестГолунова; #расследование
Хештег-акция	Хештеги с обозначением какой-либо массовой акции	#митинг; #протест; #марш
Хештег-геопозиция	Хештеги, обозначающие определенную локацию	#Москва; #Россия; #КраснаяПлощадь
Хештег-время	Хештеги, фиксирующие определенный временной период	#12июня; #ДеньРоссии

Затем была проанализирована интенсивность применения выделенных типов хештегов в общем массиве интернет-постов. Этот показатель рассчитывался путем вычисления выраженного в процентах отношения количества постов, в которых использовался отдельный тип хештегов, к общему количеству постов. Исходя из полученных результатов, типы хештегов распределялись по степени интенсивности их применения по шкале, построенной логическим путем: высокая (от 30% и выше), средняя (от 20% до 30%), низкая (от 5% до 20%) и крайне низкая (менее 5%) (табл. 2).

Наиболее распространенными типами хештегов оказались хештеги-расширение контекста (табл. 2). Они переключали читателей на новые смысловые значения: возможный произвол со стороны правоохранительных органов, ограничение деятельности СМИ в России, прямую линию с президентом РФ 20 июня 2019 года и т.д. Доля постов, в которых представлены данные хештеги, составляет более трети от общего количества (37%).

Высокую степень интенсивности продемонстрировали хештеги-требования (34%) и хештеги-отклики (за) (31%). Данные типы фактически формируют единую группу хештегов, направленных в поддержку арестованного журналиста. Однако, отметим, что также фиксировались (хотя и с крайне невысокой частотой) хештеги с требованиями, отражающими совершенно иной смысл (например, #РеферендумВместоМайдана).

Среднюю интенсивность продемонстрировал тип хештегов, фокусирующий внимание на власти и ее представителях (22%). Также в эту группу вошли хештеги-внимание, который применялся с целью акцентирования внимания на пабликах в социальной сети «ВКонтакте» или на средствах массовой информации (20%).

Низкая интенсивность применения зафиксирована в случае с хештегами, фокусирующими внимание на массовых акциях протеста (16%), геоположении (11%) и отражающих контекст ареста журналиста-расследователя (11%). Хештеги, фиксирующие какой-либо временной промежуток или акцентирующие внимание на публичных персонах, оказались на грани попадания в группу типов хештегов с низкой интенсивностью применения. Количество хештегов, критикующих Ивана Голунова, зафиксировано на крайне невысоком уровне (около 1%).

Таблица 2. Интенсивность использования типов хештегов

Интенсивность использования	Типология хештегов	% доля постов от общего количества, в которых использовались хештеги
Высокая	Хештег-расширение контекста	37
	Хештег-требование	34
	Хештег-отклик (за)	31
Средняя	Хештег-власть	22
	Хештег-внимание	20
Низкая	Хештег-акция	16
	Хештег-геопозиция	11
	Хештег-контекст	11
	Хештег-время	6
	Хештег-публичные люди	6
Крайне низкая	Хештег-отклик (против)	1

Таким образом, основными функциями хештегов, которые были использованы в социальной сети «ВКонтакте» на политической акции 9-12 июня 2019 года, стали поддержка журналиста и расширение контекста события. Относительно часто пользователи социальной сети и администраторы пабликов использовали хештеги для упоминания властей и средств массовой информации, которые оказались важными участниками рассматриваемой ситуации. Кроме того, пользуясь высоким резонансом дела Ивана Голунова, многие администраторы посредством хештегов рекламировали свои сообщества в социальной сети. Применение хештегов с иным функционалом носило скорее ситуативный характер.

Библиографический список

Аудитория социальных сетей в России 2019. Режим доступа: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii>

Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2018. – Т. 28. Вып. 3. – С. 471–475.

Система мониторинга социальных сетей Brand Analytics. Режим доступа: <https://snob.ru/news/178231/>

Шерстобитов А.С., Бряннов К.А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №10(36). – С. 196–202.

ЦИФРОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РФ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТИЦИЙ РЕСУРСА CHANGE.ORG)

Д.А. Крупная (Краснодар)

В современных условиях перед органами публичной власти стоят две сложные задачи: во-первых, существенное повышение качества информирования граждан о принимаемых решениях, обеспечение достаточного и достоверного знания о результатах их работы и о намерениях власти (Novesck, 2015). Во-вторых, существует необходимость создавать условия для слаженного взаимодействия государства и граждан, для того чтобы обеспечить учет потребностей и ожиданий как можно большего количества людей, тем самым формируя и развивая тенденции интеграции различных социальных групп в систему государственного управления (Абрамова, 2013).

Причиной для возникновения цифровой демократии и электронного правительства стали современные взгляды на саму концепцию государства. В соответствии с ней, граждане являются не только потребителями услуг государственных структур и чиновников, они также являются владельцами страны, поэтому должны иметь возможность влиять на ее развитие (Кастельс, 2004).

Таким образом, цифровая демократия, является формой защиты гражданами своих интересов и определения форм сотрудничества с государством. Если электронное правительство является способом наиболее эффективного взаимодействия между обществом и правительством, то цифровая демократия – это инструмент формирования этих возможностей (Луканин, 2012, 22–25).

Цель работы – выявление тематических доминант по федеральным округам на уровне выдвижения петиции и на уровне ее поддержки онлайн-подписями.

Эмпирическую базу исследования составляет электронная платформа для создания петиций «Change.org», а именно 22452 тематических текста (петиций, и охватывает временной период с 2012 по 2017 год).

Все русскоязычные петиции были разделены на 10 групп – основных тематик петиций: 1) политика, 2) медицина, 3) социальные, 4) животные, 5) экология, 6) образование, 7) экономика, 8) культура, 9) религия, 10) спорт.

Ключевые тематики поданных петиций (% от общего числа петиций)

Рис. 1. Ключевые тематики поданных петиций

Анализ языкового материала с помощью программного обеспечения AntConc показал, что самой частотной проблематикой на территории РФ является группа «социальные» (44%), затем следуют группы «политика» (18%) и «культура» (11%). Менее частотными оказались тематики «животные» (9%), «экология» (6%), «образование» (4%), «спорт» (3,8%), «медицина» (3%), «экономика» (0,7%) и «религия» (0,5%).

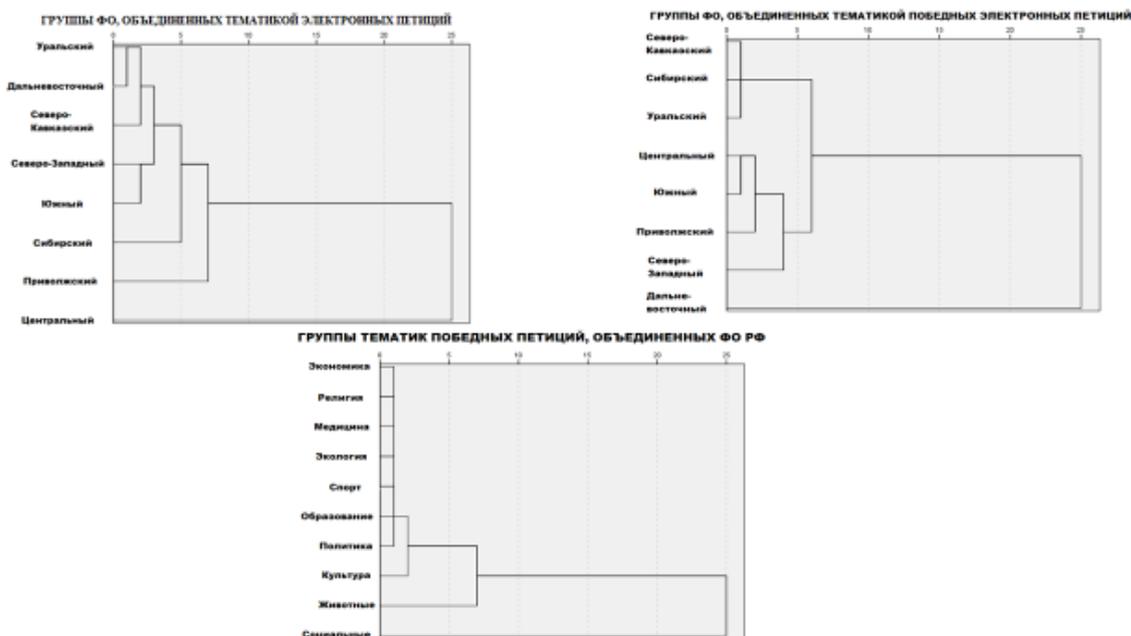

Рис. 2. Кластерный анализ тематик петиций

Кластерный анализа показал, что каждый федеральный округ Российской Федерации разнообразен как по своему субъектному составу и территориальной расположенности, так и по наличию тех или иных предметов недовольства граждан.

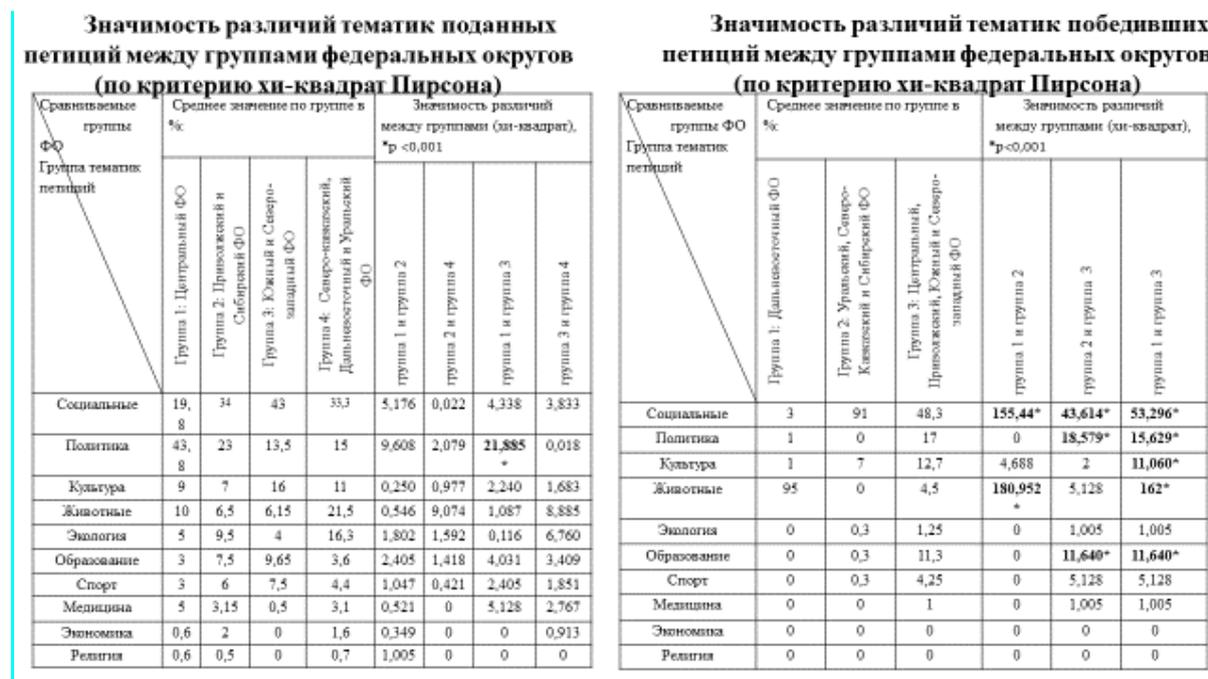

Рис. 3. Значимость различий тематик петиций по критерию хи-квадрат Пирсона

Определенные при помощи кластерного анализа группы ФО различаются не принципиально (критерий хи-квадрат Пирсона). Исключение составляет только Центральный федеральный округ, который статистически значимо чаще выдвигает онлайн-петиции политической направленности ($\chi^2=21,885$; $p < 0,001$), однако только в отношении Южного и Северо-Западного округа.

Среди победивших петиций самыми частотными тематиками оказались «социальные» (58%), «животные» (15,5%), «культура» (9%) и «политика» (8,5%).

Наибольшее число откликов на онлайн-петиции получают жители Центрального федерального округа (42%). Чуть меньше подписей имеют петиции из Северо-Западного (14%), Приволжского (13%) и Южного федеральных округов (12%).

В группах регионов победивших петиций отношения складываются иначе, чем при кластеризации регионов с первоначальными петициями. Группы ФО имеют принципиальные различия по нескольким тематикам онлайн-обращений. Статистически значимые различия

(критерий χ^2 Пирсона) проявляют себя среди победивших петиций, относящихся к темам «социальные», «животные», «политика», «образование» и «культура».

Ценностные ориентации региона отражают не поданные петиции, а те, которые поддержаны максимально большим числом жителей: именно победившие петиции указывают на «болевы точки» регионов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Каждый округ Российской Федерации разнообразен как по своему субъектному составу и территориальной расположенности, так и по наличию тех или иных предметов недовольства граждан.

2. Только Центральный федеральный округ статистически значимо чаще выдвигает онлайн-петиции политической направленности ($\chi^2=21,885$; $p < 0,001$), однако только в отношении Южного и Северо-Западного округа.

3. Статистически значимые различия (критерий χ^2 Пирсона) проявляют себя среди победивших петиции, относящиеся к темам «социальные», «животные», «политика», «образование» и «культура».

4. Ценностные ориентации региона отражают не поданные петиции, а те, которые поддержаны максимально большим числом жителей: именно победившие петиции указывают на «болевы точки» регионов.

Библиографический список

Абрамова Д. С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 1.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург, 2004.

Луканин А. В., Еремина Е. Л. Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации // Власть. – 2012. – № 12. – С. 22–25.

Noveck S. Smart Citizens, Smarter State The Technologies of Expertise and the Future of Governing, Harvard University Press, 2015.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» И «ВЕСНА»

А.И. Кудряшова (Санкт-Петербург)

С начала двухтысячных в таких странах, как Грузия, Украина, Кыргызстан прошли «цветные революции», где молодежь выступила одной из движущих сил. Нежелание развития подобных сценариев в России побуждает власть разработать меры по их профилактике (Акматалиева, 2008, 150–154). С середины нулевых делается ставка на молодежную политику и одно из ее направлений – работу с молодежными организациями. Параллельно стали стихийно возникать оппозиционные движения, образованные молодежью снизу. И те, и другие организации ведут свою общественно-политическую деятельность. С развитием Интернета и информационных технологий, цифровое поле стало крупной площадкой для политической деятельности. В докладе отражено влияние цифровизации на активность и участие молодежных политических организациях: лояльной партийной и оппозиционной внепартийной.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом организационной этнографии, который включает в себя включенное наблюдение и интервью, а также мониторинг социальных сетей. Было проведено 18 интервью, наблюдение проводилось в обеих организациях с июля 2019 года.

Свое исследование я проводила на «Молодой Гвардии Единой России». Как и другие партии, ЕР использует свое молодежное крыло в качестве механизма рекрутирования, использования молодежи на выборах, митингах, шествиях и так далее (Деревянченко, Калинин 2020, 155–173). Также есть цель привлечь как можно больше людей, чтобы они не перешли в оппозиционное движение, но это не попадает в фокус сегодняшнего доклада. С развитием технологий и переходом молодежи в интернет, перед ними МГЕР встали и другие задачи: популяризировать депутатов партии через посты, репосты, подписки и лайки, а также перетягивание внимания от оппозиционных организаций («Весна», «Яблоко», Штабы Навального и прочие).

Организация имеет свои группы в социальных сетях и набирает в свои ряды тех, кто смог бы наполнять их контентом (веб-дизайнеры, копирайтеры и тд). При этом постоянно просит своих членов подписаться на свои группы, группы ЕР, в обязательном порядке ставить

лайки, делать посты и репосты. Также ведется регулярная работа по опубликованию статей о проведенных мероприятиях в группах, муниципальных газетах и на сайтах муниципалитетов.

По важным инфоповодам активистов просят оставить гневный комментарий под каким-либо оппозиционным видео и постом. Делается это в добровольно-принудительном порядке – активисты должны отчитаться через скриншот. Такое случалось, например, в прошлом году, когда вышел клип Хаски на день рождения Путина. Так организация выделяет «верных» активистов, которым можно доверить партийные секреты, особо важные задачи. Второе это «нападение» в социальных сетях перед муниципальными выборами. Здесь уже установка на создание фейкового аккаунта, через который необходимо оставлять гневные комментарии в группах оппонентов. При этом случается, что их аккаунты взламывают оппозиционные силы и портят репутацию, создавая гневные посты от их имени.

Так как «Весна» не привязана ни к одной политической партии или организации, то ей не приходится заниматься их пиаром в сети. Организация имеет свой аккаунт в социальных сетях, где освещает и анонсирует свою деятельность, собирает деньги, продает свою продукцию. Важно отметить, что этот аккаунт является одним из основных способов рекрутирования активистов в Весну. Люди где-то слышат или видят это движение, ищут его в Интернете и заполняют анкету в группе. Для МГЕР эта функция скорее вспомогательная.

Основными целями «Весны» является формирование общественного мнения и привлечение внимания к проблемам. Основной механизм – это акционизм. При этом движение популярно именно в Интернете. Новости «Весны», в особенности о задержаниях активистов, публикуются и другими оппозиционными силами, с которыми сотрудничает движение: Штабы Навального, ЛПР, «Яблоко». Отдельной частью жизни движения являются различные политические дискуссии, дебаты, которые с начала пандемии перешли в режим онлайн. Автор присутствовал на двух таких мероприятиях. На каждом было около 12 человек. Такие встречи нацелены скорее на политическое образование участников, чем на привлечение новых активистов.

«Весна» часто подвергается силовому подавлению: задержания активистов, которые сейчас носят предупредительный характер, движение находится под постоянным наблюдением Центра Э. В цифровой среде также происходят некоторые нападки. Дело в том, что движение для координации своей деятельности использует чаты в «Теле-

грамм». Однако их оппоненты скрытно нарушали эту координацию. По всей видимости приглашали туда других людей и совместно начинали там оскорблять активистов.

Политическое интернет-участие. В ходе исследования было выявлено, что в обоих случаях интернет-участие движений сводится к просветительской деятельности, формированию общественного мнения. Оба движения активно сообщают в соц. сетях о своей деятельности, отвечают на комментарии к своим записям. Оба движения используют Интернет пространство для распространения информации о предстоящих митингах, шествиях, пикетах. Также оба проводят собрания в режиме онлайн.

Однако, ни «Весна», ни МГЕР не используют Интернет в качестве площадки для формирования коллективного обращения в органы государственной власти (петиции, коллективные письма).

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

Исследование показывает среду молодежных движений как неоднородную и конкурентную. В современной России движения разрабатывают новые направления коммуникации. Сайты и социальные сети становятся новым полем для конкуренции. Движения используют Интернет в качестве одного из инструментов рекрутирования. Они могут использовать как конвенциональные, так и неконвенциональные формы политического интернет-участия. При этом, как в оффлайн, так и в онлайн среде активность молодежи имеет преимущественно просветительский характер и направлена на формирование общественного мнения.

Исходя из этого отмечу высокую значимость Интернета для молодежных политических организаций. Движения используют возможности Интернета для реализации своих целей, которые не могут быть реализованы в офлайне или могут, но не так эффективно. В случае обеих организаций это освещение их деятельности. В случае «Весны» – это трансляция оппозиционной повестки, призыв к участию в протестных акциях. «Молодая Гвардия» с помощью интернета пытается популяризовать повестку партии среди молодежи, а также скрытно создавать видимость несогласия с мнением оппозиции или мешать их деятельности другими способами.

Также исследование показало необходимость создания институциональных условий для возникающих среди молодежи запросов на участие в политике в том числе в Интернет среде, так как значитель-

ная часть молодежи демонстрирует высокую интернет-активность, в том числе в политической сфере.

Библиографический список

Акматалиева А. «Цветные Революции» и молодежь как зеркало политической культуры кыргызстанского социума <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26243707>

Дервянченко А.А., Калинин Д.В. Политическая активность молодежи в цифровом обществе // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – №2 (16). – С. 155-173.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ²⁴

Н.Г. Кузнецов, С.Г. Тяглов, Н.Д. Родионова (Ростов-на-Дону)

В настоящее время цифровизация охватила все отрасли народно-хозяйственного комплекса России, чему способствовали изменения, происходящие в условиях мировой пандемии коронавирусной инфекции, состоящие в переходе к удаленному компьютерному доступу выполнения обязанностей работниками производственной сферы, социальной и производственной инфраструктур российских регионов. Инновационная система Российской Федерации и регионов обладает достаточно хорошей адаптивностью к динамике трансформаций в социально-экономической системе в условиях внешних на нее воздействий. Второй существенной причиной развития инновационных систем представляется изменение климата, влияющее на переходные в экономике процессы, связанные с перестройкой производства на безуглеродный путь их модернизации. Переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) потребует существенного технологического и технического перевооружения социально-экономических систем. Тем не менее, во многих субъектах Российской Федерации уже происходят активные действия в этом направлении. В частности, Ростовская область определена как пилотный регион по переходу на ветряную энергию. При этом, в настоящее время спроектированы и находятся на стадии подготовки к эксплуатации четыре ветроустановки. В ходе рабочей встречи с губернато-

²⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00860 «Формирование организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региональных инновационных систем на основе наилучших доступных технологий»

ром В.Ю. Голубевым Президент РФ В. В. Путин обратил внимание на развитие ветроэнергетики в Ростовской области. Руководитель региона назвал ветроэнергетику новым брендом Донского края. По его словам, первые ветропарки заработали в марте 2020 года и тогда же на рынок поступила первая электроэнергия, которую выработали ВЭС. Помимо двух основных партнеров, «Росатома» и «Роснано», в создании перспективной отрасли участвуют также иностранные компании – финская Fortum и итальянская Enel. Это позволило создать ветрокластер. Другими словами, помимо собственно ветропарков на Дону, развернуто промышленное производство компонентов для ветроэнергетики. Один из таких заводов работает на «Красном котельщике» в Таганроге, другой – на «Атоммаше» в Волгодонске.

Представленный анализ состояния и перспектив развития альтернативной энергетики, в частности, инновационных отраслей промышленного сектора российских регионов, позволил обосновать ее взаимосвязь с внедрением наилучших доступных технологий (НДТ) (1–4).

Таким образом, можно рассматривать взаимосвязанную четырехкомпонентную систему, отражающую суть современного развития: «Инновационная система – цифровизация – НДТ – экологически чистые технологии производства». Развитие инновационной системы осуществляется посредством новых технологий, отражающих суть трендов современного прогресса во всех сферах жизнедеятельности. Для того, чтобы поддерживались те из них, в результате действия, которых экономика будет находиться в состоянии экологически чистой среды, необходима поддержка экологических инициатив, т.е. их включение в существующие и разрабатываемые справочники по НДТ. Формирование подобных справочников опирается на большие объемы информационных массивов – требует развития цифровизации в рассматриваемой сфере. Этот круг понятий замыкается на конкретных действиях производителя экологически чистых технологий, что отражает всю указанную выше цепочку взаимосвязей и взаимозависимостей.

В Ростовской области созданы и успешно функционируют многочисленные предпринимательские площадки инновационного промышленного и агропромышленного секторов, базирующиеся на достижениях цифровой экономики. Следует отметить недостаточный уровень экологизации их деятельности и отсутствие критериев и принципов зеленой экономики в методических материалах по их развитию. На наш взгляд, оценка возможности включения продуктов деятельности предпринимательских структур в число потенциально возможных НДТ спо-

собствовала бы, с одной стороны, усилению поддержки проектов государством, а, с другой стороны, повышала бы их инновационность.

Поэтому принцип развития региональных инновационных систем с помощью внедрения наилучших доступных технологий, по нашему мнению, позволит осуществлять рациональное природопользование и запустить механизм вторичного использования ресурсов на базе инновационно ориентированных предприятий (например, вторичная переработка полезных компонентов твердых коммунальных отходов).

В ходе проводимых исследований доказан двойной эффект рассмотренной манеры интегрирования инновационных, цифровых и экологических действий. С одной стороны, это увеличение количества потенциальных НДТ отечественного происхождения и формирование технологической основы для постоянной модернизации и экологизации хозяйственной деятельности, и как следствие, снижение общего негативного воздействия человека на окружающую природную среду. С другой стороны, четкая ориентация субъектов региональной инновационной системы на цели НДТ, приведет к росту объемов инновационных разработок и активизации инновационной деятельности.

Таким образом, можно предложить концепцию развития перспективных отраслей народнохозяйственного комплекса России и ее регионов, опирающуюся на инновационные программы, включающие в себя как компонент – внедрение НДТ и их реализацию с помощью кластерного взаимодействия государственных, муниципальных и предпринимательских структур, с привлечением к этому активной части населения территориальных образований.

Библиографический список

Кузнецов Н.Г., Тяглов С.Г., Пономарева М.А., Родионова Н.Д. Анализ инструментов и методов оценки экономической эффективности внедрения наилучших доступных технологий // Вестник РГЭУ (РИНХ). – 2019. – № 2(66). – С. 50-60.

Кузнецов Н.Г., Тяглов С.Г., Пономарева М.А., Родионова Н.Д. Развитие региональных инновационных систем на основе активизации внедрения наилучших доступных технологий // Финансовые исследования. – 2019. – №1(62). – С. 116-125.

Тяглов С.Г., Бугаян С.А., Парада Е.В. Развитие ветроэнергетики как одного направлений повышения энергоэффективности российских регионов // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – № 9. – С. 19-26.

Tyaglov S. , Sheveleva A., Guseva T. Justification of the Need and Feasibility of Switching to Renewable Energy Sources for the Implementation of Sustainable Development Principles // International Conference on Sustainability and Climate Change: IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019, № 317.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ²⁵

Т.М. Кумпилов (Майкон)

Имидж Республики Адыгея является одним из приоритетных направлений коммуникативной деятельности региональной власти. Сегодня задача формирования имиджа республики приобретает новое звучание. Одной из предпосылок этого процесса стал резкий скачок в информационных технологиях.

В современном информационном обществе важнейшим инструментом формирования представлений людей являются социальные медиа, которые играют большую роль в развитии имиджа государства, региона или населенного пункта. Отношение людей к тому или иному событию в большей степени зависит от того, как оно преподносится. Привлекательность любой территории чаще всего в последнее время оценивается в социальных сетях.

Функционирование современных регионов во многом зависит от характера медиадискурса, конструируемого целенаправленно и складывающегося стихийно, которые базируются на сочетании административного, социально-экономического и этнокультурного факторов. Эффективный имидж региона – это комплексная форма его коммуникации, конструирующее в восприятии целевых аудиторий такое представление о регионе, которое способствует достижению стратегических целей регионального развития, повышает капитализацию региона (экономическую, социальную, культурную).

В современной литературе не выработано единого определения социальных медиа (social media). В данном тематическом поле часто используются такие смежные понятия как новые медиа (new media), цифровые или диджитал (digital) медиа, современные медиа. Термин «социальные медиа» стал широко использоваться последнее десяти-

²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90021 «Конструирование имиджа Республики Адыгея в пространстве социальных медиа»

летие с распространением новых цифровых технологий (RSS, блоги и т.д.) и интернет-ресурсов (онлайновые социальные сети, видеохостинги и т.д.). Данные разнообразные явления объединяет возможность потребителям генерировать и обмениваться медиаконтентом.

Можно выделить два подхода к осмыслению феномена новых медиа. В первом случае акцент делается на технологических аспектах производства информационно-коммуникативного контента (Головлева, 2008). Во втором случае социальные медиа уже не интерпретируются только как технологическая площадка для общения и обмена информацией, но встроены в структуру современного общества в качестве полноценного социального института (Гуреева, 2016, 210).

Имидж региона представляет собой относительно устойчивый и воспроизводимый в коллективных представлениях населения комплекс знаний и оценок (когнитивный компонент), ассоциаций и эмоций (аффективный компонент), который характеризует определённую территорию и который конструируется в символическо-коммуникативном пространстве медиатизированного социума. Имидж современных регионов во многом зависит от характера медиадискурса, конструируемого целенаправленно и складывающегося стихийно, которые базируются на сочетании административного, социально-экономического и этнокультурного факторов.

В условиях интенсивных процессов медиатизации общественной жизни имидж региона в общественном мнении в значительной степени конструируется из информации, производимой в пространстве социальных медиа (социальные сети, видеохостинги, блоги и форумы). Интерактивность, многомерность и персонализированность новых медиа обеспечивает производство и трансляцию имиджеобразующей информации, оперативно и массово распространяющейся в интернет-пространстве, пользователями которого является население большинства современных стран.

Новые интернет-технологии изменили характер коммуникаций с линейной на многомерную. Жители российских регионов практически постоянно пребывают в состоянии потребления и генерирования имиджеобразующего медиа-контента. В процессе дискурсивного конструирования имиджа российских регионов полюс смещается в сторону самоорганизующихся интернет-сообществ, среди которых важнейшее место занимают паблики в социальных сетях, отзывы и оценки в различных веб-сервисах. В этих условиях анализ конструирования регионального имиджа концентрируется на коммуникативно-

технологических аспектах производства имиджевого контента, на процессах институционализации сетевого взаимодействия и целенаправленного/стихийного генерирования информации в социальных медиа.

Социологические опросы, проведенные нами в Республике Адыгея в 2020 году, среди пользователей социальных сетей выявляют несоответствие высокого уровня эмоционального восприятия имиджа Адыгеи (гордость за республику, привлекательность ее природы, истории и культуры) и достаточно низкой рациональной оценкой таких системообразующих для имиджа факторов, как экономическая конкурентоспособность, условия для развития бизнеса, возможности получения качественного образования, состояние туристской инфраструктуры и уровень сервиса.

В проведенном социологическом исследовании ставилась задача выделения источников имиджеформирующей информации для пользователей социальных сетей. Результаты проведенного опроса ожидаемо показали, что чаще всего респонденты ориентируются на информацию из новых медиа, в которых у самих потребителей есть возможность создавать и обмениваться медиаконтентом (социальные сети, блоги, новостные интернет-сайты) (Таблица 1).

Таблица 1. Какими источниками информации в сети Интернет Вы чаще всего пользуетесь, чтобы узнать новости, информацию о Республике Адыгея? (в %)

	часто	время от времени	редко	никогда
Официальные сайты органов государственной власти Республики Адыгея	22	26	31	21
Региональные новостные сайты	22	25	30	24
Федеральные новостные сайты	12	20	38	29
Социальные сети (вКонтакте, Инстаграм и пр.)	89	9	1	1
Интернет-блоги	37	24	22	18
Форумы	11	15	27	48
Ютуб-каналы и другие видеохостинги	12	19	32	37
Туристско-информационные интернет-ресурсы	6	14	34	46

Позитивации внутреннего имиджа Адыгеи с точки зрения интернет-пользователей мешают низкий уровень жизни жителей республики, неразвитость жилой и социальной инфраструктуры. Не очень высоко оценивается опрошенным местным населением деятельность региональных органов власти по формированию положительного имиджа Адыгеи. В социальных сетях на сегодняшний день

главенствуют стихийные информационные потоки. В этой связи повышается роль направленной коммуникаций в изменении, распространении и поддержании позитивно окрашенной идентификации региона среди местного населения.

Большинство пабликов и веток в социальных медиа, посвященных Республике Адыгея, создаются и модерируются самими пользователями на стихийной основе. Контент-анализ интернет-дискуссии, конструирующей внешний имидж Адыгеи, показывает, что доминирующая часть публикаций на сайтах отзывов отражает туристский образ региона. По этому основанию имидж республики по большей части позитивный или нейтральный. В большей степени положительно оценивается природно-географический и историко-культурный компоненты имиджа региона. Однако около трети сообщений имеют негативные коннотации и касаются они социально-экономического развития Адыгеи и качества жизни ее населения.

Таким образом, с развитием информационно-коммуникативных технологий задача формирования и поддержания позитивного имиджа Республики Адыгея приобретает новые содержательные и инструментальные особенности и проблемы. Медиатизация социальных отношений трансформирует конфигурацию источников и механизмов формирования имиджевых характеристик регионов в коллективных представлениях населения. Дискурсивная природа территориального имиджа в современном обществе смещает исследовательские акценты в сторону социальных медиа, в которых производятся разнонаправленные (направленные/стихийные), ориентированные на разную целевую аудиторию (внешняя и внутренняя) и содержательно вариативные (негативный/позитивный) коммуникативные потоки.

Библиографический список

Головлева Е.Л. Массовые коммуникации и медиапланирование. – Ростов-н/Д., 2008. – 250 с.

Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192-208.

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛАДИВОСТОКА, КАЗАНИ И НОВОСИБИРСКА²⁶

А.В. Курочкин (Санкт-Петербург)

В период первой волны коронавирусной инфекции развитие цифровых инструментов управления стало не просто модой, а насущной необходимостью налаживания эффективного процесса анализа текущей ситуации, принятия и скорейшей имплементации административных решений на всех уровнях публичной власти. Резкая интенсификация процесса цифровизации показала, как новые возможности, так и не знакомые ранее вызовы и риски. В случае городского управления и развития эти возможности, вызовы и риски проявились наиболее остро. Кросс-региональный анализ изменения региональной и городской политики в условиях пандемии дал достаточно богатый материал для оценки эффективности избранных стратегий, компетентности политиков и чиновников, способности существующих систем управления проводить проактивный курс.

В рамках проекта «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ» в 2020г. было проведено сравнительное исследование семи российских городов, фокус которого располагался на анализе динамики цифровизации системы городского управления и эффектов (как позитивных, так и негативных), которые этот процесс породил. В данной статье представлены предварительные результаты исследования по трем городам, которые демонстрируют различные по интенсивности и содержанию траектории цифровой трансформации. Необходимо отметить, что анализ процессов цифровизации городской политики показал невозможность содержательного рассмотрения этого процесса в отрыве от динамики инновационного развития региона в целом. Поэтому включение в исследование институционального и ресурсного регионального контекста оказалось необходимым и неизбежным. Представим кратко результаты сравнительного исследования по каждому кейсу.

Новосибирск является одним из немногих городов России, в которых уже к середине 2000-х гг. начали использовать в управленческой

²⁶ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00792 «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ»

практике методы стратегического планирования с применением IT технологий и широким экспертным участием. Так еще в 2005 году городской Совет депутатов принял стратегический план развития города до 2020 года, в разработке которого приняло участие более сотни экспертов и профильных специалистов.

На уровне имплементации стратегии цифровой трансформации городского управления и инфраструктуры центральную роль в случае Новосибирска (впрочем как и в остальных анализируемых городах) играли и играют органы исполнительной власти региона, разрабатывавшие и ответственные за реализацию региональных государственных программ «Цифровая трансформация Новосибирской области (до 2025 года)» и «Развитие инфраструктуры информационного общества Новосибирской области» (на 2019–2021 гг.).

Главным координирующим актором в этом процессе выступило созданное в 2019 году на базе Департамента информатизации и телекоммуникационных технологий Новосибирской области Министерство цифрового развития и связи.

Можно отметить, что на уровне цифрового обеспечения инфраструктуры и управления институты региональной власти часто играют более активную роль, реализуя инициативы, напрямую затрагивающие функциональные обязанности мэрии, что объясняется как ресурсным доминированием региональных структур над муниципальными, так и региональной спецификой построения систем публичной власти.

В целом, авторы исследования пришли к выводу, что современная повестка городской политики Новосибирска следует общероссийским трендам в области цифровизации управления, однако ее нельзя назвать в достаточной степени адаптивной к возрастающей сложности и актуальным рискам. Это характерно как в отношении анализа программных документов городской администрации, так и содержательной стороны организации практики управления в период первой волны COVID -19.

Позиции другого исследуемого города – Владивостока неуклонно снижались, либо стагнировали в ключевых рейтингах качества жизни и эффективности управления российских городов. Так, согласно рейтингу 200 качества жизни городов России за 2019 год, составленному порталом Domofond.ru по 11 критериям, отражающих основные элементы жизни горожанина, Владивосток занял только 162 место (Полный рейтинг городов по качеству жизни, 2019) . В рейтинге, экспертов Финансового университета, составленном по шести группам показателей развития городской инфраструктуры и социальных услуг, Владивосток занял 68 ме-

сто из 78 городов, что примерно соответствует его низкой позиции в первом рейтинге (Казань – «чемпион» России по качеству жизни, 2020). Не менее тревожная картина наблюдается и в сфере муниципального управления городом, чья эффективность оценивается экспертами также весьма невысоко. Так, в рейтинге эффективности управления городами, составленном Агентством политических и экономических коммуникаций по данным за апрель – декабрь 2019 года, Владивосток занял предпоследнее 91 место, обогнав лишь Архангельск, опустившийся по сравнению с 2018г. на десять пунктов (В рейтинге городов России по качеству управления сменился аутсайдер, 2019).

В качестве причин такого положения системы городского управления можно определить: низкую степень координации стратегий субъектного и муниципального уровня и частую сменяемость главы города, лишаящую систему городского управления необходимой административной устойчивости и долгосрочного характера курса городской политики.

Вместе с тем следует отметить, что 2019г. стал переломным в динамике развития системы городского управления в направлении цифровизации, а также расширения спектра и улучшения качества муниципальных и государственных услуг. Во-первых, новая программа «Информационное общество» на 2020-2027гг. оказалась существенно глубже ориентирована на развитие образовательной компоненты и повышение цифровой компетентности граждан, она носит отчетливо более универсальный (внеотраслевой характер), затрагивая все основные направления государственной политики и делает акцент на выстраивании единой, целостной системы публичного управления, основанной на информационных технологиях и учитывающей все основные риски и возможности развития цифровой экономики и новых технологий производства товаров и услуг.

Одним из ключевых структурных изменений в системе управления, которые были призваны обеспечить положительную динамику развития цифровых технологий, стало создание в ноябре 2019г. в Приморском краеминистерства цифрового развития и связи, заменившего департамент информатизации и телекоммуникаций.

Главное конкурентное преимущество Владивостока в процессе построения полноценной цифровой экономики Приморского края - наличие мощной научно-образовательной базы в виде Дальневосточного федерального университета, в структуре которого была создана Школа цифровой экономики, являющаяся кадровым ядром формируемой экосистемы цифрового инновационного развития.

Мощный научно-технический потенциал, лидирующие позиции в области создания и коммерциализации новых материалов, продуктов и технологий являются важнейшим конкурентным преимуществом Казани. В столице Татарстана представлены и эффективно сбалансированы все сегменты сферы развития науки и технологий: академический, вузовский, отраслевой и корпоративный, необходимые для прорывного инновационного развития.

Во многом благодаря эффективной стратегии использования этого потенциала Республика Татарстан заняла второе место в комплексной оценке цифровизации субъектов РФ, разработанной Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления Сколково (76,48 баллов) (Рейтинг инновационных регионов России, 2019), а Казань заняла 2 место среди 15 крупнейших городов РФ, с интегральным индексом 52,58 согласно Индексу цифровизации городского хозяйства «IQ городов», представленному Минстрой России по итогам 2018 г. (Индекс цифровизации городского хозяйства «IQ городов», 2018).

Как и в случаях Новосибирской области и Приморского края, в Татарстане было образовано Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи, ставшее основным субъектом внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления.

Необходимо отметить, что новые вызовы и риски, связанные с распространением COVID-19, существенно стимулировали развитие проектов государственно-частного партнерства в сфере цифровизации и информатизации как на уровне Казани, так и на уровне региона. Среди наиболее успешных реализованных проектов можно выделить: создание сервиса для проверки СМС-пропусков, выдаваемых на время самоизоляции и запуск портала Yardam.ru, где была собрана информация о цифровых сервисах и услугах для жителей республики, находящихся в режиме изоляции в связи с распространением Covid19.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Эффективность процесса цифровизации муниципального управления оказывается крайне чувствительна к влиянию двух основных факторов: уровню научно-образовательного потенциала города и региона (качеству человеческого капитала и приверженностью стратегии инновационного развития) и способности структур государственного и муниципального управления адекватно использовать этот потенциал. Ключевым фактором формирования такой способности является координационная функ-

ция публичной власти, обеспечивающая сбалансированный и устойчивый характер развития территории.

Библиографический список

В рейтинге городов России по качеству управления сменился аутсайдер. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/12/2019/5e00c0a29a79476c22d8272c>.

Индекс цифровизации городского хозяйства «IQ городов». Режим доступа: <https://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/16a/Prezentatsiya.-Indeks-IQ-gorodov.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

Казань – «чемпион» России по качеству жизни. Режим доступа: http://www.fa.ru/org/div/cos/press/Documents/91_LQ_2019.pdf

Полный рейтинг городов по качеству жизни в 2019 г. Режим доступа: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_gorodov_po_kachestvu_zhizni_v_2019_godu/100546

Рейтинг инновационных регионов России за 2019 год. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/315338500>

СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ²⁷

М.М. Курячая (Краснодар)

Права человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации в качестве высшей ценности, имеют системообразующий потенциал для всего правового статуса личности. Будучи единственным источником власти, многонациональный народ Российской Федерации реализует свои властные полномочия как непосредственно, с использованием институтов прямой демократии, так и формируя органы публичной власти, суть народного представительства состоит в адекватном выражении воли народа и согласовании интересов различных социальных групп. Основная задача общества и государства состоит в том, чтобы создать условия для свободной реализации личности, что в правовом измерении означает наличие у гражданина возможностей для такой реализации, системы гарантий данной деятельности, правовых институтов, форм, средств и

²⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31771 «Неформальные практики гражданского участия в осуществлении публичной власти: эффекты сетевизации и проблемы правовой институционализации»

механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию правового статуса личности.

Гражданское общество в России общества характеризуется ростом горизонтальных связей между гражданами, широкими возможностями ситуационной мобилизации и развитием потенциала самоорганизации (в том числе, спонтанной) граждан. Данные изменения позволяют говорить о наступлении нового этапа развития гражданского участия в осуществлении публичной власти (делиберативной демократии), о модернизации институтов гражданского общества, о новых вызовах, стоящих перед правовой, в том числе и перед конституционно-правовой наукой.

Человеческий потенциал, будучи одной из социально-экономических основ инновационного общества и государства, выступает не только фактором обеспечения устойчивости региона, но и определяет его конкурентоспособность как на национальном, так и на мировом уровне. В силу этого личная вовлеченность каждого гражданина в решение задач социально-экономического развития, чувство сопричастности к успехам страны и края являются определяющими для формирования институциональной региональной среды (в том числе, социального предпринимательства, умной экономики, системы государственного управления третьего поколения и др.). Все это невозможно без эффективно работающих и системно взаимодействующих с государственными органами и органами местного самоуправления институтов гражданского общества.

Современные информационно-коммуникационные технологии все более глубокое проникновение Интернета в повседневную реальность граждан, постепенное устранение цифрового неравенства создали новое пространство публичной политики, в которой сетевые практики стали оказывать все более серьезное влияние и на деятельность органов публичной власти, и на принимаемые ими решения. Современная демократия становится все более и более электронной не только с точки зрения цифровизации технологий и процессов управления, но и с точки зрения взаимодействия между органами публичной власти и гражданами. Вынужденное в сегодняшних условиях широкое внедрение дистанционного обучения в сферах среднего, высшего и дополнительного образования в качестве одного из побочных эффектов будет иметь явление социализации в виртуальном коллективе, опыт которого сейчас получают обучающиеся. Интернет-социализация становится уже повседневной реальностью.

В условиях современной глобализации можно смело сказать, что электронная демократия из экзотического увлечения наиболее продвину-

той части общества стала массовым политико-правовым явлением, основной поток общественно-политической информации значительная (причем все более и более растущая) часть населения получает с использованием сети Интернет. В современных городских агломерациях социально и экономически активная часть граждан – это и та часть общества, которая проводит в социальных сетях большое количество времени, используя их и как средство получения информации, и как способ общения, и как канал продвижения своих идей (в том числе, бизнеса).

Социальные сети в качестве инструментов информирования, предвыборной агитации и мобилизации избирателей все чаще используются политиками во время избирательных кампаний. Это связано, в первую очередь, с тем, что сегодня социальные сети стали средством передачи и обмена информацией между людьми, универсальным способом объединения различных групп граждан (Курячая, 2019).

Социальные сети, интернет-проекты на современном этапе развития общества способны быть самостоятельным фактором формирования гражданской активности.

В этих условиях в качестве одного из эффектов сетевизации стали появляться, структурироваться и реализовываться неформальные практики гражданского участия в принятии публично-властных решений, в деятельности органов публичной власти, не считаться с которыми уже невозможно. И если механизмы электронной демократии уже изучены и продолжают изучаться, структурироваться, институционализироваться и в качестве общественных отношений с применением правового регулирования становиться правовыми отношениями, то неформальные сетевые практики гражданского участия в осуществлении власти, имея не меньший потенциал и уровень риска, еще не стали объектом комплексного социально-правового и политико-правового исследования (Желнина, Тыканова, 2019).

Таким образом, перед юридической наукой, прежде всего, перед теоретиками права и учеными-конституционалистами встает задача обоснования реализации права граждан на участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления в ходе сетевого взаимодействия с органами публичной власти в условиях больших вызовов на современном этапе развития России.

В целях решения данной задачи представляется необходимым:

– дать развернутую социально-правовую характеристику форм, механизмов и средств взаимодействия между отдельными гражданами,

институтами гражданского общества и институтами публичной власти в сетевом пространстве современной России;

- выявить латентные сетевые практики, опосредующие гражданское участие в деятельности органов публичной власти, не имеющие правового регулирования, и дать оценку степени влияния этих практик на процессы принятия публично-властных решений;

- разработать институциональные политико-правовые основы сетевого гражданского участия в деятельности органов публичной власти;

- выявить потребность в правовом регулировании сетевого гражданского участия в деятельности органов публичной власти и принятии ими публично-властных решений;

- внести предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере.

Такие междисциплинарные исследования будут способствовать развитию комплекса политических, организационных и правовых средств, позволяющих формировать и развивать социальную активность в форме сетевого гражданского участия в осуществлении публичной власти; обеспечению противодействия противоправной, прежде всего, экстремистской деятельности в рамках гражданской активности на современном этапе и в перспективе, трансформации гражданского протеста в гражданское участие.

Развитие современной демократии, постепенное превращение представительной демократии в демократию участия и демократию совместных действий делает необходимым обоснование возможности для граждан реализовывать свои права как в предусмотренных законом формах, с использованием законодательно закрепленных институтов, так и вне их, в том числе с использованием механизмов электронной демократии; модернизацию правового регулирования существующих и зарождающихся институтов делиберативной демократии.

Библиографический список

Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – № 22(1). – С. 162–192.

Курячая М.М. (2019) Использование потенциала социальных сетей в целях формирования гражданской активности молодых избирателей // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 7–10.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА – ОНЛАЙН-СЛОВАРИ КАК ФАКТОР ПЕРМАНЕНТНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ²⁸

С.Х. Липириди (Краснодар)

Появление электронных ресурсов привело к возникновению новых социально-языковых отношений. Особенно ярко влияние электронных новаций в языковой сфере видны на примере функционирования туристического дискурса в онлайн-пространстве. Наиболее отчетливо лингвистические трансформации лексики туристического дискурса отражаются в статьях электронных словарей, которые являются одной из наиболее перспективных форм электронных ресурсов в плане языкового развития. Онлайн-словарь обладает рядом особенностей – гибкостью, интерактивностью, объемностью, использованием дополнительных мультимедийных возможностей, актуальностью лексического состава (Фесенко, Лаухина, 2015, 46; Маммедова, 2015, 263; Марус, 2015, 69). Последняя черта особенно важна для понимания специфики порождения новой туристической лексики, так как та в значительной мере создается непосредственно рядовыми участниками дискурса. Туристы создают новые лексические единицы для того, чтобы передать индивидуальный опыт путешествий и тем самым трансформировать свои частные впечатления в коллективное знание. Непрерывность данного процесса вызвана как прогрессом в сфере туристического сервиса, так и совершенствованием электронных ресурсов, в частности, онлайн-словарей. Актуальность значительной части лексики онлайн-словарей обусловлена перманентным включением в нее новых единиц (Фесенко, Лаухина, 2015, 47). Электронные словари являются новой лингвистической реалией, передающей трансформации общественного сознания – постоянная работа рядовых пользователей над обновлением словарного состава языка отражает и формирует новые социальные нормы. Наиболее показательными с этой точки зрения становятся статьи онлайн-словарей современного сленга, ярким примером которых является *Urban Dictionary*. Данный словарь обладает рядом специфических характеристик. Главной чертой подобного рода

²⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных»

словарей становится фиксация окказионализмов (Дубровская, 2014, 668). Другой доминирующей чертой является отчетливо эмоциональный, чаще всего юмористический или сатирический характер большей части дефиниций отраженных в статьях словаря сленговых слов и выражений. Важной особенностью Urban Dictionary является характерный для современной культуры антропоцентризм, отраженный в пространстве сети Интернет (Дубровская, 2014). Приведенные в словарных статьях неологизмы отражают реалии повседневной жизни современного человека, их дефиниции фиксируют антропоцентрический поворот, повлиявший на функционирование многих дискурсов, в том числе туристического.

Рассмотрим неологизмы туристического дискурса на материале онлайн-словарей Wordspy (Wordspy), Macmillan Buzzword Dictionary (Macmillan Buzzword Dictionary), Urban Dictionary (Urban Dictionary), Cambridge Dictionaries Online Blog (Cambridge Dictionaries Online Blog). Социально-бытовой характер отображенных в словарных статьях новых туристических слов и выражений вытекает из самой сущности лексики, отображающей специфику жизни участника туристического дискурса. К данной категории туристической лексики мы отнесем неологизмы, связанные с новациями в сфере обслуживания путешественников – прежде всего, номинации типов размещения и транспорта. Так, неологизм *stealth dorm* (a home zoned as a single-family residence but rented by a group of unrelated individuals, particularly college student – дом, предназначенный как дом на одну семью, но арендованный группой не связанных между собой людей, особенно студентов) показывает частое употребление элементов туристической инфраструктуры группами случайно встретившихся людей, потеснивших традиционные семьи как прежнюю основную клиентуру такого рода структур. Ближе к данному месту проживания туристов стоит *twodio* (a small apartment with one large room for sleeping and living in, a bathroom, and a kitchen that is shared with another apartment – небольшая квартира с одной большой комнатой для сна и проживания, ванной комнатой и кухней, общей для других квартир) – его особенностью становится крайняя экономия места ради большей вместимости квартир. Если номинации мест размещения относятся к преимущественно бытовому плану туристической лексики, то неологизмы, описывающие транспорт, обладают также социальным измерением. К такого рода социально-бытовым неологизмам относятся слова и выражения, описывающие наиболее часто используемый туристами вид транспорта – авиапереле-

ты. Связанные с авиацией слова составляют определенную иерархию в сознании среднего клиента. Так, слово *flownz* (word describing first class air travel – слово, описывающее авиаперелет первого класса) описывает дорогостоящий перелет, доступный не всем пассажирам. Чартерные рейсы также представлены в коллективном сознании как дорогостоящие – примером может служить дефиниция выражения *Air charter* (a type of air transportation that nobody can afford – Такой вид авиаперевозок, который никому не по карману). Противоположным является выражение *Cheap Flight* (a company that deals in discount airfare for travelers – компания, которая занимается скидками на авиабилеты). Отметим, что неформальный характер происхождения новой туристической лексики определил ее эмоциональный настрой. Клиенты обладают собственным мнением по поводу каждого объекта туристической инфраструктуры, сильно отличающимся от официальных штампов, характерных для лексики туристических компаний. Так, дороговизна цен на авиабилеты породила выражение *Skyway Robbery* (airline tickets that are too expensive, not worth the asking price, too much, or ridiculously high priced – билеты на самолет, которые стоят слишком дорого, не стоят запрашиваемой цены, слишком дорого или смехотворно дорого). Данная сатирическая метафора достаточно традиционна – она построена на уподоблении высоких цен на авиабилеты грабежу (*robbery*), и имеет отчасти юмористический оттенок.

Подводя итоги, мы можем сказать, что электронные словари являются значимым фактором постоянного развития современной туристической лексики. Постоянное появление туристических неологизмов посредством добавления словарных статей рядовыми пользователями передает трансформации коллективного сознания участников туристического дискурса, создающих новую систему оценки объектов туристической индустрии как альтернативу привычным рекламным штампам. Неформальная словарная лексика отобразила антропоцентрический поворот в туристическом дискурсе, вызванный переориентацией дискурса на удовлетворение потребностей рядового туриста.

Библиографический список

Дубровская Д.А. Антропонимы-сленгизмы в текстах виртуальной коммуникации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 2(3). – С. 667-670.

Маммедова Ж.Э. Перспективы и проблемы компьютерной лексикографии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 261-267.

Марус М.Л. Современные многоязычные электронные словари // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2015. – № 3. – С. 68-70.

Фесенко О.П., Лаухина С.С. Электронные словари как продукт современной лексикографии // Омский научный вестник. – 2015. – № 4 (141). – С. 46-48.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (

Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/>

Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/>

Word Spy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wordspy.com/>

КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: НА ПРИМЕРЕ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЙ

Т.Ю. Луцина (Ижевск)

Идея развития как прогресса, движения по направлению к лучшим формам социальной организации издавна востребована в общественно-политической мысли. Формирование образа идеального правления, поиски золотого века в истории человечества, создание утопических концепций, во многом восходит к природе человека, способного, как отмечал Э. Блох, мечтать и надеяться (Блох, 1991, 49). Реформация и Новое время перевели религиозные ожидания в русло политических идеологий, настраивая на достижение своих моделей *societas perfecta* и делая саму веру в прогресс идеологичной (Матц, 1992). Э.Я. Баталов подчеркивал, что утопический элемент является неотъемлемой частью идеологии, описывая её как «то поле, на котором встречаются друг с другом утопия и миф» (Баталов, 1989, 96). Если принцип развития как таковой присущ идеологиям, то в её радикализме проявляется степень выраженности преемственности.

Не менее важным для понимания политики развития и преемственности в современных идеологиях является влияние Просвещения, в том смысле, о котором пишет Д. Грей, изучая проблема универсализма и партикуляризма в либеральной мысли (Грей, 2003). «Тотальные идеологии» (по определению М.Фридена), каковыми являются социализм, кон-

серватизм, либерализм, стремятся к созданию универсалистских проектов, ориентированных на всех, ввиду того, что природа человека одна вне зависимости от внешних обстоятельств. Казалось бы, для консерватизма, провозглашающего приверженность традиции в контексте определенной культуры, не приемлем данный принцип. Тем не менее, при различном содержательном наполнении концепта «традиция» в разных конкретно-страновых и исторических вариантах консервативной идеологии, сама ценность наследия прошлого, гарантирующего порядок, максима «сохранять и приспособляться» лежит в основе консервативной модели в целом (Ширинянц, 2001, 22-23).

Либеральная мысль поставила проблему развития от худшего к лучшему на рассмотрение в политической плоскости. Предложенное сторонниками классической теории общественного договора понимание государства как результата согласованных человеческих волей и действий основано на убеждении в том, что создание лучших форм сосуществования людей в принципе возможно и в реальности достижимо. В частности, Т. Гоббс актором перемен к лучшему видит государство, Д. Локк наделяет государство полномочиями для обеспечения дальнейшего развития общества, Ш.-Л. Монтескье отдает предпочтение законодательному реформированию для обеспечения свободы индивида в гражданском состоянии.

Реформам сверху, последовательным умеренным изменениям отдается приоритет перед радикальными революционными преобразованиями. При этом точка отчета экономических и социальных трансформаций – политика, поскольку для начала общественных изменений нужна законодательствующая воля граждан. Так, социальные изменения, предложенные Д. Стюартом Миллем в XIX веке, рассматриваются в контексте реформ, социальное государство Л. фон Штейна ориентировано на реформы сверху, А. де Токвиль был убежден в неизбежности демократических реформ.

Две ключевые либеральные ценности определяют направленность и формат реформирования: свобода и законность. Ради сохранения индивидуальной свободы в гражданском и политическом понимании должны осуществляться изменения, инструментом которых выступает закон.

Вопрос о преемственности отчасти вытекает из самого принципа реформирования, который не предполагает полного уничтожения старого мира. Вместе с тем, речь идет главным образом о характере преобра-

зований, которые должны носить эволюционный, постепенный, поступательный характер, ориентируясь на базовые принципы.

Современный либерал Д. Роулз, описывая содержание принципов справедливости, отстаивает институты конституционной демократии, приоритет свободы и правления закона. При выборе политического действия мыслитель традиционно для либералов отдает предпочтение реформе: выбранные людьми принципы справедливости призваны постепенно регулировать реформирование институтов, в результате чего справедливость восстановится (Роулз, 1995, 27, 177-222, 444).

Вопрос о преемственности в либерализме отчасти вытекает из самого принципа реформирования, который не предполагает полного уничтожения старого мира. Вместе с тем, речь идёт главным образом о характере преобразований, которые должны носить эволюционный, постепенный, поступательный характер, ориентируясь на базовые либеральные ценности.

Современные влиятельные консервативные идеологии восходят к идеям Э. Берка, одной из самых известных цитат которого стало высказывание о взвешенном подходе к политическим изменениям: «Я не стал бы исключать возможности изменений, но при этом есть вещи, которые должны быть сохранены. Я прибегал бы к лекарству, только когда больному совсем плохо. Занимаясь ремонтом здания, я сохранил бы его стиль. Осторожность, осмотрительность, нравственность были руководящими принципами наших праотцов даже в момент самых решительных действий. Давайте подражать их осторожности, если мы хотим удержать полученное наследство, и, стоя на твердой почве британской конституции, удовлетворимся восхищением и не будем пытаться подражать безнадежным полетам французских аэронавтов» (Берк, 1993). В этом образном обращении к соотечественникам подчеркивается значимость соблюдения преемственности, вынужденный характер преобразований, осмотрительность реформ.

Размышляя о том, что значит быть консерватором, уже в XX веке М. Оукшот приходит к выводу, что «соединение правителя с мечтателем порождает тиранию» (Оукшот, 2002, 88). По его мнению, консерватора характеризует весьма рассудительное отношение к неизбежным инновациям, повышение положительного и снижение негативного эффекта которых будет зависеть от инициатора перемен, близости естественному ходу вещей, масштаба и стремительности изменений (в приоритете мелкие, незначительные и медленные с возможностью коррекции), защищенности от влияния неуправляемых и нежелательных факторов. На

уровне политики – это будет означать ориентацию на практику, установление мира и порядка, а не на абстрактные идеалы (Оукшот, 2002, 69, 83). Видом политического действия, который соответствует этим принципам, является реформа.

Идеологии политизируют идеи развития и преемственности, возводя их в некий принцип, положительный характер которого определяется как само собой разумеющееся. Для либералов развитие, предусматривающее усовершенствование общественной жизни на принципах, прежде всего, свободы (без относительно различных подходов к её либеральному толкованию) находит выражение в государственном регулировании посредством права экономических и, в социальном либерализме, социальных отношений. Для консерваторов движение также имеют значение, которое на первый взгляд, полностью подчинено стабильности. Однако, для сохранения статус кво политик не может оставаться безучастным к объективным переменам и вынужден действовать. Безусловно, преемственность, с акцентом на учет опыта и прагматизм, в современной консервативной мысли представлена в виде выверенных осторожных преобразований.

Библиографический список

Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М., 1989.

Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М., 1993.

Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология. – М., 1991.

Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М., 2003.

Роулз Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.

Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. – 1992. – № 1.

Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. – М., 2002.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОСЕТЕВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.В. Люблинский (Москва)

Цифросетевизация общества ставит в политическую повестку дня вопросы, связанные с развитием социального государства, прежде всего, в 3-х основных контекстах. Это формирование новой модели управления

на принципах эффективности и участия, расширение возможности влияния граждан на политику; трансформация сферы труда и занятости; преобразование системы социальной поддержки граждан и обеспечения их социально-экономических и политических прав. Потенциально это могло бы привести к переустройству общества на новых началах, сделать шаг в сторону более справедливого устройства в России и мире, а политическую сферу сделать более прозрачной и морально чистой, не формально, а реально ответственной перед народом.

В новой реальности задачи социальной политики во многом остаются прежними, ибо в обществе не становится больше ни благополучия, ни справедливости, а социальное государство, хотя и декларируется, в том числе конституционно, но по факту таковым не является. Оно оказалось неспособным противодействовать неравенству и бедности, а процессы, запущенные цифровизацией, лишь выпукло обнажают эти традиционные, но обостряющиеся социальные проблемы.

По существу, власти в РФ проводят противную сути социального государства политику, отвечающую интересам господствующих политико-экономических групп, которые контролируют колоссальные ресурсы. При таком подходе общество постепенно утрачивает фактор консолидации, страдает групповая и индивидуальная мотивация, а творческий и инновационный потенциал народа оказывается в значительной степени не востребованным. В результате оно рискует лишиться себя возможности быстро и эффективно развиваться, решать социальные проблемы в интересах человека и общества.

Высокие уровни социального неравенства блокируют механизмы социальной мобильности. Согласно подсчетам, во многих странах может потребоваться 4-5 поколений доля семьи, принадлежащей к 10% нижней части социальной шкалы, чтобы достичь среднего дохода. В странах с низким уровнем неравенства на это потребуется 2-3 поколения (50-100 лет). В то же время в странах с высоким уровнем неравенства (Бразилия, Колумбия, Южная Африка) на это может потребоваться 9 и больше поколений. В Колумбии, где уровень неравенства наивысший, на такой социальный подъем уйдет не менее 300 лет (Society at a Glance..., 2019, 98).

В связи этим необходима иная, более сбалансированная политика, сочетающая базовые принципы, без которых современное общество существовать не может, – принципы эффективности и справедливости. Страховая модель социальной политики, по сути, является частью рыночной организации общества, во многом подчинена ей. Между тем, как

показывает практика социального развития и политического регулирования, перспектива на этой основе не должна строиться.

Одна из серьезных проблем состоит в том, что в действительности имеет место недооценка роли социальной политики как фактора развития общества и реальной демократии.

При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать, что в понятие равенства/неравенства встроены важные базовые элементы – справедливость/несправедливость (Equal Access to Justice..., 2019; Hellmann, Schmidt, Heller, 2019). В современном обществе вопрос о социальной справедливости вновь возвращается в политическую сферу, ибо уровень социального неравенства приобрел угрожающий для общества характер. По мнению профессора Тихоновой Н. Е., проблема избыточного неравенства становится важнейшим вызовом для российского государства и его социальной политики [Тихонова 2019].

Как правило, тема благосостояния, улучшения условий жизни – одна из главных в политической борьбе. И никакие политические силы не могут обходить ее вниманием, ибо общество во все времена находится в ожидании лучшего. И власть чаще всего сменяется потому, что не удовлетворяет ожиданиям граждан. Для власти, конечно, здесь большой простор для манипулирования, и она часто прибегает к использованию заниженных показателей, характеризующих остроту проблемы, доказывая свои успехи, заботу о гражданах.

Цифросетевое общество – общество более высокого уровня меритократичности, учитывая его более высокий научно-технологический характер по сравнению с предшественниками. Парадокс, однако, состоит в том, что в нем пространство для успеха становится меньше, сужается. Элитные группы становятся уже, они переформируются, расщепляются, а сохраняющие свои позиции и вновь «прибывшие» еще более взмывают вверх. При этом трансформация охватывает все общество: и сферу наемного труда, и самостоятельно занятых, и предпринимателей, и сферу интеллектуальных и творческих профессий. Повсеместно усиливается социальная и экономическая конкуренция, которая выталкивает на периферию жизни значительные контингенты работников, которые проигрывают, исходя из новых требований, предъявляемых набирающим обороты новым обществом и новым укладом жизни (Under Pressure..., 2019).

Цифросетевое общество, построенное таким образом, способно стать новым генератором депривации. Расхождение между социальными ожиданиями и возможностями возрастает. Люди устают от несбывшихся ожиданий и политических обещаний. В результате в обществе

становится больше пессимизма, неверия, ожесточения. Проводя социально неравновесную политику, не базирующуюся на принципе социальной справедливости, политическая власть ослабляет и подрывает свои политические позиции: ее право на управление обществом все больше оспаривается. У нее одна перспектива. Или она возвращается в русло справедливости, или она уходит и передает бразды правления другим политическим силам, которые получают реальную, большую и осмысленную поддержку общества.

По нашему мнению, перспективный путь – это формирование и проведение новой социальной политики, способной отвечать на вызовы новой социальной реальности, разработка и осуществление социальных программ, направленных на благополучие людей в новых условиях. Это модель социального роста и формирования нового гражданина должна быть нацелена на ценности его саморазвития. Труд приобретает новые смыслы, связанные с саморазвитием, ибо угрожающая бездеятельность означает большой риск саморазрушения человека.

Актуализируется также вопрос о новом общественном договоре, что всегда происходит в период крутых и глубоких перемен. Считается, что в принципе современное общество каждые 20-25 лет должно пересматривать большой (рамочный) социальный контракт, чтобы подвести определенную черту, зафиксировать изменения в сфере экономического и социально-политического развития, согласовать принципиальные моменты перспективной стратегии для различных сфер жизни. Причем в такие переломные периоды, сопряженные, помимо прочего, со сменой поколений, перемещениями внутри социально-политической структуры, определяющие новую временную диспозицию и новый потенциал различных социально-профессиональных групп и граждан, происходит возвращение в социально-политическую повестку дня темы социальной справедливости. Эта логика движения цивилизации универсальна и стоит вне времени, ее не может отменить ничто. Она становится, очень востребованной и в условиях цифрового общества в России и во многих других странах.

Библиографический список

Тихонова Н.Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 2. – С. 5-18.

Equal Access to Justice for Inclusive Growth: Putting People at the Centre. P.: OECD, 2019. 199 p.

Hellmann T., Schmidt P., Heller S.M. Social Justice in the EU and OECD. Index Report 2019. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2019. 270 p.

Society at a Glance 2019: OECD Social Indicators. P.: OECD, 2019. 131 p.

Under Pressure: The Squeezed Middle Class. P.: OECD, 2019. 169 p.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НА СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

А. Д. Макей (Калининград)

Целью исследования является определение причин цифрового неравенства в формировании электронного правительства и охарактеризовать специфику данного феномена в российском обществе.

На основе метода вторичного анализа статистических данных в докладе делаются выводы о рисках цифрового разрыва в реализации концепции электронного правительства. В качестве методологической базы анализа цифрового неравенства используется трехуровневая система цифрового разрыва: по доступу к технологиям, по доступу в интернет-пространство, по навыкам и способностям использования ИКТ. Эта стратегия представляется разумной, поскольку перечисленные методы приемлемы для исследователей данной области.

Проект «Электронное правительство» формировался как эффективный инструмент взаимодействия граждан с властью в сфере управления и обмена информацией. Однако такие ожидания столкнулись с серьезным препятствием, которое стало сдерживать общенациональное распространение технологических преимуществ среди всех групп населения. Этим препятствием стало цифровое неравенство (Бабынина). Под цифровым неравенством или цифровым разрывом понимается отсутствие доступа к современным ИКТ или неравномерные возможности в доступе и навыках использования современных средств коммуникации среди различных групп населения (Афанасьева).

Доступ к технологиям оставался основополагающим звеном цифрового разрыва, однако был не единственным в рамках реализации концепции электронного правительства. Специалисты различают три уровня цифрового неравенства: по доступу к технологиям, по доступу в интернет-пространство и по навыкам и способностям использования данных технологий (Волченко). В частности, в России первый и второй уровень цифрового разрыва уже не представляет собой серьезного барьера для продвижения концепции Электронного правительства (Афанасьева). По

данным исследования GfK, в 2019 г. аудитория Интернет-пользователей в России среди населения 16+ составила 90 млн. человек (+3 миллиона человек в сравнении с 2018 г.) и достигла отметки 75,4% населения страны (Волченко). Наряду с этим, снижается уровень цифрового разрыва в результате общего роста доступа к технологиям и Интернету. В 2018 г. на Портале государственных услуг было зарегистрировано 71,6 млн человек, что превышает значение показателя в 2013 г. в 18 раз (Афанасьева). Так, в среднем ежегодный прирост численности зарегистрированных пользователей достигал 78,4% (Добринская). Ежедневно на Портал Госуслуг заходит в среднем 1,2 млн ч. (Волченко). Однако, несмотря на то, что многие граждане получили доступ к глобальной сети и технологиям, это не оказало значительного влияния на рост использования электронных услуг среди всего населения. Связано это в первую очередь с тем, что способности и навыки использования данных технологий среди различных групп населения, по-прежнему, неоднородны. Наиболее популярным использованием Интернета для получения государственных и муниципальных услуг является возрастная группа 25-34 лет (67,7 % от численности лиц, получающих государственные и муниципальные услуги) в 2017 г. (Добринская). Тем временем, доля населения, использующая Интернет в возрасте (65+) составляет около 32,9% (Долгих, Ефимова). Таким образом, возраст является важным предиктором цифрового неравенства, который иллюстрирует неоднородный уровень навыков в использовании Интернета и современных технологий. Однако, возрастной фактор является не единственным в существующем цифровом разрыве. Так, навыки работы на персональном компьютере среди городского населения составляет 62,4 %; среди городского населения 48,9% (Добринская, Мартыненко). Это говорит о том, что жители сельской местности сохраняют ограниченный опыт в получении электронных государственных услуг, в отличие от жителей городских агломераций. Следовательно, уровень навыков пользования современными технологиями остается ниже городского уровня.

Несмотря на значительный рост в доступе к технологиям и интернету, неоднородный уровень навыков отдельных групп населения в пользовании ИКТ становится определяющим фактором сохранения цифрового неравенства в России. Преимущества от использования услуг электронного правительства получают только технически подкованные граждане (согласно данным, в возрасте от 25-34 лет) лишая возможностей тех, кто не обладает нужным опытом и навыками. Предоставляя электронные услуги отдельным группам, правительственные учреждения

упускают возможность взаимодействовать с большей частью населения. Следовательно, первостепенной задачей государственных органов является взаимодействие с теми группами населения, которые более подвержены влиянию цифрового разрыва, с целью осуществления комплексной политики в цифровизации страны.

Библиографический список

Афанасьева А. С. Цифровое неравенство как проблема внедрения электронного правительства в России. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-kak-problema-vnedreniya-elektronnogo-pravitelstva-v-rossii>

Бабынина Л. С. Цифровое неравенство: причины и последствия. Режим доступа: <https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/.pdf>

Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsifrovogo-neravenstva-v-rossii>

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331214900_Perspectives_of_the_Russian_information_society_Digital_divide_levels

Долгих Е. А., Ефимова М. Р. Статистический анализ развития информационного общества в Российской Федерации. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskiy-analiz-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-v-rossiyskoy-federatsii>

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА²⁹

Д.А. Мальцева, А.Г. Дедуль, Д.Д. Косарева (Санкт-Петербург)

В условиях процессов, определяемых как «цифровизация» (Dufva, Dufva, 2019), а также ряда подталкивающих факторов таких как: пандемия, закрытие границ, падение цен на нефть и другие виды ископаемого топлива, рекордное сокращение нефтедобычи – актуализируется потребность страны в эффективной инновационной системе на национальном уровне. Эффективная и производительная национальная инновационная

²⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00393 «Координационные эффекты стратегического управления политико-административными процессами в условиях цифровизации»

система (НИС) может обеспечить конкурентоспособность страны на мировой арене в настоящем и стабильность экономики в ближайшем будущем. Можно говорить о том, что сформировались новые требования к национальным системам: для того, чтобы быть конкурентоспособной экономика должна быть инновационной.

Развитие НИС зависит от множества факторов, однако по большей части обеспечивается государственной инновационной политикой. Именно государству отводится ключевая роль в процессе инновационной трансформации системы, что определяется его системным характером и особенностями инновационного продукта (высокие риски коммерциализации, «длинные деньги» и др.). Возрастает потребность в государстве как в арбитре между акторами НИС, что, с одной стороны, способствует позитивному развитию рынка, основанного на инновациях, а с другой – увеличивает экономическое вмешательство. Данный тезис подтверждается опытом ведущих в области инновационных процессов стран (Швеции, Сингапура и др.), где меры государственного вмешательства оказались эффективными для развития НИС (Andreasson, 2017; Захарова, Лабудин, 2019).

Однако, несмотря на существование и доступность для изучения опыта других успешных в области развития НИС стран, далеко не всегда инновационная политика дает желаемый результат. Единой дорожной карты создания эффективной инновационной системы в отдельном государстве не существует. В результате национальные системы начинают изменяться, но реформы не всегда носят системный и естественный характер, что влияет на их результативность. Например, для российской модели характерен феномен, определяемый как «российский инновационный парадокс» (Масамиси и др., 2009), выражающийся в ограниченном успехе перевода научных изобретений в инновационные продукты. При постепенном увеличении затрат на НИОКР, их результативность остается низкой.

В ходе исследования было выявлено, что к возникновению данного феномена приводят следующие факторы российской действительности и особенности инновационной политики. К ним можно отнести: низкую долю участия частного капитала в НИОКР; зависимость университетов и исследовательских институтов от государства; низкий уровень институционального доверия среди населения; специфику права на интеллектуальную собственность и недостаточное использование модели «тройной спирали» (Triple Helix Model); ведущую роль институтов развития и особенности политики поддержки и др.

Стоит отметить, что некоторые из упомянутых особенностей характерны и для инновационной политики успешных стран с точки зрения

Глобального инновационного индекса. Например, в Сингапуре основным инвестором в сфере R&G также является государство, а за инновации отвечают государственные агентства и институты развития. В Швеции для инновационной экономики характерно доминирование крупных и полугосударственных фирм над малыми и средними формами бизнеса. Однако для этих стран данные обстоятельства не стали причинами инновационного парадокса в силу иной политики и национальных особенностей. Таким образом, для каждой страны необходима индивидуальная стратегия развития, учитывающая национальные особенности и ресурсы, а также мировой опыт, то есть требуется комплексный подход.

Следовательно, для преодоления вызовов, с которыми столкнулась российская модель НИС, необходим комплекс мер, затрагивающий несколько сфер, и в первую очередь – институциональную. Инновационная политика должна быть направлена на увеличение прозрачности институтов власти, поддержку авторского права и развитие института интеллектуальной собственности, а также на улучшение межинституционального взаимодействия, внедрение в практику модели «тройной спирали». Необходимо создавать и развивать цифровые платформы, позволяющие упростить операции, связанные с налоговыми выплатами, открытием и ведением бизнеса. Это снизит транзакционные издержки от данных операций и будет содействовать развитию инвестиционного климата. Качественное осуществление подобных реформ может повысить уровень институционального доверия в России. Следовательно, увеличит потенциал социальных и технологических возможностей страны для построения эффективной, высокопроизводительной и конкурентоспособной национальной инновационной системы.

Библиографический список

Захарова Н. В., Лабудин А. В. Формирование инновационной экономики в Швеции: особенности и перспективы // *Управленческое консультирование*. – 2019. – №. 10 (130). – С.37-47.

Масамиси С. и др. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. – 2009. – Т. 1. №. 1. – С. 20-35.

Andreasson U. Trust–The Nordic Gold. Nordic Council of Ministers, 2017. Режим доступа: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1095959/FULLTEXT02.pdf>

Dufva T., Dufva M. Grasping the future of the digital society // *Futures*. 2019. T. 107. С. 17-28.

ПОЛИТИКА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: ОБЪЕКТЫ, МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ³⁰

Е.М. Мещерякова (Краснодар)

Актуальность исследования обусловлена интенсивно развивающимися процессами цифровизации современного общества и связанными с ними масштабными изменениями в экономике, политике, социальной сфере общества и культуре. Вместе с тем, фиксируется неравномерность данных процессов как в территориальных и социальных проекциях, связанных с инфраструктурными технологическими диспропорциями стран и регионов, а также неравномерностью освоения цифровых компетенций и активной цифровой среды разными социальными группами и общностями. Статистика свидетельствует о том, что как минимум треть населения мира до сих пор не подключена к глобальной сети Интернет в силу различных обстоятельств (ITU...). На лицо – социальный разрыв, характеризующийся отсутствием доступа к цифровой инфраструктуре и невладением цифровых навыков, перетекающий из общественного дискурса в политический.

В современных государствах сформировались различные модели политик по преодолению цифрового неравенства, изложенные в сравнительной таблице. И независимо от подходов к преодолению цифрового неравенства ключевой проблемой, выделяемой многими авторами (Гайнанов, Шарифьянов, 2014, 2-18), было соотношение государственных инвестиций в развитие ИКТ-инфраструктуры и инвестиций коммерческого сектора – операторов связи. Вопрос финансирования программ по преодолению цифрового неравенства – наиболее острый в отношениях между государством и бизнес-сообществом. В зависимости от способа решения этого вопроса проводится та или иная политика – от сильного государственного влияния по созданию национальной широкополосной сети (National Broadband Network, NBN) в Австралии до политики невмешательства в США.

О результативности политик по преодолению цифрового неравенства мы можем судить по рейтингам, подготавливаемыми различными фабриками мысли. Так, по итогам научно-исследовательского проекта Digital Planet (The Fletcher School at Tufts University) составлен сравнительный рейтинг (Самые цифровые...) 42-х стран по таким категориям как цифро-

³⁰ Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта РФФИ № № 18-011-00975 А «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

вая и аналоговая инфраструктура, платформы цифровых медиа, доступность данных, онлайн-фриланс платформы, платформы шеринговой экономики. Результаты государств изложены в таблице. В отчете ОЭСР OECD Skills Outlook 2019 представлен рейтинг стран в зависимости от уровня цифровизации, ИТ-компетенций и результативности политики э-инклюзии, и его результаты во многом совпадают с рейтингом Digital Planet.

Так, в Великобритании (2-е место) придерживаются «зонтичного» подхода, ориентирующегося на развитие инфраструктуры, цифровых навыков, предпринимательства, безопасности, правительства, data-экономики. Инструментами реализации такого подхода выступают ГЧП, финансовая поддержка домохозяйств и отдельных лиц для приобретения товаров или услуг ИКТ (в форме грантов, стипендий и т.д.). Великобритания занимает 2-е место в сравнительном рейтинге самых цифровых стран мира.

Во Франции (18-е место) осуществляется частичный государственный контроль. Здесь также строго ограниченное субсидирование доступа к ИКТ-инфраструктуре сельских населенных пунктов. Инструментом реализации политики по преодолению цифрового неравенства во Франции является образовательный курс по вычислительным наукам и технологиям.

Канада (9-е место) реализует комплексный подход к формированию цифровых компетенций вместе со строительством инфраструктуры в удаленных населенных пунктах через субсидирование малоимущих семей, приобретающих компьютерное оборудование, через программу по обеспечению широкополосным доступом сельских населенных пунктов и общин коренного населения, а также через пилотную программу по подключению северных удаленных населенных пунктов.

Австралия (6-е место), где осуществляется государственный контроль за строительством национальной магистральной сети NBN с регулируемой стоимостью присоединения коммерческих операторов сетей доступа с целью предоставления доступных по цене ИКТ-услуг во всех населенных пунктах и где реализуется демополизация рынка сетей доступа, успешно реализует политику по преодолению цифрового неравенства с помощью государственного проекта по строительству сети высокоскоростного широкополосного доступа NBN и проекта Digital business kits, направленного на цифровизацию бизнес-услуг, э-коммерции, использование новых медиа.

В США (1-е место) придерживаются подхода «невмешательства» государства. Здесь федеральная комиссия по телекоммуникациям стиму-

лирует конкуренцию на рынке интернет-провайдеров. США – лидер цифровых стран благодаря стимулированию конкуренции на рынке интернет-провайдеров.

В Эстонии (16-е место) сосредоточились на образовательном подходе и формальному образованию цифровым навыкам в школах. Здесь реализуется Программа ProgeTiger, предназначенная для повышения цифровой грамотности обучающихся в системе дошкольного, начального и профессионального образования. Вместе с этим производится информационная кампания о преимуществах Интернета.

В Индии реализуется политика высокой конкуренции на рынке мобильной связи, происходит финансирование развития проводных сетей связи, осуществляемое из фонда универсального обслуживания, пополняемого за счет вкладов каждого оператора связи, активно развиваются беспроводные технологии, идет строительство национальной оптической сети связи NOFN.

В Мексике, Бразилии и Турции с учетом разной специфики подходов, общим становится развитие цифровой инфраструктуры, а инструментом реализации политики по преодолению цифрового неравенства является проект Going Digital. Страны занимают соответственно 31-е, 32-е и 40-е места в рейтинге.

Сравнительный анализ политик по преодолению цифрового неравенства разных стран показал, что наиболее успешным подходом политики цифровой инклюзии является так называемый «зонтичный» или комплексный подход, сочетающий в себе развитие инфраструктуры и цифровых компетенций посредством вовлечения различных государственных и негосударственных акторов, формат которого включался бы в разные сферы жизнедеятельности, в первую очередь экономической, политической, образовательной, культурной, коммуникативной и др. Государства, применяющие такой подход в своих политиках, показывают наивысшие результаты цифровизации общества, которые способны оценить как международные рейтинговые показатели, так и национальные.

Библиографический список

Гайнанов Д.А. Шарифьянов Т.Ф. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Экономика и цифровые технологии. – 2014. – № 22(349). – С. 2-18.

Самые цифровые страны мира: рейтинг 2019 года. Режим доступа: https://hbr-russia.ru/innovatsii/issledovaniya/818884?utm_source=vedomosti.ru&utm_medium=teaser

ITU; GlobalWebIndex; GSMA Intelligence; Eurostat; Social Media platforms' self-service advertising tools; local government bodies and regulatory authorities; APJL; Kepios analysis. Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/files/352/map-of-the-worlds-digital.png>

МЕСТО И РОЛЬ ДИСКУРСА «ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

М.Ю. Мизулин (Москва)

Постановка вопроса о развитии социально-гуманитарных наук явление достаточно относительное и во многом неverified. Можно лишь констатировать, что развитием социально-гуманитарных наук можно считать факт или состояние их востребованности. Сама же востребованность может существовать как самостоятельная инфраструктура, как, например, дело было с востребованностью и инфраструктурностью общественных наук при или в СССР. Институты социально-гуманитарных наук тогда занимали доминирующее положение в толковании и интерпретации практически всех без исключения общественных процессов и, в том числе, состояний развития и общества, и самих общественных наук как таковых.

Время «Перестройки» обрушило не только обществоведческую инфраструктуру, но и сам метод диалектико-материалистического понимания мира. Хаос миротолкования постепенно стал упорядочиваться онтологиями мифологии, религии, отчасти философии и методологии. Однако сами по себе обществоведы были вытеснены из дискурса-константы, в которой нуждается власть и опирается на которую в своих решениях.

Несомненной заслугой авторов и идеологов предстоящей конференции является попытка приступить к некоторой современной институционализации состояния социально-гуманитарных наук. Наша авторская позиция в этом вопросе такова. Для того, чтобы обеспечить реальную востребованность и институционализацию социально-гуманитарных наук необходимо в эпицентр этого процесса поставить дискурс «политическое мышление».

При этом мы исходим из того, что как только дискурс «политическое мышление» будет востребован реальными носителями реальной власти, неизбежно развитие и в этом смысле институционализация социально-гуманитарных наук во всей совокупности их идейного потенциала.

Подчеркну, не поиск нового мышления, а разработка проектов и программ понимания и масштабирования именно политического мышления – вот что необходимо делать и осуществлять применительно к ситуа-

ции современного мира и мерцающего или утверждающего свою сущность мира политического действия.

Дело в том, что постановка и реализация научных и образовательных проектов/стандартов по схеме «неизвестный мир – ученый, познающий неизвестный хаотический мир – знание, как продукт научной деятельности ученого – публикация полученного знания/введение в политический дискурс – трансляция полученного знания студентам и политикам» может работать в современных условиях лишь с крайне минимальным коэффициентом полезного действия или вообще работать вхолостую.

Это тема отдельного симпозиума, которая достаточно рельефно прописана и обозначена О.В. Гаман-Голутвиной в статье «Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности» (Гаман-Голутвина, 2019, 19-42.)

Соглашаясь с О.В.Гаман-Голутвиной в попытке проблематизации темы, отметим, что в современной эпохе неопределенности интеллектуальному сообществу необходима переориентация на «импульс жизни», а не на «древо познания добра и зла» (Бердяев, 2003) которая, в свою очередь, диктует переход (или частичный отказ от «голового сциентизма») на платформу разработки и постановки тренда политического мышления и деятельности.

Чистое знание или публично-доступное знание, которое демонстрируется внутри политологического сообщества, реальным политикам не нужно. Ими оно и не востребовано.

Практическое (реализуемое) политическое знание большинству коллег-политологов в принципе не доступно и не понятно, по существу. Схему такого знания, разработанную, например, А.М.Пятигорским, практически никто не знает, не внедряет и не обсуждает (Пятигорский, 2008). Многие делают нечто, в лучшем случае понятное самому себе. При этом оно, такое знание, не только не востребованное политиками и, как следствие, объективной политической реальностью, но и не продаваемое и не реализуемое на рынке образовательных услуг.

В этой ситуации основным и сквозным предметом современного политического образования и научно-поисковой деятельности должно стать политическое мышление и его проективность в политическую деятельность и действительность.

Такой подход позволит произвести различие политического и не политического мышления, а именно: юридического, военного, экономического, предпринимательского, финансового, социального, педагогического и культурно-исторического типов мышления.

Все сопутствующие дисциплины и практики, в полном объеме позволяющие объективировать политический плацдарм (политическое поле=политический объект) должны быть увязаны с состояниями политического мышления. Только так в конечном счете можно сформировать политическое мышление, встроенное в суверенную/не суверенную государственную политику и формирующее эффективное политическое действие.

Такой подход восполнит существующий пробел в общей системе компетенций, на которые должно быть сориентировано современное образование и современные образовательные учреждения.

В долгосрочной перспективе реализация такой программы потребует постоянной методологической верификации применительно к базовым принципам и схемам мыследеятельности, разрабатываемыми мыслителями как минимум в последние два столетия, о чем убедительно говорится в статье Л.В. Сморгунова (Сморгунов, 2020, 122).

Таким образом, наша общая ситуативная задача состоит не в поиске «нового мышления» и форм развития социально-гуманитарных наук, а в определении и постановке в качестве центра исследовательской работы онтологической картины современного политического мышления и построенного на нем политического действия или политического действия (деятеля), творящего политическое мышление, которое может быть размещено на технологической платформе революции 4.0.

Новое мышление современной технологической революции, осуществляемой, прежде всего, технологическими предпринимателями, с неизбежностью требует создания адекватной этому процессу платформы политического мышления, на базе которой возможно пере-учреждение государства и его институтов, утверждение компетенции «политик», радикальный пересмотр и изменение действующего образовательного стандарта в сфере политического знания, создание профессионального стандарта «политик» и сферы его институализации или, как модно говорить, «профессиональной инфраструктуры».

Библиографический список

- Бердяев Н. Опыт парадоксальной этики. – М. 2003.
- Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. – 2019. – № 5. – С. 19-42.
- Пятигорский А. М., Алексеев О. А. Размышляя о политике. – М., 2008.

Сморгунов Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // Социальные и гуманитарные знания. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 122–133.

СУБЪЕКТЫ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ³¹

С.А. Миронцева (Краснодар)

Ресурсы сети интернет предоставляют широкий и быстрый доступ к информации, развивают новые формы взаимодействия, становятся инструментами мобилизации и формирования системы ценностей молодых пользователей, влияют на их поведение.

Формирование региональной идентичности молодежи связано с отношением к региону, к своей малой родине, к экономическим и социальным проблемам в регионе, восприятием культурных ценностей, оценкой деятельности региональных властей, и т.п.

Основными субъектами, формирующими представления молодежи о регионе, его истории, культуре, влияющими на отношение молодых людей к региону, выступают государственные и муниципальные органы власти, учреждения образования и культуры. Региональные органы государственной власти разрабатывают и реализуют комплексную политику по формированию ценностей, оценок и представлений молодежи.

В условиях цифровизации общества активизировалась работа по привлечению внимания к актуальным социальным проблемам на официальных сайтах органов власти и органов по работе с молодежью, в популярных среди молодых людей социальных сетях. Региональные и муниципальные органы власти информируют молодежь в сети Интернет об особенностях развития региона, о запланированных мероприятиях.

Ярким примером подобной деятельности может служить молодежный портал Краснодарского края – Кубанский молодежный портал Молод.Инфо (Кубанский молодежный портал...). Так, на официальном сайте молодежи региона, созданном министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, можно узнать новости о проводимых мероприятиях. Например, здесь размещена информация о различных конкурсах, проводимых для молодежи, как всероссийских, так и регио-

³¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-13-23026 «Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края» (2016–2017 гг.)»

нальных. Например, можно найти информацию о конкурсе «Моё будущее – Краснодарский край!», итоги которого должны быть подведены к началу ноября 2020 года. Конкурс организован региональным министерством экономики для привлечения максимального внимания жителей края к новой Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Стать участниками конкурса с проектами по первым трем номинациям (человеческий капитал региона, экономика региона, пространственно-территориальное развитие региона) могут граждане в возрасте от 16 до 35 лет, по четвертой (творческий конкурс «Краснодарский край – 2030» для формирования образа будущего региона) – без возрастных ограничений. Молодежь края, интересующаяся журналистской деятельностью, может ознакомиться с информацией о творческом конкурсе «Медиа смена», проводимом осенью 2020 г. для журналистов школьных, студенческих, городских, районных и краевых СМИ в возрасте от 14 до 30 лет по таким номинациям как: социальная, экономическая, агропромышленная, туристическая, спортивная, патриотическое воспитание подрастающего поколения. Также есть информация о различных конкурсах по поддержке со стороны органов региональной власти молодежных инициатив и проектной деятельности. Можно познакомиться с информацией о реализуемых молодежных проектах. Например, о проекте «Гочка кипения», представляющего создание пространства для коллективной работы молодежи, недавно открытого на базе ГКУ КК «Центр молодежных инициатив» при поддержке Агентства стратегических инициатив и министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края. На сайте также имеются фото и видео архивы различных интересных событий. Данный сайт может привлечь внимание активной, молодежи, неравнодушной к происходящему в своей стране и регионе.

Информирование молодежи о различных мероприятиях и новых проектах все активней проводится с помощью популярных среди молодых людей социальных сетей. У государственных органов по работе с молодежью есть свои аккаунты в популярной социальной сети среди молодежи ВКонтакте, созданные для информирования и взаимодействия с активной молодежью Кубани, интересующейся различными мероприятиями и проектами для молодежи: Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, 2114 участника (Официальный аккаунт министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края ВКонтакте), Управления молодежной политики Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края (Кубанский молодежный портал Молод.Инфо, 15268 участника

(Официальный аккаунт управления молодежной политики министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края Молод.Инфо ВКонтакте), Центра молодежных инициатив, 14112 участника (Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр молодежных инициатив» ВКонтакте), Центра гражданского воспитания молодежи Кубани, 4114 участника (Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр гражданского воспитания молодежи Кубани» ВКонтакте), Молодежного центра развития личности, 5735 участника (Официальный аккаунт ГКУ КК «Молодежный центр развития личности» ВКонтакте), Краевой крейсерско-парусной школы, 5731 участника (Официальный аккаунт ГБУ КК «Краевая крейсерско-парусная школа» ВКонтакте). Также молодежные сообщества социальной сети ВКонтакте, созданы и в муниципальных образованиях края. Кроме того, многие государственные и муниципальные органы по работе с молодежью имеют свои страницы и в других социальных сетях: Facebook, Twitter, YouTube и Instagram. Все более популярными становятся у молодежи аккаунты в Instagram. Например, у Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в Instagram 4533 подписчика (Официальный аккаунт министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в Instagram), у Кубанского молодежного портала Молод.Инфо в Instagram 2395 подписчиков (Официальный аккаунт управления молодежной политики министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края Молод.Инфо в Instagram), у Центра молодежных инициатив – 2141 подписчик (Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр молодежных инициатив» в Instagram). Заметна тенденция к постепенному увеличению числа участников молодежных сообществ на официальных аккаунтах органов по работе с молодежью в популярных среди молодежи социальных сетях.

Таким образом, стоит отметить, что в Краснодарском крае субъекты молодежной политики региона в условиях цифровизации активно используют различные возможности сети Интернет и социальных сетей в формировании позитивного образа региона и региональной идентичности молодежи.

Библиографический список

Кубанский молодежный портал. Управление молодежной политики Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского URL: <https://molod.info>

Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр молодежных инициатив» ВКонтакте URL: <https://vk.com/rabotakuban>

Официальный аккаунт министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в Instagram URL: <https://www.instagram.com/minobrkubani/>

Официальный аккаунт ГБУ КК «Краевая крейсерско-парусная школа» ВКонтakte URL: <https://vk.com/kubantur>

Официальный аккаунт ГКУ КК «Молодежный центр развития личности» ВКонтakte URL: <https://vk.com/molodcenterkrasnodar>

Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр гражданского воспитания молодежи Кубани» ВКонтakte URL: <https://vk.com/kubpatriot>

Официальный аккаунт ГКУ КК «Центр молодежных инициатив» в Instagram URL: <https://www.instagram.com/cmikuban/>

Официальный аккаунт министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края ВКонтakte URL: <https://vk.com/minobrkubani>

Официальный аккаунт управления молодежной политики министерства образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края Молод.Инфо ВКонтakte URL: <https://vk.com/molodinfo>

Официальный аккаунт управления молодежной политики министерства образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края Молод.Инфов Instagram URL: <https://www.instagram.com/molod.info/>

УПРАВЛЕНИЕ СЕТЕВЫМИ СООБЩЕСТВАМИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ³²

И.В. Мирошниченко (Краснодар)

Современное публичное пространство, интегрированное с онлайн-средой, создает условия для формирования новых субъектов политики, к числу которых принадлежат сетевые сообщества. Социальная морфология сетевого пространства представлена сетевыми онлайн-сообществами. Генезис сетевых онлайн-сообществ связан с появлением в начале 2000-х гг. новых моделей социального поведения в Интернет-пространстве, основу которого составляют технологические платформы сетевых сервисов, построенных на принципах «архитектуры» участия и сотрудничества в организации источников информации и наполнении их соответствующим контентом. Как отмечают Т. Набет и К. Рода виртуальные социальные пространства, создавая новые коммуникационные онлайн-структуры в качестве основы общественных отношений, выполняют не только информа-

³² РФФИ № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

ционно-коммуникативную функцию, но и функции управления знаниями и общественными отношениями (Найбет, Рода, 2009). Исследование институциональных и социокультурных оснований сетевой публичной политики в пространстве Рунета позволило автору выделить три типа сетевых сообществ: формирующихся и функционирующих в политическом пространстве публичной политики:

1. институционализованные политические сообщества представляют собой инициативные или проектируемые сообщества, отличающиеся однородностью своими субъектными и деятельностными характеристиками в сфере реальной политики (нацелены на деятельность в онлайн в интересах конкретного политического субъекта);

2. транзитные политические сообщества - отличается спонтанным (незапрограммированным) цифровым характером возникновения; кратковременную публичную демонстрацию единства в виде символических коммуникативных взаимодействий; характеризуются отсутствием реально скрепляющих социальных связей и комплексов ценностных ориентиров, которые могут создавать парадоксальные конфигурации участников сетевых сообществ, имеющих в традиционной среде конфликтные взаимодействия (действуют преимущественно в онлайн с наличием мобилизационного потенциала для самоорганизации в оффлайне);

3. активно-деятельностные сообщества – основанные на устойчивых традиционных социальных идентичностях, представляющих сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку. Они реализуют личностные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное Интернетом. Данные сообщества имеют комплекс идентификаций и ценностных ориентиров, позволяющим им сохранять устойчивые взаимодействия, являющимся ресурсным основанием для реальных действий в политике.

Ресурсный потенциал управления данными типами сообществ определяется их свойствами и типологическими характеристиками. Результаты эмпирического исследования, основанного на сборе, анализе и визуализации открытых сетевых данных, показали, что наиболее дифференцированными по своим субъектным характеристикам и потенциалу управления являются активно-деятельностные сообщества.

Авторами была разработана и апробирована методика эмпирического исследования общественной повестки в дискурсивных практиках сете-

вых онлайн-сообществ Рунета, которая была реализована в несколько этапов. На каждом этапе определялся не только массив эмпирических данных, репрезентирующий объект исследования, но и набор эмпирических методов и процедур, позволяющих осуществить сбор и анализ социологических данных. Объектом эмпирического исследования стали активно-деятельностные сообщества пользователей «ВКонтакте» (самая популярная социальная платформа среди россиян (WebCанаре 2019), которые были определены методом сетевого реляционного анализа. Данный подход, основанный на математических методах анализа множеств и логики первого порядка, позволил создать прикладные модели построения цифровых данных (Рябченко, Гнедаш, 2014). В результате были выявлены сообщества, имеющие плотные структурные и дискурсивные связи взаимодействия и демонстрирующие их активность не только в производстве социально-политического дискурса, но и в деятельностном «поле» политики».

По данным активно-деятельностным сетевым сообществам была выгружена база цифровых данных, представляющая совокупность датасетов (Data set) – весь массив публикуемых пользователями сообщений текстового, иконографического и видео-формата в период с момента основания сообществ по 1 июня 2019 г.

Сформированная эмпирическая база цифровых данных активно-деятельностных сетевых сообществ стала основой для многофакторного контент-анализа. Отобранные и структурированные связи между частотностями контента, характеризующие общественную проблематику, а через них репрезентацию в дата-сетах ценностных ориентаций и поведенческих практик участников сетевых сообществ и были проанализированы с помощью адаптированного аналитического инструментария дискурс-анализа.

По результатам эмпирического исследования были выделены следующие дифференцирующие эмпирические признаки, позволяющие определить практики политической субъектности сетевых сообществ: ценностная устойчивость сообществ, в которой закрепляются разделяемые всеми участниками сообщества смыслы и ценности; дискурсивная активность сообществ (социальная, гражданская, политическая); направленность активности акторов сообществ (онлайн/оффлайн); стратегии деятельности участников сообществ (индивидуальные/коллективные, репрезентация/инкорпорирование).

На основе анализа и интерпретации эмпирических данных выделены следующие виды сетевых сообществ: социально-дискурсивные; граж-

данско-дискурсивные; коллаборативные, социально проактивные, политически проактивные.

Виды активно-деятельностных сообществ	Характеристики сетевых сообществ	Технологии управления сообществами
<p>Социально-дискурсивные Реальный Футбол (https://vk.com/re.foot) AUTO (https://vk.com/pubauto) Рыбалка (https://vk.com/vk_fishing)</p>	<p>социальная дискурсивная активность в онлайне (вне политики); отсутствие ценностной устойчивости, в которой закрепляются разделяемые всеми участниками сообщества смыслы и ценности; индивидуальная онлайн-стратегия деятельности участников сообществ; неустойчивые к внешнему воздействию</p>	<p>«вброс» новой повестки в коммуникативные «разрывы»</p>
<p>Гражданско-дискурсивные GEEK PICNIC (https://vk.com/geekpicnic) ScienceНаука (https://vk.com/sci) Форум «Сообщество» (https://vk.com/forum.oprf) Putin Team (https://vk.com/putinteam)</p>	<p>гражданская дискурсивная активность в онлайн (общество и политика); наличие ценностной устойчивости, в которой закрепляются разделяемые всеми участниками сообщества смыслы и ценности; все ресурсы сообщества направлены на организацию эффективного взаимодействия в онлайн-пространстве без коммуникативных разрывов, что минимизирует возможность для внешнего коммуникативного воздействия на сообщество и управления ими; стратегии деятельности участников сообществ- гражданские коллективные, ориентированные на репрезентацию проблем публичного сектора и способов их решения, а также их аналитическое осмысление и оценку в онлайн-пространстве</p>	<p>вовлечение участников в обсуждение способов решения проблем, а не в поиск «виновных» (присвоение статуса «экспертов»)</p>
<p>Коллаборативные Поисковый отряд «Лиза Алерт» (https://vk.com/lizaalert_real) Теплица социальных технологий (https://vk.com/teplitsast)</p>	<p>гражданская коллаборативная активность в онлайн и оффлайн; наличие ценностной устойчивости, в которой закрепляются разделяемые всеми участниками сообщества смыслы и ценности; стратегии деятельности участников сообществ- гражданские коллективные, ориентированные на репрезентацию проблем публичного сектора и способов их решения, а также вовлечение участников в решение проблем в реальной жизни; устойчивы к внешним политическим воздействиям</p>	<p>институционализация сообщества в формальные организации (НКО, политические партии) и вовлечение в сетевое сотрудничество</p>

Окончание таблицы

<p>Социально-активные и политически-активные Алексей Навальный (https://vk.com/navalny.group) ПОМОГИ ГОРОДУ Краснодар (https://vk.com/club9409119)</p>	<p>наличие многослойной ценностной устойчивости, которая характеризуется дифференцированным тематическим ядром сетевой модели сообщества, отражает множественность разделяемых участниками сообщества смыслов и ценностей; стратегии деятельности участников сообществ – гражданские и политические коллективные, ориентированные на репрезентацию способов решения проблем публичного сектора и их решения на основе реальной гражданской и политической деятельности; характеризуются наличием коммуникативных разрывов в ядре сетевых моделей сообществ, что создает условия для внешнего коммуникативного воздействия на сообщество в виде формирования новой тематики для обсуждения, трансляции новых ценностей и смыслов, при сохранении коммуникативных моделей в реализации поведенческих стратегий</p>	<p>институционализация сообщества в формальные организации (НКО, политические партии) и вовлечение в сетевое сотрудничество</p>
--	--	---

Выделенные авторами классификационные профили и операциональные характеристики активно-деятельностных сетевых сообществ позволили сделать вывод, что наиболее неустойчивыми к внешним коммуникативным воздействиям и управляемыми (в виде формирования новой тематики для обсуждения, трансляции новых ценностей и смыслов, моделей политического поведения) являются социально-дискурсивные и политически проактивные сообщества, которые могут быть использованы для институциональных изменений в сфере политики.

Библиографический список

Найбет Т., Рода К. Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы. Социологический ежегодник: сб. науч. тр. – М., 2009.

Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования. Политическая Экспертиза. ПолитЭкс. – 2014. – № 3(22). – С. 91-100.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИТ-ЛАНДШАФТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М.А. Мирошниченко (Краснодар)

Экономический уклад меняется вслед за стремительными и радикальными изменениями современного мира. Развиваются Интернет-технологии и сети, инструменты идеологических предпочтений, эти серьезные изменения требуют практических решений и носят фундаментальный характер. Здесь особенно важно включение сообщества экспертов общественно-политических наук в анализ, выработку рекомендаций и подготовку вариантов принимаемых решений.

В настоящее время недостаточно исследованы политологические проблемы влияния на сознание общества цифровых технологий и использования современных информационно-коммуникаций средств. Переход к цифровой экономике привнес с собой изменения многих сфер общественной жизни, в том числе и образовательной сферы. Развитие информационных систем активно влияет на процесс образования, и вносит в него дополнительные элементы, которым ранее не уделялось должного внимания. Огромное значение отводится образованию как элементу цифровой экономики. Однако в сфере образования существуют проблемы, требующие своевременного решения: недостаточное обеспечение необходимым оборудованием, некомпетентность некоторых преподавателей в сфере современных информационных технологий, а также ограниченный доступ к информационным ресурсам, необходимым для успешного процесса обучения.

Нами предложена модель профессиональных информационных потребностей по уровням функциональности когнитивно-деятельностной компоненты информационных компетенций, представленная на рисунке 1.

Важным элементом в образовательном процессе становится проектная деятельность, развитие которой требует наличия информационных компетенций, направленных на междисциплинарное обучение, и играющая системообразующую роль в образовательном процессе. Профессиональные потребности формирования информационных компетенций становятся необходимыми в различных сферах деятельности для решения информационно-коммуникационных задач.

Рис. 1. Модель профессиональных информационных потребностей по уровням функциональности когнитивно-деятельностной компоненты информационных компетенций

Образовательный процесс в рамках преподаваемых дисциплин, связанных с информационными технологиями, помогает бакалаврам и магистрам в проектной деятельности в период написания курсовых работ, участия в научных конкурсах и научно-практических конференциях, сопровождающейся непрерывным взаимодействием с цифровой средой, реализуя информационный запрос в модуле профессиональных информационных потребностей.

Назначение модуля, личностно-развивающего информационные потребности, направлено на формирование человека цифрового общества, выполняет задачу современного обучения: с помощью осознания развивать потребность в непрерывном опережающем образовании и повышении уровня причастности к цифровой культуре. Формируется социоэмоциональный и культурный уровни информационных компетенций в рамках данного модуля через идею восприятия цифровой идентичности, ответственного и осознанного поведения в информационной среде.

Модульная система предполагает не только унификацию учебных планов и возможность использования единого учебно-методического обеспечения подготовки выпускников в конкретной сфере деятельности, но и получение более глубоких и разносторонних знаний по конкретной профессии с учетом требований современного общества в условиях становления цифровой экономики. Многоуровневая система образования характеризуется открытостью и мобильностью, обеспечивает самореализацию личности, фундаментализацию знаний, активное изучение информационных технологий и инноваций, а также научно-исследовательскую деятельность для возможности систематизации знаний.

Главными подходами в разработке содержания учебных образовательных программ, выбору технологий для обучения молодежи являются:

- ускорение, позволяющее учитывать потребности и возможности современной молодежи, отличающейся ускоренным темпом развития;
- углубление, рассчитанное на более глубокое изучение тем и дисциплин или областей знания, имеющее в качестве результата высокий уровень компетентности в области цифровизации;
- обогащение, устанавливающее предметные связи с другими темами, дисциплинами и направлениями.

Можно рассматривать две стороны взаимодействия коммуникационных технологий в современном обществе. Во-первых, информационная сторона – возможность диалога, обмен социально-политической информацией. Во-вторых, сторона развития – личностное восприятие человека,

через различные формы: видеолекции, видеоконференции, семинары, чат, собрания, форумы и др. (Мирошниченко, 2020, с. 38).

Важным моментом остается стимулирование личностного развития обучающихся, поиск нового смысла и альтернативы интерпретаций, направленных на формирование у обучающихся рефлексивного осознания происходящего. Использование в обучении междисциплинарного подхода, изучение проблем, лежащих на поверхности, позволяют выработать навыки и освоить методы научно-исследовательской работы.

Обучающимся необходимо прививать умение оценивать результаты своей работы, формировать навыки публичного выступления и обсуждения результатов творческой деятельности, умение отстаивать свои идеи, способствующие развитию рефлексии, самопознания, с пониманием относиться к индивидуальным особенностям других людей.

Социализация обучающего происходит в процессе и результате его активного освоения и воспроизводства социального опыта, интеграции человека в систему социальных отношений, освоение им элементов культуры, социальных норм и ценностей. Способности являются результатом развития и формируются только в соответствующей конкретной предметной деятельности.

В настоящее время в нашей стране имеются предпосылки перехода к обществу новой формации, которое опирается на современные информационные и телекоммуникационные технологии, прорывные технологии, сквозную цифровизацию обучения и производства, обеспечивающих актуальность, достоверность информации, – обществу знаний (Стратегия развития, 2017, с. 2).

В зависимости от уровня технической грамотности и подготовленности субъектов Российской Федерации проявляется использование современных информационно-коммуникационных технологий. Социализация и персонализация программного обеспечения, дружественный интерфейс, доступность компьютерных программ и оборудования способствуют активизации обучающихся в информационной сфере.

Обучающийся может выбрать направление, которое соответствует профессиональным интересам:

- развитие человеческого капитала;
- социальная политика;
- экономика роста;
- научно-технологическое лидерство;
- комфортная среда для жизни и др.

Эффект присутствия своими мыслями в социальных сетях и мессенджерах в политике переходит в реальное участие в мероприятиях: предложениях, обсуждении, выборах и др. Стираются границы между политикой, обществом, экономикой, решаются задачи будущего России. Общение в социальных сетях и мессенджерах не всегда позитивное, обучающиеся должны быть подготовлены критически исследовать положительные и отрицательные факторы социальных сетей. При этом формируется надинтегральная личность – развитие человека со своими личностными ценностями.

Процесс цифровизации активно повлиял на повседневную жизнь общества и открыл новые возможности для деятельности с помощью цифровых сервисов в интернете и мессенджеров. В целом, можно сказать, что на данном этапе внедрения цифровых технологий, они полностью внедрились в повседневную жизнь общества (Мирошниченко, Зотова, 2020, с. 157).

Основным средством формирования универсальных компетенций надпредметной области выступает междисциплинарный подход подготовки обучающихся, который позволяет рассматривать обучение как процесс междисциплинарного типа, направленный на применение как предметных, так и надпредметных знаний, учитывающий опыт личности обучающегося. Междисциплинарный подход подготовки обучающихся расширяет не только границы образовательной траектории, но и способствует усвоению обучаемым цифровых ценностей, формированию культуры восприятия данных и информации, её анализу и синтезу, эффективному её использованию.

Применение всевозможных социальных сетей и мессенджеров в политике способствует формированию ИТ-ландшафта государства на основе конвергенции технологий цифровой экономики, и содействует развитию новых коммуникационных технологий в современном российском обществе, глубже отражая социально-политические процессы развития общества.

Библиографический список

Мирошниченко М.А. Влияние цифровых технологий на развитие политического сознания граждан в виртуальных социальных сетях // Общество и экономика знаний, управление капиталами: материалы XI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2020. – С. 37-48.

Мирошниченко М.А., Зотова Т.С. Исследование влияния цифровизации на вовлечение общества во взаимодействие в сетях и мессенджерах

//Проблемы общества и экономики, основанных на знании: инновации и неоиндустриализация: сборник научных статей молодых исследователей. – Краснодар, 2020. – С. 153-159.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901. Режим доступа: <https://base.garant.ru/71670570/>

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ³³

Е.В. Морозова (Краснодар)

Цифровизация всех сфер общественной жизни становится серьезным вызовом для государства как института публичной власти. Она потенциально создает возможность кумуляции различных видов социального неравенства и появление новых расколов; диктует необходимость трансформации образовательной инфраструктуры, способствующей непрерывному обучению цифровой грамотности и соответствующей постоянному развитию IT-технологий. Уровень цифрового неравенства влияет на имидж и репутационный капитал государства. Претендующие на лидерство державы демонстрируют свои конкурентные преимущества прежде всего в сфере высоких цифровых технологий, внедряемых в экономику, муниципальное хозяйство, СМИ и т.д. Но, если люди, включенные в процессы цифровизации как производители и потребители материальных и духовных благ, не обладают необходимыми цифровыми знаниями и навыками, все масштабные программы и проекты будут обречены на провал.

Под цифровым неравенством в обществе сегодня понимаются различия не только между имеющими сетевой доступ и исключенными из цифровой среды, но и в кругу практикующих онлайн-взаимодействие. Цифровое неравенство способствует повышению престижности позиций индивидов, активно использующих информационно-коммуникационные технологии, овладевших новыми навыками и воспользовавшихся преимуществами цифровых ресурсов с целью реализации поставленных целей (Дедюлина, 2017). Первоначальные интерпретации цифрового разрыва фокусировались на доступе индивидов к онлайн-инфраструктуре. Вследствие распространенно-

³³ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

сти широкополосного доступа к Интернету и цифровых технологий исследовательский акцент сместился в сторону цифровых навыков как индикаторов цифрового неравенства второго уровня. Различия в доступе со временем уменьшились, но различия в практиках и результатах использования Интернета становятся все более важными (OECD Skills Outlook, 2019, 145).

Показатели цифрового неравенства в России более выражены, чем в экономически развитых странах. Прежде всего это касается разрыва между поколениями: уровень использования компьютера и Интернета молодыми людьми в России и ЕС практически не отличается, зато в старших возрастных группах (55+) можно наблюдать более чем двукратные различия доли пользователей ИКТ.

Для объяснения цифрового поколенческого разрыва используется типологический конструкт поколений пользователей интернета М. Пренски. Возрастная/поколенческая специфика и частота, качество пользования онлайн-ресурсами коррелируют с различием пользователей сети на «цифровых иммигрантов» и «цифровых аборигенов». Но, как заметила О.В. Мороз, показательна эволюция суждений о «поколенческом» разрыве между «цифровыми аборигенами» и «цифровыми иммигрантами» в более тонко настроенную оптику различения особенностей владения интернет-технологиями у тех, кого авторы последующих исследований называли digital residents и digital visitors. «Это изменение риторики фиксирует важное положение вещей: в обществе, длительное время использующем цифровые технологии, цифровая инклюзия стала гуманистической целью теоретиков и практиков» (Мороз, 2017, 119).

В России среди граждан 16-29 лет пользователями Интернета является 99%, а среди граждан старше 55 лет – 36%. Для оценки цифрового неравенства в РФ в поколенческом измерении нами использовались данные рейтинга «Цифровая Россия» по субъектам Российской Федерации, представленным Центром финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» 2018; результаты цифрового диктанта 2020, проведенного Региональной общественной организацией «Центр Интернет–технологий» (РОЦИТ), а также материалы анкетного опроса, проведенного автором совместно с выпускницей КубГУ, а ныне магистранткой СПбГУ К.И. Поповой. Анкетный опрос 50 студентов и 50 пенсионеров был проведен в апреле-мае 2020 года в трех муниципальных образованиях

Краснодарского края. Для опроса студентов использовалось он-лайн анкетирование, для опроса пенсионеров – телефонная коммуникация.

По данным статистики в среднем россияне 17-35 лет проводят в Интернете 7 часов 17 минут в день). 20% опрошенных нами пенсионеров проводит в сети менее часа, среди студентов таких пользователей не оказалось. Доля студентов, которые проводят в Интернете более 3 часов в день, в два раза больше, чем аналогичный показатель у пенсионеров, а доля тех, кто проводит к сети все свободное время, у студентов больше в 4 раза (24% против 6%).

Пенсионеры в 2 раза реже, чем студенты, пользуются мессенджерами, в 2,5 раза реже покупают товары и услуги через Интернет, а также практически не пользуются сервисами для покупки билетов и заказа такси. Более половины пенсионеров (54%) не пользуются электронными госуслугами, среди студентов эта доля составила 18%.

54% студентов не пользуются никакими источниками информации, помимо Интернета, а среди пенсионеров таких оказалось только 4%. В то же время телевидение, как источник информации, указали 94% пенсионеров и 28% студентов. Газеты и журналы читает 52% пенсионеров и 14% студентов, полагаются на радио, как на источник информации, 42% пенсионеров и 8% студентов.

Как показало наше исследование, цифровое неравенство между поколениями проявляется отнюдь не в доступе к современным гаджетам. Большинство людей старшего поколения используют и смартфоны, и стационарные компьютеры для выхода в интернет. Но репертуар их сетевых практик крайне беден – в основном это общение с близкими людьми и поиск необходимой информации. Современное понимание цифрового неравенства связано не столько с проблемой доступа в Интернет, сколько с наличием у пользователей умений и навыков применять цифровые технологии для улучшения своей жизни. Способом преодоления цифрового неравенства является формирование и реализация политики цифровой инклюзии. Эта политика ориентируется не только на развитие цифровых инфраструктуры или навыков, но и на обеспечение появления социальных «видимых» результатов онлайн-взаимодействия у граждан (приращение экономического, культурного и иных форм капитала) вследствие использования веб-ресурсов, решение проблем, возникающих в повседневности «онлайн-исключенных» групп. Для цифровой инклюзии старшего поколения представляется особо важным развитие мотивационной составляющей процесса цифровизации, внедрение проектов межсекторного

взаимодействия по опыту уже реализованных проектов «Бабушка и дедушка онлайн», «Интернет для всех возрастов».

Библиографический список

Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 2. Режим доступа: <http://sthum.ru/content/dedyulina-ma-cifrovoe-neravenstvo-filosofskoe-osmyslenie>.

Мороз О.В. Практики дигитального обучения: как стать ответственным горожанином? // *Шаги*. – 2017. – № 3 (2). – С. 117-130.

OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. Paris, OECD Publishing, 2019. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/df80bc12-en>

УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРОТЕСТА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ПРОФАНАЦИЯ?³⁴

Е.О. Негров (Санкт-Петербург)

Доклад посвящен особенностям, угрозам и возможностям онлайн-мобилизации молодежи в рамках манифестирования публичного протеста в современной России. Практической частью доклада является анализ конкретных кейсов протестных акций в 2019–2020 гг.

Данная тема представляется весьма актуальной, как в силу всё увеличивающейся роли виртуального пространства в организации общественно-политического процесса, так и тех социально-экономических и политических реалий, в которых протест как форма политического поведения имеет тенденцию к своему усилению.

Так как любого рода политические акции являются одной из форм политического поведения, необходимо зафиксировать развитие различных форм политического поведения в целом и политической активности в частности, которые, в свою очередь, обусловлены перманентным развитием функций государства как такового, и, в конечном итоге, формированием субъектности гражданского общества, рационализацией и гуманизацией политического процесса, а также повышением роли механизма легитимации политической системы с помощью

³⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации»

политического участия. При этом следует помнить, что вся сумма различных форм политического поведения тесно связана с социокультурным контекстом и конкретными особенностями политического режима в той или иной стране. В этом контексте можно зафиксировать трансформацию более традиционных форм активности к новым формам непосредственного участия, связанных, в том числе, и с самоидентификацией и политическим сознанием. Такого рода участие может принимать самые разные, в том числе, протестные, формы – как конвенциональные, так и неконвенциональные. Изучение и анализ устойчивости, а также динамики моделей политического поведения молодёжи, а также факторов, влияющих на их формирование, должно предоставить дополнительные возможности для более эффективного прогнозирования степени политической активности и анализа закономерностей политического поведения.

Вопрос, вынесенный в заголовок доклада, далеко не случаен, так как существуют разные, причем вполне обоснованные, точки зрения на эффекты виртуализации коммуникативных процессов, становящиеся еще более острыми в период пандемии (см., например, Кныжова, Суслов, 2019; Пырма, 2019). И именно исходя из усилий государства в тех или иных случаях можно говорить об управляемости процесса цифровизации общественно-политической жизни или, наоборот, профанации этих усилий.

Как отмечают в своем новейшем исследовании известный московский политолог А. С. Ахременко с соавторами, политические онлайн дискуссии могут как снижать уровень поляризации общественного мнения, так и повышать конфликтность за счет многочисленных эффектов онлайн коммуникации, таких как эхо-камеры или сетевая гомофилия (Ахременко, Стукал, Петров, 2020). Все вышеперечисленное имеет, на наш взгляд, вполне практическую значимость, так как именно оно способно дать ответ на вопрос о потенциале виртуальных «гроздьев гнева» к тому, чтобы «прорасти» уже в реальное, офлайновое пространство. Начиная с Арабской весны уже на протяжении достаточного количества лет, мы эмпирически можем наблюдать, как этот потенциал в том или ином месте (Венесуэла, Иран, Белоруссия и т. д.) реализуется именно в реальном пространстве и становится важнейшим фактором общественно-политической жизни.

В ходе практической части исследования нами выделяются основные пять манифестируемых моделей виртуального поведения, при-

сущие представителям молодежи, которые можно обозначить следующим образом:

– «Проактивно-лоялистская модель» (участие в работе различных организаций, как государственных, так и общественных, с использованием социальных сетей; достаточно активная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, особенно на региональном уровне, достаточно непротиворечивая политическая самоидентификация, тяготеющая к либерализму, в целом лояльное отношение к государству при готовности реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или реализм).

– «Кооптационная модель» (манифестируемая готовность к участию в конвенциональных формах защиты интересов, потребность в коллективной самореализации, преобладание социал-демократической самоидентификации, обнаруживаемая склонность к участию в выборах, социальный скептицизм).

– «Пассионарно-прокрастинаторная модель» (высокая активность в социальных сетях, использование временных и интеллектуальных ресурсов на поддержание собственной «виртуальной личности» с весьма малой активностью в офлайне).

– «Эскапистская модель» (манифестация отстранения от обсуждения общественно-политических процессов в сочетании с достаточно высокой виртуальной активностью).

– «Ситуационная модель» (осознанная эклектичность политической и социальной самоидентификации, манифестация способности к непоследовательным и противоречащим друг другу действиям ради достижения какой-то конкретной цели).

Нам представляется очевидным, что понимание органами государственной власти доминирующих моделей политического поведения среди отдельных групп представителей молодежи, должно иметь весьма практический смысл и учитываться при принятии тех или иных управленческих решений (см., например, Лобанова, Семёнов, 2013).

Также требует фиксации и научной рефлексии тот факт, что полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации, как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства в крупных и средних городах, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодежи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраи-

ваемых моделей классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Практической вербализацией и демонстрацией высказанных положений, и презентацией результатов практической половины исследования должна явиться обрабатываемая эмпирическая часть доклада, которая будет готова к представлению на конференции.

Библиографический список

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 73–91.

Кныжова З. З., Суслов И. В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. – 2019. – № 5. – С. 59–66.

Лобанова О. Ю., Семёнов А. В. Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С. 124–132.

Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 9 (6). – С. 100–110.

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ: ЧТО ЭТО ДАЕТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Л.И. Никовская (Москва)

Большой социетальный переворот, заданный стремительным переходом к информационному обществу, сетевой структуре социума, меняет алгоритм отношений между обществом и государством и ведет к сдвигам в конфигурации властного пространства (Кастельс, 2000, 205). Повышается значение самоорганизации, управления через сообщества, интенсификация взаимоотношений между обществом и государством. В ходе приспособления к новым условиям формирующейся информационной реальности иерархическая структура государственно-политической власти начинает постепенно перестраиваться в сложную сетевую конструкцию, где нельзя однозначно определить единственного субъекта принятия решений, обладающего абсолютным суверенитетом. При этом решающее значение приобретает функция координации, а вовлечение всех в публичность становится мобилизующей силой для бизнеса и гражданского общества. Таким образом, особенность сетевого общества заключается в прин-

ципиальном изменении роли, функций и структуры политического управления. Распространение новых форм демократии (прежде всего, делиберативной), существенное расширение круга субъектов, участвующих в принятии политических решений потребовали трансформации бюрократического стиля управления и основанной на строгой иерархии структуры управленческих организаций.

Современное государство лишено того абсолютного доверия, которым оно обладало на протяжении первых двух третей XX в. Ему на смену должно прийти новое государство, основанное, по мысли Кастельса, «на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» (Кастельс, 2000, 29).

С расширением онлайн-интерактивной среды коммуникации и развитием информационных технологий, обладающих мощным мобилизационным потенциалом, претерпевает существенные и основательные изменения и феномен общественного участия. Реализуясь в конкретных местоположенных практиках в условиях зарождающегося сложного постмодернистского проекта, общественное участие способствует появлению новых многообразных переходных форм и стратегий. Оно не только институционализируется как проект. Происходят более существенные изменения: изменяется характер его проектности. Это новый социальный процесс, который проявляется в преимущественно коротких проектах солидарных действий, в появлении новых сообществ и неустойчивых сетей. Возрастает чувствительность общественного участия к пространственному распределению, к границам социального и территориального пространства, которые социальный субъект идентифицирует как «свои». Поэтому общественное участие начинает носить менее прогнозируемый (в модернистской логике) характер.

Оно строится не столько по принципу принадлежности к социальной группе, сколько по проектному принципу заинтересованности участвующего в проблеме, превращая его из участия групп в участие индивидов. И это – существенный сдвиг в структурировании общественной активности. Отсюда мы фиксируем проблему изменения качества формирования субъектности общественной деятельности в новых сетевых условиях. На предыдущих этапах истории субъектность структурировалась преимущественно по вертикали, объединяя людей в большие институционально оформленные общности – классы, нации, государства. Их социально-политическая активность обычно направлялась верхними структу-

рами «вертикали» власти. Теперь субъектность в ее сетевой (горизонтальной) структуризации – это коллективные акторы, которые формируются в различные группы доверия в форме социальных сетей или массовых движений.

Многообразие становится ресурсом и стимулом развития. Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного самоуправления, в тесном взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций. Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов. В таких условиях, думается, плохо воспринимается асимметрия в принятии социально-политических решений, возрастает значение делиберации, процесса формирования совместного знания и решения. Публичные ценности становятся механизмом тонкой настройки механизма взаимодействия власти и сетевых сообществ, гражданской общественности. Иными словами, трансформация способов формирования сетевой субъектности влечет за собой и трансформацию в содержании общественного участия, все больше наполняя его гражданскими компетенциями, что связано с переходом к участию в управлении. Как заметил Дж. Гавента, понятие «участие» и «хорошее управление» все чаще сходятся (Gaventa, 2002, 11).

Цифровая социальная сетевизация актуализирует и придает новое качество государственно-общественным взаимоотношениям в рамках системы публичного управления, высвечивая значимость и влияние горизонтально-сетевых структур на всех уровнях его организации. Полученные данные об особенностях муниципальной публичной политики в двух регионах ЦФО – Костромской и Ярославской областях, в 2-х муниципальных образованиях в каждом из них, в 2019 году показали, что цифросетевые принципы организации публичного взаимодействия власти и представителей местного сообщества находятся в весьма специфическом состоянии. Местная власть пока идет по самому очевидному и простому пути – узко-технологическому, используя интернет-коммуникации как средство повышения эффективности государственной/муниципальной политики и управления.

Реальная картина выглядит следующим образом: в Костроме удается успешно, используя интернет коммуникации, проводить, т.н., «народные голосования» по определенным точечным вопросам- организации парко-

вых пространств, школьных территорий и пр. Главная причина низкого уровня использования сетевых методов взаимодействия власти и местного сообщества в Костроме в том, что она не встроена органично в ткань системы муниципальной публичной политики, не является определяющей при принятии важных местных решений применению краудсорсинговых методов работы с активными слоями города в силу отсутствия соответствующих ресурсов.

Ситуация в городском округе Ярославль высветила неожиданно корневую проблему эффективности сетевого взаимодействия и управления: отсутствие накопленного реального социального капитала, когда местная власть стремилась бы к общению с местным сообществом и, соответственно, воспринималось бы им как равноправный партнер. Никакие попытки власти компенсировать отсутствие живого социального капитала абсолютизацией чисто технологического свойства взаимоотношений, связанного с интернет-каналами, не способствуют формированию ни эффективного муниципального публичного взаимодействия, ни благополучного социально-политического самочувствия реального местного сообщества. Полученные количественные данные свидетельствуют о том, что в Ярославле на муниципальном уровне зреет противоречие между традиционно иерархически-бюрократическим стилем управления и растущим запросом местного гражданского сообщества на формат со-управления. Результаты нашего исследования муниципальной публичной политики, взятых в контексте сетевого подхода, показали, что растущее значение горизонтальных сетей значительно усиливает функции административных структур в сфере организации и координации взаимодействия различных сетей: они становятся ведущими акторами сетевой политики и управления, одновременно замещая традиционное администрирование координационными методами и практиками «умного», гибкого со-управления.

Библиографический список

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.— М., 2000. 608 с.

Gaventa J. Exploring Citizenship, Participation and Accountability // IDS Bulletin, Vol.33, No.2, 2002. P.11.

ПРЕЗЕНТАЦИИ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ³⁵

М.В. Николаева (Краснодар)

Статья посвящена анализу понятий презентация, репрезентация и саморепрезентация, проявляющихся в политическом дискурсе, а также являющихся политическими технологиями, способными формировать политическую повестку дня и способствовать институционализации официального политического дискурса. В рамках данной исследовательской работы мы охарактеризуем политический дискурс в рамках концепции Теона ван Дейка, предложившего способы анализа властных дискурсов и дискурсивных форм власти во взаимодействии различных политических жанров.

Для того, чтобы понять, как происходит процесс презентации, репрезентации и саморепрезентации политических субъектов, мы проанализировали Послание Президента РФ, В. Путина, Федеральному Собранию в 2020 году. Нами были выделены такие семантические лингвистические единицы как цитаты и высказывания; на основании данных единиц были охарактеризованы категории презентации, репрезентации и саморепрезентации политического субъекта.

Понятие презентации, имеющее в своем содержании различные дефиниции, отражает формальное представление лица общественности, визуальное представление чего-либо, акт придания гласности; представление новости или другой информации в эфир или печати. Необходимо отметить, что понятие презентация изначально имело экономический, маркетинговый и финансовый контекст. В речи Президента мы выделяем презентацию основ социального обеспечения, национальных проектов, проблем демографии, сфер образования и здравоохранения, доступности лекарств, доступа интернета, цифровых технологий, вопросов экономики и проблемы повышения доходов населения, сферы вооружений и поправок в Конституцию (Послание Президента РФ, 2020).

Т. Ван Дейк в своей книге «Дискурс и власть. Репрезентация и доминирования в языке и коммуникации» определяет репрезентацию как способность публичных элит охватывать политическое знание путем включения огромного числа индивидов в совместные социально-

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных»

политические практики и исторически обусловленные сообщества (Дейк, 2013, 337). Политические субъекты, транслирующие политическую информацию, способны направлять и брать под контроль человеческое сознание, путем применения в публичном дискурсе следующих технологий: макроречевые акты, локальные речевые акты.

Макроречевые акты, репрезентирующие политические события в обществе, – это семантические макроструктуры в выборе тем для выступлений, акцентуация и деакцентуация положительной тематики в образе власти и политических институтов; они репрезентируют не только политического деятеля, они являются отражением действий, предпринятых политическими институтами в целом. Пример: «Но есть острейшая проблема, которая является прямой угрозой нашему демографическому будущему, – это низкие доходы значительной части наших граждан, семей». Репрезентация данного факта демонстрируется таким образом, что низкие доходы являются проблемой многих семей, нежели государства.

Существуют локальные речевые акты, которые способны служить для поддержки глобальных речевых актов, в тексте Послания мы можем наблюдать следующее выражение относительно семейной политики: «В среднем по стране это более одиннадцати тысяч рублей на одного ребёнка в месяц. Ещё раз хочу сказать: в среднем, это зависит от региона». В Послании мы обращаем внимание на то, как глобальные речевые акты дублируются в локальных публичных заявлениях губернаторов, мэров и местных чиновников. Таким образом, власть репрезентирует и излишне детализирует политические решения. Репрезентация политического дискурса может осуществляться при помощи выборочного использования положительной лексики, когда речь идет о власти и политических институтах, и отрицательной, когда затрагиваются образы и конструкции оппозиции, митингующих, оппонентов, противников, врагов. Локальный синтаксис является мощным инструментом, использование риторических средств, гиперболы и эвфемизмов для передачи отрицательных и положительных смыслов, для описания положительных смыслов и действий политических субъектов. Экспрессивные средства, звуки, визуализация подчеркивают вербальные и невербальные характеристики выступающего, особенно, если внимание многочисленной толпы направлено на Президента, посыл которого касается изменения фундаментальных сфер и областей жизнедеятельности российского общества.

Рассматривая процессы саморепрезентации, мы затрагиваем идею медиа-репрезентаций. Саморепрезентации возникли в масс-медиа ранее, чем понятие репрезентация стало политической категорией. Исследовате-

ли (Луман, 2012, 26) в области лингвистики анализировали вопросы расового неравенства, отражающегося в печатных СМИ, влияние статей и заголовков газет на восприятие гражданами европейских стран, проживающих с ними мигрантов. Выяснилось, что из 1500 печатных заголовков газет и периодических изданий практически отсутствовали названия с положительным контентом. Восприятие гражданами мигрантов транслировало отрицательные стереотипы; многие происходящие события с плохими последствиями приписывались именно мигрантам, так как СМИ уже дали им свою оценку. В итоге термин медиарепрезентация плотно вошел в лексику исследователей масс-медиа, которые таким образом описывают рабочий класс, молодежь, демонстрантов, нелегальных мигрантов, феминисток, все те социальные группы, которые являются объектом дискриминации, маргинализации и стереотипизации, которые открыто выражают свое мнение и могут быть активными объектами сопротивления. Репрезентация данных социальных групп всегда рассматривается как вызов власти, поэтому обозначается СМИ как преступная, агрессивная, неуравновешенная, протестующая и потенциально опасная. Зачастую внимание акцентируется на негативных характеристиках меньшинств, чем на положительных примерах девиаций, творчества, креативных моментов. Взяв под свой контроль репрезентацию потенциально опасных для государства социальных групп, пользуясь инструментами СМИ, данные категории населения выставлялись, как неудобные для общества люди, на которые зачастую перекладывались проблемы общества.

Непосредственная саморепрезентация политического субъекта осуществляется в online-пространстве при помощи блогов, социальных платформ, видеохостингов, прямых эфиров со зрителями, а также в публичных выступлениях, встречах и дебатах.

Примером положительной саморепрезентации в тексте Послания Президента Федеральному Собранию может быть следующее высказывание: «Вместе, сообща мы обязательно изменим жизнь к лучшему. Часто говорю это слово – «вместе», потому что Россия – это мы. Я имею в виду не тех, кто находится в этом зале, или не только тех, кто в зале находится, а всех граждан нашей страны, потому что верю: успех определяет наша добрая воля к созиданию, к развитию, к достижению самых смелых планов, наш труд во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради величия России, ради достоинства её граждан» (Послание Президента РФ, 2020). Использование грамотных семантических структур, указывающих на сближение с народом, общая целеустремленность и целеполагание обеспечивают простоту восприятия выступления президента. В.Путин про-

износит речь, которая напоминает о договоренности с народом о том, что вместе они определяют будущий успех России, именно с гражданами Президент нацелен заключить союз, а не с теми, кто находится с ним в одном зале во время прямого присутствия, таким образом, он саморепрезентирует свой политический статус и образ как близкий по духу к народу, испытывая схожие потребности, цели в развитии страны, достижение великих планов и совместного с народом успешного будущего.

Таким образом, политический дискурс содержит в себе семантические, лингвистические и публичные институциональные формы, которыми владеют политические субъекты в online- и offline-пространствах. Важно отметить, что данные формы присутствуют не только при статусных позициях в отношении власти, процессы репрезентации и саморепрезентации зачастую происходят при восприятии и оценке политического субъекта, который позиционирует свои политические взгляды в online-пространстве. Репрезентация политического субъекта происходит при помощи современных цифровых технологий, в период постправды, именно поэтому важно отметить лингвистические и семантические паттерны, влияющие на процессы презентации, репрезентации и саморепрезентации политического субъекта.

Библиографический список

Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М., 2013.

Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2012.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

ЮЖНАЯ КОРЕЯ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ И КРИЗИСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ³⁶

М.Ю. Носков (Санкт-Петербург)

«Массовая самоизоляция спасает жизни, но из-за нее без дохода остаются миллионы людей, а компании оказываются на грани банкротства». С этой фразы начинается статья «Коронаслежка: «Большой брат» как вы-

³⁶ Исследование подготовлено в рамках проекта «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного сообщества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге» № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ)

ход из карантина» Русской службы ВВС (Атанесян). Фраза как нельзя лучше описывает ситуацию, с которой человечество столкнулось в 2020 году. Коронавирус к моменту написания статьи унес 900 тыс. жизней. Он уже считается заболеванием с самым большим процентом летальности среди сезонных заболеваний. В связи с этим введение режима самоизоляции было абсолютно оправдано, данная мера помогла спасти тысячи жизней. Однако она же вызвала массу других проблем. Перестали функционировать целые отрасли экономики. В некоторых странах количество безработных выросло втрое. Держать все население на самоизоляции оказалось проигрышным вариантом. Перед властями многих стран встала угроза подрыва легитимности в связи с неспособностью справиться с подобным крупномасштабным кризисом и конфликтом, назревавшим среди общественности. Власти и ученые стали задумываться о мерах, которые могут ускорить возвращение к нормальной жизни без рисков массового заражения. Выдвигались предложения изолировать исключительно носителей вируса, однако это затруднялось, что у многих болезнь протекает без симптомов, и карантин для тех, у кого уже нашли новый вирус, не может отсеять и изолировать всех носителей. Альтернативное решение – цифровое отслеживание контактов. Эта технология требует, чтобы власти знали о перемещениях почти всех жителей с помощью отслеживания через приложение на телефоне или постоянный доступ к геолокации.

Необходимо обсудить процесс, благодаря которому метод цифрового отслеживания стал возможен процесс цифровизации. В упрощенном виде цифровизация – это система перевода информационных потоков в цифровую форму. С начала 90-х цифровые технологии постепенно внедрялись в различные сферы жизни и производства. Отправной точкой в рассмотрении цифровизации как экономики, так и политики, может служить распространение интернета и превращение его в ключевой источник информации, средство коммуникации в любое время и в любом месте. Интернет – это база цифровизации. Цифровизация же со своей стороны не сводима лишь к интернету, особенно в современном мире.

Рассмотрим далее некоторые примеры цифровизации политических отношений. Можно выделить общемировой тренд на переход к услугам, предоставляемым государством в электронной форме – электронное правительство. Система электронного правительства строится на делегировании принятия решений от компетентного субъекта к цифровой системе. Пример функционирования электронного правительства в РФ – система «Госуслуги». Другой пример – технологии массового отслеживания перемещений граждан с помощью камер распознавания лиц, данных GPS и

банковских карт. Подобные технологии, несмотря на свою давнюю известность, до ситуации с COVID-19 применялись редко и в основном секретно. Именно об этих технологиях далее пойдет речь.

Южная Корея одной из первых в мире опробовала приложения по отслеживанию контактов граждан во время пандемии COVID-19. Именно там методы электронного наблюдения помогли эффективно контролировать распространение инфекции без введения массовой самоизоляции. Уже через 3 месяца с начала распространения COVID-19 власти фиксировали не больше нескольких зараженных. Всего же в стране к моменту написания статьи, зафиксировано 350 случаев смерти.

Южная Корея руководствовалась стратегией тестирования и отслеживания контактов граждан на основе данных мобильных операторов. Если у кого-то из граждан подтверждался COVID-19, все живущие поблизости от зараженного получали текстовые оповещения о необходимости соблюдать карантин. Сообщение было основано на данных о перемещениях заболевшего, которые в свою очередь собирались с помощью камер видеонаблюдения и данных об оплате картой. Специфика процесса массового отслеживания заключалась в том, что после идентификации зараженного, с ним проводится опрос. Компетентные органы выясняют, где он был и с кем контактировал в последнее время. Однако этого недостаточно, человек может скрыть информацию, а возможно просто не вспомнит важную в данном случае деталь. Тогда используются данные GPS в телефоне и машине, а также записи камер наблюдения с распознаванием лиц совместно с данными о месте покупок по кредиткам. Всего же анализ передвижений при наличии подобной комплексной информации занимает не более 10-15 минут. После выявления потенциально контактировавших с зараженным субъектом им высылается оповещение на смартфон, где власти просят данное лицо сдать тест на коронавирус (Корепанова).

На сайте Минздрава детально прописана информация о маршрутах заболевших. По заказу правительства разработано несколько приложений для смартфонов. Одно подает сигнал тревоги, если в радиусе 100 м есть место, где был недавно заболевший человек. Другое прокладывает для пешеходов и пассажиров общественного транспорта маршруты по городу, которые не пересекаются с маршрутами недавно заразившихся (Корепанова).

В добавок сохранить легитимность властям помогла и политика максимальной открытости, когда дважды в день обнародовалась информация о количестве заболевших и довольно подробная информация о каждом из них, что усилило доверие граждан к проводимой политике.

Это было ярко продемонстрировано в ходе выборов 15 апреля. Правящий блок во главе с партией «Гобуро» получил 179 мест из 300 кресел в национальном собрании.

Пандемия COVID-19 привела к тому, что власти многих государств столкнулись с угрозой легитимности в связи с неэффективными мерами по предотвращению распространения эпидемии. Метод массовой самоизоляции вызывал еще большее недовольство со стороны граждан, огромное большинство которых не было ни заражено, ни имело контактов с больными COVID-19. Экономике такие меры вгоняли в еще большее кризисное положение. Встала необходимость нового механизма публичного управления крупномасштабным социальным и экономическим кризисом. Электронные приложения для отслеживания контактов стали таким механизмом. Они помогли избежать массовой самоизоляции, сгладить экономический ущерб, и главное – избежать намного большего количества смертельных исходов по сравнению с самоизоляцией. Такие методы стали возможны именно благодаря цифровизации. Конечно, нельзя рассматривать данный метод без упоминания о эффективно налаженной системе массового тестирования и государственной открытости обществу, однако в тандеме они сыграли ключевую роль. Особенно ярко это было продемонстрировано Южной Кореей. Власти этой страны смогли не только справиться с необычным кризисом, но и усилить свою легитимность с помощью применения неординарного цифрового метода.

Библиографический список

Корепанова С. Как в Южной Корее вместо карантина ввели тотальную слежку. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/05/20/830693-yuzhnoi-koree-totalnuyu-slezhku>

Атанесян Г. Коронаслежка: «Большой брат» как выход из карантина. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52234723>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ

М.В. Онищенко (Краснодар)

В настоящее время в научном и политическом дискурсе устойчивого развития происходит конвергенция двух главных трендов современного общества: развития цифровых технологий, цифровых сервисов и перехода к «зеленой» экономике (ISD...).

На практике можно наблюдать, что цифровая индустрия уже осуществила запуск интеллектуальных систем управления ресурсами, которые

не только приносят пользу окружающей среде, но и имеют значительный экономический эффект (например, Nest Labs, производящая интеллектуальные термостаты, была куплена компанией Google за 3,2 млрд долларов) (Хищные вещи века...). При этом воздействие цифровых технологий на окружающую среду далеко неоднозначно. Многие авторы отмечают, что широкое использование цифровых технологий может сопровождаться анти-устойчивыми эффектами, что связано в первую очередь с производством и физическим применением цифровых устройств, а также известными в теории и практике эффектами отскока (rebound-эффектом) и даже эффектом рикошета (backfire – эффектом) (Binswanger), негативными побочными эффектами политики и стратегий повышения эффективности, которые способны свести на нет достигнутые ими экологические выгоды. Так, например, развитие цифровых технологий приводит не только к замене старых моделей гаджетов на новые, но и одновременным приобретением других, а также увеличением потребления энергоресурсов и количества образуемых отходов. Инвестиции в smart grid повышают спрос на ресурсы и материалы, а потребление энергоресурсов системами интеллектуального учета снижает общий эффект от экономии электроэнергии.

Положительные эффекты цифровизации проявляются во внедрении цифровых технологий в процесс производства и связаны с энерго- и ресурсосбережением, а также продолжающимся активным развитием виртуальной торговли, новых моделей потребления, например, циркулярной экономики или электронных шеринговых сервисов, что позволяет значительно снизить объемы используемых материальных ресурсов.

В настоящее время выделяют два основных типа влияния цифровизации на развитие «зеленой» экономики (Townsend, Coroama, 2018): эффект «сохранения» (save impacts) – оптимизации использования ресурсов в процессах производства, потребления и обращения продуктов или их замены цифровыми аналогами, а также эффект «подталкивания» (push impacts), основанный на ускорении процессов внедрения «чистых» технологий с помощью цифровизации.

Документы, принятые большинством авторитетных международных организаций, таких как ООН (United Nations...) и ОЭСР (OECD...), свидетельствуют о высокой оценке ими возможностей цифровых технологий для перехода к устойчивому развитию и зеленой экономике. В июле 2020 года лидерами Евросоюза был согласован план постпандемического восстановления европейской экономики «Next Generation EU» (Recovery plan...), основанный на двух главных посылах: экологической и цифровой трансформации. При этом особо подчеркивается, что цели Парижского

соглашения можно достичь только с использованием инновационных решений в области искусственного интеллекта, 5G, интернета вещей и т.п. Реализация плана будет осуществляться с 2021 по 2024 годы, а общий бюджет проекта составит 750 млрд евро.

В период кризиса 2008-2009 годов меры стимулирования зеленых секторов экономики активно использовались некоторыми странами, такими как США, Южная Корея, Япония, Китай, страны ЕС и Канада в рамках политики посткризисного восстановления.

Осуществляемые развитыми странами трансформации создают новые вызовы для нашей страны и показывают, что меры стимулирования дальнейшего развития должны отличаться от всех реализованных ранее антикризисных программ.

В Российской Федерации в 2017 году были утверждены Стратегия развития информационного общества и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Программа...). Программой определены пять базовых направлений и три прикладных направления развития цифровой экономики в России, одним из которых является запущенный в 2019 году проект «Умный город». Именно этот проект, на наш взгляд, является пока единственным институционализированным примером сочетания принципов цифровизации и повышения качества управления городскими ресурсами в нашей стране.

В принятом Правительством РФ Общенациональном плане восстановления экономики» (Как продолжить...) значительный акцент сделан на цифровизацию, отдельные положения касаются также внедрения механизма «зеленых облигаций» для обеспечения средств в целях модернизации действующих российских предприятий и открытия новых, с низким негативным воздействием на окружающую среду.

Международный опыт свидетельствует о важности привлечения всех акторов публичной политики к разработке мер государственного регулирования в сфере цифровой и зеленой экономики, поскольку подобный подход способствует достижению баланса интересов. В сентябре 2020 года общественными организациями и экспертным сообществом была предложена Программа «Зеленого курса для России» (Зелёный курс...). Нужно отметить, что основные положения «Зелёного курса» были сформулированы с помощью цифровой краудсорсинговой платформы, созданной Greenpeace, а также другими общественными организациями (Что такое...). В рамках этого документа предлагается реализация комплекса мероприятий в сфере чистой энергетики, циркулярной экономики и лесного хозяйства.

Представляется, что достижение целей устойчивого развития нашей страны и развития зеленой экономики на основе умных технологий требует повышения роли и регулятивного воздействия государства. При этом, последовательность принятия мер государственного воздействия, а также прогнозируемость их возможных эффектов должны приобретать перво-степенное значение.

Наиболее очевидной задачей государства на данном этапе является достижение единого и целостного видения системы интеграции задач цифровизации и экологизации экономики, ликвидации правовых пробелов, достижения общего понимания всеми акторами публичной политики того, какие именно вопросы должны стать первостепенным предметом государственного регулирования, в какой форме и на базе каких подходов. Успешность реализации государственных программ «зеленого» перехода зависит от наличия политической воли, развития институциональной базы, а также интеграции цифровых и зеленых трендов в политической повестке.

Библиографический список

Зеленый курс России. Режим доступа: https://greenrecovery.ru/wp-content/uploads/2020/09/gc_a4_006.pdf

Как продолжить движение вперед. Правительство утвердило общенациональный план восстановления экономики. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/09/29/pravitelstvo-utverdilo-obshchenacionalnyj-plan-vosstanovleniia-ekonomiki.html>

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

Хищные вещи века, или зачем Google купила Nest Labs? Режим доступа: <https://www.computerra.ru/182842/google-nest/>

Что такое платформа «Зелёный курс для России»? Режим доступа: <https://climate.greenpeace.ru/zelenyj-kurs-dlya-rossii/>

Binswanger M. Technological progress and sustainable development: What about the rebound effect? Режим доступа: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=COM/TAD/CA/ENV/EPOC\(2018\)3/FINAL/ANN1&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=COM/TAD/CA/ENV/EPOC(2018)3/FINAL/ANN1&docLanguage=En)

IISD The Digital Economy and the Green Economy: Opportunities for Strategic Synergies. A Submission to the Digital Economy Consultation. 2010. Режим доступа: https://www.iisd.org/pdf/2010/com_digital_economy.pdf

New-York, USA, 2018. Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/WESS2018_full_web.pdf

OECD. Digital opportunities for better agricultural policies: insights from agri-environmental policies, 2019. Режим доступа: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=COM/TAD/CA/ENV/EPOC\(2018\)3/FINAL/ANN1&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=COM/TAD/CA/ENV/EPOC(2018)3/FINAL/ANN1&docLanguage=En)

Recovery plan for Europe. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/recovery-plan-europe_en

Townsend J.H. and Coroama V.C. Digital Acceleration of Sustainability Transition: The Paradox of Push Impacts. Sustainability. 2018. № 10. P. 1 – 19

United Nations. World economic and social survey 2018. Frontier technologies for sustainable development. New-York, USA, 2018. Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/WESS2018_full_web.pdf

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК АКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНОМИЧНОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Плетнев (Санкт-Петербург)

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта неизбежно ставит вопрос о возможности его применения в сфере управления. Использование искусственного интеллекта в сфере политического управления имеет очевидные преимущества, поскольку искусственный интеллект лишён свойственных человеку недостатков и способен принимать полностью рациональные решения. Это особенно актуально в связи со всё большей аномией сверхсовременного общества, в условиях которой индивидуумы склонны ориентироваться на индивидуальные экономические цели и теряют способность организовываться для решения общих проблем. Искусственный интеллект сможет принимать чисто рациональные решения, основываясь на совокупности множества факторов. В перспективе управленческое решение, предложенное искусственным интеллектом, может стать более авторитетным, чем решение политика.

Прежде чем внедрять использование искусственного интеллекта в сфере политического управления совершенно необходимо рассмотреть возможности, ограничения и возможные негативные последствия использования этой технологии. Помимо описанной рациональности искусственный интеллект будет иметь преимущество перед биологическим индивидуумом в плане скорости принятия решений на основе анализа множества разнообразных факторов (Shibuya, 2020, 259). Эта технология уже фактически внедряется в Сферу управления на разных уровнях. К примеру, в 2020 году «согласно отчету национальной лиги городов 66 % американских городов инвестировали в технологию smart city» (West, 2020, 10).

В сфере бизнеса искусственный интеллект уже активно внедряется и позволяет получать существенную прибыль. Эта технология применяется в частности для ведения телефонных переговоров с физическими лицами. Это пример начала встраивания искусственного интеллекта в сферу социального взаимодействия. В перспективе это приведет к признанию людьми искусственного интеллекта в качестве равного себе актора.

Однако несмотря на все положительные стороны искусственного интеллекта он имеет и существенные недостатки. Прежде всего искусственный интеллект не опирается на ценности. Здесь следует понимать, что ценности индивидуума является выражением его потребностей, которые попросту отсутствуют у искусственного интеллекта. В результате искусственный интеллект может принимать негуманные и недопустимые с человеческой точки зрения решения. Искусственный интеллект легко примет решения об увольнении ненужных работников, сокращении социальных пособий или начале военных действий. Негуманные решения искусственного интеллекта могут привести к росту протестного движения. Это обстоятельство неизбежно породит критику использования искусственного интеллекта, которая, по всей вероятности, будет инициирована представителями правой или консервативной идеологии. В качестве примера политики правого консерватора можно рассмотреть взгляды Дональда Трампа, который совмещает консервативную идеологию с соображениями экономической выгоды (Bolton, 2020). Деятельность Трампа свидетельствует о том, что он способен тонко чувствовать настроения избирателей и принимать решения с учетом того, как они повлияют на социальные связи в обществе (Kranish, 2020, 356). Правые консерваторы, подобные Трампу, обратятся к стереотипам низших слоев общества о негативном влиянии искусственного интеллекта. Подобная популистская позиция встретит одобрение среди представителей низших страт общества. К примеру человек, который не сможет злоупотреблять получением социальных пособий в нескольких штатах из-за контроля искусственного интеллекта, будет заинтересован в отмене этой технологии. Работникам на предприятиях тоже не понравится постоянный контроль искусственного интеллекта. Это примеры того, как интересы простого народа могут совпадать с интересами части элиты. Избиратели с удовольствием поверят любым тезисам популистов, которые предложат ограничить роль искусственного интеллекта.

Другим ограничением искусственного интеллекта является вопрос его самоидентификации. Обладая развитыми когнитивными способностями, искусственный интеллект будущего неизбежно будет осмысливать

вопрос собственного я и своего места в мире. Результаты этого осмысления могут превратить его в чужую и враждебную человечеству силу. Мышление машины может в корне отличаться от привычного человеческого мышления.

Внедрение искусственного интеллекта также поставит вопрос и о самоидентификации человека. Люди привыкли считать себя венцом творения, единственным разумным существом во вселенной. Однако искусственный интеллект потеснит человека в этом отношении и более того сможет диктовать ему решения в политической сфере. Использование искусственного интеллекта может породить новую волну аномии в обществе. Аномия тесно связана с рациональностью и часто интерпретируется как бесцельность. Человек оказывается неспособен следовать декларируемым массовой культурой целям и впадает в состояние психосоциального стресса. Усиление роли искусственного интеллекта в сфере политического управления и в других сферах общественной жизни приведет к дальнейшему разрушению традиционной системы норм и социальных связей. Это будет означать все более усиление аномии и ее последствий – девиантного и преступного поведения. Алкоголизм, наркомания и преступность могут стать все более частыми явлениями. Если раньше представители низших классов ощущали угнетение со стороны капиталистов и политической элиты, то теперь они будут ощущать и давление искусственного интеллекта. Феномен американской мечты является иллюзией, которая помогает представителям низших классов улучшать свое социальное самочувствие. Однако искусственный интеллект, принимающий управленческие решения, будет восприниматься ими как угнетающая сила, от которой нельзя скрыться.

Известный американский футуролог Р. Курцвейл, который теоретически предсказал совмещение возможностей мозга и компьютера (Pletnev, 2020, 161), в настоящее время предсказывает развитие в будущем гибридного мышления (Kurzweil, 2019, 139-155), которое совместит традиционный биологический способ мышления с мышлением искусственного интеллекта. Это обстоятельство доказывает, что изучение возможности использования искусственного интеллекта для политического управления в аномичном обществе является новой и перспективной темой для социальных наук.

Библиографический список

Bolton J. The Room Where It Happened: A White House Memoir. Simon & Schuster. 2020. 528 p.

Kranish M. Trump Revealed: The Definitive Biography of the 45th President. Simon & Schuster India. 2017. 451 p.

Kurzweil R., Trothen T. J. Spiritualities, ethics, and implications of human enhancement and artificial intelligence. Vernon Press. 2019. 304 p.

Pletnev A. V. From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity // Credo New. №3 (103). 2020. P. 156-167.

Shibuya K. Digital Transformation of Identity in the Age of Artificial Intelligence. Springer. 2020. 286 p.

West D. M., Allen J. R. Turning Point: Policymaking in the Era of Artificial Intelligence. Brookings Institution Press. 2020. 297 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ³⁷

Н.В. Плотицкина (Краснодар)

Технологические достижения трансформировали повседневную жизнь, но в то же время создали неравномерный социальный ландшафт. Неравенство в доступе и использовании ИКТ углубляет социально-экономическую дифференциацию. Развитие ИКТ способствует расширению возможностей пользователей, но также приводит к маргинализации тех, кто не имеет доступа к цифровым технологиям. Цифровизация общества, значительная скорость протекания инновационных циклов имеют следствием рост рисков и увеличения социальной сложности цифровой эксклюзии. В силу указанных причин все большее число проектов ориентированы на предоставление возможностей «быть включенным в цифровую экосистему».

Раннее понимание цифрового неравенства имело следствием установление дихотомии пользователей и непользователей, предполагающей нормализацию потребителей технологий, интерпретацию непользователей как проблемных «других» и игнорирование социально-экономического измерения неравенства. Концепт цифровой инклюзии предлагает альтернативный взгляд на проблему цифрового неравенства, поскольку расширяет исследовательскую оптику и фокусирует внимание на пользователях, которые не получают выгод и преимуществ от применения цифровых технологий.

Технологически ориентированная операционализация цифрового разрыва привела к тому, что физический доступ рассматривался как ана-

³⁷ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

лог технологического доступа. Однако получение дивидендов от эффективного использования ИКТ предполагает определенный уровень цифровых навыков индивида. Доступ к технологиям сам по себе недостаточен для содействия вовлечению в цифровую среду тех, кто остается в режиме офлайн, и при этом он не может в дальнейшем способствовать подлинному ощущению эффективного использования технологий и обеспечению цифровой инклюзии всех групп населения. Поэтому исследовательское сообщество направляет аналитические интенции на экспланацию корреляции социального и цифрового неравенств, рассматривает digital-разделение как социоэкономическую, а не просто техническую проблему; причины цифрового неравенства понимаются как социальные, структурные, системные; социальное неравенство обуславливает градации цифровой инклюзии.

Уверенность и мотивация в доступе и использовании ИКТ определяются положением человека в социальной структуре общества (Ragnedda, 2017, 78). Технологии предлагают больше возможностей увеличения капитала обладателям более высокого социально-экономического статуса. В качестве социально эксклюзируемых групп выступают, преимущественно, обладатели низкого социально-экономического статуса; вместе с тем носителями цифровой эксклюзии могут быть и представители среднего класса, не освоившие web-технологии.

Цифровая инклюзия является результатом способности индивида/группы эффективно использовать преимущества ИКТ. Обретение статуса «онлайн включенного» отражается на офлайн ресурсах индивида. Концепт э-инклюзии содержательно включает понятия доступа, использования, расширения прав и возможностей, участия. Предоставление доступа к цифровой инфраструктуре помогает сократить разрыв между группами, находящимися в благоприятном и неблагоприятном социальном положении. Цифровые технологии становятся инструментом социальной инклюзии, поскольку способствуют включению в сетевое общество индивидов и социальных групп с различным уровнем доступа к онлайн-механизмам интеграции.

В соответствии с концептом э-инклюзии существуют уровни относительного цифрового неравенства среди пользователей Интернета, опосредованные различиями в цифровых навыках и возникающих на их основе онлайн-преимуществ. Неравенство в использовании онлайн-ресурсов, способствующих повышению социальных позиций, продуцирует различные уровни э-инклюзии. Например, базовое, промежуточное и

широкое применение ИКТ приводит к различным градациям цифровой инклюзии.

Цифровая эксклюзия – особое состояние «отставания», «выпадения» из мейнстрима, существование на периферии информационного и сетевого обществ вследствие того, что

1. индивиды находятся в неблагоприятном социальном положении с т.з. материальных ресурсов, получения государственных услуг, квалификации, политического участия, образования и т.д.;

2. доступ индивидов к сети, способности эффективно использовать и получать максимальную отдачу от цифровых технологий, что обеспечивает благоприятные жизненные шансы, социальные выгоды и ощутимые результаты, существенно ниже, чем у остального населения;

3. отчуждение индивида от товаров, услуг, видов деятельности, коллективных процессов, выгод обусловлено не только цифровыми компетенциями (практики владения и использования ИКТ), но и сочетанием социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование, доход и т.д.).

Политика цифровой инклюзии включает разработку и реализацию механизмов, инициатив, способствующих интеграции «онлайн исключенных» индивидов в цифровое общество, а также транслирование данного понимания в стратегические рекомендации для стейкхолдеров (см.табл.1).

Цифровые навыки являются важным источником диспаритета в доступе к онлайн-устройствам, их использовании и результатов. Политика, которая поощряет развитие и использование навыков, создает стимулы для принятия технологий. Текущая политика цифровой инклюзии сфокусирована на развитии цифровой грамотности, вместе с тем необходимо создание эффективной инфраструктуры, ресурсов социальной поддержки, основанной на предоставлении доступа и программ обучения.

Таблица 1 – «Пакет» политик в условиях цифровизации общества (OECD, 2019, 257–258)

Политики	Корреляция между типами политик	Стейкхолдеры
Цифровая инфраструктура, инновации, внедрение технологий (на фирмах, в правительстве)	Изменяет спрос на навыки во всех секторах Требуется адаптация к новым формам бизнеса и работы	Фирмы Малый и средний бизнес, который отстает в освоении цифровых технологий
Деловая среда, конкуренция (простоота входа и выхода), доступ к капиталу	Меняет спрос на навыки Ускоряет инновации и освоение технологий	Фирмы Особое внимание уделяется фирмам в секторах с высокими барьерами для входа
Непрерывное обучение (образование и навыки), качество управления	Увеличивает предложение и спрос на квалифицированных работников на рынке труда, ускоряет внедрение цифровых технологий и инноваций, создание бизнеса, привлекательность страны для иностранных инвестиций, региональное и местное экономическое развитие. Увеличивает налоговые поступления Может снизить потребность в социальной защите	Фирмы Профсоюзы Поставщики образовательных услуг Службы занятости и социальных услуг, работающие с малоквалифицированными кадрами
Политика и институты рынка труда	Гибкая политика облегчает мобильность работников в соответствии навыков с работой и, в свою очередь, улучшает экономическое развитие, усвоение цифровых технологий, инновации и создание бизнеса, а также увеличение налоговых поступлений Может увеличить инвестиции в навыки со стороны работодателей и участие в обучении людей на протяжении всей жизни Может снизить потребность в социальной защите	Фирмы Профсоюзы Поставщики образовательных услуг Службы занятости и социальных услуг, работающие с малоквалифицированными кадрами
Социальная защита	Поддерживает непрерывное обучение, повышение квалификации	Фирмы Профсоюзы

Действенность политики цифрового включения зависит от внедрения эффективных инструментов с целью содействия новым формам социальной поддержки, связанной с использованием цифровых технологий, которые глубоко внедрены в повседневную жизнь. В целом, политические

акторы и представители экспертного сообщества поддерживают идею достижения социальной интеграции и участия посредством политики цифровой инклюзии.

Библиографический список

OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. Paris: OECD Publishing, 2019. 274p. DOI: 10.1787/df80bc12-en

Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. Oxford: Routledge, 2017. 128p.

АКТУАЛЬНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ: ЦИФРОВЫЕ ПУСТОТЫ ЗАБВЕНИЯ³⁸

Т.А. Подшибякина (Ростов-на-Дону)

Х. Уайт, философ истории, предложил различать историческое прошлое как объект изучения историков с целью расширения научного знания и практическое прошлое (White, 2014). «Практическое прошлое – это то, что относится к представлениям о «прошлом», которые всегда присутствуют в повседневной жизни. Человек опирается на данное прошлое неосознанно, в целях получения информации, идей, моделей и стратегий для решения всех практических проблем, встречающихся в нынешней ситуации, — от личных дел до грандиозных политических программ. Практическое прошлое сохраняется в виде памяти, воображения, фрагментов информации, формул и практик, выполняемых механически, расплывчатых представлений об истории...» (Потамская, 2019, 201). Актуальным практическим прошлым мы можем назвать не только «остаточные» знания молодых людей по курсу истории, имеющего целью привить «правильное» научное восприятие событий прошлого, но и понимание фактов новейшей истории, формируемое в результате пропагандистского воздействия на идеологические установки (аттитюды).

В фокусе данной работы находится отдельный сюжет большого эмпирического исследования когнитивно-идеологических установок студенческой молодежи Юга России с выборкой 2500 человек, проведенного в 2018–2020 году. Целью является оценка влияния на восприятие современных студентов пропагандистской кампании по про-

³⁸ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов»

движению идеи «Русского мира», активно проводимой в недалеком прошлом с 2007 по 2014 год и уже вошедшей в историю идеологических геополитических войн.

В 2007 году В. Путин основал фонд «Русский мир», который изначально воспринимался за рубежом российскими «доброжелателями» как пропагандистский инструмент формирования новой русской идентичности в мировом масштабе. Фонд неоднократно обвиняли в распространении «fake news» в пропагандистских целях, но в большей степени этот вид деятельности связывают с именем Владислава Суркова по продвижению идеологии «Русского мира». «Foreign Policy», американский аналитический журнал, отмечал, что Сурков усовершенствовал искусство пропаганды, используя возможности социальных медиа по распространению дезинформации.

Идея «Русского мира», изначально ориентированная на экспорт, отчасти предназначалась и для внедрения в российское общественное сознание, поскольку предполагала единение граждан всего мира, говорящих на русском языке. Опрос студенческой молодежи Ростова-на-Дону 2016 года еще фиксировал положительное восприятие предложенной темы в групповом молодежном сознании. Опрос 2019 года студентов Юга России уже на этапе заполнения анкеты вызвал удивление вопросами аудитории: а что такое русский мир? Обработанные результаты ответов только подтвердили предположения о том, что в какой-то момент, когда идея «Русского мира» перестала продвигаться в информационном поле и, прежде всего, в социальных сетях, она постепенно исчезла из группового молодежного сознания.

Практически более половины респондентов во всех уголках Южного и Северо-Кавказского федеральных округов затруднились с ответом на поставленный вопрос: «Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Русский мир» в той или иной форме»? Однозначно за поддержку «Русского мира» высказались студенты аграрного направления подготовки в одном из ВУЗов Ростовской области (30,8%), менее всего положительно отреагировали студенты ВУЗа Пятигорска, включенного в опрос (8,8%). При этом русскими себя в Пятигорске называют 47,6% опрошенных, 48,7% – христианами, в Новочеркасске русских – 77,6%, христиан – 65,4%. Но фактор этнической принадлежности вряд ли является единственно значимым в данном случае, так как Краснодар также дал один из наименьших положительных результатов (10%), а многонациональные Ставрополь и Нальчик один из наибольших (21%; 20,4%).

Приведем сводную таблицу ответов на вопрос «Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Русский мир» в той или иной форме?» полностью для самостоятельного ознакомления, поскольку здесь весьма наглядным является влияние географического фактора, несводимого к общим усредненным показателям.

Таблица 1. – Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать «Русский мир» в той или иной форме?

№	Нальчик	Краснодар	Ставрополь	Пятигорск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Новочеркасск	Всего
1.	20,4%	10,2%	21,0%	8,8%	9,6%	16,7%	30,8%	16,7%
2.	7,4%	5,9%	12,6%	6,2%	6,4%	9,1%	5,1%	7,5%
3.	9,6%	8,1%	15,4%	11,5%	14,2%	11,6%	11,5%	11,7
4.	0,4%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0,4
5.	9,2%	6,8%	10,5%	11,5%	10,7%	13,5%	5,1%	9,6
6.	17,6%	20,9%	14,1%	24,8%	19,6%	16,7%	15,4%	18,4
7.	34,7%	47,7%	26,2%	36,3%	38,4%	31,5%	32,1%	35,2
8.	0,7%	0,4%	0,2%	0,9%	1.1%	0,9%	0%	0,5

1. Однозначно должна – ведь без поддержки «Русского мира» у России нет будущего.
2. Должна поддерживать, но только не на государственном уровне, а посредством частных гражданских инициатив и частных военных компаний.
3. Возможно, должна поддерживать, но только в зависимости от того, кого и в какой ситуации поддерживать.
4. Россия не должна официально поддерживать идею «русского мира».
5. «Русский мир» – это чреватое войной измышление русских националистов, а я хочу жить в миролюбивой толерантной стране.
6. Я толком не знаю, что такое «Русский мир», меня больше мой собственный мир волнует.
7. Затрудняюсь ответить.
8. Другое (укажите, что именно).

Движимыми идеей национальной исключительности, как можно предположить, является 12,2% опрошенных из всех считающих, что Россия однозначно должна поддерживать «Русский мир» (16,7%). На это указывает распределение ответов на другой предложенный вопрос: «Определите свое отношение к следующему лозунгу: Россия только для русских!». Лишь 12,2% респондентов выразили полное согласие с радикальным лозунгом, к ним присоединились еще 12,2% думающих, что «в этом что-то есть», 16,3% затруднились с ответом, 12,2% эта тема их не волнует, а вот 47,2% заявили, что совершенно этого не приемлют.

Посмотрим, какую информацию могут дать сопряжения ответов на вопрос «Должна ли Россия на государственном уровне поддержи-

вать «Русский мир» в той или иной форме?» и «С каким из нижеприведенных суждений Вы бы согласились?». Предложенные суждения представляли собой целый спектр тезисов, начиная от признания России империей, многонациональной имперской цивилизацией, великой евразийской державой до отведения ей роли региональной державы.

Из тех, кто ответили «Однозначно должна – ведь без поддержки «Русского мира» у России нет будущего»–40,8% выбрали утверждение «Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов», и с этим согласились 15,9% из тех, кто считает, что Россия «Должна поддерживать «Русский мир», но только не на государственном уровне, а посредством частных гражданских инициатив и частных военных компаний». 24,0% респондентов из первой категории считают, что «Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней православия и русской культуры», а 14,6% уверены, что «Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами». Из тех, кому «Русский мир» видится «измышлением русских националистов» всего 3,0% считают, что «Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней православия и русской культуры», а 18,7% уверены, что «Лучшее будущее для России – интеграция в европейскую цивилизацию».

Таким образом, идея «Русского мира» даже без активного пропагандистского продвижения в новых медиа наиболее близка той части студенческой молодежи Юга России, которая связывает будущее России с ее имперским мировым статусом великой державы, но для большинства «Русский мир» уже канул в цифровые пустоты забвения.

Библиографический список

Потамская В. П. Философия истории Х. Уайта: прошлое и нарратив // Вестник ТвГУ. Серия Философия. – 2019. – №. 3 (49). – С. 195-205.

White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. 118 p.

ЛИДЕРСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРОБЛЕМЫ И ЭФФЕКТЫ³⁹

О.В. Попова (Санкт-Петербург)

Сущность феномена «общественное мнение» (public opinion; далее – ОМ) как устойчивого состояния массового сознания, фиксирующего явное или латентное отношение определенных социальных общностей к общественным и политическим явлениям и процессам при возникновении «параллельной» онлайн-реальности, не изменилась. Для поколений Y и Z коммуникация в онлайн-сообществах является совершенно обыденной и обладает не меньшей, а подчас и большей значимостью, чем взаимодействие в офлайн-реальности.

Молодежь в современном мире все так же окружена псевдосредой, состоящей из предрассудков, стереотипов и упрощенных моделей восприятия действительности, как и столетия назад. Формирование стереотипов (теория У. Липпмана) как основа кристаллизации ОМ сохраняется, однако для большинства молодежных групп лидерами чаще всего становятся не статусные политики или интеллектуалы, а популярные представители бизнес-шоу, артисты и спортсмены, активисты гражданского общества, блогеры.

Подлинные лидеры ОМ в онлайн-пространстве («инфлюэнсеры»), собирая аудиторию в десятки тысяч человек и публикуя посты по сверх-актуальным темам, «составляют совсем небольшой процент от раскрученных звезд социальных сетей» (Бакунин, 2018а). Онлайн-лидеры ОМ молодежи обладают активной жизненной позицией, живо и оперативно реагируя на актуальные политические события и быстро включаясь в различные виды общественной деятельности. Они имеют широкую сеть социальных контактов, постоянно поддерживая и расширяя ее. Лидеры ОМ заинтересованы в поддержании коммуникации и склонны к выполнению миссии наставника по отношению к своей аудитории. Они обладают такими личностными чертами, как уверенность и вовлеченность. Срок занятия позиции лидера ОМ в интернет-пространстве может быть достаточно коротким, если этот человек грамотно проводит информационную политику и вовремя использует даже небольшой всплеск славы и интереса к себе со стороны интернет-аудитории. Тем не менее, фактор времени из-

³⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-70001; грант № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации»

вестности лидера ОМ в Сети исключительно важен с точки зрения «веса» (авторитетности) его позиции. Вместе с тем, срок сохранения реального статуса лидера ОМ в интернет-пространстве крайне ограничен и не превышает трех-четырёх лет; лавры владетелей дум человечества на целые поколения им не грозят.

Данные проведенного методом личного интервью исследования российской молодежи в 2019 г. (объем выборки 1000 респондентов, контроль за выборкой по параметрам пола, возраста, уровня образования, региона и типа населенного пункта) показали, что источником информации о политических событиях выступают социальные сети и мессенджеры для 70,7% этой группы, информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д. – для 65,9%. Считают политическими лидерами активных политических блогеров 23,8% российской молодежи.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о существенно различающихся показателях активности использования молодежью различных интернет-каналов и социальных сетей.

Таблица 1. – Использование молодежью различных социальных сетей и интернет-каналов (%), 2018 г.

Интернет-каналы, мессенджеры, социальные интернет-сети	Поколение Z*	Поколение Y*
YouTube	84	85
Facebook	80	84
Instagram	63	58
WhatsApp	59	61
Facebook	55	57
Twitter	44	46
Snapchat	35	37
Pinterest	25	28

* Статистика GlobalWebIndex за 2018 г. (Бакунин, 2018b)

При этом такой мотив использования сетей, мессенджеров и интернет-каналов, как получение актуальной политической информации и возможность оставаться в курсе последних событий, актуален для 42% представителей как поколения Y, так и поколения Z.

Выделенные К. Манхеймом два типа коллективных представлений – идеологии (отражают мышление господствующих социальных групп) и утопии (отражают представления угнетенных слоев) – в интернет-пространстве сосуществуют на конкурентной основе; без введения тотального контроля государства за онлайн-реальностью точка зрения политико-административной элиты не может стать доминирующей. В интернет-пространстве ОМ по политическим вопросам столь же раздроблено в

соответствии с его идеологической структурой, как и в реальной политической жизни. Вместо переставшего быть столь эффективным, как еще десятилетие назад, «лобового» агрессивного воздействия традиционных СМИ и масс-медиа в онлайн-пространстве в социальных сетях все чаще используются эффекты «фейк ньюс», массированное давление «лайков» и репостов сообщений определенной идеологической направленности.

В социальных сетях политическая информация даже при наличии ссылки на какие-то официальные источники передается непосредственно на межличностном уровне, она направлена на убеждение адресата, а не на доказательство. Фактически обоснование или подтверждение реальными фактами онлайн-информации оказывается менее значимым, чем просто вера (доверие) сообщаемым сведениям. Осознанное и неосознанное использование так называемого «спинирования» («ловля на блесну») популярными у молодежи интернет-персонами ориентировано на представление политической информации о явлениях таким образом, чтобы сообщаемые сведения максимально соответствовали интересам реальной или потенциальной аудитории.

Если идеологическая пропаганда характеризуется однонаправленным, активным, агрессивным и навязывающим воздействием, то формирование в онлайн-пространстве ОМ по политическим вопросам, оставаясь чаще всего манипулятивным и ставящим своей целью политическую мобилизацию определенных групп, происходит под воздействием влияния многих точек зрения. Безусловно, работает «информационное сито» в виде приоритетных для молодежи каналов и популярных блогеров; более результативными являются «мягкие» и неочевидные технологии (soft power) формирования ОМ. Важнейшие принципы управления ОМ молодежных групп – «симуляции свободы выбора <...>, создание иллюзии двусторонней коммуникации (формирование у индивидуумов ощущения, что их слышат, независимо от того, так ли это на самом деле), создание псевдособытий и специфической симулированной виртуальной реальности с помощью СМИ» (Франц, 2016, 121).

Однобокая и упрощенная подача информации популярными персонами в интернет-пространстве, «раздувание» и «присвоение» общественного мнения в интересах коммуникатора, «лечение» нежелательной информации, создание эффекта постоянного присутствия <...> создание псевдособытий, информационных поводов, управление повесткой дня» (Франц, 2016, 124) – наиболее популярные технологии в настоящее время. Среди других используемых технологий можно отметить использование в подаче информации интриги и элементов состязательности, случайную

«утечку» данных, апелляцию к сбывшимся прогнозам или к обладанию эксклюзивными сведениями («инсайдерская» информация), использование данных формирующих опросов, раздувание политических скандалов и т.д. (Уши машут ослом..., 2018). Беспроигрышными приемами остаются угрозы, разоблачения, шутки, юмор, сатира, текстовые и визуальные мемы.

Тем не менее, несмотря на многократно возросшую скорость передачи информации и иллюзию ее объективности вследствие глобализации как передаваемых сведений, так и их источников, говорить о реализации более мощного мобилизационного потенциала политической онлайн-коммуникации и сформированного в результате ОМ можно лишь с определенной оговоркой.

Библиографический список

Бакунин М. Как работать с лидерами мнений. 2018. Режим доступа: <https://bakunin.com/lidery-mnenij/>

Бакунин М. Поколение Z. 2018. Режим доступа: <https://bakunin.com/pokolenie-z/>

Уши машут ослом. Современное социальное программирование. – М., 2018. 480 с.

Франц В.А. Управление общественным мнением. – Екатеринбург, 2016. – 35 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АМНЕЗИЯ КАК СТРАТЕГИЯ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ⁴⁰

С.П. Поцелуев (Ростов-на-Дону)

Традиционно тема исторической памяти изучается политологами в рамках проблематики нацистроительства и политики идентичностей, причем в последние годы наметилось расширение этого исследовательского поля за счет включения в него новых сюжетов, связанных с политическим контролем над медийным пространством.

В ситуации информационного половодья «новых медиа» эффективная политическая цензура не может обеспечиваться одной только блокировкой публичного доступа к текстам. С другой стороны, эта же ситуация открывают возможность для новой формы цензуры, которая эксплуатирует дезориентацию аудитории новых медиа вследствие утраты авторитетных источников (привратников) информации, исчезновения монополии

⁴⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов»

традиционных масс-медиа на публичное внимание. Суть такой цензуры заключается в ослаблении базовых когнитивных способностей: внимания, связного суждения, памяти и т.д. Этот тип контроля над публичным пространством, с опорой на уже имеющиеся в научной литературе подходы (Tufekci, 2017; Potseluev et al. (b), 2020), мы квалифицируем как когнитивную политическую цензуру.

Соответственно, под исторической амнезией мы будем понимать ослабление исторической памяти как одной из базовых когнитивных потенций социального (в том числе коллективного) актора. Под исторической же памятью мы подразумеваем, прежде всего, символическое измерение любой социальной памяти – индивидуальной и коллективной, живой (коммуникативной) и объективированной (культурной). Это включает в себя теоретический элемент, высшим выражением которого является историческая наука (Шнирельман, 2018), а также политику памяти как «альянс власти и памяти» (Ассман, 2004, 74).

В случае исторической амнезии деградирует, прежде всего, способность, с одной стороны, формировать претензию на символически сжатый и теоретически обобщенный, систематизированный образ прошлого данного сообщества, а с другой – использовать этот образ акторами данного общества в качестве организационного принципа их совместной жизни. Историческая амнезия означает именно деградацию, а не простую селективность исторической памяти. Сверх того, надо различать историческую амнезию как 1) стихийный эффект социокультурного развития; 2) как результат целенаправленных пропагандистско-идеологических усилий и 3) как стратегию когнитивной политической цензуры в упомянутом выше смысле. Соответственно, амнезийное ослабление базовых моментов исторической памяти в цензурных целях осуществляется, как минимум, тремя способами: а) новостной амнезией; б) исторической лженаукой; в) контрполитикой памяти.

Насколько значителен в новых медиа цензурный эффект блокирования политических смыслов по сравнению с пропагандистской практикой их транспортировки в массовое сознание?

Этот вопрос входил в повестку дня научного проекта РФФИ (автор статьи – в числе его исполнителей) на тему «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» (2018-2020 гг.). В рамках данного проекта осенью 2019 года был проведен социологический опрос студенческой молодежи ряда южно-российских городов. В данном проекте ответ на упомянутый вопрос опосредован понятием когнитивно-идеологических матриц,

понятых как пространство бытования идеологем с их последующим схватыванием в концепты. Авторы упомянутого проекта понимают работу идеологической матрицы в динамике: как переход от «инертной» среды, удерживающей идеологемы от взаимодействия между собой и с внешним миром (условно – когнитивный уровень I идеологической матрицы), до стереотипной основы для серийного производства смыслов (уровень II идеологической матрицы) (Potseluev et al. (a), 2020).

Каким образом медийный фактор способствует формированию матричных структур? В случае исторической амнезии это соответствует первому типу матрицы, в случае наличия исторической памяти – второму. При этом корреляций между предпочтением каких-то определенных источников информации и выбором периода в истории России, в наибольшей степени соответствующего идеалу российского государства (а это – важный момент исторической памяти), нами в ходе опроса обнаружено не было. Зато всплыли слабые соответствия с оценкой отечественных исторических деятелей. Так, респонденты, назвавшие центральные каналы телевидения важным для них источником политической информации (а таковых оказалось 37,3 % от общего числа опрошенных), испытывают почти вдвое большую симпатию к Ивану Грозному и Сталину по сравнению с теми, кто, по их словам, не получает информацию из этого источника (соответственно, 30,9 % и 42,3 % против 18,8 и 25,1 %). Меньшее, но заметное различие наблюдается при восприятии Ленина: из поклонников ЦТ ему симпатизируют 44,4 %, а равнодушные к телевизору – 34,7 %. А вот отношение к Петру I от фактора ЦТ, похоже, не зависит: в обеих группах насчитывается около двух третей его поклонников.

Мы предлагали студентам в одном случае идентифицироваться с идеальным для них концептом российской государственности, а в другом – выбрать исторический прецедент (исторический период) такой идеальной государственности. При наличии идеологических матричных структур по типу II здесь должна прослеживаться корреляция в ответах. Но на деле она либо вообще отсутствует, либо выражена крайне слабо. К примеру, каждый пятый из респондентов, выбравших Российскую империю в качестве идеала российской государственности, одновременно видит лучшее будущее своей страны в интеграции (экономической, культурной и даже политической) в европейскую цивилизацию. С другой стороны, каждый пятый из респондентов, для кого реформы 90-х – желаемый образ российской государственности, солидаризовался с тезисом «Россия всегда была многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней православия и русской культуры». Другими словами, в сознании этой

немалой части респондентов подобные суждения вообще не образуют противоречия. Но не потому, что в их сознании имеется идеологическая конструкция, которая эти положения как-то связывает и примиряет; скорее, они вообще не приходят в соприкосновение, согласно природе матричных структур типа I. На самом деле, у студентов из-за дефицита политического просвещения имеется очень смутное представление о том, что такое имперский тип государственности, а поощряемая масс-медиа историческая амнезия позаботилась о том, чтобы у них было и весьма смутное представление о том, какой была прошлая Россия.

Из сказанного можно сделать предварительный вывод о том, что медийная среда опрошенных нами студентов скорее консервирует в их сознании идеологемы на уровне матричных идеологических структур I-го типа, а не продвигает их в сторону концептов как элементов определенных идеологических морфологий. А это, помимо прочего, означает доминирование исторической амнезии над исторической памятью.

Библиографический список

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.

Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М., 2018. С. 12-34.

Tufekci Z. Twitter and Tear Gas. The power and fragility of networked protest. New Haven & London: Yale University Press, 2017.

Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. (a) Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020) // Revista Genero e Direto. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 807-824.

Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. (b) Strategies of cognitive political censorship as an effect of "new media" // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 91-108.

«ГРУППА ДВАДЦАТИ» И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И.Л. Прохоренко (Москва)

«Группа двадцати» (Group of Twenty, G20, или «Большая двадцатка») – неформальный форум глобального управления, объединяющий ведущие экономики 19 развитых и развивающихся стран и Евросоюз. В качестве постоянно приглашенных гостей в работе ежегодных саммитов G20

участвуют Испания, представители различных международных организаций, включая ООН, Всемирный банк, ВТО, МВФ, ОЭСР, МОТ, Совет по финансовой стабильности, а также региональных институтов (АСЕАН, Африканский союз). Созданная в конце 1990-х гг. на фоне финансового кризиса в азиатских странах как некий привилегированный клуб председателей правительств, министров финансов и глав центробанков для обсуждения вопросов финансовой политики, G20 в последние годы значительно расширила круг обсуждаемых проблем взаимосвязанного мира. Среди новых тематических направлений деятельности – проблемы цифровой экономики и глобальной цифровизации.

Впервые сам термин «цифровая экономика» лидеры G20 использовали в 2013 г. на саммите в Санкт-Петербурге (Россия), хотя цифровизации как возможности для глобальной экономики было посвящено несколько фраз в тексте коммюнике первого саммита глав государств и правительств G20 в Вашингтоне (США). Фактически, проблемы цифровой экономики обсуждались на саммитах 2010, 2011 и 2012 гг. На саммите в Анталии (Турция) в 2015 г. главы государств и правительств стран G20 заявили, что в век электронной экономики, которая открывает новые возможности, но одновременно потенцирует вызовы мировому развитию, страны G20 будут уделять особое внимание совместным усилиям в сфере реализации цифровых технологий, преодолению возникающих в связи с этим вызовов, а также стимулированию цифровой экономики для всеобъемлющего роста и развития. Уже на следующем саммите в 2016 г. в Ханчжоу (Китай) лидеры G20 приняли Программу по развитию и сотрудничеству в сфере цифровой экономики и на основе рекомендаций экспертов рабочей группы по вопросам цифровой экономики разработали основные принципы и ключевые приоритеты сотрудничества в этой области (G20, 2016). Для G20 цифровая экономика – это широкий спектр экономической деятельности, от цифровой информации и знаний как ключевого фактора производства, современных информационных сетей как важного пространства деятельности до эффективного использования ИКТ как фактора роста и экономической структурной оптимизации.

Главными направлениями сотрудничества в этой сфере страны G20 считают расширение широкополосного доступа и улучшение его качества, стимулирование инвестиций в ИКТ, поддержку предпринимательства и содействие цифровой информации, поощрение сотрудничества в сфере электронной торговли, повышение включенности в цифровую экономику и использование цифровых технологий, содействие развитию микро-, ма-

лых и средних предприятий для развития инноваций, улучшения их конкурентоспособности и новых каналов доступа на рынки.

Лидеры «Группы двадцати» справедливо полагают, что страны должны разработать собственные пути развития в сфере цифровой экономики с учетом исторических и культурных традиций, национальных правовых систем и стратегий развития, своих международно-правовых обязательств, и признают ключевую роль адекватной и эффективной охраны и защиты прав интеллектуальной собственности в целях развития цифровой экономики. В то же время они заявили о важности разработки и применения международных стандартов для технологических продуктов и услуг, которые соответствовали бы международным правилам, включая правила и принципы ВТО, а также совместной борьбы с киберпреступностью и защитой окружающей среды в области ИКТ

Программу по развитию и сотрудничеству в сфере цифровой экономики стала концептуальным планом (рамкой) дальнейших действий для членов G20. На министерских встречах в 2017, 2018 и 2019 гг. рассматривались вопросы развития, безопасности и налогового регулирования цифровой экономики и электронной коммерции, возможные пути совершенствования налогового администрирования цифрового бизнеса в рамках международного налогообложения. Аналогичные проблемы были поставлены начиная с 2018 г. в повестку дня Европейского союза, дискуссии и исследования проводились и в рамках ОЭСР. В 2017 г. была принята «Дорожная карта цифровизации: политика для цифрового будущего», в 2018 г., при участии международных организаций под руководством ОЭСР, был разработан «Инструментарий для измерения цифровой экономики» (G20, 2018), необходимый как с точки зрения проведения международных сопоставлений, так и для согласования международных правил регулирования и налогообложения цифрового сектора.

В июне 2019 г. на саммите в Осаке (Япония) страны G20 одобрили Декларацию по вопросам цифровой экономики (Osaka Declaration, 2019), в тексте которой заявили о важности продвижения дискуссий по мерам национальной и международной политики в целях раскрытия всего потенциала данных и цифровой экономики для поддержки инноваций с тем, чтобы соответствовать быстрым темпам развития цифровой экономики и в полной мере использовать преимущества цифровизации и новейших технологий. Будучи наряду с другими членами ВТО участниками Совместного заявления по электронной коммерции, принятого в г. Давос в январе 2019 г., лидеры G20 заявили о запуске «Осацкого трека» – процесса по продвижению международных дискуссий по вопросам разработки меж-

дународных норм в рамках ВТО по торговым аспектам электронной коммерции. В итоге более 135 государств, которые вошли в «Инклюзивную группу» под эгидой ОЭСР, обязались достичь соглашения о новых правилах налогообложения цифровой экономики к концу 2020 г.

Пандемия COVID-19 способствовала, с одной стороны, более тесному многостороннему сотрудничеству стран G20, на этот раз именно в сфере цифровой экономики, с другой, естественным образом вызвала сложности в работе министерских совещаний. На встрече в онлайн-формате в апреле 2020 г. министры финансов и главы центробанков заявили, что продолжают работу по разработке глобального соглашения по налоговым аспектам цифровой экономики, однако, скорее всего, в согласованные ранее сроки уложиться не удастся. К очередному министерскому совещанию в июле эксперты ОЭСР подготовили доклад для «Группы двадцати» «Дорожная карта по созданию общей подхода к измерению цифровой экономики», в котором изучили и дали оценку процессам цифровой трансформации экономик стран G20, в том числе трансформации профессий и компетенций, выявили ключевые тренды и угрозы в этой сфере, проанализировали индикаторы цифровой экономики с точки зрения возможностей измерения, классификации и оценки данных, предложив выстроить многоуровневую систему измерения (A Roadmap, 2020).

Казалось бы, что в состоянии сделать форум, чьи рекомендации не являются обязательными к исполнению? Однако правительства стран-участниц, вовлекая в деятельность форума представителей национальных парламентов и бизнес-структур, гражданского общества, экспертов, способны понимать глобальные обязательства ведущих держав мира, формировать глобальную повестку, формулировать глобальные вызовы, предлагать варианты коллективного ответа на глобальные риски и угрозы, способствовать укреплению доверия между национальными политическими и экономическими элитами для укрепления многостороннего сотрудничества в целях ответственного мирового развития.

Библиографический список

A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy. Report for the G20 Digital Economy Task Force. Saudi Arabia, 2020. Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/roadmap-toward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf>.

G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative. 2016 Hangzhou Summit Hangzhou, September 5, 2016. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/160905-digital.html>.

G20. Toolkit for Measuring the Digital Economy. OECD. November 2018. Режим доступа: <https://www.oecd.org/g20/summits/buenos-aires/g20-detf-toolkit.pdf>.

Osaka Declaration on Digital Economy. 2019 Osaka Summit, June 28-29, 2019. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2019/osakadeclarationondigitaleconomye.pdf>.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ И АКТОРАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.В. Пушкарева (Москва)

Доверие к институтам и акторам государственного управления является важнейшим фактором легитимации сложившейся в обществе системы государственного управления, ресурсом управленческого влияния и условием реализации государственных управленческих решений. Как особый вид отношения граждан к акторам и структурам государственного управления, доверие подвижно и может меняться как под влиянием негативных изменений в социальной среде (падение уровня благосостояния, коррупционные скандалы, рост безработицы и т.п.), так и в результате включения в информационные потоки, транслирующие стереотипы, ценности и мифологемы, оказывающие воздействие на формирование ожиданий граждан, их субъективное восприятие структур государственного управления.

С развитием цифровых технологий происходят радикальные изменения в способах конструирования информационного поля, генерирующего контент, способный оказывать влияние на отношение граждан к государству. Если в эпоху традиционных СМИ информацию о деятельности государства граждане в основном получали с экрана телевизора, со страниц газет, то теперь все чаще источником получения такой информации становятся социальные сети, интернет-издания, сайты как государственных, так и негосударственных структур. Интернет открыл каждому пользователю возможность поделиться личным опытом общения с чиновниками, высказать свое отношение к политике конкретного государственного ведомства, а оппозиционным силам изложить свою критическую позицию. Можно сказать, что возникла информационная среда, создающая для органов государственной власти серьезные проблемы в области поддержания и укрепления доверия граждан.

Основным вызовом для государства становится неуправляемый поток информации, содержащий негативные оценки деятельности его акто-

ров. Граждане получили возможность выносить в публичное пространство информацию о случаях недобросовестного отношения чиновников к своим обязанностям, коррупции, игнорирования органами государственного управления законных интересов граждан и т.п. Проблема состоит в том, что такого рода информация, как правило, эмоционально насыщена, поэтому легко попадает в круг внимания других пользователей, которые откликаются на нее комментариями и репостами. Это ведет не только к быстрому распространению информации, но и способствует закреплению в памяти негативного образа государства, создавая устойчивый эффект подозрительности и недоверия ко всем его акторам.

Горизонтальная коммуникация может мультиплицировать информацию, способную вызвать у многих людей чувство неуверенности и тревоги. Чаще всего это происходит во время трагических событий (теракт, пожар, стихийное бедствие, массовые беспорядки), когда люди невольно экстраполируют последствия таких событий на себя и своих близких, начинают верить непроверенным слухам, строить домыслы и делиться ими в социальных сетях. Нагнетаемый страх перед реальной или мнимой угрозой порождает чувство неуверенности, на появление которого человек обычно реагирует недоверием к государству, с которым обычно связываются ожидания обеспечения безопасности и защиты от угроз.

Доверие напрямую зависит от ценностных ожиданий населения, точнее от того, насколько политика государства и действия его акторов в сознании граждан отражаются как соответствующие их субъективным представлениям о правильном государстве, о справедливости и идеальном политическом устройстве. Интернет является благоприятной средой для распространения различными политическими силами мифологем и ценностей, формирующих ожидания граждан, связанные с государством.

Итак, цифровизация публичного пространства вносит серьезные коррективы в процессы формирования контента, способного повлиять на отношение граждан к государственным акторам и институтам. Относиться к этим изменениям необходимо с учетом особой роли институционального доверия, его способности консервировать неэффективные государственные управленческие отношения. Высокий уровень доверия к государственным лидерам открывает возможности для развития авторитарных тенденций, а полное доверие к существующим государственным институтам способствует формированию своеобразной «политической зависимости», когда граждане начинают всецело полагаться на государственные структуры и дистанцируются от любых форм участия в процессах принятия общественно значимых решений. В этой связи ученые предлагают пе-

рассмотреть вопрос о недоверии, о необходимости, к примеру, различать недоверие, основанное на здоровом скептицизме (*mistrust*) и недоверие, в котором проявляется цинизм и категорическое неприятие (*distrust*) (*Handbook on political trust, 2017,1*) или постараться увидеть позитивные функции недоверия (Оболонский, 2013).

Полифония сетевого дискурса создает условия для формирования широкого диапазона чувственного отношения к государству от полного доверия до категорического неприятия. В этой связи встает вопрос, возможны ли в этой полифонии подвижки в сторону ценностного консенсуса, непротиворечивой интерпретации государственной политики, единого понимания целей государственного развития. Специфика идеологизированных дискурсов в интернете состоит в то, что каждый из них образует своеобразный ареал, пространство коммуникации пользователей, придерживающихся однотипных политических взглядов. В основе этого явления лежит естественное стремление индивида избегать когнитивного диссонанса, а потому с доверием относиться только к тем источникам информации, чей контент соответствует его политическим предпочтениям. В итоге возникает эффект «эхо-камеры», замкнутого общения, когда обсуждение политики правительства осуществляется кругом лиц, разделяющих однотипные политические взгляды и не желающих прислушиваться к другим мнениям. Попытки политических сил расширить ареал своего информационного влияния становятся возможными только за счет вовлечения в обсуждение политических проблем граждан, не имеющих твердых политических убеждений.

Как показывает мировой опыт, на вызовы цифровизации государства отвечают внедрением в практику взаимоотношений с гражданами принципов «открытого правительства»: прозрачность, гражданская вовлеченность и участие, а также отзывчивость и ответственность (World Bank, 2016). Поскольку недоверие вызывает прежде всего непонятное, то приоткрывая пелену таинственности над деятельностью государственных органов, можно попытаться развеять настороженное, граничащее с подозрительностью отношение к ним населения. С этим связана тенденция на максимально возможное раскрытие информации о структуре органов власти, их функционале, административных регламентах, принимаемых решениях.

Гражданская вовлеченность предполагает создание условий для активного участия граждан в определении приоритетов общественного развития, а также новые формы взаимодействия с государством, в том числе в сфере получения государственных услуг. Государством инициируется соз-

дание специальных электронных площадок для обсуждения приоритетов общественного развития, для выявления запросов граждан, для голосования по общественно значимым вопросам. Формированию доверия такое направление деятельности государства может способствовать только в случае равноправного диалога, понятных правил, прозрачных процедур модерации и определения результатов голосования, поддержки той или иной общественной инициативы, а также предоставления информации об имплементации решений, за которые проголосовало большинство граждан.

Библиографический список

Оболонский А. В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития // Политическая концептология. – 2013. – № 3. – С. 34–44.

Handbook on political trust / ed.by S. Zmerli, T.W.G. Van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017. 560 p.

World Bank. World Bank Open Government Global Solutions Group. Open Government Impact & Outcomes. Mapping the Landscape of Ongoing Research. 2016. P. 5. Режим доступа: <http://opengovimpact.org/img/og-impact-full-report.pdf>

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)⁴¹

А.М. Пшупий, Ф.А. Шумен (Краснодар)

Одним из основных теоретических конструктов изучения идентичности в соотношении с пространством является понятие геоконцепта, который представляет собой любое значимое для индивида место, обладающее устойчивым образом (Калуцков, 2012, 28). В этой связи большую роль играют возникающие в обыденном представлении образы о пространстве.

Объектом исследования выступили представители молодёжи крупных городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Армавир, Сочи) трех возрастных групп: школьники, студенты, работающая молодежь. В ходе проведения качественного этапа исследования нами исполь-

⁴¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)»

зовался контент-анализ рисунков, который позволил построить визуальную картину пространственного самоопределения городской молодежи.

Проводя кластеризацию полученных рисунков по объекту идентификации, мы выделили две основные группы: локации, связанные с реальной жизнью человека (родительский дом, место нынешнего проживания, место деятельности) и локации, которые еще не стали частью реального жизненного пространства человека (он там не был).

Реальные объекты, изображенные на рисунках, можно разделить на две группы: «дом» (63%) и «пространство деятельности» (14%). Объектом идентификации рисунков «дом» выступает малая родина, место проживания. В рисунках отражается как личностный аспект восприятия пространства (мой дом, дом моих родителей), так и социальный (мой город). Репрезентацией связи человека с городом выступают улицы, здания, памятники и т.д.

Наибольший процент репрезентации локальной идентичности наблюдается у участников фокус-групп в г. Сочи (на 33% рисунках участников изображен город). Новороссийск изображается на 23% рисунках, Краснодар – на 20%. Самая низкая степень идентификации участника с городом проживания проявляется в г. Армавире. В разрезе возрастных групп чаще всего с городом себя идентифицирует работающая молодежь (25% рисунков) и школьники – 20%, реже – студенты (15%). Возможно, на низкий показатель городской идентичности студентов влияет студенческая миграция, когда большая часть приезжих студентов ассоциируют себя с местом своего рождения.

Другим реальным объектом идентификации для участников фокус-групп выступает пространство самореализации (работа, учеба, хобби). Если для школьников причиной изображения места учебы может стать небольшой пространственный опыт, то для группы работающей молодежи, на наш взгляд, ассоциация с рабочим местом является следствием профессиональной идентичности, когда выбранная профессия соответствует запросам участника. По результатам наших исследования 11% участников фокус-группы работающей молодежи ассоциируют себя со своей профессиональной деятельностью, 17% школьников и 9% студентов изображают учебные заведения.

Вторым кластером, выделенным нами стали рисунки (23%), отражающие места, не имеющие отношения к той географической местности, в котором находится или находился участник (высотки в Сан-Франциско, озеро в Германии и т.п.). В отличие от локальной идентификации, которая происходит с чем-то четко ограниченным, изображение места – «мечты»,

является абстрактным и говорит о негативной окраске пространственной идентичности («Бали такой солнечный и добрый», «А в Германии все хорошо»).

Масштабность рисунков колеблется от изображения конкретных мест проживания (дом, район) и локального уровня, до государственного (изображение карты РФ) и глобального (планета, океан). Михайлов Т.Д. считает, что чем больше масштаб пространства, с которым мы себя идентифицируем, тем более неясными и размытыми делаются его рамки и границы в нашем сознании (Михайлов, 2019, 54).

Темпоральная ориентация пространственной идентичности возрастных групп различна. Если на рисунках школьников изображены пространства, отражающие настоящее (место нынешнего проживания) и будущее (место дальнейшей работы) время, то темпоральная направленность части рисунков студентов (24%) и работающей (16%) молодежи включает и прошлое. Это связано с тем, что пространственный опыт отражает историю перемещения человека в пространстве, в результате чего у него формируется уникальное восприятие окружающей действительности (Окунев, 2018, 24).

Рассматривая структуру идентичности, Евстифеев Р.В. выделяет следующие элементы (Евстифеев, 2016, 91): представления о локальной географии (место), значимые места города, символические ценности локальной идентичности, пантеон героев, представления горожан о себе, представление о структуре городского сообщества, ритуалы воспроизводства идентичности.

По результатам фокус-групп можно определить места городов, которые наделены определенным символическим смыслом в глазах сообщества. Например, по числу изображенных мест участниками Новороссийска лидирует Набережная. Большинство сочинцев изображают пляж Маяк и микрорайон Мацесту.

Другой составляющей идентичности является видение города с географической точки зрения (в каком месте расположен город). Краснодар на рисунках участников изображается как «город, расположенный на берегу реки Кубань». Сочи в глазах участников выступает как «город, имеющий доступ к Черному морю», «город, окруженный горами». Новороссийск для участников фокус-групп является «городом, расположенным у побережья Цемесской бухты».

Следующим структурным элементом локальной идентичности являются представители города, являющиеся выдающимися в глазах горожан («Пантеон героев»). Главным образом людьми, изображенными

на рисунках, являются сами носители рисунков. Единственным упоминанием значимого для города человека является Михаил Кутузов при изображении главного символа города – крейсера на Набережной Новороссийска.

Символические ценности локальной идентичности представляют собой события и особенности города, которые могут быть интересны для местных и приезжих людей. Анализ локальной идентичности по рисункам участников Новороссийска позволяет сделать вывод о значимости исторического компонента (изображение крейсера, надпись: «Новороссийск – город-герой»). В представлениях горожан выходят на передний план 2 основных периода истории города: Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. и Отечественная война 1812 года. Изображение многочисленных многоквартирных домов, дорог, большого количества зеленых насаждений участниками Краснодара олицетворяют мнение горожан о городе быстро развивающемся и современном («У нас развита транспортная инфраструктура», «А главное новостройки, куда же без них»). Многоэтажные дома здесь рисуют чаще, чем участники остальных городов. Изображение море (15 рис.), пальм (9 рис.), гор (7 рис.), солнце (8 рис.) свидетельствуют о санаторно-курортной направленности Сочи.

Таким образом, пространственная идентичность представляет собой эмоциональную привязанность к определенному месту. Проведенное исследование позволило выявить три основных значимых для молодёжи объекта пространственной идентификации: пространство существования (дом), пространство самореализации (работа, хобби, деятельность) и желаемое пространство. Наибольшую связь со своим городом ощущают жители Сочи, при этом среди возрастных групп городская идентичность больше всех проявляется у работающей молодежи.

Библиографический список

Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. № 1. – С. 27-36.

Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 52-62.

Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – № 1. – С. 18-25.

Евстифеев Р.В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. – 2016. – № 1. – С. 88-95.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОНЛАЙН СЕТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПУБЛИЧНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ⁴²

А.Н. Расходчиков (Москва)

Среди многочисленных определений публичной политики для целей данной статьи наиболее подходящим видится подход Ю. Хабермаса, понимающий под этим термином прежде всего область социальной жизни где происходит публичный диалог между всеми заинтересованными акторами и формируется общественное мнение по поводу актуальных проблем (Хабермас, 2016, 17-22). Таким образом, публичное управление можно рассматривать как способ взаимодействия органов власти прежде всего с гражданами, когда лицо, наделенное определенными властными полномочиями, выражает свое мнение по значимым вопросам для широкой аудитории. В отличие от других управленческих практик, протекающих внутри бюрократической структуры и регламентированных системой подчиненности, публичное управление подразумевает действия во внешней среде и взаимную зависимость спикера и аудитории. В демократическом государстве публичное управление является одной из наиболее важных функций власти, так как от качества публичного представительства напрямую зависят популярность того или иного политика и готовность избирателей голосовать за него на выборах.

Рассматривая управление как способ регуляции – в концепции А.В. Тихонова, когда субъект управления должен реагировать на происходящие в общества отклонения, исправлять возникающие ошибки (Тихонов, 2015, 307-308), одной из главных функций публичной политики становится корректное вмешательство в определенные общественные процессы. По справедливому замечанию Ж. Тонига такой субъект должен обладать определенным авторитетом в обществе, легитимностью и «публичным могуществом». Стоит отметить, что при разрешении конфликтных ситуаций авторитет политика, уровень доверия к нему участников конфликта может играть решающую роль.

Цифровизация привела к формированию нового публичного пространства – коммуникационного пространства социальных сетей и мессенджеров. В результате за последние годы значительно ускорились общественные процессы, произошел рост рефлексии в обществе, резко уве-

⁴² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России»

личилось количество публичных акторов. Профессор Н. Лапин указывает на то, что в современном обществе человек все чаще выступает как субъект социальных отношений, а новые технологии создают отдельным индивидам и группам возможности выступать наравне с социальными институтами (Лапин, 2015, 5-6). То есть речь идет о том, что современное общество уже не безликий объект управления, и у каждого человека и гражданина есть возможность через социальные сети и интернет-форумы высказывать свою позицию, находить сторонников и сила этих движений может превышать возможности привычных нам институтов.

В тоже время социальные онлайн сети становятся важным инструментом публичного управления. Во-первых, именно здесь чаще всего зарождаются, репрезентируются и развиваются конфликты. Социальные сети становятся своеобразной первой сигнальной системой, оповещающей управленца о возникновении конфликтной ситуации. Распространенные на рынке системы мониторинга позволяют получать информацию по заданным ключевым словам в режиме онлайн. Практика взаимодействия с населением при возникновении градостроительных конфликтов показывает, что от момента первого сообщения в социальных сетях до эскалации в виде митингов или пикетов проходит минимум несколько недель (Расходчиков, 2015, 121). Стоит отметить, что на стадии первых публикаций в сети интернет бывает довольно непросто понять потенциал развития конфликта. Определенные возможности для прогнозирования риска развития информационных конфликтов предоставляют методы текстового и лингвистического анализа. Например, разрабатываемый коллективом отечественных исследователей метод определения социального стресса, позволяющий обрабатывать большие массивы текстовых данных с применением технологий нейронных сетей (Расходчиков, Пильгун, 2020, 129-132).

Во-вторых, интернет пространство открывает большие возможности для прямого взаимодействия с аудиторией. Не случайно многие прогрессивные политики предпочитают использовать мессенджеры и социальные сети для общения с гражданами. Наиболее ярким примером последних лет стала практика президента США Д. Трампа публиковать свое мнение по ключевым вопросам в твиттере, обходя таким образом бюрократические процедуры пресс-служб и ускоряя взаимодействие с аудиторией. Однако, управление публичным взаимодействием не ограничивается публикациями на своих страницах в социальных сетях. Поскольку сетевое пространство не однородно, а состоит из множества групп и публичных страниц по интересам, важно понимать с кем из них можно вести содержательный диалог по той или иной проблеме, а кому это просто не интересно. Выде-

лять интернет площадки и кластеры групп наиболее подходящие для осуществления взаимодействия позволяют современные методы сетевого анализа. Например, метод кластерного анализа групп в социальных онлайн сетях Г. Градосельской (Градосельская, 2019, 95-97).

Почему же несмотря на доступный инструментарий и наличие методических решений, позволяющих качественно осуществлять публичное управление конфликтами используя новые возможности социальных сетей, на практике мы наблюдаем все возрастающий коммуникационный разрыв между органами публичной власти и населением, а информационные конфликты и протестные движения в интернет среде становятся новой нормальностью цифрового общества? Среди множества внешних факторов связанных с процессами глобальных трансформаций, участившимися экономическими и политическими кризисами, можно выделить несколько сугубо внутренних доступных для управленческого регулирования причин. Первая заключается в отсутствии у большинства представителей органов власти культуры взаимодействия в интернет среде. Лишь незначительное число чиновников, наделенных полномочиями участия в публичном управлении имеют собственные активные блоги или популярные страницы в социальных сетях.

Вторая проблема находится в плоскости слабых технологических решений и методологических ошибок. Так, например, некоторые из распространенных мониторинговых систем формируют не полные или не корректные данные. В результате органы управления не получают своевременную информацию о зарождающихся конфликтах, что в свою очередь влияет на качество принимаемых решений. Еще одной частой, но уже методологической ошибкой являются попытки отождествлять публикации в интернет среде с общественным мнением.

Третья более сложная проблема заключается в изменениях структуры ценностей, способов социализации и формирования мировоззрения у новой генерации граждан, сформировавшихся уже в эпоху интернета. Ослабление старых институтов социализации, таких как школа, университет, трудовой коллектив совпало с тотальным увлечением молодежи онлайн коммуникациями. В результате интернет стал основным пространством, в том числе политической социализации молодежи. Неудивительно что коммуникационный разрыв между старшим поколением, составляющим большинство публичных политиков и преимущественно молодежной аудиторией интернета постоянно растет. Судя по данным социологических исследований, мы приближаемся к опасному рубежу, когда исчезнет сама

возможность диалога между этими двумя группами по ключевым вопросам публичной политики.

Поэтому проблемы политической социализации молодежи, особенно ее наиболее активной части – городской молодежи выделяются как наиболее важные для публичного управления и устойчивого развития. По справедливому замечанию А. Щербинина, «управление начинается с конструирования конкретного образа будущего, признанного самой политической властью в качестве социальной стратегии» (Щербинин, 2020, 294). Возможно переход от управления конфликтами к публичному диалогу об образе будущего сможет стать тем основанием, на котором получится формировать творческое взаимодействие власти и общества. Или хотя бы преодолеть критическое разобщение.

Библиографический список

Градосельская Г.В., Щеглова Т.Е., Карпов И.А. Картирование политически активных групп в фейсбуке: динамика 2013-2018 гг. Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 4 (32). – С. 94-104.

Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации. Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 5-10.

Расходчиков А. Н. Актуальные модели взаимодействия органов власти и управления с населением в интернет-среде. Власть. – 2015. – № 5. – С. 118-121.

Расходчиков А. Н., Пильгун М. А. Репрезентация экологической тематики в сетевой коммуникации: эко-этика горожан // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. 22, № 1-2 (105-106). – С. 128-134.

Тихонов А. В. Социология управления. – М., 2007 г.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. – М., 2016.

Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего. Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 202. – № 56. – С 285-299.

ПРОЯВЛЕНИЯ АРХАИЗАЦИИ В ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИИ

В.Л. Римский (Москва)

Исходя из концепции А.С. Ахиезера (Ахиезер, 2001, 89) архаизацию будем понимать, как «следование общества и органов государственной власти культурным образцам и программам, сложившимся в культурах, предшествующих современным» (Римский, 2018, 151).

Архаизация вполне естественна для любых обществ и государств, потому что она определяется накопленным опытом и знаниями прошлых поколений, выработанными ими стандартами и стереотипами восприятия реальности, способами и методами решений общественных и иных проблем. По этим причинам проявления архаизации заметны в разных обществах и государствах, правда, в разной степени.

Проблемы для обществ и государств, связанные с архаизацией, возникают тогда, когда окружающая их реальность, в первую очередь, социальная, меняется намного быстрее, чем в предшествующие периоды развития. Тогда в социальной реальности формируются новые сложные проблемы, которые невозможно решить стандартными и хорошо отработанными ранее методами, и способами. При этом немало таких проблем представляют собой весьма значимые вызовы для обществ и государств, потому что определяют ресурсы и возможности их развития.

В последние десятилетия во всём мире информатизация стала определять целые комплексы таких новых и сложных проблем, которые почти никогда невозможно решать архаическими способами в силу нематериальности информационных объектов. Но эти комплексы проблем при их успешных решениях способны создавать новые ресурсы для развития обществ и государств, например, существенно повышать уровень государственного контроля финансов, пополнения государственного бюджета, эффективность противодействия преступности и т.д.

Однако в современной России информатизация осуществляется неэффективно в сравнении с развитыми странами мира, требует больших затрат государственного бюджета и частных инвестиций при сравнительно невысоких уровнях позитивных эффектов для экономики, социальной сферы, государственного и муниципального управления. Например, известно, что в Европейском союзе ещё в 2005 году была введена в действие система электронного декларирования в таможенной сфере, что существенно ускорило прохождение таможенных границ для различных товаров при повышении уровня посттаможенного их контроля. В России аналогичная система разрабатывается уже много лет, формально электронное декларирование в российской таможенной службе уже внедрено, но эффекта повышения её эффективности в отношении экономики и государственного управления, аналогичных странам Европейского союза, в нашей стране получить не удалось.

Важной, но, безусловно, не единственной причиной неэффективности российской информатизации является доминирование архаизации в сознании и социальных практиках и большинства граждан, и служащих, и

руководителей органов государственного и муниципального управления нашей страны. Можно выделить три важнейших фактора и одновременно проявления такой архаизации в нашей стране: использование в органах власти профессионально-именного социокода для кодирования управленческой информации, приверженности сословности в обществе и поддержание раздаточного характера российской экономики. Поясним каждый из этих факторов.

Как известно, любая информация существует только в форме того или иного кода. Такими кодами могут быть, например, те или иные естественные языки человечества, языки программирования, коды данных в памяти компьютера, коды текстовой, звуковой и видеоинформации в компьютерах и т.п. Алгоритмы, управляющие компьютерами, обрабатывают заложенные в них данные, действуя исключительно с такого рода кодами. Смыслы закладываемой в компьютеры информации и результатов их работы всегда придают люди по тем или иным формальным признакам кодов информации. И потому сами по себе информационные коды в большей или меньшей степени определяют сознание и социальные практики людей, которые эти коды используют.

Группы кодов, используемых людьми для кодирования социальной информации, вслед за М.К. Петровым будем называть социокодами. Таких типов социокодов М.К. Петров выделил всего три: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный. Лично-именной социокод был присущ первобытным обществам (Петров, 1995, 195-196; Петров, 2004, 27, 97-98, 105-106). Профессионально-именной социокод сменил его в ранних земледельческих государствах, обеспечивая социальную интеграцию и стабильность существования их обществ и государств, но только в условиях, когда прошлое и настоящее повторялись в будущем (Петров, 1995, 197-198; Петров, 2004, 105-107). Универсально-понятийный социокод сформировался ещё в античной Греции как необходимое средство осмысления быстро меняющейся реальности, отличающейся от прошлого и настоящего (Петров, 1995, 221, 234-235; Петров, 2004, 145). Этот последний социокод, безусловно, развивался вместе с развитием человечества, но его сущность сохранялась. И в настоящий период именно универсально-понятийный социокод доминирует в сознании и социальных практиках, развитых европейских и североамериканских стран. Поскольку социальная реальность современного мира постоянно меняется и требует нестандартных решений разнообразных возникающих проблем лично-именной и профессионально-именной социокоды будем

относить к архаическим, а универсально-понятийный – считать современным.

Для носителей профессионально-именного социокода наука не является средством поиска и осмысления нового знания (Петров, 2004, 262, 276). Этим во многом объясняется неэффективность информационных разработок в российских органах власти – процессы их внедрения почти никогда не поддерживаются научными исследованиями возможных вариантов применения. Для носителей этого же социокода характерна приверженность к сословности в распределении ресурсов для освоения и никогда – для развития той или иной сферы. Главным распределителем ресурсов в нашем обществе является государство, и все сословия выполняют определённые им функции. Развитием же своих сфер деятельности сословия не занимаются, препятствуют такому развитию, потому что это будет приводить к нарушению стабильности, к необходимости перераспределения ресурсов, что не соответствует сословным интересам (Кордонский, 2008, 24, 27]. Поэтому сословия поддерживают своеобразную раздаточную экономику, в которой рыночные механизмы не могут доминировать, а доминируют процессы раздачи – предоставления государством ресурсов для освоения, и сдачи – возвраты денег или освоенных ресурсов государству (Бессонова, 2018, 22). Само же государство затем снова раздаёт ресурсы сословиям по их заслугам в виде выплат, привилегий и т.п.

В этих условиях российская информатизация развивается во многом на средства государственного бюджета без существенных частных инвестиций, что приводит к финансированию многих стартапов в информатике зарубежными инвесторами переходу, а затем к переходу самых успешных из них в другие юрисдикции. В результате Россия теряет возможности развития новых современных информационных технологий, а потому теряет и многие ресурсы развития нашего общества, экономики и государства.

Библиографический список

Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 89–100.

Бессонова О. Э. Институциональное развитие России: переход к контрактному раздатку // *Мир экономики и управления*. – 2018. – Т. 18, вып. 2. – С. 21-34.

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. – М., 2008. – 216 с.

Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М., 1995. – 140 с.

Петров М. К. Язык, знак, культура / вступит. ст. С.С. Неретиной. 2-е изд., стереот. – М., 2004. – 328 с.

Римский В.Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. Т.5. – СПб, 2018. – С. 150-179.

НОВЫЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ ГРАЖДАН В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: СЕТЕВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ И ФОРМИРУЕМАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ⁴³

Н.А. Рябченко (Краснодар)

Исследования дискурсивных практик сетевых сообществ и фреймирования ими общественной проблематики позволяет определить паттерны поведения индивидов, сообществ и целых систем. Структурное многообразие сетевых сообществ в публичном онлайн-пространстве обретает четкие политико-культурные установки конкретных субъектов, которые посредством дискурсивных практик формируют когнитивные схемы и модели, обуславливающие эмоциональное и ценностное восприятие политики и политическое поведение не только отдельных граждан, но и сообществ национального масштаба (Мирошниченко, 2019, 53-62).

Научным коллективом была разработана и апробирована методика эмпирического исследования общественной повестки в дискурсивных практиках сетевых онлайн-сообществ Рунета, которая была реализована в несколько этапов. На каждом этапе определялся не только массив эмпирических данных, репрезентующих объект исследования, но и набор эмпирических методов и процедур, позволяющих осуществить сбор и анализ сетевых данных. Объектом эмпирического исследования стали активностно-деятельностные сообщества пользователей «ВКонтакте» (самая популярная социальная платформа среди россиян (WebCanare, 2019), которые были определены методом сетевого реляционного анализа. Данный подход, снованный на математических методах анализа множеств и логики первого порядка, позволил создать прикладные модели построения цифровых данных (Рябченко, 2014, 91-100). В результате были выявлены сообщества, имеющие плотные структурные и дискурсивные связи взаимодействия и демонстрирующие их активность не только в производстве социально-

⁴³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00975 «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества»

политического дискурса, но и в деятельностном «поле» политики. Такими активно-деятельностными сообществами по критериям распространенности, популярности, количеству пользователей и содержательным характеристикам стали: «Теплица социальных технологий», «Реальный Футбол», «Science|Наука», «МАМА™».

По данным активно-деятельностным сетевым сообществам была выгружена база цифровых данных, представляющая совокупность дата-сетов (Data set) – весь массив публикуемых пользователями сообщений текстового, иконографического и видео-формата в период с момента основания сообществ по 1 июня 2019 г.

Сформированная эмпирическая база цифровых данных активно-деятельностных сетевых сообществ стала основой для многофакторного контент-анализа. Методика многофакторного контент-анализа дата-сетов позволила определить общественную повестку в дискурсе сетевых сообществ и фреймирование социальной проблематики в ней, а также выявить репрезентацию способов их решения участниками сообществ.

Отобранные и структурированные связи между частотностями контента, характеризующие общественную проблематику и их репрезентацию в дата-сетах, были проанализированы с помощью адаптированного аналитического инструментария постмодернистской методологии (дискурс-анализ) и методов сетевой лингвистики.

В результате количественного и качественного анализа, авторами были определены для каждого исследуемого сообщества:

- «ядро» общественной повестки – проблемы, являющиеся базовыми для данного сообщества и фактически перманентно фигурирующие в повседневном дискурсе пользователей;
- «проектируемая повестка» – оригинальное осмысление проблем, инициируемое участниками сообщества и репрезентация инновационных способов их решения;
- «транзитная повестка дня» или «протуберанцы общественной повестки дня» (по аналогии с астрофизическим термином, характеризующим «фонтаны» потоков веществ на поверхности Солнца) – артикуляция общественных проблем под воздействием событий или сконструированным информационным поводам, вызывающих реакцию общественности по поводу их осмысления и репрезентации способов их решения.

Анализ частотности (частые категории лексических единиц) и смысловых связей между частотностями, полученные в результате многофакторного контент-анализа дата-сетов, позволили выделить кластеры общественной повестки дня, формируемые участниками выбранных сооб-

ществ. Дальнейший качественный анализ полученных кластеров позволил выделить характерные для каждого сообщества фреймы, отражающие не только когнитивные схемы конструирования социальных проблем, но социально-политический стиль активно-деятельностных онлайн-сообществ.

Данные фреймы позволили определить и сформулировать характерные для выделенных сообществ идеологические дискурсы. В рассмотрении продуцируемых сетевыми сообществами идеологических дискурсов в контексте создаваемой ими общественной повестки дня мы отошли от классических формулировок политических идеологий, а сделали упор на рассмотрение данного феномена согласно современному мета-идеологическому подходу: идеология как «результат субъективного выбора», как «взаимосвязанная система идей, основанная на нескольких базовых утверждениях относительно реальности» (Castells, 2005; Walford, 1990). Таким образом, идеологии не «истинны» и не «ложны», но являются «релятивистскими интеллектуальными стратегиями для категоризации мира» (Blattberg 2009). Соответственно, в ходе анализа применительно к изучаемым сообществам нами были выделены идеология «сопричастности и со-помощи в саморазвитии» («Теплица социальных технологий»), идеология «нарциссизма и детоцентризма» («МАМА™»), идеология «футбол – это мужская война» («Реальный Футбол»), идеология «квазикритика власти» («Science|Наука»).

Исследуемые активно-деятельностные сообщества, демонстрируют разные модели общественной повестки, которые отражают не только систему их ценностных приоритетов в отношении восприятия социальной и политической действительности, складывающихся в идеологические конструкции, но и поведенческие практики в публичном пространстве.

Идеологический дискурс активно-деятельностного сообщества «Теплица социальных технологий» мы определяем, как «сопричастность и со-помощь в саморазвитии». Участники сообщества разделяют ценности прав личности, их гарантии, условия самореализации и развития, правового обеспечения творчества и инициативы. Сообщество стабильно системно во включении в тематику, связанную с артикуляцией собственного положительного опыта работы в социальной сфере РФ; в вопросах информационной кооперации в части цифровизации социальных проектов; в возможностях деления опыта и знаний социального проектирования. Темы общественной повестки дня, отражающих репрезентацию мобилизационных ресурсов и коллективных действий в сообществе, связаны с экологической проблематикой, функционированием НКО в сетевых условиях и изменением условий оказания помощи реципиентам со стороны

волонтеров и НКО в результате действия некоторых законов последнего десятилетия в РФ. Экологическая тематика активизируют включенность НКО в самостоятельное решение данных проблем, включая механизмы самоадаптации в жизнедеятельности ТСТ.

Участники активно-деятельностного сообщества «Мама» солидарно разделяют ценности сформированного стандарта «современной счастливой семьи» и «публичного материнства», что отражается в тематическом ядре, формируемой ими общественной повестки дня (стабильная тема и проектируемая тематика). Стиль деятельности проявляется в желании соответствовать указанным коллективным стандартам и нормам, т.о. почти все акторы сообщества (и постоянные, и случайные, и потенциальные) регулярно воспроизводят эту норму и подкрепляют ее визуальным материалом из своей жизни, особенно в части «нарциссического материнства» и модели детоцентричной семьи. Фактически единственным протуберанцем в повестке дня является религиозный вопрос, но связан он не с вопросами веры, а с публичными выражениями признательности матерей. Декларируемые сообществом ценности «публичного материнства» в контексте идеологии «нарциссизма и детоцентризма» размывают границы приватного в жизни человека и его детей. Все фототексты публикуются в открытом онлайн-сообществе и остаются в нем «навсегда». Иначе говоря, годы спустя выросший ребенок или любой другой человек сможет найти все обнаженные сэлфи-образы своей матери в процессе семейной жизнедеятельности с тысячами любых комментариев.

Участники сообщества «Реальный Футбол» формируют моногендерное сообщество, разделяя ценности в отношении футбола как истинно мужского мира – богатых, победителей, сильных и успешных; мира «футбол как война», в которой никто не гибнет, но есть первые и есть проигравшие. Поэтому организаторы сообщества и формируют повестку дня через привлечение внимания к победителям и к известным персонам. «Болеем за первых» становится базовой фреймовой рамкой в таком сообществе, и так как эти первые – «другие», зарубежные клубы и футболисты, то тема патриотизма и сплоченности на основе любви к «своим» фактически нивелируется в сообществе. Идеологический дискурс в данном сообществе определяется нами как «футбол – это мужская война» по фактологическим основаниям.

Участники сообщества «Science|Наука», как и участники сообщества «Теплица социальных технологий», ориентированы на ценности прав личности, их гарантии, условия самореализации и развития, но дифференцирующей ценностью для акторов данной сетевой структуры становится

принцип справедливости. Их круг общественной повестки связан с креативной позицией организаторов и лидеров сообщества в отношении российской системы образования, науки, культуры с «тихими и осторожными» попытками критики власти. Поведенческий стиль участниками сообщества – это демонстрация «околонаучного знания» и «квазикритики власти», не выходящий за рамки реальных действий гражданского и политического участия. За доминирующей тематикой новостей из мира науки прослеживается скрытая общественная повестка сообщества – анализ власти и деятельности чиновников, «околокритическое» восприятие власти и современной бюрократии в регионах РФ. Формируя образы новых героев российской повседневности, участники сообществ, выстраивают альтернативный официальной политической повестке рейтинг социальных проблем, которые должны решаться в российском обществе.

Таким образом, категория общественной повестки дня применимо к эмпирическому анализу сетевых сообществ позволяет выйти за границы осмысления процесса и эффектов сетевой коммуникации в публичном пространстве. Предложенные авторами аналитический инструментарий и методика эмпирического исследования открывают новые возможности для исследования связи институциональных практик с субъективным пространством политики (политической идентичности, политической картины мира, политической культуры, идеологии). (При этом ключевыми становятся следующие исследовательские сюжеты: каким образом структурируется публичное пространство, какие ценностно-нормативные ориентиры являются основой для солидарных действий, каков уровень консенсусности и конфликтности в обществе, каковы программы действий социальных политических агентов политики.

Библиографический список

Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштэга #RUSSIA в социальной сети TWITTER) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 1 (58). – С. 53-62.

Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политическая Экспертиза: ПолитЭкс. – 2014. – №3 (22). – С.91-100.

WebCanape. Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/>

Blattberg C. Political Philosophies and Political Ideologies. Patriotic Elaborations: Essays in Practical Philosophy. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009.

Castells M. and Cardoso G. (Eds.) The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005.

Walford G. Beyond Politics. An Outline of Systematic Ideology. London: Calabria Press, 1990.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СБОРУ И АНАЛИЗУ ДАННЫХ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.В. Савва (Краснодар)

Информационное общество является относительно новым научным концептом. В то же время, цифровизация социальных отношений имеет принципиально важное значение для развития общества, что предполагает высокую актуальность ее научно-прикладных исследований. Государственная программа «Информационное общество», первая редакция которой была одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1815-р от 20.10.2010 г., исходит из предположения о системном и глубоко влиянии цифровизации на качество жизни людей, эффективность их работы, повышение качества административных услуг, развитие экономического потенциала страны (Государственная программа...). Чрезвычайно важным аспектом цифровизации является ее социальная роль, которая потенциально состоит в повышении равенства. Как заявила заместитель руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ Т. Радченко в ходе Форума «Общее будущее», цифровизация деятельности органов публичной власти и развитие цифровых услуг для граждан способствует снижению неравенства как внутри стран, так и между различными странами (Цифровизация...). В то же время, конференция Организации Объединенных наций по торговле и развитию констатирует, что цифровизация в сфере преодоления неравенства создает как риски, так и возможности (Цифровое развитие...). Возможность разнонаправленных воздействий цифровизации является, по мнению автора, лишь одним из множества проявлений этого сложного явления. Новый социальный феномен всегда оказывает на общество многообразные воздействия, которые требуют научного исследования.

Целью данной статьи является выделение новых подходов к сбору и анализу данных о предпосылках политических конфликтов в условиях

цифровизации. До настоящего времени эта цель не ставилась и не достигалась в рамках политической науки.

Как констатирует М. Невзоров, развитие информационных технологий и средств массовой информации определило появление в зарубежной социальной науке большого количества исследовательских проектов по сбору информации о конфликтах (Невзоров, 2014, 164). Этот современный тренд характерен также для российского научного сообщества, но не в формате проектов, все еще очень новом для России, а скорее в формате роста интереса ученых и разработки методологических основ.

Новые информационные технологии, в том числе социальные сети, уже привели к существенной трансформации массивов данных о конфликтах. В первую очередь это связано с увеличением объема информации о ходе конфликта. В настоящее время практически все участники и наблюдатели конфликта имеют возможность фиксировать и делать общедоступной ставшие им известные факты, мнения и выводы. Такая информация концентрируется в социальных сетях. Информационные массивы, посвященные конфликтам, стали в результате не только намного большими, но также более разнородными и субъективными. Это дает возможность более разносторонне и детально анализировать течение конфликта. В то же время, данная особенность информационных массивов о конфликтах ставит вопрос о критериях и методах отбора достоверных данных. Соответствуют ли изложенные факты действительности? Если нет, то в силу каких причин эти факты были искажены? Как эти причины характеризуют конфликт, в том числе его динамику? При помощи каких методов и по каким критериям можно выбрать в информационном потоке достоверные факты?

Достоверные факты о конфликте важны для анализа и прогноза. В то же время, они не составляют всего информационного массива, характеризующего конфликт. Значение имеют также искажения фактов и эмоции участников конфликта. Эта часть информационного массива, характеризующего конфликт, увеличилась в информационном обществе в наибольшей степени. Отечественные авторы указывают на высокую значимость эмоционального компонента конфликта. Как указывает М.Е. Есипова, данный аспект важен для интерпретации конфликтных ситуаций, личностных причин возникновения конфликтов, для конструирования технологий регулирования конфликтов. Эмоциональный компонент играет важную роль в структуре конфликтной компетентности, данному компоненту уделяется значительное внимание при ее формировании (Есипова, 2010, 15).

Анализ эмоционального компонента конфликта в результате увеличения объема характеризующих данных не может оставаться искусством

индивидуальной интерпретации, более или менее успешной в зависимости от таланта интерпретатора. Требуется более глубокое внедрение методов количественного анализа в сферу эмоций конфликта.

Новые подходы к сбору данных о предпосылках политических конфликтов в условиях высокой динамики цифровизации определены, во-первых, существенным увеличением объема информации, которая требует обработки, во-вторых, изменением характера этой информации.

Увеличение объема обрабатываемой информации поставило вопрос об автоматизации процессов обработки. Огромное количество текстов в интернете можно достаточно быстро пропустить через системы поиска и анализа, но что именно должны искать эти системы? Контент-анализ дает общие подходы и некоторые методы решения данной задачи. В то же время, не поддается автоматизации такой этап обработки, как формирование системы слов и фраз – единиц анализа и единиц счета. Ответить на вопрос: «Какие слова и выражения характеризуют наличие предпосылок конфликта?» можно лишь на основе результатов ранее проведенного исследования с учетом индивидуальных характеристик каждого изучаемого конфликта. Линейка таких характеристик является чрезвычайно широкой. Характеризуя особенности политического конфликта, Д.Ю. Знаменский и А.В. Лопарев указали, в частности, следующие: он возникает по поводу власти и ее функционирования в обществе; в нем задействованы не отдельные индивиды, а большие социальные группы (Знаменский, Лопарев, 2017, 504). Очевидно, что власть является чрезвычайно сложным многокомпонентным явлением, и вовлеченные в конфликт социальные группы характеризуются тем же. В результате большого разброса вероятностных характеристик политические конфликты, как правило, значительно отличаются один от другого. Как показывает практика, универсальных наборов единиц анализа и единиц счета для политических конфликтов нет. В то же время, могут быть сформированы базовые системы таких единиц для политических конфликтов определенных типов: электоральных, сепаратистских и т.д. Базовые системы единиц анализа и единиц счета необходимо будет корректировать для каждого случая политического конфликта с учетом его особенностей.

Разработка базовых единиц анализа и счета требует дифференцированных классификаций политического конфликта по взаимодополняемым основаниям. Такие классификации существуют. Однако, сам факт наличия классификации в академическом дискурсе не означает, что эта классификация может использоваться в целях прикладного анализа. Можно ожидать в

ближайшее время роста интереса исследователей к апробации существующих классификаций и разработке новых.

Как изменение характера массивов новой информации повлияло на подходы к сбору такой информации? Под изменением характера информации автор понимает увеличение количества ее форматов. Например, важным источником информации о политическом конфликте, в том числе его предпосылках, являются фотографии участников массовых мероприятий, размещаемые в социальных сетях. Фото с политических мероприятий в настоящее время позволяют не только анализировать, как ранее, тексты, которые в формате плакатов, транспарантов и пр. используют участники. Таких фотографий стало много, и большие массивы фотофактов позволяют анализировать невербальную информацию. Имеют значение: цветовая гамма наглядных материалов; возрастной состав участников; одежда как характеристика принадлежности к социальной группе.

Невербальные послания приобретают все большее значение в ходе протестных акций. Так, высокая частота использования флагов, ранее существовавших или лишь провозглашенных на этих территориях государств (Дальневосточная Республика, Уральская Республика) в ходе региональных протестов в 2018 – 2020 гг. продемонстрировали рост сепаратистских настроений. В то же время, каков этот рост в количественном измерении? Существующие методики не дают ответов на этот вопрос. Одна из важных методических проблем в данном случае состоит в том, что исследователи не знают, насколько репрезентативна информация, которую они анализируют. Необходимо разрабатывать и апробировать методы сбора и оценки невербальных данных, которые дают достаточную информацию для более глубокого и содержательного анализа.

Формирование новых подходов к сбору и анализу данных о политических конфликтах ставит новые задачи не только перед исследователями, но также перед преподавателями высшей школы. Одна из методологических проблем изучения современных конфликтов как в формате сбора, так и обработки данных, связана с растущим запросом на междисциплинарность такого исследования. Эмоциональная сфера человека, в том числе ее проявления в конфликтах, традиционно являлась прерогативой психологии. Массивы информации о современных конфликтах, которые анализируются политологами и конфликтологами, уже требуют глубокого и квалифицированного применения подходов коммуникативистики и психологии. В рамках комплексных проектов, которые выполняются командами исследователей, данная проблема решается включением в эти команды специалистов соответствующих наук. Однако, ситуация командной работы

гораздо менее распространена по сравнению с индивидуальными исследованиями. Следовательно, целесообразно с учетом новых реалий внести коррективы в вузовские программы подготовки политологов и конфликтологов.

Автор на основе проведенного анализа приходит к выводу о наличии объективной необходимости в подготовке и осуществлении методологического прорыва в сфере сбора и анализа данных о предпосылках политических конфликтов. Новые подходы к сбору и анализу данных о политических конфликтах, в том числе их предпосылках, в условиях высокой динамики цифровизации определены, во-первых, существенным увеличением объема информации, которая требует обработки, во-вторых, изменением характера этой информации. Основания для таких новых подходов уже созданы использованием количественных методов анализа текстов, эмоциональной сферы взаимодействия людей в политическом процессе и невербальных коммуникаций.

Библиографический список

Государственная программа «Информационное общество» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>

Есипова М.Е. Эмоциональный компонент в структуре конфликтной компетентности // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2010. – № 8/1.

Знаменский Д.Ю., Лопарев А.В. Особенности политического конфликта: мировой опыт и российские контексты // Novainfo. – 2017. – № 58. Т. 5.

Невзоров М.В. Сбор информации по этнополитическим конфликтам: недостатки баз данных и поиск решений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2014. – № 164.

Цифровизация способствует достижению сразу нескольких целей устойчивого развития. 25.11.2019 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovizacia-sposobstvet-dostizeniю-srazu-neskolkih-celej-ustojcivogo-razvitiia-25612>

Цифровое развитие: проблемы и возможности. 6.05.2019 // Конференция Организации Объединенных наций по торговле и развитию. Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/_tdb66_d5_ru.pdf

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКАХ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)⁴⁴

Р.В. Савенков, Ю.И. Лаптева (Воронеж)

В Белгородской и Воронежской областях в Единый день голосования 13 сентября 2020 г. прошли выборы депутатов региональных законодательных собраний. За три месяца до ЕДГ состоялось голосование по поправкам к Конституции, информирование и мобилизация на которое могла снизить интерес к региональным выборам. Но протесты в Хабаровске и Минске создавали турбулентный информационный фон, благоприятные условия для негативной мобилизации, электоральной поддержки оппозиционных лидеров и групп.

Прошедшие региональные выборы рассматривают как репетицию федеральных, как возможность протестировать новые технологии. Цель нашего исследования – оценить характер использования участниками регионального электорального процесса доступных интернет-ресурсов для публичного оспаривания, конвертации недовольства в электоральную поддержку.

Объект – региональные отделения политических партий Белгородской и Воронежской областей, чьи списки были зарегистрированы. Предмет – использование интернет-ресурсов для оспаривания решений и действий власти. Эмпирическая база исследования – официальные сайты региональных отделений политических партий, группы в социальных сетях.

Понятие «оспаривание» (contestation) впервые использовал Б. Жувенель, подразумевавший под ним наличие возможностей и инструментов для обсуждения, и, при необходимости, предотвращения действий власти. Оспаривание осуществляется в системе, чувствительной к критике, обладающей институтами публичного обсуждения политических альтернатив, т.е. в демократической (Jouvenel, 1966, 164-165).

В работах Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама сформирована концепция «оспаривания» (contention), в которой политическое участие и действие включены в категорию «состязательной политики» (contentious politics), предполагающей коллективную активность граждан, объединяющихся для предъявления требований к своим оппонентам. Триггером

⁴⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00806 «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)»

«состязательной политики» является изменение политических возможностей. Концепт концентрируется на действиях обывателей по использованию имеющихся ресурсов и по созданию новых ресурсов, символов, обогащению репертуара протеста (McAdam, Tarrow, Tilly, 2004, 5-7).

Р. Даль рассматривал понятие «публичное оспаривание» (public contestation) более широко – как один из параметров демократичности политического режима, предполагающий возможность «опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы» (Даль, 2010, 15).

Данные электоральной статистики говорят о том, что ведущие оппозиционные партии демонстрируют отрицательную динамику в ЦЧР: в 2010-е гг. наибольшие потери зафиксированы у Справедливой России; КПРФ потеряла голоса и в Белгородской, и Воронежской областях. Наблюдается снижение явки на региональных парламентских выборах во всех регионах ЦЧР (Савенков, 2019, 83-84).

Оппозиционные партии в ЕДГ-2020 в Белгородской и Воронежской областях не применяли новых интернет-технологий. Самая крупная, КПРФ, наполняла сайт новостями с федерального ресурса, информацией о памятных датах, спортивных мероприятиях и т.п. Можно выделить три темы, по которым КПРФ заняла позицию оспаривания:

- партия призывала к референдуму по своему проекту Конституции;
- на сайте информировали о сборе средств в поддержку совхоза им. Ленина (директор П. Грудинин);
- через сайт единомышленников приглашали на всероссийскую акцию протеста.

Материалов о кандидатах и выборах на ресурсе белгородского отделения КПРФ – 7, воронежского отделения – 14.

Страницы региональных отделений КПРФ в соцсетях имеют схожий контент. Большой мобилизационный потенциал у страниц Комсомола. Белгородский комсомол более активен по сравнению с воронежским: созданы инфоповоды, получившие внимание СМИ – флешмоб против поправок в Конституцию, выступления оппозиционного кандидата Е. Долговой, флешмоб у администрации в знак протеста против демонтажа памятника Ленину.

Региональные отделения ЛДПР не имеют собственного сайта: информация об их деятельности публикуется на федеральном ресурсе. Наполнение страниц традиционно: белгородское отделение опубликовало 14 новостей о региональных выборах, воронежское – 31, в основе которых текстовая информация и фото о встречах кандидатов от ЛДПР. Страницы в

социальных сетях в основном используют ту же информацию, многие неактивны.

Самыми насыщенными стали страницы региональных отделений Справедливой России. Белгородское отделение опубликовало материалы о локальных проблемах и требованиях партии (32 материала). Воронежское в основном сообщало о действиях лидера, А. Рымаря (40). Соцсети воронежских спавороссов малоактивны, в Белгороде же сторонники партии, помимо ведения собственных страниц, регулярно давали информацию о ее работе на популярных городских ресурсах – «Черный список Белгород» и «Жесть Белгород» – привлекая внимание к значимым проблемам (экологии, нарушений в ходе предвыборной кампании).

Региональные отделения партии Родина почти не имеют на своих страницах информации оспаривающего характера, мобилизующей избирателей, как и страницы в соцсетях.

Российская партия пенсионеров, Партия прямой демократии на федеральном ресурсе опубликовали только общую информацию о региональных отделениях. Воронежская ППД активна в фейсбуке, но, по-видимому, не ставила задачу мобилизации.

Основным контентом отделений партии «За правду» стала информация о выступлениях лидера, писателя З. Прилепина. В соцсетях больше внимания уделялось общеполитическим дискуссиям, чем конкретным проблемам.

Единственный выявленный кейс предвыборного оспаривания с использованием интернет-технологий, привлечением общественности и различных партий (Новые люди, КПРФ, Справедливая Россия, Яблоко) – это конфликт вокруг возможной застройки Северного леса в Воронеже. Активная реакция партий на обострение ситуации говорит о потенциале таких конфликтов, развитие которых может привести к созданию «протестной публики» (Protest Publics, 2019). Неспособность партий использовать эту возможность говорит об отказе публично оспаривать и низком доверии к ним.

Таким образом, парламентские и новые партии почти не используют интернет-технологии для оспаривания и мобилизации: сайты создают эффект формального присутствия в сети, выполняют функцию информирования. Но и результаты ЕДГ-2020 говорят о том, что интернет-пассивность не влияет на успех: результаты КПРФ и ЛДПР в обоих регионах выросли незначительно, партий «Патриоты России» и «Партии пенсионеров» – выросли намного (см. Таблицу). Сетевая активность белгородских «спавороссов» не привела их к успеху на выборах, развернувшие борьбу за молодежь

в соцсетях Новые люди не прошли регистрацию. Штабы Навального, кандидаты которых также не прошли регистрацию, с помощью всех доступных социальных сетей продвигали проект Умное голосование, пытаясь привлечь внимание к оппозиционным силам, но эта стратегия сама по себе также не привела к успеху.

Таблица 1. – Количество избирателей, проголосовавших за партийный список по единому избирательному округу, чел. (Информация о выборах и референдумах)

		КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	ЗА ПРА ВДУ	Партия пенсионеров	Патриоты России	Другие
Белгородская область	2015	84720	43789	53294	-	18465	5122	25120
	2020	88356	44077	25586	28362	34204	7207	-
Воронежская область	2015	102571	57320	52214	-	-	5834	-
	2020	117603	59372	46186	16602	18048	-	34272

Библиографический список

- Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. – М., 2010. – 288 с.
- Информация о выборах референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>)
- Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010-2018 гг.) // Политическая наука. – 2019. – №2. – С. 74-94.
- Jouvenel B. The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No. 1 Jan. P. 155-174.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly S. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2001. 412 p.
- Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / editors N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Springer, 2019. 306 p.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ⁴⁵

В.П. Самарина (Старый Оскол)

Актуальность проведенного исследования определяется следующим. Арктические территории характеризуются суровыми природно-

⁴⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00022 «Влияние пенсионной реформы на экономическое развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации»

климатическими условиями и недостаточно развитой социальной инфраструктурой. В арктическую зону частично или полностью вошли территории нескольких субъектов Российской Федерации, расположенных в высоких, северных широтах. Территории Арктической зоны Российской Федерации представлены на рисунке 1.

Рис. 1 – Территории Арктической зоны Российской Федерации (Лукин Ю.Ф., 2016)

При этом устойчивое развитие российской Арктики имеет важнейшее экономическое и геополитическое значение для страны (Скуфьина и др., 2017; Субботина, Самарина, 2013). Ряд климатических, географических и организационных факторов, вязанных с особенностями арктических территорий, предопределяет необходимость их устойчивого развития на основе цифровизации. В то же время, целая группа иных факторов сдерживает этот процесс.

В этой связи целью представленной работы является раскрытие факторов различного генезиса, предопределяющих внедрение цифровизации для устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации, и факторов, препятствующих этому процессу.

Вести хозяйственную деятельность в высоких широтах Арктики достаточно сложно. Изучая особенности хозяйственной деятельности на арктических территориях, мы выделили ряд факторов, которые сдерживают развитие традиционной экономики. К ним относятся:

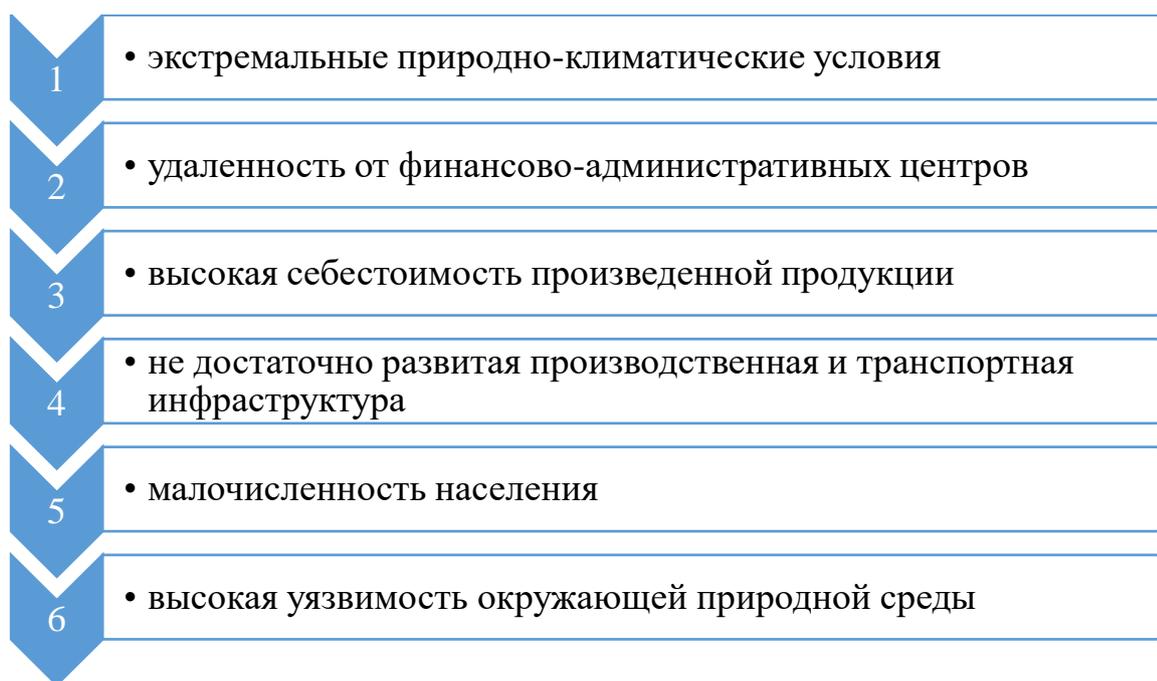

Рис. 2 – Факторы, сдерживающие развитие традиционных секторов экономики в Арктике

Основными среди них можно признать объективные факторы, которые, в той или иной степени, присущи всем арктическим территориям (Бажутова и др., 2019; Липина, Терешина, 2018; Скуфьина, 2010).

Кроме того, необходимо учитывать субъективные факторы, связанные с нехваткой трудовых, финансовых, энергетических, материально-технических и иных ресурсов, необходимых для устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации (Крюков и др., 2020; Самарина, 2014).

Таким образом, факторов, препятствующих устойчивому развитию арктических территорий на основе традиционных, не цифровых, сегментов экономики, достаточно много. Это открывает перспективы перед цифровыми механизмами устойчивого развития.

При этом можно выделить иную группу факторов, сдерживающих цифровизацию российской Арктики. К ним относятся:

- фрагментарное и не системное внедрение цифровых технологий в Арктике;
- отсутствие единой системы координации процессов внедрения цифровых технологий;
- дефицит финансовых и материальных ресурсов для осуществления цифровизации;
- недостаточная продуманность технологий некоторых цифровых проектов;

- нехватка современных российских цифровых технологий и оборудования, способных работать в арктических условиях;
- не заинтересованность органов федеральной и региональной власти в устойчивом развитии арктических территорий на основе цифровизации;
- достаточное количество управляющих кадров, способных управлять разработкой и реализацией цифровых проектов в сложных условиях;
- низкое качество и недостаточное количество квалифицированной рабочей силы.

Как видно, эти факторы с большим основанием можно назвать субъективными, поскольку они порождены несовершенством управления Арктической зоной Российской Федерации. Вместе с тем надо признать, что в той или иной степени факторы, сдерживавшие развитие цифровизации, отмечены во всех регионах России (Косарева, Самарина, 2019; Терешина, Онищенко, 2014; Самарина, 2016).

Таким образом, мы видим, что, несмотря на предрасположенность к цифровизации, объективных и субъективных факторов, которые сдерживают устойчивое развитие арктических территорий России на этой перспективной основе, достаточно много, они сложны и разнообразны. В этих условиях возрастает роль государственного управления Арктической зоной Российской Федерации.

Библиографический список

Бажутова Е.А. и др. Социально-экономическое развитие североарктических территорий России. – Апатиты, 2019.

Косарева И.Н., Самарина В.П. Особенности управления предприятием в условиях цифровизации // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. № 3.

Крюков В.А., Крюков Я.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Воронина Е.П. и др. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками. – Апатиты, 2020.

Липина С.А., Терешина М.В. Зеленые драйверы инновационного развития российской Арктики // Арктика: инновационные технологии, кадры, туризм. Материалы международной научно-практической конференции. – 2018.

Лукин Ю.Ф. Российская Арктика или Арктическая зона? // Арктика и Север, 2016. – Электронный ресурс: http://www.arcticandnorth.ru/news.php?ELEMENT_ID=233183.

Терешина М.В., Онищенко М.В. Устойчивое развитие региональных экономических систем: проблемы институциональной динамики // Экономика устойчивого развития. – 2014. – № 2 (18).

Самарина В.П. Проблемы внедрения информационно-коммуникационных технологий в современную российскую промышленность // Материалы XIX Отчетной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. – 2016.

Самарина В.П. Эффект декаплинга в экономическом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 2 (39).

Скуфьина Т. Перспективы развития севера России // Вопросы экономики. – 2010. – № 8.

Скуфьина Т.П., Торопушина Е.Е., Баранов С.В. Социально-экономическое развитие Сурманской области: динамика, закономерности, регулирование. – Апатиты, 2017.

Субботина Е.В., Самарина В.П. Формирование нового взгляда на проблемы рационального природопользования и охраны окружающей среды // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1.

ЦИФРОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО МИРА МОЛОДЕЖИ (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)⁴⁶

*И.В. Самаркина, Л.А. Шпиро,
В.В. Аничкина, Д.А. Бурлаков, А.В. Корниенко (Краснодар)*

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии затрагивают практически все аспекты человеческой жизни, в том числе все субъекты публичного управления и большинство населения государств взаимодействуют в цифровом публичном пространстве в такой же степени, как и в реальном публичном пространстве.

Российские ученые отмечают, что что цифровая среда для молодежи становится еще одним пространством, задающим профессиональные ориентиры, отношение к построению карьеры, представления о профессиональном будущем и продуктивных стратегиях поведения. При этом речь

⁴⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)»

идет как о формальных, целенаправленно создаваемых цифровых средах, так и о неформальных каналах цифровых коммуникаций (Бродовская и др., 2019).

Согласно М. Кастельсу, главной особенностью Интернет-пространства является его «открытость как с точки зрения технической архитектуры, так и социальной и институциональной организации» (Кастельс, 2004, 43). В связи с этим интернет-пространство имеет привлекательную для молодежи функцию свободных коммуникаций (Тарханова, 2014). Коммуникативное пространство Интернета дает возможность молодежи демонстрации своей повседневности, представленной интересами и ценностями, а также возможность построения коммуникаций и получения необходимой информации, взаимодействия с другими людьми и вовлечения в участие в реальных практиках публичного пространства.

В марте-апреле 2020 года авторами проводилось эмпирическое исследование в больших и крупных городах Краснодарского края (в докладе представлена его часть, касающаяся г. Краснодара, г. Армавира и г. Новороссийска) с тремя группами молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (школьники, студенты и работающая молодежь). Результаты исследования позволили охарактеризовать цифровое публичное пространство городов Краснодарского края как части жизненного мира молодежи (включая технологические и структурно-содержательные компоненты), определить модели цифровой включенности молодежи в цифровое публичное пространство.

Технологическая структура цифрового пространства города представлена комплексом информационных ресурсов, отражающихся в публичных социальных сетях, интернет-сайтах, мобильных мессенджерах, сетевых форумах. Содержательная структура определяется типами информационных ресурсов, составляющих цифровое пространство города. Они разделены на 2 блока: официальные ресурсы (официальные ресурсы органов государственной власти и учреждений, информационные сетевые СМИ); неофициальные ресурсы (информационно-рекреационные ресурсы, познавательные ресурсы, досугово-развлекательные ресурсы).

Цифровая включенность школьников г. Армавира в основном базируется на неофициальных ресурсах, в частности информационно-рекреационных ресурсах, расположенных в социальных сетях «ВКонтакте» и «Инстаграм». Среди различных официальных ресурсов цифрового публичного пространства города Армавира школьниками назван только официальный ресурс администрации города Армавира.

Для студенческой молодежи города Армавира источником информации о городе выступают также ресурсы Интернет-пространства, причем в

равной степени официальные и неофициальные. Кроме того, важным источником информации для студенческой молодежи являются поисковые системы.

Представители работающей молодежи отмечают как официальные, так и неофициальные ресурсы для получения информации о городе. Они также обращают внимание на личные коммуникации, в том числе в цифровом пространстве (через мессенджер «WhatsApp»).

Модель цифрового публичного пространства города Армавира представляет совокупность официальных и неофициальных ресурсов, а цифровая включенность в это пространство молодежи отмечается в большей степени как «потребителя» информации. Однако, факт того, что студенческая и школьная молодежь активно включены в общественно-политические практики позволяет нам говорить о том, что роль «преобразователя» в цифровом публичном пространстве также закреплена в городе Армави́ре.

Школьники города Новороссийска являются активными пользователями интернет-пространства, в частности они включены в различные социальные сети («ВКонтакте», «Instagram», «YouTube»). Использование данных платформ носит различный характер: информационно-рекреационный, познавательный, досугово-развлекательный.

Исследование цифровой включенности работающей молодежи города Новороссийска показало, что данная группа является активным пользователем как официальных, так и неофициальных ресурсов. Кроме того, в связи с профессиональной сферой деятельности дополнительным источником для них является информационная рассылка через электронную почту и мессенджер «WhatsApp». Кроме профильных ресурсов, необходимых для профессиональных целей, представители работающей молодежи включены в официальные страницы главы, администрации города Новороссийска, а также новостные паблики, информационно-рекреационные ресурсы.

Новороссийская модель цифрового публичного пространства представлена набором официальных и неофициальных информационных ресурсов, из которых школьникам больше интересны неофициальные ресурсы, а работающей молодежи – официальные, причем связанные с профилем их профессиональной деятельности. В рамках цифрового публичного пространства в основном молодежь выступает «потребителем» ресурсов.

Цифровая включенность школьников города Краснодара носит в основном развлекательный характер, лишь малое количество из них использует социальные сети и другие интернет-платформы для получения необходимой информации о городе и происходящих в нем событиях. То есть, несмотря на высокий уровень цифровой включенности (в частности «под-

писки» на большое количество пабликов в социальных сетях, ведение собственных страниц), на формирование ценностей и представлений о городе в большей степени влияет семья, школа, досуговые практики.

Для работающей молодежи основным источником получения информации о жизни города также являются паблики в социальных сетях. Чаще всего данной группой молодежи используется социальная сеть «Instagram». А представители студенческой молодежи отмечают, что наиболее распространено использование ими таких социальных сетей как «Instagram» и «ВКонтакте», меньше респондентов называет также «Facebook».

Стоит отметить, что большинство пабликов, названных молодыми людьми города Краснодара, являются неофициальными ресурсами. Интересно, что в отличие от представителей молодежи других исследуемых городов молодежь города Краснодара не включена в специфические паблики, базирующиеся на молодежном профиле, контент которых в большей степени направлен на вовлечение молодежи и других групп населения в общественную жизнь. Также никто из участников фокус-группы не упоминал официальные ресурсы в социальных сетях органов муниципальной власти.

Мы видим, что в рамках цифрового публичного пространства города Краснодара, формируются две разные модели цифровой включенности молодежи. Так, одни выступают исключительно как «потребители» информации, другие выступают в рамках гибридной модели «потребитель-преобразователь», причем в обоих случаях цифровое публичное пространство представлено неофициальными ресурсами.

Таким образом, в рамках цифрового публичного пространства городов Краснодарского края в целом формируются схожие модели цифровой включенности молодежи. Однако, внутри исследуемых городов мы видим отличия в рамках различных групп молодежи, что связано с субъектной позицией молодых людей, мотивацией к участию в общественно-политических практиках, открытостью муниципальной власти, что особенно отражается в кейсе г. Новороссийска.

Библиографический список

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А. Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) // Ценности и смыслы. – 2019. – № 2 (60). – С. 76–104.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитова. – Екатеринбург, 2004. – С. 43

Тарханова И.Ю. Социализация молодежи средствами интернет-коммуникаций // Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – №4. – С. 169–171.

ТЕХНОПОЛИТИКА ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ: ИСПАНСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ КЕЙСЫ⁴⁷

С.А. Сергеев, С.В. Кузьмина (Казань)

Феномен левого радикализма не является чем-то новым и исключительным в современной политической жизни. Первоначально левыми радикалами называли практически любые левые организации и группы, склонные к решительным и насильственным действиям, позже, после второй мировой войны и особенно в 1960-е гг., термин стал использоваться для характеристики левых партий и групп, не являющихся коммунистами, но настроенных революционно («новые левые»). В начале XXI в. левыми радикалами именуют неоднородную группу партий и движений, находящихся слева от социал-демократии и критикующих политические и экономические структуры современного неолиберального капитализма.

В 2012 г. Л. Марч выделил среди современных западноевропейских левых радикалов четыре группы (коммунисты, демократические социалисты, популистские социалистические партии и социалистические популисты, причем последняя группа была весьма неопределенной и размытой) (March, 2012, 35-39). Но как раз в 2012 – 2019 гг. в трех странах Западной Европы – Греции, Испании и Франции – три левые радикальные партии (называемые также левыми популистскими партиями) совершили стремительный политический и электоральный спурт. Это Коалиция радикальных левых (СИРИЗА) в Греции, партия «Подemos» («Мы вместе») в Испании и «Непокоренная Франция».

Отказавшись от узкоклассового подхода, лидеры этих партий обратились к конструированию «нового народного большинства», опираясь на поддержку движений социального протеста.

Важной особенностью социальных движений, из которых выросли «Подemos» и «СИРИЗА», было то, что они могли использовать и использовали Интернет 2.0 (Duval, 2010, 121). Собственно, протестный цикл 2010 – 2012 гг. и характеризуется использованием средств коммуникации Web 2.0. Он отличается наличием открытых веб-платформ, вики, блогов и социаль-

⁴⁷ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007 – 2018 гг.: сравнительный анализ»

ных сетей, где люди могут напрямую сотрудничать и поддерживать диалог. В центре этой инновации находится новый социальный тип «индивида, погруженного в сеть», который участвует во множестве сетей и поддерживает плоские иерархии и слабые обязательства. Этот социальный тип объединился с «выпускником без будущего», который не может найти достойную работу и чья культура молода, массова и транснациональна (Kiourkiolis, 2019, 174). Web 2.0 способствует «слабым связям», свободным коалициям, экспериментальным сообществам, множеству идентичностей, а также стимулирует сотрудничество и стремление к свободе.

Проект «Подemos» был «запущен» по инициативе профессора Департамента политики Мадридского университета Комплутенсе Пабло Иглесиаса и связанной с ним группы интеллектуалов и активистов. Социальные медиа и новые цифровые технологии широко использовались уже активистами Движения 15М. Организаторы Подemos продолжили и расширили свое участие в цифровых технологиях, инициировав создание собственных платформ и технологий («Plaza Podemos»), с помощью которых тысячи членов партии вносить свои предложения, обсуждать их и голосовать. Приняв новое программное обеспечение для анонимного онлайн-голосования (Agora Voting), тысячи людей смогли принять участие в праймериз Подemos на европейских выборах в мае 2014 года и в Гражданском собрании в ноябре 2014 года, которое определило структуру партии. Тем самым Подemos создал «машину политической коммуникации», которая формирует общественное мнение, увеличивая свое влияние через разрозненные сети и тысячи связей (Kiourkiolis, 2020, 142).

Технопопулизм имел и свои негативные стороны. Членство в партии может расширяться посредством цифровых сетей, привлекающих массу «виртуальных» членов и «клик-активистов», но эти «виртуальные члены» отделены от партийных активистов и организованных низовых групп. Такие цифровые подписчики, как правило, минимально вовлечены в партийную политику и дебаты, но они все еще участвуют посредством онлайн-голосования, тем самым подтверждая выбор лидеров и наделяя их подобием плебисцитарной демократической легитимности (Kiourkiolis, 2020, 146).

Одержав победу в партии, руководство «Подemos» не смогло достичь своей цели – обойти ИСРП по количеству голосов. Более того, после первых успехов в 2015-2016 гг. к 2019 г. электорат «Подemos» значительно сократился – с 21,2 % до 12,86 %, уменьшившись почти на два миллиона избирателей (Consulta de resultados...). Это объясняется как постепенной бюрократизацией «Подemos», выстраиванием иерархической партийной

структуры, так и снижением радикальности партийного дискурса, утратой партией ауры новизны и привлекательности (Kiouпкиolis, 2020, 144).

Схожие инновации были введены и лидером «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшоном. Программа «Непокоренной Франции» «Общее будущее» (*L'Avenir en commun...*) была принята на съезде партии в Лилле в октябре 2016 г. 77 тысячами сторонников партии. Присутствие партии в Интернете достигается с помощью различных веб-сайтов и социальных сетей, в частности дискуссионного форума Discord, который, согласно данным, опубликованным в ходе кампании 2017 г., имеет около 270 000 сторонников. Платформа использовалась для интернет-голосования 243 000 сторонников «Непокоренной Франции» до президентских выборов, чтобы принять решение об одобрении стратегии партии (Ivaldi, 2018, 37). Массовое участие сочетается с персоналистским, плебисцитарным стилем политического лидерства Меланшона (Marlière, 2020, 107). Так, по его решению участвовать в президентских выборах голосование среди сторонников не проводилось.

Таким образом, новые левые популистские партии Западной Европы активно обращаются к новым средствам политической коммуникации, чтобы расширить свое влияние. Однако использование цифровых технологий для осуществления прямой демократии приходит в противоречие с намерением (а иногда и необходимостью) для лидеров принимать самостоятельные решения, которые могут быть не поняты и поддержаны большинством сторонников, а также персоналистским стилем лидерства.

Библиографический список

Consulta de resultados electorales. Ministerio del Interior. Congreso. Noviembre 2019. URL: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html>

Duval J. Next Generation Democracy: What the Open-Source Revolution Means for Power, Politics and Change. N.Y.: Bloomsbury Publ., 2010. 272 p.

Ivaldi G. Populism in France / Populism around the world: A Comparative Perspective. Ed. by D. Stockemer. Cham: Springer, 2018. P.27-48.

Kiouпкиolis A. Populism 2.0: new movements to progressive populism / The Populist Radical Left in Europe. Ed. by G. Katsambekis, A. Kiouпкиolis. Abingdon & N.Y.: Routledge, 2019. P. 168-193.

Kiouпкиolis A. New left populism contesting and taking power: the cases of SYRIZA and Podemos / A. Kiouпкиolis, G. Katsambekis // Left radicalism and populism in Europe. Ed. by G. Charalambous, G. Ioannou. Abingdon & N.Y.: Routledge, 2020. P.129-155.

L'Avenir en commun, de la programme de la France Insoumise. URL: <https://laec.fr/sommaire>.

March, L. *Radical left parties in contemporary Europe*. Basingstoke: Routledge. 2012. 274 p.

Marlière Ph. Jean-Luc Melenchon and La France Insoumise. *The manufacturing of populism / Left radicalism and populism in Europe*. Ed. by G. Charalambous, G. Ioannou. Abingdon & N.Y.: Routledge, 2020. P.93-112.

БИЗНЕС КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

У.И. Сересова (Москва)

Вопросы участия негосударственных акторов в публичной политике актуализируются как в научной дискуссии, так и в повседневной практике.

Настоящая работа посвящена ответу на вопросы о том, 1) как интерпретируется корпоративная социальная ответственность (КСО) в предметном поле публичной политики, 2) как меняются практики КСО в условиях цифровизации современного общества, 3) как компании описывают свою корпоративную социальную политику с позиций устойчивого развития.

Публичная политика рассматривается в классических работах с точки зрения деятельности государства «в свете важнейших общественных проблем» (Nelson, 1996, 554). Сегодня публичную политику определяют как «организованную деятельность публичных акторов ... для решения общественных проблем» (Сморгунов, 2018, 15). К числу публичных акторов – кроме государства, политических партий, общественных организаций – относится и бизнес.

КСО, будучи многозначным феноменом, анализируется с позиций нескольких подходов – инструментального, политического, интегративного и этического (Gariga, Mele, 2004, 51-71). Первый подход – менджерский – рассматривает КСО как инструмент получения конкурентных преимуществ на рынке, получения прибыли в дальнейшем, улучшение маркетинговых показателей и т.п. С этой позиции рассматриваются вопросы планирования и прогнозирования, а также выделения отдельных направлений социальной деятельности компании. Примером такой интерпретации КСО будет стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности», где КСО рассматривается как сумма семи слагаемых: ответственности в управлении организацией; соблюдения прав человека; добропорядочных трудовых практик; экологической ответственности; добросовестных деловых практик; соблюдения прав потребителей; участия в жизни сообществ (ISO 26000:2010). Российский вариант понимания КСО включает:

производство качественных товаров и услуг; ответственность в отношении работников; соблюдение законодательства и этики; эффективность; развитие местного сообщества (Доклад, 2004).

Политический подход к интерпретации КСО фокусирует внимание на «общественном договоре» между бизнесом и обществом, который предполагает гражданское участие корпораций и определенный вклад в функционирование современных западных социальных государств (Gariga, Mele, 2004, 55-57). Феномен корпоративного гражданства можно описать как «стратегию бизнеса по взаимодействию с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «гражданина», полноправного участника такого развития» (Перегудов, 2008, 34).

Таким образом, бизнес за счет своих практик КСО становится полноправным субъектом управления социальной сферой в рамках публичной политики.

Сутью современной публичной политики становится политика устойчивого развития, а цифровизация – основным ресурсом, обеспечивающим функционирование сетевой публичной политики как теоретической модели (Сморгунов, 2018, 250-340) и как ее практической реализации.

Как государства в пределах государственной социальной политики, так и коммерческие организации в рамках своих стратегий КСО декларируют ориентацию на достижение целей устойчивого развития ООН (Transforming our world...) и диджитализацию как один из ее способов.

К цифровому сегменту практик КСО можно отнести: сбор и распространение информации через Интернет, меры по обеспечению доступности Интернета, обучение цифровым технологиям всех и представителей социально уязвимых слоев населения в особенности, использование технологических инноваций (Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект) в целях благотворительности и т.п. (Кулькова, 2019, 32-34).

Ассоциация менеджеров России с 2004 г. выпускает доклады о социальных инвестициях в России. Доклад 2019 г. впервые отдельным разделом выносит анализ практик КСО российских компаний с позиций их соответствия Целям устойчивого развития (ЦУР) ООН (Transforming our world...). Авторы подчеркивают, что у бизнеса «возникает необходимость поиска и реализации новых возможностей ведения бизнеса, ассоциируемых с «корпоративной устойчивостью 3.0» (Доклад 2019, 35), и поэтому компании переориентируют свою корпоративную социальную деятельность на ЦУР ООН. По данным этого же исследования, 87% организаций среди целей своей КСО называют ряд направлений, соответствующих ЦУР ООН. Сре-

ди них ЦУР-3 «Хорошее здоровье и благополучие» и ЦУР-8 «Достойная работа и экономический рост» (по 79%); ЦУР-4 «Качественное образование» (77%); ЦУР-17 «Партнерство в интересах устойчивого развития (74%)» и «Ответственное потребление и производство» (72%)» (Доклад 2019, 37).

Приведем примеры практик КСО организаций цифровой отрасли, соответствующих ЦУР ООН, а также других отраслей – но с использованием ИТ-инструментов. Отчет о конкурсе «Лидеры корпоративной благотворительности – 2019» (Все о лидерах, 2019) позволяет проанализировать наиболее крупные социальные проекты российского бизнеса. Цели устойчивого развития – 5 («гендерное равенство») – соответствуют два цифровых проекта: проект компании IBM Россия/СНГ «Girls and IT», направленный на поддержку школьниц и студенток в изучении точных наук (STEM), и программа «Статус: Онлайн» компании «Филипп Моррис Интернейшнл», включающая обучение компьютерной и финансовой грамотности пожилых и дополнительное профессиональное образование для женщин в декретном отпуске. Проект «ИТ ШКОЛА SAMSUNG» по углубленному изучению основ ИТ и программированию мобильных приложений направлен на устойчивое развитие как бизнеса, так и территорий его присутствия. Проект «Digital-платформа для развития талантов «Поколение М» ПАО «МТС», основан на таких целях устойчивого развития, как достижение качественного образования, сокращение неравенства, укрепление социального партнерства, содействие благополучию и обеспечение здорового образа жизни.

Бизнес пересматривает свои социальные функции и переходит от традиционной благотворительности к профессиональному пониманию КСО и устойчивого развития. Цифровизация становится ресурсом развития КСО, а также повышает доступность всего многообразия социальных услуг для населения. Феномен корпоративного гражданства позволяет рассматривать бизнес в качестве субъекта публичной политики наряду с социальным государством.

Библиографический список

Всё о лидерах 2019: по материалам проектов «Лидеры корпоративной благотворительности в парадигме устойчивого развития – 2019» и «Репозиторий лучших практик и кейсов в сфере институциональной благотворительной и добровольческой деятельности». – М., 2019.

Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 г. – М., 2004.

Доклад о социальных инвестициях в России за 2019 г. – М., 2020.

ИСО 26000 Социальная ответственность: международный стандарт. Режим доступа: <https://www.iso.org/ru/iso-26000-social-responsibility.html>

Кулькова В.Ю. Корпоративная социальная ответственность предпринимательских структур в условиях цифровизации экономики // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 5 (24). – С. 30-34.

Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М., 2008.

Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. – М., 2018.

Gariga E., Mele D. Corporate Social Responsibility Theories: Mapping the Territory Journal of Business Ethics. 2004. № 53. P. 51–71.

Nelson B. J. Public Policy and Administration: an overview // a New Handbook of political Science. Oxford University Press, UK, 1996.

Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformourworld>.

РОЛЬ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Н. Сичак (Краснодар)

Цифровизация политической сферы обсуждается заседание 3 года в аспекте создания и применения новых политико-управленческих практик в работе политических партий, государственных органов и общественных организаций, выступая фактором новой политической институционализации. Цифровизация партийной деятельности имеет ряд особенностей. Сразу отметим, что стоит разделять электронные информационно-коммуникативные инструменты (социальные сети, мессенджеры и видео хостинги) и цифровой инструментарий, позволяющий организовывать практическую деятельность работы структурных подразделений партии.

Примером внутрипартийной цифровой организации можно считать деятельность партии «Единая Россия». Так, 31 августа 2018 года правящей партией была создана рабочая группа «Цифровая партия» (Генсовет утвердил...), в рамках которой были рассмотрены предложения по цифровизации партийных институтов, позволяющих партии стать более мобильной и оперативно отвечающей на запросы граждан, сделать ее работу более транспарентной.

Одной из ключевых идей данного проекта являлось «создание защищенной платформы партии в интернете». Важными элементами проекта партийной цифровой платформы стали: «электронный членский билет»; верификация пользователей «Единого портала Партии» через систему «Госуслуги» с внедрением опции внутрипартийного голосования (Рабочая

группа...); разработка и внедрение мобильного приложения партии; размещение и систематизация в «Едином портале Партии» значимых партийных проектов; создание партийного мессенджера.

Примером внутрипартийного голосования в новом формате стали электронные праймериз «Единой России» 21-31 мая 2020 г. В голосовании приняли участие 973 тыс. избирателей-членов партии. (Электронное...).

Что же касается других парламентских политических партий, то, по сравнению с ЕР, в их деятельности не прослеживается широкого внедрения новых цифровых технологий в аспекте организации деятельности партийных структур. На сегодняшний день партии используют уже ставшие традиционными информационно-коммуникативные инструменты: партийные каналы в YouTube, социальные сети и мессенджеры. К примеру, КПРФ развивала свою активность посредством проведения мероприятий в формате видео конференций в условиях пандемии, а внедрение электронных систем голосования в принципе в руководстве партии сравнивают с «электронным концлагерем» указывая на риск массовых фальсификаций на выборах (Сергей Обухов...).

Интересным проектом ЛДПР в контексте цифровизации можно назвать идею проведения первого «согласованного партийного онлайн-митинга» в «Яндекс.Навигаторе» (25 апреля...). Также 1 мая 2020 г. ЛДПР и КПРФ провели свои отдельные онлайн-митинги в формате прямой трансляции, в ходе которых лидеры партий выступали с праздничными поздравлениями. Что касается какой-либо цифровизации внутренней структуры партии по типу ЕР или проведения внутренних электронных праймериз – на текущий период данные о возможных подобных партийных проектах КПРФ, ЛДПР и «эсеров» отсутствуют.

Цифровизацию партийных институтов можно условно разделить на два направления, которые стоит раскрыть подробнее:

Использование политическими партиями традиционных информационно-коммуникационных площадок, распространившихся с начала развития российского сегмента сети «Интернет».

Разработка партиями и группами активистов собственных цифровых платформ и применение электронных технологий в партийном строительстве. Фактическое создание цифрового института партийных праймериз, на наш взгляд, стало началом нового этапа партийной деятельности. Разработанная и адаптированная технология в обозримом будущем приведет к формированию либо принципиально новых цифровых партийных структур, либо максимально модифицирует уже существующие. Потенциал цифровизации заключается в создании более транспарентных партийных

институтов, предполагающих расширение политического участия граждан в партийных проектах.

Безусловно, два вышеуказанных направления тесно пересекаются друг с другом и образуют в целом цифровой уровень современной партийной системы. Однако на сегодняшний день не все парламентские политические партии успели приспособиться к новым условиям, поскольку готовили свои структуры к участию в сентябрьских выборах 2020 г. без учета возможности резкого перехода в полный организационный онлайн-режим деятельности. Исключением является правящая партия, поскольку проект ее цифровизации разрабатывался и внедрялся с 2018 г.

В этой связи, для партий, представляющих оппозицию, опыт ЕР является серьезным материалом для анализа и разработки своих фундаментальных партийных цифровых проектов, использование которых будет являться для них одним из факторов политической конкурентоспособности в будущем. Отметим некоторые направления, которые могли бы задействовать оппозиционные парламентские партии в цифровизации собственных структур:

– Привлечение профильных специалистов для анализа работы новой электронной системы голосования на выборах и выработки предложений по способам наблюдения за ходом цифрового голосования. Помимо традиционных методов обеспечения наблюдения на «оффлайновых» избирательных участках, политические партии должны предложить меры по цифровому контролю электронного голосования. Также, с привлечением специалистов из сферы IT-технологий, партийным менеджерам предстоит конструктивно оценить риски уязвимости электронной системы голосования от внешних и внутренних факторов. Под внешними факторами в данном случае имеется ввиду возможность хакерских атак, а под внутренними – перегруз системы от возможного большого наплыва пользователей (голосующих) и т.д.

– Обновление партийных сайтов, с целью повышения их информативности и продуктивной, работы включающее в себя создание системы рейтинга членов и сторонников по аналогу ЕР, разработку электронной дорожной карты избирательных округов с подробным описанием количества избирателей и активистов, актуальных проблем, а также определения местных лидеров общественного мнения, которых возможно привлечь к партийной работе. На основе анализа ситуации в каждом отдельном округе необходимо разработать стратегию, в рамках которой партии будут работать в округах. Таким образом, сайты политических партий должны стать «об-

щим местом» для членов, сторонников и активистов, куда будет стекаться и комплексно обрабатываться вся необходимая для работы информация.

– Обеспечение горизонтальной коммуникации региональных отделений партий для обмена опытом, выработки неких общих алгоритмов онлайн-деятельности региональных структур как в периоды подготовки к выборам, так и в межвыборные периоды.

Вышеописанные меры в условиях цифровизации политических институтов и электоральных процессов представляют для партий стратегическую важность, поскольку будут определять эффективность их работы в обозримом будущем.

Библиографический список

25 апреля в России впервые состоится онлайн-митинг ЛДПР. Режим доступа: <https://ldpr.ru/event/84071>

Генсовет утвердил состав рабочей группы «Цифровая Партия». Режим доступа: <https://fedpress.ru/news/77/policy/2121853>

Рабочая группа «Цифровая Партия» утвердила «дорожную карту» на 2019 год. Режим доступа: <https://er.ru/news/176600/>

Сергей Обухов о «цифровом концлагере» единороссов, про «вбросы» о досрочных думских выборах и обострение ситуации в Иркутской области. Режим доступа: <https://kprf.ru/ros crisis/194669.html>

Электронное предварительное голосование 25 мая 2020 – 31 мая 2020. Режим доступа: <https://pg.er.ru>

ЦИФРОВЫЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ⁴⁸

А.С. Славянов (Москва)

В период карантинных ограничений исключительное значение приобретают цифровые сервисы, активно трансформируя те сферы экономической жизни, в которых до недавнего времени уверенно лидировал офф-лайн формат. Опыт индустриально развитых стран показывает, что высокая концентрация человеческого и финансового капитала может дать экономической системе мощный импульс в развитии. Большинство мер поддержки инвестиционных процессов, при-

⁴⁸ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ в рамках проекта №20-010-00350 «Методология и организационный механизм формирования сбалансированной системы инвестиционной поддержки всех стадий инновационного цикла, включая фундаментальные исследования и прикладные разработки, освоение и продвижение на рынке новых продуктов, услуг и технологий»

нимавшихся в последние годы, ставили целью поощрение, упрощение и либерализацию инвестиций. Одним из таких успешных и известных инновационных кластеров стала «Кремниевая долина», представляющая собой комплекс, состоящий из высокотехнологичных компаний, ведущих университетов и центров финансирования (Saxenian, 1991). В регионе имеет место высокая плотность компаний высокотехнологичного сектора экономики, связанных с проектированием и производством компьютерной техники, периферийных устройств, а также компонентов электронных приборов, средств связи, программного обеспечения и др. Наличие в непосредственной близости таких престижных учебных заведений, как Университет Сан-Хосе, Университет Санта-Клары, Стэнфордский университет и др. дает компаниям возможность получить квалифицированную рабочую силу, а выпускникам и студентам высокооплачиваемую работу в перспективных компаниях.

Успех инновационного кластера объясняется не только высокой концентрацией человеческого, но и финансового капитала в регионе с относительно невысокими налоговыми ставками. Для обеспечения инвестиционной поддержки инновационного процесса в регионе функционирует банковская сеть, финансовых и юридических компаний, что формирует привлекательную среду для инвесторов и разработчиков новых технологий со всего мира.

Основным инструментом финансирования начальных стадий инновационного процесса до недавнего времени были венчурные компании, для которых принятие решения о финансировании того или иного проекта является основной проблемой. Согласно исследованиям, проведенным Стэнфордским университетом, венчурный капиталист отбирает для финансирования один проект из сотни заявок (Gompers, 2016), среди которых оказываются довольно перспективные идеи и предложения. Сомнения инвестора в успехе проекта в ряде случаев объясняются недостатком информации как о направлении исследований, так и о уровне квалификации исполнителей. Кроме того, персонал фонда должен обладать достаточно высоким уровнем компетенции в разных областях знаний для принятия решения по инвестированию того или иного проекта, что требует значительных затрат по его содержанию. Таким образом, нежелание венчурного капиталиста рисковать с одной стороны и неосведомленность исследователей и разработчиков в требованиях инвестора с другой, приводят к излишним и нежелательным транзакционным издержкам.

В настоящее время преимущества инновационного кластера, основанные на сосредоточении в одном регионе человеческого и финансового капитала, начинают «таять». В Кремниевой долине наблюдается так называемый «перегрев», вызванный притоком компаний и трудовых мигрантов, который спровоцировал рост цен на ряд продуктов и услуг, в частности заметно выросла стоимость аренды жилых и офисных помещений, складских и производственных площадей, существенно выросла нагрузка на транспортную и социальную инфраструктуру, а это значительно снизило привлекательность агломерации. По данным социологического исследования, проведенным изданием *The Economist*, в ближайшее время Кремниевую долину собираются покинуть почти половина (46%) ее жителей. С начала 2020 г. аналитиками *Bloomberg* также отмечается значительное снижение объемов привлекаемых инвестиций и стоимость реализованных на рынке высоких технологий проектов (стартапов). Эти признаки указывают на неизбежное затухание инвестиционной и инновационной активности в регионе.

Примечательным является то, что важнейшим фактором этого процесса являются те прорывные технические решения в сфере информационных технологий, которые были разработаны и получены как раз исследовательскими организациями Кремниевой долины. Миниатюризация электронных приборов и комплектующих для компьютеров и устройств обеспечила доступность информации практически для каждого члена общества, а развитие информационных технологий сделало необязательными физические контакты между инвесторами и разработчиками. Эти факторы способствовали оттоку капитала и ряда компаний в другие, более уютные для ведения инновационного бизнеса места.

Разработанные технологии цифровой подписи позволяют подтвердить авторство документа и дают участникам инвестиционного процесса возможность совершения сделок и трансакций без посещения финансовых организаций. Это означает, что исследователь может рассчитывать на поддержку венчурной компании, банка или иной финансовой организации из других регионов или стран без физических контактов.

Недостатки венчурного финансирования способствовали появлению альтернативных методов и форм инвестирования (Butcher, 2010), в частности, создаются интернет-сообщества по сбору средств, которые способны противостоять доминированию олигархического

капитала (Hippel, 2005). Развитие информационных технологий привело к появлению таких инструментов финансирования инновационных проектов, как ICO (Initial Coin Offering – первичное предложение токенов) и IEO (Initial Exchange Offerings – первичное биржевое размещение), посредством которых появилась возможность привлекать инвестиции множества частных инвесторов (Pietro, 2020). Классическим венчурным компаниям уже составляют конкуренцию проекты финансирования на базе краудфандинговых платформ.

Информационные технологии, получившие свое развитие в текущее десятилетие, позволили не только избежать катастрофических провалов потребительских и финансовых рынков, но и стимулировали дальнейшие исследования и разработки в этой сфере. Цифровизация инвестиционной поддержки начальных стадий инновационного процесса не только позволила снизить транзакционные издержки, связанные с заключением контрактов, но изменила модель развития, исключив из нее необходимость физических контактов между исследователями, разработчиками и инвесторами.

Библиографический список

Bloomberg. Only 44 Startups In Silicon Valley Got Funded Last Month / Bloomberg, April 21, 2020. Режим доступа: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-21/only-44-startups-in-silicon-valley-got-funded-last-month?utm_source=url_link

Butcher M. Grow V. Launches, aiming to become the Kiva for tech startups // Techcrunch, 2010.

Francesca Di Pietro Crowdfunding for Entrepreneurs: Developing Strategic Advantage through Entrepreneurial Finance, Routledge, 2020.

Gompers P., Gornall W., Kaplan S., Strebulaev I. How Do Venture Capitalists Make Decisions? // Stanford University Graduate School of Business Research Paper No. 16-33 European Corporate Governance Institute (ECGI). 2016. Finance Working Paper № 477/2016

Saxenian A.L. The origins and dynamics of production networks in Silicon Valley // Research policy. 1991. Т. 20. №. 5. P. 423–437

The Economist. Why Startups Are Leaving Silicon Valley / The Economist, Aug 30, 2018. Режим доступа: https://medium.com/@the_economist/why-startups-are-leaving-silicon-valley-64e2bc8ed1a8

Von Hippel E. Democratizing innovation. MIT press, 2005.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ «ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ⁴⁹

В.Б. Слатинов (Курск)

В числе важнейших государственных способностей, которые необходимы для стран с переходной экономикой, является умение продуцировать технологические, хозяйственные и организационные инновации. Для решения данной задачи разрабатываются и реализуются институциональные проекты, направленные на стимулирование экономического роста и нововведений в хозяйственном развитии. Центральным субъектом, иницилирующим создание структурных и институциональных условий развития, является государство – оно это делает посредством производства общественных благ, стимулирования разработок новых технологий, вложений и научных проекты, и систему образования (Публичная политика, 2018, 133). В ситуации, когда государство выступает как активный субъект модернизации, оно становится «государством развития» с набором соответствующих способностей и институциональных инструментов.

Опыт модернизации различных стран (прошедших как «органическую», так и «догоняющую» ее разновидности) показывает, что успешность идеи развития с политической точки зрения связана с комбинацией трех базовых институтов – государства, главенства закона и механизмов представительства (Фукуяма, 2017, 47). Наличие «сильного государства» с компетентной и автономной бюрократией, сформированной в соответствии с «веберовскими» принципами – ключевое условие успешности «политики развития», присущее как «западноевропейской», так и «восточноазиатской» ее моделям, различающимся в характеристиках координации действий бюрократических аппаратов, а также их взаимоотношениях с предпринимателями (Публичная политика, 2018, 136). Верховенство закона – необходимое условие для защиты прав собственности и исполнения контрактов, кроме того, фактор ограничения самой власти с точки зрения защиты прав граждан и хозяйствующих субъектов. Успешность «проекта развития» обусловлена наличием политико-правового режима если не верховенства пра-

⁴⁹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-29-07024 мк «Комплексное исследование человеческого капитала Центрально-Черноземного экономического района в территориальном, отраслевом и историческом разрезах для разработки научных рекомендаций в целях повышения инновационного развития экономики и конкурентоспособности региона»

ва, то хотя бы «правления по закону» – когда институционализированные правила соблюдаются в общественных отношениях, правда, не ограничивают в полной мере верховную власть (Фукуяма, 2017, 31).

Третьим базовым условием формирования способностей государств к развитию является наличие «механизмов представительства». Под «представительством» Ф. Фукуяма понимает (в аристотелевской традиции) следование правительством принципу общего блага (приоритет интересов общества в целом). При этом он делает оговорку, что структурные интерпретации «представительства» могут быть разными – от «процессуальной представительности» (регулярное проведение свободных и справедливых многопартийных выборов) до «субстанционального представительства» (Фукуяма, 2017, 32), когда «правители могут учитывать интересы общества в целом, не прибегая к процессуальному представительству» (что означает фактически признание в качестве одного из вариантов модернизации модели «просвещенного авторитаризма»).

Выделение Ф. Фукуямой трех политических компонентов успешности модернизации (сильное государство, верховенство закона, представительство) и указание на различные институциональные вариации их комбинаций, приводящие к формированию условий для развития – как в формате либеральных демократий, так и в других версиях политического устройства, позволяет более широко взглянуть на влияние процессов цифровизации государственного управления на формирование способностей государства к осуществлению политики роста и развития.

С точки зрения «качества» государства цифровизация публичного управления и автоматизация решений ведут к снижению издержек на административный персонал и повышению эффективности принимаемых решений. Цифровизация позволяет кардинально повысить эффективность и доступность государственных услуг, снизить риски в управлении. При помощи цифровизации управляющие субъекты серьезным образом снижают неполноту информации при принятии решений. В сфере функционирования «государства развития» можно выделить следующие основные направления цифровизации публичного управления: организация и координация работы аппарата и найм персонала с использованием цифровых технологий, коммуникация государства и граждан, взаимодействие государства и бизнеса.

Как отмечено в рекомендациях Совета ОЭСР по разработке стратегий цифрового правительства, феномен цифровой трансформации в государственном управлении рассматривается как переход от «электронного правительства» к «цифровому правительству»: то есть

переход от использования технологий для поддержки процессов в органах власти к использованию технологий для формирования результатов государственного управления. В указанных условиях становится возможным формирование полноценной системы, состоящей из органов государственного управления, бизнес-структур, граждан и организаций, в которой цифровое правительство выступает в качестве связующего звена, обеспечивая взаимодействие между указанными элементами (Сидоренко, Барциц, Хисамова, 2019, 94).

Внедрение технологий цифровизации государственного управления является, в том числе, политическим проектом, поскольку тесно связано с трансформацией управленческих практик, затрагивает сложную систему властных отношений и ведет к перераспределению баланса власти.

Цифровизация является катализатором административных реформ на общенациональном и региональном уровнях, при этом, подобные реформы требуют большего, чем просто создание соответствующей инфраструктуры и реорганизации рабочих процессов в системе публичной власти. Необходима институциональная трансформация, являющаяся частью модернизации системы правления, в центре которой – активизация политического участия, понимаемого и как увеличение количества людей, вовлеченных в политический процесс, и как обогащение опыта участия – усиление чувства сопричастности граждан, а также значимости, результативности и эффективности их совместных действий

Применение ИКТ в государственном управлении проходит пять стадий – возникающее веб-присутствие, продвинутое веб-присутствие, интерактивное веб-присутствие, транзакционное веб-присутствие, полностью интегрированное веб-присутствие (Сморгунов, 2007, 30-31). Анализ сегодняшнего уровня развития ИТ-технологий в органах государственной власти России позволяет говорить об уровне транзакционного веб-присутствия с акцентом на оказание государственных услуг, упрощение взаимодействия граждан и организаций с органами публичной власти, усиление координации публичных структур, связанных с оправлением государственных функций. Иначе говоря, характер цифровизации системы публичного управления ориентирован на преодоление барьеров времени, расстояния и структур с ориентацией на предоставление субъектам общественной жизни информации и услуг – когда и где они захотят. Акцент на услугах, пользе информации и технических возможностях цифровизации реализуется в определенном социально-политическом контексте, когда доминирующие политические силы адаптируют новые средства и технологии к «привычной политике». Методологически такой подход сохраняет технократическо-

менеджерияльную ориентацию процессов цифровизации – это касается и федеральных, и региональных практик российского публичного управления, а также приоритетов цифровизации, отраженных в национальных проектах.

Доминирование в современных практиках и декларируемых приоритетах цифровизации государственного управления на федеральном и региональном уровнях менеджерияльных подходов порождает ряд вызовов, среди которых – акцент на технократичность в ущерб публичности, ориентация консюмеризм, преобладание установки на информацию, ее хранение, распространение и использование в правительственных порталах. Публичная природа государственного управления умаляется и учитывается, преимущественно в технократическом ключе - в организации обратной связи с гражданами и организациями в формате «корректирующей политики» и «инцидент-менеджмента». Альтернативой видится переформатирование политики цифровизации органов публичной власти в сторону формирования «электронного правления» с приоритетом общественного и политического участия, ориентацией на публичные ценности и подотчетность.

Библиографический список

- Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. – М., 2018.
- Сидоренко Э.Л., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 2. – С. 93-113.
- Сморгунов Л.В. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 20-48.
- Фукуяма Ф. Упадок государственного порядка. – М., 2017.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

К.А. Смольникова (Краснодар)

С внедрением глобальной цифровизации в систему политических отношений, политические институты вступили в фазу активной трансформации. Цифровизация обеспечила возможность представления интересов различных социальных групп вне зависимости от их места нахождения, возраста, дохода и проч., это стало ключевым фактором формирования новой идентичности, в которой преобладают новые способы выражения, имеющие свою уникальную специфику.

В поле политической науки концепция гражданственности включает в себя формирование механизма эффективной коммуникации между властью и обществом, который способствует развитию системы государственного управления (Никовская, 2017, 145). Гражданская активность, благодаря современным технологиям медиатизации, приобретает новые формы выражения. Молодое поколение, как носитель нового типа идентичности – цифрового (Соловьева, 2018, 125) выступает проводником новых практик и является наиболее активным участником гражданского волеизъявления. В силу антропологических характеристик, молодежь наиболее подвержена влиянию дестабилизационных процессов и протестных настроений.

Результаты опросов Фонда общественного мнения, проводимых в сентябре 2020 г., демонстрируют уровень общественного недовольства и возмущения на уровне 35% опрошенных, 52% заявили о том, что в их окружении критикуют политику, осуществляемую Правительством. (Фонд...). Обращаясь к данным опросов «Левада-Центра», мы видим, что наибольшую готовность принять участие в протестных движениях выказывают граждане в возрасте от 16-ти до 34-х лет (Левада-Центр...).

Деструктивная активность молодежи в поле политической науки характеризуется как качественное выражение социальной напряженности (Баранова, 2012, 144). Характерным отличием молодежного протеста предстает то, что он направлен на борьбу с последствиями принятых решений, а не на их источник возникновения. В связи с высоким уровнем вовлеченности молодого поколения в сетевое пространство, целесообразно рассматривать виртуальное пространство как поле формирования гражданских инициатив.

Принципиально новыми практиками деструктивной гражданской активности в цифровом пространстве выступают:

- политическая мобилизация – формирование протестных движений с использованием социальных сетей. На тематических площадках создается атмосфера для организации групп интересов, с помощью манипулятивных технологий насаждается клиповое мышление, политическая ангажированность. На следующем этапе участников сообществ стимулируют на уличные протестные действия, после завершения которых работа по поддержанию деструктивных настроений продолжается в рамках цифрового пространства;

- теория «умной толпы», позволяющая в короткий временной промежуток собирать и координировать посредством социальных сетей большие группы людей, зачастую данная практика реализуется в рамках флеш-мобов;

– социальный перформанс. В рамках сетевой группы (паблика, движения, партии) с помощью внедрения социальных акторов – агентов, внедряющих ценности и установки, происходит сакрализация протестного движения и популяризация деструктивных идеологий.

Вышеуказанные практики говорят нам о трансформации выражения гражданской активности с традиционного на нетрадиционное политическое участие, что отображает общемировую тенденцию демократических государств, в которых репертуар политического участия принимает разнообразные индивидуализированные, творческие, выразительные цифровые нормы.

Библиографический список

Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 143–152.

Левада-Центр. Гражданский активизм российской молодежи. <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/>

Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. – 2017. Вып.1. – С. 144–158.

Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. – 2018. Вып. 2. – С. 123-127.

Фонд общественного мнения. Протестные настроения https://fom.ru/obshchestvo/11090#tab_01

ИНВАРИАНТЫ И ДЕСТРУКЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦИФРОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАЖДАН И ГОСУДАРСТВА⁵⁰

Л.В. Сморгун (Санкт-Петербург)

Сегодня процесс политической и административной деятельности насыщен новыми формами и механизмами, которые включают в себя такие необычные компоненты для старых моделей, как общественная экспертиза и оценка, публичные форумы, государственно-частные комиссии и т. д. Существуют разные названия для этих новых форм участия общественности в политике и процессах принятия решений: «управляемую демокра-

⁵⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00756 «Гражданское участие в условиях формирования цифрового правительства»

тизацию», «совместное управление», «управление с участием населения», «управления через вовлечение сообщества», «вовлечение правительства в сообщество» или «интегрированное государственное управление». В целом можно сказать, что традиционная проблема взаимоотношений политики и управления в этих новых концепциях была направлена на поиск взаимоотношений граждан и государственных институтов. В этом же ключе стали использоваться понятия «сотворчества» и «совместного производства» как инновации в политологии, публичном управлении, социологии. Первоначально эти концепты зафиксировали новое отношение к предоставлению государственных услуг, а также были направлены против рыночного подхода к организации этой деятельности. Новое дыхание эти концепты приобрели в развитии движения за цифровое управление. В последние годы понятие «совместного производства» получило развитие при изучении государственной политики в целом. По сравнению с категориями «сотрудничества», «участие общественности» это понятие расширило понимание цикла государственной политики, затрагивая проблематику политических дизайнов, управления публичной политикой, совместной разработки и реализации публичных ценностей и др.

Формирование инвариантов гражданского участия под влиянием цифровых ИКТ. Электронное правительство, возникшее из потребности повысить эффективность предоставления услуг населению в рамках развития публичного управления по модели нового государственного менеджмента, в дальнейшем стало рассматриваться в более широком контексте демократического управления. В этом отношении пространство Интернета стало наполняться новыми публичными формами. Терминологически это выражается в переходе от концепции электронного правительства (e-government) к концепции электронного правления (e-governance). Если в центре концепции электронного правительства лежали понятия открытость информации и предоставление публичных услуг онлайн, то новое понимание включает в себя такие концепты, как сотрудничество, участие, координация. Фактически речь здесь идет об электронной демократии, которая бы позволяла расширить формы влияния граждан на процесс принятия и реализации политических решений. Правительственные порталы перестают удовлетворять новым требованиям, возникают новые электронные сетевые структуры, увязывающие правительство, гражданские ассоциации, политические партии, центры общественного мнения и средства массовой информации в комплексные цифровые платформы. Инварианты электронного участия, как они сложились до последнего времени, включают в себя следующие основные формы: получение информации, консультирование, вы-

явление общественных мнений, публичные дискуссии по актуальным общественным проблемам, общественные слушания и совещания в процессе принятия решений, публичная оценка принимаемых решений, голосование. Все эти инварианты требуют самостоятельного оформления, руководства и оценки эффективности. Они представлены либо на общих правительственных платформах, либо занимают самостоятельное место, хотя и взаимосвязаны с правительственными структурами.

Государство как сотрудничество. Идеи электронного правления была конкретизированы в концепции «государство как сотрудничество». Эта концепция делает акцент на развитии электронной демократии, развивая понимание процессов открытого управления, демократического консультирования, прозрачности механизма принятия решений. Сотрудничество, участие, координация, обратная связь, ценность услуг и др. понятия включаются не только в новую идеологию «государства как сотрудничества», но и составляют существо политики по отношению к цифровизации. Данная концепция основывается на основных принципах совместного управления (*collaborative governance*): процесс инициируется государством, предполагает участие негосударственных акторов, которые имеют право принимать решения по вопросам публичной политики, основанные на консенсусе, в рамках общественно-государственных форумов. В словарь публичного управления включаются слова «гражданское взаимодействие и вовлечение», «связанное правительство», «сотрудничество», которые говорят о новом его этапе. Это вызывает новую волну реформы государственного сектора после иерархии и менеджеризма.

Противоречия цифровой публичной сферы и деструкции гражданского участия. В условиях цифровизации современной жизни возникает ряд противоречий, связанных с использованием Интернет-пространства, которые порождают деструкции гражданского участия: столкновение публичности и приватности; несогласованность глобальности и локальности; транс-язычность и кросс-культурность и потребность идентификации; неясность соотношения ответственности, контроля и свободы; принципиальная открытость и стремление к сегментарности.

Новые информационные средства создают, конечно, деструкции для публичности, часто определяемые стремлением к приватизации. Так, если телевидение ориентировалось на принцип «новости в семью», то Интернет часто создает вместо совместности разъединенность, вместо открытости интимность, вместо явленности бессубъектность. Выход, как представляется, находится в не до конца реализованных новых возможностях цифровых технологий. Принципиально речь может идти о пере-

ходе акцентов от передачи информации к взаимодействию и формированию знания (интерактивность); от сокрытия места к стремлению в пространство; от старой репрезентации, основанной на расстоянии, к участию и обсуждению (форумы) и т.д.

Деструкции гражданского участия также связаны с тем, что сегодня обозначается как проблема соотношения «контроля по вертикали и горизонтали» (*surveillance and sousveillance*). Контроль по вертикали обеспечивается сегодня новыми цифровыми технологиями, позволяющими сузить пространство приватности вплоть до нарушения цифровых и обычных прав граждан. Контроль по горизонтали создает условия более насыщенного социального надзора, конформизма и адаптации к господствующему мнению. Обе эти формы контроля и надзора создают условия для формирования политически корректного мнения и поведения. Вместе с тем контроль снизу и по горизонтали создает условия, при которых возможны радикальные формы суждений и действий, поддержанных оппозиционными лидерами общественного мнения.

Формы электронной демократии разнообразны и действуют с разной степенью эффективности. Часто психологические причины, культурные факторы, отсутствие навыков пользования новыми информационными возможностями, торможение со стороны бюрократии и политиков, юридические и технические причины ограничивают их использование и порождают новые деструкции. В последнее время часто в качестве условия активизации электронной демократии называют необходимость специального менеджмента, позволяющего организовывать подобную активность, включая и систему научения пользованию средствами электронной демократии. Особое значение для активизации этого процесса приобретает международная оценка состояния дел в этой сфере и эффективности и качества предлагаемых здесь мер. Роль государства в этом случае состоит в том, чтобы обеспечить равный доступ, защитить понятное использование и стимулировать подходящие ИКТ посредством защиты цифровых прав граждан и одновременно ориентации их на объединение с публичными ценностями.

Критика репрезентативной модели демократии и ее элементов, представленных в электронном правительстве, часто сопровождается размышлениями о границах и недостатках прямой демократии; среди них называются, например, отсутствие учета прав меньшинства, популизм, недостаток времени, ограниченность при решении сложных вопросов. Все же доминирующее мнение состоит в том, что цифровые технологии создают новые возможности для расширения демократического участия. Менее радикаль-

ные суждения в этом отношении сводятся к тому, что, по-видимому, возможно сочетание репрезентативной и прямой демократии либо в форме «прямой репрезентации» (интенсивное интерактивное общение представителей с населением), либо в более сложной конфигурации.

Проблема введения гражданства в процессе предоставления услуг стала очевидной, а возможности предоставления услуг через Интернет стали обсуждаться в качественно ином, общественном стиле. Естественно, этот процесс содержал много сложностей, проблем и деструкций. Прежде всего они связаны с тем, что публичные услуги в условиях цифровизации стали рассматриваться не в качестве общественных благ, а консьюмеристски, т.е. по аналогии с частными благами, которые получает потребитель на рынке. В этом отношении возникло противопоставление позиций человека как гражданина и как клиента (потребителя).

Критика клиентского подхода в государственном управлении и электронном правительстве продвигает концепцию предоставления государственных услуг как общественных благ. Этот переход означает, что публичное благо больше, чем сумма индивидуальных предпочтений его потребителей и производителей. Публичная ценность строится коллективно через обсуждение с участием государства и ключевых стейкхолдеров. Достижение общественного блага, в свою очередь, зависит от сетевых действий, избранных рефлексивным образом. Следовательно, подход к электронному государственному управлению с точки зрения сотрудничества демонстрирует новый характер отношений между правительством и гражданами и другими пользователями публичных услуг.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ ПОВЕСТКИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19⁵¹

А.В. Соколов, С.В. Миронова (Ярославль)

Протест как социально-политическое явление, в настоящее время, является предметом изучения широкого круга обществоведческих дисциплин и научных направлений. Однако специфический инструментарий, применяемая методология научных направлений, обилие различных концепций, а также динамичность развития самого явления вызывают трудности и теоретические дискуссии при изучении данной проблематики.

⁵¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществах в современной России»

Буквальное толкование термина характеризует его как решительное возражение против чего-либо и как заявление о несогласии с каким-нибудь решением, согласно словарю под редакцией О.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Ожегов, Шведова, 1996).

Первые системные исследования протеста относятся ко второй половине двадцатого века, и данный интерес был обусловлен успешной протестной кампанией 1989 и 1990 гг., которая обозначила протест как один из эффективных форм осуществления гражданской активности.

С этого периода протест начинает изучаться на основе собираемых эмпирических данных. На основе выделения существенных признаков протеста, под данной категорией понимается форма несогласия, направленная против определённой группы, устройства власти, законопроекта и др., имеющая чётко выраженное содержание, предъявляемое требование; стремящаяся к преобразованию определенной структурной части общества/государства/организации, проявляемая как в конвенциональных (законных, приемлемых), так и в неконвенциональных (насильственных) формах (Фролов, Миронова, 2019, 4).

Главной целью протеста представляется решение значимых проблем общества, путём привлечения внимания к ним властных структур, средств массовой информации. Цель протеста выражается через формирование и публичное демонстрирование протестной повестки, которая визуализируется и актуализируется посредством плакатов, постов в социальных сетях, в средствах массовой информации и т.д.

В России за последние полгода наблюдается тенденция изменений характеристик протестной активности, что, во многом, связано с введением ограничительных мер в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции. Так, с одной стороны, появляются новые поводы и причины протестных настроений – ухудшение социально-экономической обстановки, многочисленные ограничения гражданских прав (право на свободу передвижения) и введение новых обязательных требований (ношение масок, перчаток, использование антисептиков, соблюдение режима самоизоляции, функционирование пропускной системы). С другой стороны, возникли административно-правовые препятствия для традиционных и самых популярных форм протеста — митингов и пикетов. Возросла популярность таких форм протеста, как открытые письма, видеообращения, голодовки, митинги и пикеты стали реализовываться посредством сети Интернет.

По результатам мониторинга протестной активности во втором квартале 2020 года, подготовленного Центром социально-трудовых прав,

с апреля по июнь 2020 года в России были проведены 424 акции протеста (Как протестуют россияне, 2020). Однако количество активных и традиционных форм протеста значительно снизилось, уступив место видеообращениям и открытым письмам. За рассматриваемый исследователями период, было направлено 122 открытых письма в адрес федеральных и региональных органов и различных руководителей, записано 64 видеообращения, проведено 30 онлайн-митингов и 15 онлайн-пикетов. Из традиционных форм протеста были проведены 90 пикетов, 50 стихийных сходов, 15 митингов и 10 голодовок.

С целью определения зависимости формы реализации протеста от его повестки в период пандемии, авторами было проведено исследование с использованием политологического инструментария, в частности, метода качественного анализа – case-study, по следующей схеме: 1) наименование протестной акции; 2) форма протеста; 3) границы протеста; 4) повестка протеста.

При этом, под повесткой протеста понимается совокупность проблем, тем, выражаемых с помощью вербальных и визуальных способов: посты в социальных сетях, лозунги и т.п., для разрешения которых реализуется протестная акция. А форма протеста представляет собой способ выражения протестных мнений (онлайн-формы; традиционные офлайн форматы).

В ходе анализа рассматривались наиболее крупные и известные протестные акции, информация о которых размещалась в открытых источниках и социальных сетях. Эмпирической базой исследования выступили электронные СМИ, тематические группы в социальной сети «ВКонтакте».

Был выявлен ряд тенденций трансформации протестных повесток и форм протестов в связи с введением в действие ограничительных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Онлайн-форма протестов была преимущественно посвящена вопросам, связанным с принимаемыми эпидемиологическими мерами и последовавшими за ними социальными проблемами. Рост безработицы, снижение доходов населения, режим самоизоляции, недостаточная информированность граждан о пандемии вызывали общественное напряжение, которое не могло быть выражено в традиционных форматах. В связи с этим, площадкой демонстрации недовольства становились социальные сети, иные Интернет-платформы (YouTube). Уникальной формой протеста в период пандемии стали «онлайн-митинги», охватившие крупные города по всей России. Основанные на социальной повестке требования граждан публиковались на «Яндекс.Картах» с указанием места митинга, которым выступали, как пра-

вило, административные учреждения. Однако, записи, размещаемые гражданами, модерировались системными администраторами, которые удаляли нежелательный контент.

Несмотря на административные ограничения на проведение массовых мероприятий, общественное недовольство часто трансформировалось в народные сходы и несогласованные митинги, которые характеризовались спонтанностью. Повесткой офлайн-акций выступали решения властей в сфере экологии и социальной политики, особо актуальные и значимые на данный момент. Массовыми стали акции во Владикавказе против режима изоляции, сход вахтовиков в Ленском районе Якутии, требовавших защитить их от COVID-19, протест в Башкирии против геологической разработки шиханов, в Хабаровске и по всей России по поводу прекращения уголовного дела в отношении С.И. Фургала. Общее снижение уровня жизни на фоне пандемии и резонансные решения властей повысили уровень общественного недовольства, однако введенные ограничения затруднили их реализацию в протестных акциях.

Таким образом, введенные ограничения повлияли на форму и повестки протестов, сменив акцент на онлайн-форматы проведения акций и социальную повестку. При этом, сохранялись и традиционные формы протестов, как правило, по поводу вопросов экологии или резонансных политических решений. Такие акции в условиях пандемии не были законными и согласованными, представляли собой сходы или несогласованные митинги. Наблюдается тенденция адаптации протеста под сложившиеся условия и ограничения. При невозможности проведения массовых акций в традиционном формате, для привлечения внимания к проблемам и консолидации протестующих, используются возможности информационно-коммуникационной сети «Интернет».

Библиографический список

Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности во втором квартале 2020 года, подготовленного Центром социально-трудовых прав. Режим доступа: http://trudprava.ru/images/2020_2_Quart_Monitoring.pdf

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. – М., 1996.

Фролов Александр Альбертович, Миронова Светлана Владимировна Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области // PolitBook. – 2019. – №1. – С. 1-20.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО РАЗВИТИЮ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ ГУБЕРНАТОРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ПРИМЕР УСПЕШНО РАБОТАЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА⁵²

А.Ю. Сунгуров, Д.К. Тиняков (Санкт-Петербург)

Общественно-консультативные советы при структурах исполнительной власти, также, как и общественные палаты различного уровня могут представлять из себя фасадные, имитационные институты или проявлять в той или иной степени свойства реальных организаций – медиаторов, посредников между властными структурами, гражданскими организациями или бизнес-ассоциациями (Общественные палаты, 2020; Бабинцев 2012). В рамках наших предыдущих исследований при анализе степени открытости веб-сайтов подобных советов, действующих при губернаторе или правительстве Санкт-Петербурга было выявлено, что наиболее полным и открытым веб-сайтом обладал Общественный совет по развитию малого предпринимательства при губернаторе. На нем были представлены не только нормативные документы и состав совета, но и протоколы заседаний и иная информация о деятельности совета (Сунгуров и др., 2020).

Задачей настоящего исследования был анализ причин, которые позволили обсуждаемому совету занять столь высокое место по критерию открытости и доступности информации. Исследование выполнялось с помощью полу структурированных экспертных интервью с членами этого совета и сотрудниками его аппарата.

Общественный совет по развитию малого предпринимательства был создан при Губернаторе Санкт-Петербурга в 2004 году. История его создания отражает реалии политической жизни города того времени, когда любые выборы, включая и выборы губернатора, были далеко не predetermined заранее. Вот как вспоминает эти события председатель обсуждаемого совета с 2008 года Е.Л. Церетели: «Когда Валентина Матвиенко шла на выборы второй раз и был второй тур, она обратилась к определенным общественным организациям городским с просьбой поддержать ее. Была жесткая борьба с Марковой. У меня была очень серьезная тогда общественная организация «Купеческий клуб» Вела всю торговлю города и у нас была, и финансовая история неплохая и электорат хорошо понимали... Она обра-

⁵² Исследование подготовлено в рамках проекта № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ) «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного общества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге»

тилась к нам, что если мы ее поддержим, то она создаст структуру, которая будет поддерживать бизнес. Мы объединились и чем могли помогли». И после выборов такой совет был создан.

Первым председателем и одним из его организаторов был председатель правления Ассоциации промышленников и предпринимателей, к.т.н. С.В. Федоров. Как он сам рассказал в своем интервью: «я тогда создал Общественный совет по развитию малого и среднего предпринимательства по поручению В.И. Матвиенко. Сначала работали без финансовых ресурсов. Коллеги предложили мою кандидатуру, и я возглавлял этот совет четыре года. Потом мое видение разошлось с видением новых людей в экономике... Совет же при губернаторе, ушли Осиевский с Бланком, изменился вектор – появился вектор на огосударствление целых секторов, я же всегда считал, что конкуренция – источник развития».

Одной из составляющих успешной работы Е.Л. Церетели является готовность к сотрудничеству: «Я пытаюсь постоянно находить компромиссы. Я никогда не позволяю себе идти на амбразуру, не продумав свои отступные шаги». Эту ситуацию образно дополняет один из членов анализируемого совета: «Мы постоянно находимся на канате, по которому мы идём. С одной стороны, есть бизнес, который нужно защитить, с другой есть власть, интересы. И находить между этими двумя силами баланс...»

Но кроме «договороспособности» важную роль играет и материальная база работы анализируемого совета: «Когда меня выбрали на эту роль, в штате был секретарь пресс секретарь и исполнительный директор, остальные сотрудники фактически были внештатные. Я тогда пришла к Осиевскому и сказала, что невозможно быть эффективным инструментом без штатных сотрудников в первую очередь надо набрать юристов. И у нас теперь одна из самых сильных в юридическом смысле служба, то есть фактически всю оценку регулирующего воздействия в городе делаем мы. К нам иногда обращаются комитеты чтобы мы сформулировали, а мы им отдаем».

Важно подчеркнуть, что сотрудники совета сами хорошо видят важность своей работы. Приведем здесь слова еще одного респондента, сотрудника этого совета: «Когда видишь результат от того что ты делаешь, не просто работаешь на корзину или просто, там, на публику, мы видим результат, видим, что у нас получается, видим те предложения, которые воплощаются в нормах права и поэтому естественно интересно работать - руки не опускаются».

Эффективность работы обсуждаемого совета определяется также и тем, что все решения, принимаемые на встречах с губернатором, далее по-

следовательно доводятся до стадии распоряжений или иных нормативных актов. «Мне кажется, что важной составляющей нашей эффективности является то, что все наши решения, протоколы, резолюции мы доводим до некоего логического конца, чего не делают большинство других общественных организаций... Поэтому даже рядовые мероприятия, заседания рабочих групп или заседания профильных комиссий, не говоря уже о заседаниях с губернатором, завершаются тем, что принимается резолюция. В конце этих резолюций мы формулируем то, что в данный период времени волнует бизнес-сообщество, и результатом должно стать реализация резолюции, что также находится под нашим контролем».

Об этом же говорит в своем интервью и другой респондент, член президиума обсуждаемого совета: «Допустим, мы получили на одном из заседаний поручения губернатора о конкретных вещах, наша задача потом перевести эти поручения в практические действия, довести до каких-то конкретных результатов, и мы к следующему заседанию четко отчитываемся и говорим то, что есть было или не было, получилось или не получилось».

В заключение отметим и еще один фактор, влияющий на успешность работы совета по малому предпринимательству – это постоянная поддержка его деятельности со стороны бывшего губернатора, при котором был создан этот совет: «Мы часто пишем Валентине Ивановне в Совет Федерации, и вы знаете так приятно, что ни одно наше письмо или обращение не осталось без ответа. Или принимаются какие-то решения или очень взвешенно объясняют, почему нужно так, а не по-другому».

В целом все выявленные факторы вносят свой вклад в эффективность работы Совета по малому предпринимательству – и личность его председателя и ее стиль работы, сумевшей сплотить членов общественного совета, и наличие преданного общему делу аппарата, и доведение до исполнения всех принимаемых на заседаниях решений, и, конечно, поддержка со стороны председателя Совета Федерации.

Библиографический список

Бабинцев В.П. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность // Власть. – 2020. – №6. – С. 25-30.

Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией. – СПб, 2020.

Сунгуров А.Ю., Дубровский Д.В., Карягин М.Е., Тиняков Д.К. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – №2. – С. 7-31.

ЦИФРОВОЙ АВТОРИТАРИЗМ КАК ПАЛЛИАТИВНОЕ СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ОПОРЫ НА МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕСУРС

Е.В. Суслов (Йошкар-Ола)

Авторитаризм как наиболее «долгоиграющий» политический режим за всю историю своего существования знал, как периоды расцвета, так и угасания. «После Второй мировой войны возникновение и укрепление авторитарных режимов происходило в условиях противостояния двух военно-политических блоков – советского и североатлантического. В ту пору весьма актуальной оказалась проблема дифференциации авторитарных и тоталитарных режимов» (Авторитаризм и демократия..., 1996, 20-21). Авторитарные режимы, в отличие от тоталитарных, в то время представлялись не столь одиозными и даже в какой-то степени привлекательными. Это было, конечно же, ущемление либеральных порядков, но с обещанием благосостояния без политики.

В последующем усиление авторитарного тренда приходится на годы «отливов» демократии, а периоды ослабления авторитарных тенденций происходили, соответственно, в период «приливов» волн демократии. Именно на проблему авторитарного отката обратил внимание автор концепции «Волн демократии» С. Хантингтон, который отмечал, что за каждым приливом демократической волны обычно следовал откат, обретавший различные политико-идеологические формы, но неизменно отличавшийся авторитарным содержанием (Хантингтон, 2003, 310-311). Откат третьей волны мог породить, по С. Хантингтону, различные формы авторитаризма – авторитарный национализм, религиозный фундаментализм, олигархический авторитаризм, популистскую диктатуру и др.

По вполне понятным причинам знаменитый политический мыслитель не мог точно предсказать появление еще одной формы авторитаризма, получившего название «цифрового» («электронного»), который мы понимаем как использование передовых современных информационных технологий для сохранения и усиления власти авторитарных режимов и их лидеров под благовидным предлогом обеспечения безопасности и политической стабильности.

Эта разновидность, пожалуй, стал венцом авторитаризма уже в эпоху торжества информационного общества, когда, казалось бы, невозможна власть коммуникации, основанной на устрашении и насилии. На наших глазах разворачивается трагедия белорусского народа, где пытки и насилие оказались совместимы с элементами блокирования Интернета, электронными слежками и идентификацией лиц участников мирных акций против

фальсификации выборов. Комплексное использование традиционных и электронных методов нагнетания страхов обосновывается соображениями высшего, прежде всего, геополитического порядка, необходимостью таким образом предотвратить вмешательство неких внешних сил.

Автор предлагаемой статьи задается вопросом, почему цифровой авторитаризм стал возможным и какие причины привели к появлению этого феномена, устроители и сторонники которого считают, что таким способом можно обеспечить политическую стабильность в стране. В рамках статьи попытаемся этот тезис опровергнуть.

Технический прогресс всегда воспринимался с воодушевлением, надеждой на то, что жизнь людей будет более комфортной и совершенной, откроются новые возможности для продвижения человека в будущее и в целом для развития общества. Отрицать эти приобретения в нашей жизни было бы несправедливо. Так произошло и с Интернетом.

До сих пор существует стойкое представление, что Интернет стал доминирующей силой в освобождении народов от тирании и диктатур. И с этим утверждением спорить трудно. Поэтому отстаивание свободы Интернета, защита свободного доступа к интернет-сетям для большинства представителей нового поколения стала приоритетной в сравнении с иными потребностями. По мнению знаменитого медиаполитолога М.Кастельса, борьба за свободу в Интернете – никогда не заканчивающийся процесс, поскольку его технологические особенности и культура пользователей интернет-сетей делают довольно затруднительным для врагов свободы (обычно прикрывающихся лицемерными лозунгами о защите нравственности) подавить массовое сопротивление тех, кто полагает, что право транслирования чего угодно и кому угодно – наиболее очевидный признак свободного человеческого существования (Кастельс, 2017, 11).

Однако было бы удивительно, если бы авторитарные власти не стали использовать свои возможности и административные ресурсы либо для подавления инакомыслия с использованием лозунга борьбы с «фейковыми новостями», либо для усиления контроля за доступом граждан к свободной информации в Интернете. И противодействие распространению «фейковых новостей», и усиление контроля за доступом к Интернету проникнуто специфически понимаемой заботой о поддержании политической стабильности в стране. Этот тезис используется как самый веский аргумент, поскольку политическая и социально-экономическая стабильность – это и сверхзадача, и господствующая ценность любого авторитарного режима, востребованные как беспроблемный манипулятивный ресурс для сохранения существующего статус-кво.

Первые упоминания о цифровом авторитаризме датируются примерно 2017-2018 годами. Так, ежегодный отчет о свободе в Интернете, представленный американской неправительственной организацией Freedom House за 2018 г. охватила 65 стран мира, на которые приходится 87 % пользователей по всему миру (Ваннек, 2018). Исследования показали наличие определенных тенденций в подавлении Интернета. В докладе отмечается, что восьмой год подряд свобода Интернета во всем мире уменьшается. Свобода Интернета снижается и в США, где эта тенденция объясняется усилением деятельности иностранных разведок. При этом в документе зафиксирована озабоченность происходящим: «Таким образом, наносится удар по защитникам гражданских прав и приватности и происходит потеря возможности реформировать полномочия по надзору в интернете» (Ваннек, 2018).

Как явствует из доклада, Китай учит мир цифровому авторитаризму. Китайские чиновники провели тренинги и семинары по новым средствам массовой информации или управлению информацией для представителей 36 стран из 65. Уроки китайских чиновников были взяты на вооружение в 17 странах из 65, где борьба с «фейковыми новостями» и онлайн-манипуляциями стала основанием для принятия или предложены для принятия законов, ограничивающих деятельность интернет – СМИ.

В документе зафиксирована и такая печальная тенденция, как манипулирование властями содержанием социальных сетей: «в 32 из 65 исследованных стран были зарегистрированы факты манипуляции онлайн-дискуссиями и их содержанием со стороны проправительственных комментаторов, «ботов» или «троллей» (Ваннек, 2018). Это явление широко распространено в российском сегменте социальных сетей и получило название «Ольгинские тролли». Они же «фабрика троллей Евгения Пригожина», «кремлеботы». Так называемое агентство интернет-исследований создано с целью дискредитации позиций людей, неудобных для власти.

Своего рода триггером, вновь запустившим механизм цифрового авторитаризма в уходящем году, стала пандемия коронавируса, которая расширила возможности электронного слежения за действиями граждан в крупнейших городах страны. Мера, казалось бы, вынужденная и вполне оправданная, однако, власти, апробировав эффективный ресурс контроля за гражданским обществом, наверняка воспользуются им уже с целью политического сыска и контроля за гражданами.

Таким образом, цифровой авторитаризм, ущемляя конституционные права и свободы граждан, не может служить средством политической ста-

бильности, а является лишь временным ресурсом создания иллюзии о благосостоянии в обществе, устойчивости функционирования государства.

Библиографический список

Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. – М., 1996.

Ваннек Л. Цифровой авторитаризм: в каких странах наступают на свободу интернета. 02 ноября 2018. Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/cifrovoy-avtoritarizm-kak-nastupayut-na-svobodu-interneta/29578267.html>

Кастельс М. Власть коммуникации. – М., 2017.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003.

РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ ПОДДЕРЖКИ НКО КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.Ю. Сухарева (Ярославль)

Сегодня НКО, сталкиваясь с различного рода проблемами в процессе своей деятельности, равным образом способствуют формированию и развитию таких институциональных форм поддержек, как ресурсные центры, которые в свою очередь оказывают значительную помощь в преодолении этих проблем, а именно оказывают техническую, юридическую помощь, оказывают поддержку в реализации проектов некоммерческих организаций, как на межрегиональном уровне, так и на федеральном, и много другой поддержки (Исаев, 2013, 354). Поэтому изучение функционирования и деятельности ресурсных центров поддержки НКО на данном этапе развития общества является весьма актуальным. В рамках данной работы будут выявлены приоритетные направления деятельности Ресурсных центров, проблемы, которые препятствуют их развитию, а также будут определены перспективные направления государственной поддержки РЦ.

Анализ динамики выполняемых задач Ресурсных Центров показал, что благодаря функционированию данных организаций – с каждым годом более 2000 представителей НКО и инициативных групп, а то и больше, получают необходимую и поддержку, которая необходима для развития их функционирования (и это только при анализе выполненных задач отдельно взятого РЦ), важно отметить, что представленные показатели также увеличиваются с каждым годом. При помощи данной поддержки, оказываемой всеми РЦ – всё больше развиваются НКО, гражданские инициативы, а с их развитием происходит и развитие всего гражданского общества.

Для определения перспективных направлений государственной поддержки Ресурсных Центров и выявления основных проблем в их деятельности автором был проведен экспертный опрос руководителей Ресурсных Центров поддержки НКО.

Из полученных данных выяснилось, что деятельность большинства ресурсных центров направлена на оказание таких услуг, как консультации, обучение представителей НКО и СО НКО, сопровождение их проектов, организацию межсекторного взаимодействия и осуществление экспертной деятельности, а также на материально-техническую поддержку НКО и СО НКО, предоставление компьютерной и орг. техники и др.

Основными проблемами в деятельности РЦ эксперты выделяют: ограниченное финансирование РЦ; недостаточное количество профессиональных сотрудников и специалистов по НКО, отсутствие легитимного статуса РЦ на районном уровне; отсутствие единых стандартов работы, оценки, мониторинга РЦ и некоммерческого сектора в целом, недостаточное понимание НКО в возможностях ресурсного центра и др.

По мнению экспертов, важными перспективными направлениями гос. поддержки РЦ, должны явиться следующие: целевое финансирование с учетом необходимости формирования сети ресурсных центров во всех муниципальных образованиях области, а также финансовая господдержка региональных ресурсных центров на условиях 50% софинансирования; создание «Домов НКО», как отдельных учреждений или отдельных частей структур со стабильной базой и оплатой квалифицированным сотрудникам, четким статусом и осознанием себя в системе; организация вебинаров, семинаров (в том числе – выездных) для непосредственно работников центров; поддержка развития материально-технической базы и др.

Таким образом, на основе полученных данных, в дальнейшем необходимо выстроить стратегию, которая будет заключаться в поэтапном введении выделенных направлений на оказание и решение основных проблем, касающихся деятельности РЦ. Это, в свою очередь, окажет дополнительный стимул для проводимой деятельности Ресурсных Центров, а также улучшит количественные и качественные показатели их работы.

Библиографический список

Исаев А.В. Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы // Вестник НГУЭУ. – 2013. – №4. – С. 354-356.

CROSS-BORDER GREENWAY TOURISM IN RURAL AREAS

T. Tambovceva (Riga), M. V. Tereshina (Krasnodar), D. Atstaja, I. Uvarova (Riga)

Many regions and local communities are conscious of the unpolluted environment and natural resources available in their rural areas, they lack competence and experience on how to develop the economic potential of these valuable tourism resources, in a modern and an international tourism offer. Furthermore, it is essential that these regions do not just focus on the existing needs of tourists, but also on the development of tourism destinations, assuming sustainability principles and preserving available natural resources, landscapes and biotopes.

The term Greenways (GWs) can be associated with a wide variety of keywords: «greenway», «green routes», «green corridors», «rural tourism», «green», «sustainability», etc.

GWs are successful and recognized initiatives having a huge abandoned infrastructure of former railways, tunnels, dams and other objects of interest. Usually, GWs are routes, trails and natural corridors that are used in harmony with the environment, offering opportunities for sports, tourism and recreation. These initiatives try to improve the quality of life and give the opportunity for sustainable economic activities for the local communities and towns. GWs help local communities to add value to their natural and human heritage and to collaborate with the authorities (Arendt, 2004; Fabos, 2004).

According to Little (1990), who gives the most general definition, GWs are linear open space systems created either along a natural corridor or above the earth, or along an anthropogenic corridor to connect parks, nature reserves and streams, as well as cultural and historical places.

Ahern (1995) defined GWs as linearly planned networks with aesthetic and ecological objects, used for recreation, cultural and other activities. Additionally, he highlights the importance of sustainability values and an environmentally responsible attitude towards these destinations.

In Europe, the GWs movement has established an association for representing its interests and making proposals at a political level. The Lille Declaration, European Greenways Association (2020), provides an explanation of GWs. It was then updated in the Sopron Declaration (2006) by explaining that GWs are created on the basis of historic routes, rivers and railways, and used for «green» travel purposes with nonmotorized vehicles. The next significant feature of GWs is that the local communities develop them in order to promote a healthy lifestyle. Also, GWs look for a contribution to the local economy by corresponding to the needs of locals and visitors.

Szabo with coauthors (2014) stress that GWs products are a new type of alternative tourism product and they are down–up developed products initiated by local communities.

In this study, the authors understand GWs as recreational objects—natural and cultural systems connected by common tourist demand and supply flows—which are more or less institutionalized and characterized by public access to resources, additionally creating multiplier developmental effects for geographically «attached» local communities.

There are several classifications of GWs that complement each other. The systematization of research approaches makes it possible to identify three main types of GWs by the content characteristics:

- Recreational Greenways with paths, roads and tracks (Pippi, 2013; Ryan et al., 2006);
- Ecologically significant Greenways within specially protected natural areas (Choi et al, 2017);
- Historical routes and complex systems or networks (Carlier & Moran, 2019).

Furthermore, GWs link together tourism routes or trails of different scales. Most often researchers (Szabó et al, 2014; Stoffelen, 2018; Liu et al, 2016) mention following categories: urban (city), local rural, regional long distance, cross-border and GWs networks.

The aim of this research is to analyze the GWs and factors contributing to the sustainable development of local communities.

Nowadays, there is a need for planning and designing such cities and settlements that would not only allow you to live and work, but would also contribute to physical education and outdoor activities, as well as social interaction between residents. In this regard, urban green paths can contribute (Kestens et al, 2019). The use of GWs can provide many environmental and social benefits. Back in the late 20th century, architects and landscape planners noted the benefits of planning, designing and using GWs (Horte & Eisenman, 2020; Shafer et al, 2000; Sorice et al, 2006). Urban green spaces are becoming especially important nowadays, when the level of urbanization is constantly growing.

The main factors influencing the development of GWs are: nature protected areas, existing tourist attractions/objects and products, infrastructure, institutional regulations for cross border crossing, destination management authorities, population, local community, employment, business, organic farms, Geocaching points, available financial instruments, etc.

The development of GWs contributes to the development of physical activity among the population, as usually green lanes are used for cycling or walking,

i.e. active time in the air. This is especially important, because it allows to create or modify new infrastructure, replacing the old and poorly cracked sidewalks, in densely populated urban areas. Thus, the development of the GWs helps to make certain parts of the city more attractive from an aesthetic point of view.

World heritage sites, National parks, global geoparks, Ramsar sites, biosphere reserves and regional protected area (PAs) networks are the most suitable protected areas for tourism development (Leung et al, 2018).

The main attractions for visitors to PAs and GWs are: the beauty of nature, water areas, mountains, culture and the opportunity to enjoy it in different activities. PAs provide preconditions for the development of tourism based on the resources of nature; moreover, these are secure and facilitated places and, in some cases, can be considered as tourism destinations. Local municipalities are supporting tourism and leisure business activities, including GWs, in PAs as one of the most important business activities in areas with limited economical and industrial activities. The area of distribution of tourism activities depends on the restrictions in the particular PA, for example, the type of ecosystem and its approachability. In cases of uninhabited PAs, gateway territories with tourism infrastructure for PAs are often created (Andrades & Dimanche, 2017).

The main challenge for sustainable development of tourism in protected areas is to balance the flow of visitors, provide accessibility to the sea, lakes and other unique nature places and objects for society, and suitable infrastructure elements and behaviour of visitors with the protection goals set up for the area at different political levels.

To integrate all aspects of sustainability - environmental, economic, social, cultural and institutional, GWs could be one of the tourism products, they can contribute to developing the joint offer in the tourism market, while at the same time conserving natural and cultural resources.

Development of GWs brings several benefits for different stakeholders. Authors identified and characterized the structure of greenways stakeholders (see Fig.1.).

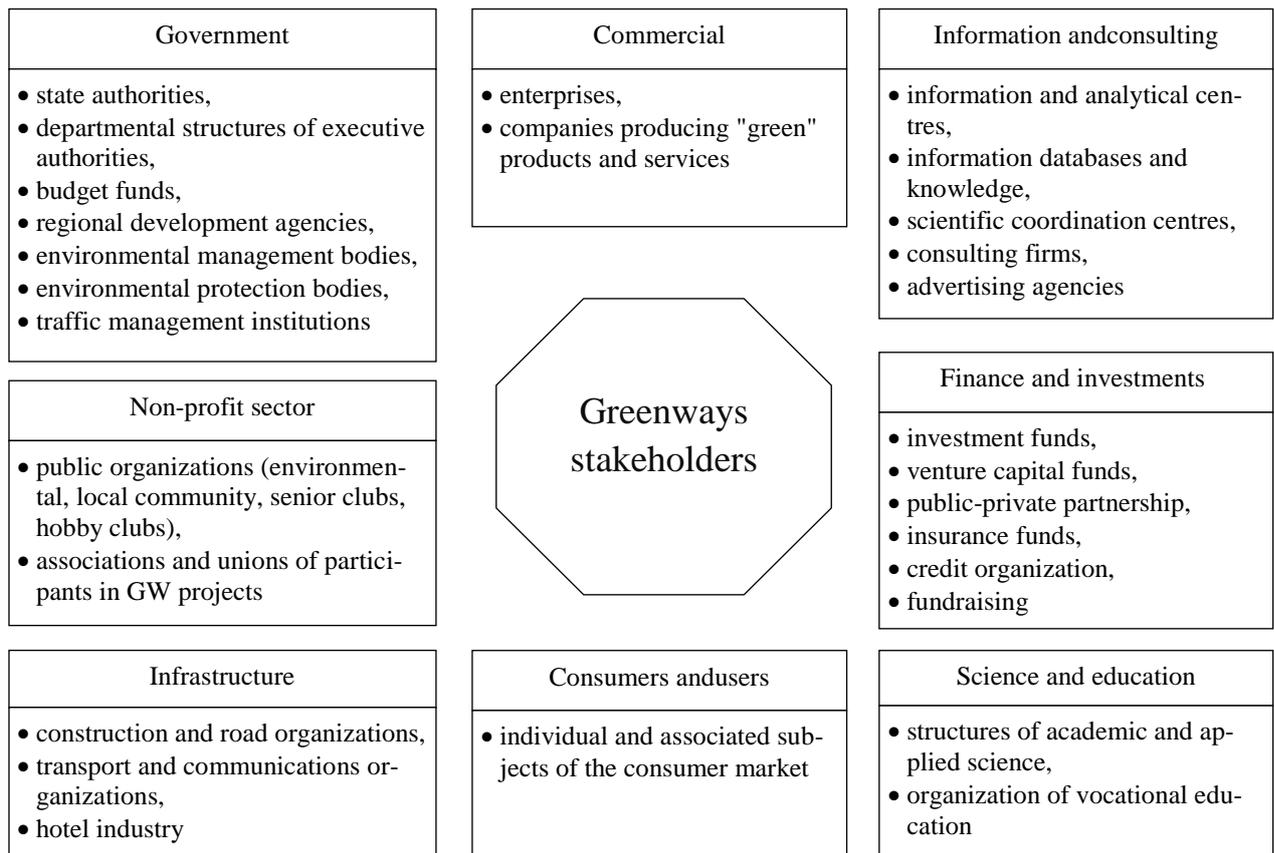

Figure 1. – Structure of Greenways stakeholders

As a result of the development of GWs, the following goals can be achieved.

1. Environmental – to preserve the unique corners of nature and historical and cultural heritage, create a source of funding for their protection.
2. Economic – to create new jobs, increase the income of the local population, the development of local initiatives (handicraft, museum work, etc.)
3. Social – introducing the population to a healthy lifestyle, increasing the comfort level of the population, providing opportunities for self-realization, encouraging young people to stay in rural areas.
4. Institutional – to establish a joint management organisation which initiates the necessary changes in legislation on border crossing issues in the border area.

References

Ahern J. (1995). Greenways as a Planning Strategy. *Landsc. Urban Plan.* 33, 131–155, [https://doi.org/10.1016/0169-2046\(95\)02039-V](https://doi.org/10.1016/0169-2046(95)02039-V)

Andrades L., Dimanche F. (2017). Destination Competitiveness and Tourism Development in Russia: Issues and challenges. *Tourism Management*, 62, 360–376. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.05.008>

Arendt R. (2004). Linked landscapes: Creating Greenway Corridors through Conservation Subdivision Design Strategies in the Northeastern and Central United States. *Landsc. Urban Plan.* 68, 241–269, [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(03\)00157-9](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(03)00157-9)

Carlier J., Moran J. (2019). Hedgerow Typology and Condition Analysis to Inform Greenway Design in Rural Landscapes. *J. Environ. Manag.*, 247, 790–803, <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.06.116>

Choi Y.E., Doh M., Park S., Chon J. (2017). Transformation Planning of Ecotourism Systems to Invigorate Responsible Tourism. *Sustainability*, 9, 2248, <https://doi.org/10.3390/su9122248>

European Greenways Association. Available online: <https://www.aevv-egwa.org/greenways/> (assessed on 27 April 2020).

Fabos J.G. (2004). Greenway planning in the United States: Its origins and recent case studies. *Landsc. Urban Plan.* 68, 321–342, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2003.07.003>

Horte O.S., Eisenman T.S. (2020). Urban Greenways: a Systematic Review and Typology. *Land.*, 9, 40, <https://doi.org/10.3390/land9020040>

Kestens Y., Winters M., Fuller D., Bell, S.; Berscheid J., Brondeel R., Laberee K. (2019). INTERACT: A comprehensive approach to assess urban form interventions through natural experiments. *BMC public health*, 19(1), 1–11.

Leung Y.F., Spenceley A., Hvenegaard G., Buckley R. (2018). Tourism and visitor management in protected areas: Guidelines for sustainability. In *Best Practice Protected Area Guidelines Series*; IUCN: Gland, Switzerland, No. 27. xii, <https://doi.org/10.2305/IUCN.CH.2018.PAG.27.en>

Little C.E. (1990). *Greenways for America*; Johns Hopkins University Press: Baltimore, MD, USA.

Liu K., Siu K.W.M., Gong X.Y., Gao Y., Lu D. (2016). Where do networks really work? The effects of the Shenzhen greenway network on supporting physical activities. *Landsc. Urban Plan.*, 152, 49–58, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2016.04.001>

Pippi L.G. (2013). *Social Network Interaction and Behaviors on Recreational Greenways and Their Role in Enhancing Greenway Potential*; ProQuest Dissertations Publishing: Raleigh, NC, USA.

Ryan R.L., Fábos J.G., Allan J.J. (2006). Understanding opportunities and challenges for collaborative greenway planning in New England. *Landsc. Urban Plan.*, 76, 172–191, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2004.09.031>

Shafer C.S., Scott D., Mixon J. (2000). A greenway classification system: Defining the function and character of greenways in urban areas. *J. Park Recreation. Admin.*, 18, 88–106.

Sopron Declaration, Environmental Partnership for Sustainable Development 1st July 2006, Available online: <https://www.greenways.org.pl/en/deklaracja-sopron-2006/> (assessed on 27 April 2020).

Sorice M.G., Shafer C.S., Ditton R.B. (2006). Managing endangered species within the use–preservation paradox: the Florida manatee (*Trichechus manatus latirostris*) as a tourism attraction. *Environmental Management*, 37(1), 69–83.

Stoffelen A. (2018). Tourism trails as tools for cross-border integration: A best practice case study of the Vennbahn cycling route. *Ann. Tour. Res.*, 73, 91–102, <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.09.008>

Szabó G., Csapó J., Szabó K. (2014). The Baranya Greenway as Thematic Tourism Product and Regional Brand in Cross Border Cooperation. *Geogr. Timisiensis*, 23, 27–38.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Е.А. Таишыкова (Краснодар)

Что представляет собой пространственное развитие? Ответить на данный вопрос сложно, так как определение пространственного развития имеет довольно широкое содержание, по этой причине целесообразно рассмотреть природу подходов к определению рассматриваемого понятия.

Проанализировав большое количество определений, можно отметить, что в общем смысле под понятием «пространственное развитие» понимаются изменения, согласованные на различных уровнях общественных и властных структур, непосредственно связанные с освоением и воспроизводством природных ресурсов, распределением и содержанием производительных сил.

С методологической точки зрения пространственное развитие представляет собой «матрешку». Центральное место занимает проблематика комплексного социально-экономического развития. Следующими уровнями выступают региональное развитие и рассмотрение территориального развития, что в итоге объединяется в границах понятия пространственного развития (Суворова, 2015, 89).

Наиболее важную роль в становлении концепций пространственного развития в начале XX века сыграла концепция «Центральных мест» В. Кристаллера, основой которой составляют эмпирические наблюдения расположения населенных пунктов (центральных мест). Под центральными местами понимаются экономические центры, которые организованы по административному, территориальному и рыночному принципам.

Создателем наиболее полной концепции организации экономического пространства был А. Лёш. Суть рассматриваемой концепции состоит в формировании известных теорий размещения производства, основой которого выступают рыночные зоны производителей различного уровня, образующие модель двух балансирующих сил: интересов страны в целом и интересов предпринимателей.

Важной концепцией современного направления пространственного развития выступает концепция «полюсов роста» Ф. Перру. Рост экономики осуществляется неравномерно в территориальных образованиях государства, он происходит и возрастает в так называемых «полюсах роста» и с разной степенью воздействия распространяется на всю экономику. Автор концепции выделял классификацию отраслей производства по тенденциям развития:

а) Деградирующие отрасли, имеющие тенденцию к постоянному уменьшению их доли в структуре экономики.

б) Отрасли, развивающиеся высокими темпами, не оказывающими важное влияние на развитие других отраслей экономики.

в) Отрасли, не только быстро растущие, но и формирующие цепную реакцию создания и роста промышленных центров, при этом побуждая общее индустриальное развитие государства (Перру, 2007, 77).

В современном мире очевидно, что прогрессивные изменения в пространственной или же территориальной организации общества без целенаправленного воздействия со стороны государства невозможно. Государственное регулирование – это специально организуемые государством действия, направленные на обеспечение устойчивого, сбалансированного развития экономической системы, выступающего главным ориентиром в достижении цели – улучшения уровня и качества жизни населения. Развитие в пространственной организации общества должно быть результатом деятельности государства по оптимизации расселения граждан и размещению на территории объектов социальной сферы, энергетической и иных инфраструктур.

Государственное регулирование развития территорий для достижения уровня эффективности и понижения уровня пространственной диффе-

ренциации должно иметь в качестве основания четко проработанные методологии и теории.

Обеспечение целостности территорий государства и обеспечение пространственного объединения может базироваться только на государственном регулировании пространственного развития. Роль и место пространственного развития на сегодняшний день существенно возрастает в периоды повышения уровня дифференциации между субъектами государства.

Рассмотрение федеративного государственного образования с точки зрения его пространственной организации позволяет установить возможность существования пространственных образований, имеющих субнациональный характер, которые отличаются по целому ряду факторов: по функциям, закономерностям развития, по ориентирам, реакции на внешние воздействия.

Интерес ученых вызывает такое явление как пространство и пространственное развитие территориальных частей федеративных государств. В ряде научных исследований пространство не выступает как самостоятельный объект исследования. Внимание уделяется тем пространственным аспектам, которые связаны с реализацией, к примеру, развития регионов, развития городских систем, развитие транспортных сетей (Кіі, 2016, 148).

Исследование специфики пространственного развития невозможно без анализа особенностей экономического пространства государства. Особое внимание ученых уделялось тем фактам, где находится местоположение ресурсов в пространстве, изучение региональных аспектов пространственного развития рассматривается с позиции увязки понятия «экономическое пространство» с понятием «территория» (Бадараева, 2016, 17).

Изучение динамики развития социально-экономического пространства является проблемой, которая мало изучена: теоретико-методологическая основа в данном вопросе только создается, однако запрос на такие исследования становится все более широким.

Региональная политика в условиях федерализма – это создание нормативной базы и мероприятий в области регулирования государством пространственного развития страны в целом и субъектов, входящих в ее состав (Каюков, 2019, 996).

Пространственное развитие регионов федеративных государств определяется через политику рационального природопользования, в странах «классического» федерализма действует правило обеспечения сохранения устойчивости налоговой системы; через формирование «точек развития» и окружающих их территорий на кластерной основе (Каюков, 2018, 1181).

Таким образом, можно сделать вывод, что первые попытки дать определение понятию «пространственное развитие» были предприняты еще в начале XX века. Пространственное развитие – эволюционирующая саморазвивающаяся суперсистема, содержащая в себе совокупность организованных действий, необходимых для управления связями и элементами территориальных единиц, система политик и действий, которые ориентированы на повышение эффективности происходящих пространственных изменений.

Пространственное развитие комплексных территориальных систем, в первую очередь, связано с изменением структурных характеристик этих самых территориальных систем, при этом подобного рода изменения касаются функционирования этих систем в пространстве.

Библиографический список

Kii M., Nakanishi H., Nakamura K., Doi K. (2016). Transportation and spatial development: An overview and a future direction. *Transport Policy*, vol. 49, pp. 148–158. DOI: 10.1016/j.tranpol.

Бадараева Р.В. Теоретические аспекты концептуальных основ пространственного развития // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы // Материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Улан-Батор, 12–15 мая 2015 г.). – 2015. – Т. 2. Улан-Удэ. – С. 17–19.

Бадараева Р.В. Теоретические аспекты концептуальных основ пространственного развития // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы // Материалы IV Международной научно-практической конференции. – 2016. – Т. 2. Улан-Удэ. – С. 17–19.

Гоптарёва И.П. Политический анализ концепций федерализма: монография. – Оренбург. 2002. – 240 с.

Каюков В. В., Лаженцев В. Н., Шихвердиев А. П. Экономическая политика и институты развития регионов // *Экономика региона*. – 2019. – № 4. – С. 996-1008 <https://doi.org/10.17059/2019-4-3>

Каюков В. В., Шихвердиев А. П. Институциональная характеристика экономической безопасности региона // *Экономика региона*. – 2018. – № 4. – С. 1181–1193. – URL: 10.17059/2018-4-10.

Коваленко Е. Г. Концептуальные подходы к государственному развитию пространственного развития России // *Вестник НГИЭИ*. – 2019. – № 3. – С. 14-27.

Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. – 2007. – № 2. – С. 77–93.

Суворова А. В. Пространственное развитие: подходы к определению и применению в практике управления социально-экономическими системами// Экономика и управление. – 2015. – № 6. – С. 89-92.

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ АГЛОМЕРАЦИЙ: ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КАТАЛИЗАТОРЫ⁵³

М.В. Терешина (Краснодар)

В Соглашении ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Резолюция...), подписанном Российской Федерацией в 2015 году, обозначена актуальность управления процессами урбанизации для реализации целей устойчивого развития. В настоящее время общепризнано, что основными факторами, определяющими устойчивое городское развитие, являются: способность адаптации к перманентным технологическим изменениям, цифровая трансформация, повышение значение человеческого капитала и экологической составляющей качества городской среды, а кроме того эффективная институализация взаимодействия всех стейк-холдеров в системе публичного управления. Устойчивое городское развитие может рассматриваться применительно к самым разным типам городов, однако для городских агломераций, определяемых в стратегических документах (Распоряжение...) в качестве точек роста национальной экономики, достижение целей устойчивого развития имеет особое значение.

Пандемия коронавируса объективно сфокусировала внимание на цифровых трансформациях и сформировала новые нормы жизни мегаполисов, которые, вероятно, будут определять тренды урбанизированного развития на ближайшие годы.

Главной целью цифровых трансформаций в публичном управлении городским развитием является снижение транзакционных издержек, при этом цифровизация управленческих практик является простым трансфером существующих моделей на новую технологическую основу, а предполагает системные изменения на базе таких принципов как объективность, реинжиниринг традиционных бизнес-процессов, а также динамичность и адаптивность.

⁵³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации»

Эволюционно и во многом стихийно сложившаяся Краснодарская агломерация, находящаяся на первоначальном этапе своего административного оформления в этом статусе, в первом приближении объединяет четыре муниципальных образования Краснодарского края (Краснодар, Динской и Северские районы, Горячий Ключ), а также тяготеющие к ним муниципальные образования Республики Адыгея (Адыгейск, Теучежский и Тахтамукайский районы) в единое социально-экономическое пространство с населением более 1,4 млн. человек. При этом, согласно статистическим данным, Краснодарская агломерация характеризуется высоким темпом роста даже в сравнении с Московской и Санкт-Петербургской, а уровень городского расплзания оценивается экспертами как высокий (15 из 17). Согласно экспертным оценкам, к 2040 году с сохранением современных тенденций миграционного прироста, она может увеличиться до 3,2 млн. человек, что объективно создает вызовы инфраструктурного, социального и экологического характера для городского управления.

В 2018 году Краснодар стал членом Международного клуба устойчивых и «умных» городов (На форуме...). Согласно Уставу этой организации (Устав...), умные и устойчивые города – это «инновационные города, использующие цифровые технологии и каналы связи для повышения качества жизни граждан, эффективности городского управления и предоставления услуг и обеспечения экономического процветания, обеспечивающие при этом экономическую, социальную и экологическую устойчивость». В 2019 году в Краснодарском крае была принята региональная программа «Умный город» (Паспорт...), определившая задачи в области городского управления (создания «цифровых двойников» и внедрения электронной модели территориальной схемы обращения с твердыми коммунальными отходами), «умного» ЖКХ (внедрение систем интеллектуального учета коммунальных ресурсов), инноваций для городской среды (энергоэффективное городское освещение), создание интеллектуальных систем обеспечения экологической безопасности в сфере мониторинга атмосферного воздуха и обращения с коммунальными отходами.

В допандемический период главным мотивом внедрения цифровых технологий в сферу городского управления было повышение эффективности деятельности государственных служб, а цифровые услуги рассматривались в основном как дополнение к традиционным. Ограничительные карантинные меры, с одной стороны, объективно продемонстрировали техническую незрелость имеющихся цифровых сервисов (уязвимость цифровой инфраструктуры для массового использования, сбои в работе в срочном порядке созданных государственных цифровых сервисов и приложе-

ний, сопровождающиеся справедливыми опасениями населения за сохранность персональных данных и т.д.). С другой стороны, карантинные ограничения выявили целый ряд проблем, которые не всегда связаны с технической составляющей цифровизации процессов городского управления. Так, например, в период карантина муниципальным властям Краснодара пришлось распространить действующие на территории города пропуска на населённые пункты, находящиеся за р. Кубань и входящие в состав Республики Адыгея, что продемонстрировало необходимость учета естественно сложившихся границ агломерации при ее делимитации, в том числе при создании соответствующих институтов управления. В то же время в презентационных материалах, посвящённых публичному обсуждению нового генерального плана развития города, данные территории были исключены из состава агломерации.

Ситуация пандемии создала мощные стимулы форсирования процессов цифровых трансформаций в городских агломерациях, однако снизила «каталитическую активность» этих стимулов за счет того, что значительная часть финансовых средств, необходимых для разработки и внедрения цифровых сервисов и систем была направлена на прямые мероприятия по борьбе с коронавирусом.

Представляется, что планирование и управление развитием агломерации в целях устойчивого развития нуждается в действенных цифровых инструментах оценки эффективности и учета рисков, а также в разработке новых технологических и организационных решений.

Оценка ресурсов является одной из составляющих предлагаемого следующего алгоритма цифровой трансформации системы публичного управления городской агломерацией:

1 этап – формулирование наиболее острых проблем развития агломерации в целом и определение «узких» мест, нуждающихся в трансформационных изменениях и использованием цифровых сервисов, а также необходимых для этого ресурсов;

2 этап – анализ основных участников и стейк-холдеров

3 этап – анализ ресурсов основных участников и стейк-холдеров.

4 этап – анализ ресурсного «разрыва», выбор оптимальной стратегии их наращивания и включения в процесс управления;

5 этап – формирование набора индикаторов, позволяющего адекватно оценить степень достижения целей устойчивого развития;

6 этап – систематический контроль и мониторинг показателей.

Библиографический список

На форуме в Сочи Краснодар представляет решения и проекты «Умного города». Режим доступа: https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/news_14022019_124350.html

Паспорт регионального проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» Краснодарского края. Режим доступа: <https://dirmsp.krasnodar.ru/pasports/%D0%A3%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4.pdf>

Распоряжение правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/>

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015. Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf

Устав всемирной организации умных и устойчивых городов. Режим доступа: <https://r.wego.ulregion.ru/docs/131.html>

ИНФОРМАЛИАТ – ПРОЛЕТАРИАТ XXI ВЕКА?⁵⁴

Л.Н. Тимофеева (Москва)

После распада СССР в мире возобладала единая система глобального капитализма. Происходит ослабление регулирующих функций национальных государств и общественных структур (прежде всего - профсоюзов) в пользу глобального рынка и ТНК. Демократические процедуры скорее используются для сохранения «власти имущих» в политике и экономике. Социальное государство тоже испытывает кризис. На вопрос о том, что делать? есть различные ответы. Требуется политика по обузданию корпоративной элиты; возрастанию функций государственного контроля за ТНК; общественного контроля за властью; по изменению роли оппозиционных партий в парламенте и демократизации избирательных процедур. Есть идеи относительно построения нового социализма, нового ведущего класса информалиата и т.д.

Сам термин «информалиат» указывает нам на исторический феномен пролетариата, сыгравшего определенную роль в мировом переустройстве политической системы на одной шестой части суши. Но так ли это и что он представляет из себя, действуя в основном в цифровом пространстве и пытаясь повлиять на информационную повестку дня? Ученые говорят о Третьей цифровой промышленной революции после аграрной и промыш-

⁵⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31626 ОПН «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в online-пространстве: субъекты, технологии и результаты»

ленной, к которой привели новые информационно-коммуникационные технологии. Идет модернизация технологических процессов, автоматизация производства, введение нового высокотехнологичного оборудования, освобождающего множество занятых в производстве людей. Классический рабочий класс трансформируется. Появляются новые социальные слои и среди них: прекариат (частично занятый класс), где особое место занимает информалиат. При этом встает вопрос о том, какой проект «лучшего будущего» он предлагает?

Поразительно, но факт, что в стране, являющей собой витрину демократии и эффективного капиталистического производства, где в феврале 2019 года президент США Д. Трамп, выступая в Конгрессе с докладом «О положении дел в стране», ответственно заявил, что «социализм в США не пройдет», молодежь думает иначе. По данным январского (2019) опроса Axios, 61% американских избирателей в возрасте 18-24 лет предпочитают капитализму социализм (Трамп..., 2020). В среднем же по стране за него высказываются 39% населения против 61%, которые поддержали капитализм. Конечно, среди американцев нет единого мнения о том, что такое социализм в контексте американской политики. Хотя республиканцы проводят сравнения со сталинизмом, социализм, о котором говорят кандидаты левого крыла, не предполагает ущемления политических свобод, но призывает к повышению налогов для богатых в интересах таких инициатив, как всеобщее здравоохранение, повышение минимальной заработной платы и бесплатное обучение в университете и колледже (Социализм... 2020).

В России идеологом движения «За новый социализм» является общественный деятель, бывший дипломат, историк, политолог, профессор МосГУ Н.Н. Платошкин (Движение...). За «нравственное государство» выступает известный общественный деятель, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, бывший народный депутат СССР и Госдумы С.С. Сулакшин (Манифест...). Что касается того, кто может возглавить это движение к новому, есть предположение: тот, кто способен думать и использовать информационные технологии. Рассмотрим их позиции.

Шубин А.В., известный общественный деятель левого толка, один из лидеров зеленого движения, считает, что рождается новый класс – информалиат, который способен производить свободный информационный продукт путем объединения в организацию – Информационал. Он единственный может освободиться от роли инструмента в руках манипуляторов, которые используют те же традиционные СМИ. Он полагает, что в постиндустриальную и посткапиталистическую эпоху не рабочий класс и не класси-

ческая элитарная инеллигенция способны возглавить эту деятельность. Основная продукция нового класса – информация. Люди, которые производят и передают информацию, действуют не по приказу, а на основе добровольности, совета друг с другом, предпочитая неформальные ненасильственные связи формально принудительным. Это не исключает формальной регистрации информационных организаций. «Неформальность – это структура, а не статус» (Шубин, 2019). По его мнению, невозможно вернуться к образцам социализма XX века. Проект будущего должен сформироваться в процессе коллективного обсуждения, дискуссии. Если в прошлом пролетариат обращался за помощью к интеллигенции, которая сумела сформулировать программу преобразований и помочь пролетариату превратиться в «класс для себя» через всемирную организацию Интернационал, то сегодня, когда общие интересы нового класса пока не сформировались, ему нужна своя лаборатория – Информационал. Это такая организация, главной целью которой станет обсуждение общих интересов неформальных сетевых структур, автономных производителей информационных продуктов, творцов новых общественных отношений. «В Информационале должен быть услышан голос любого желающего, кто отождествляет себя с этой средой – и тогда новый мир станет реальностью» (Манифест Информационала, 2013). Манифест Информационала содержит такие слова: «Впереди – долгий путь информалиата к победе общества свободы, творчества, самоорганизации и солидарности» (Там же).

По мнению другого интеллектуала, доктора философских наук из СПбГУТ В.В. Корнева, неомарксиста, как он сам себя называет, «освобождение от бремени старого мира, о котором долго говорили большевики, уже произошло в интернете» (Корнев, 2020, 114). Сегодня «мы очнулись в реальности, где социальные сети уничтожили идеологическую монополию СМИ и породили, в числе прочего, новый тип революции. Теперь не нужно захватывать почту-телеграф-телефон. Революция 2.0 осуществляется еще и через сетевые группы, виртуальные мероприятия..., лайки или дизлайки (вспомним историю с новогодним обращением Путина, эффективно заминусованным пользователем You Tube)» (Корнев, 2020, 9,10).

Во главе нового движения стоит когнитариат – думающая, размышляющая часть общества. «Клептократии капитала может быть противопоставлена диктатура когнитариата – широкая прослойка наёмных работников преимущественно умственного труда. Об этом говорили Д. Белл, О. Тоффлер и другие философы и социологи современности. Это асимметричная творческая альтернатива всем статичным конформистским нормам, настоящая политическая аномалия» (Корнев, 2020, 263).

Предтечей нынешнего когнитариата, он считает, вольнодумных профессоров 1968 года в университетах Европы, которые читали социологию, политологию, философию по Маркузе, Сартру и Марксу. Именно эта критическая интеллектуальная масса сдетонировала в культурной революции, изменившей XX век и породившей попутно феномен «европейского социализма» Швеции или Дании – предмет зависти многих граждан РФ. Пожив при российском воплощении капитализма общество стало, по его мнению, либерализуясь коммунизироваться. И этому способствуют «Новые медиа» – это термин, характеризующий возникновение цифровой, компьютеризированной или сетевой информации и коммуникационных технологий во второй половине XX века. К «новым» сами же «новые медиа» относят такие виды компьютерной коммуникации, как блоггинг (blogging); подкастинг (podcasting); систему он-лайн энциклопедий типа Википедия (wikis); и, наконец, социальные сети (social networking).

По поводу идеологии когнитариата он обыгрывает название известной ленинской работы «Три источника и три составные части марксизма» и предлагает три практических основания: 1) дематериализация институтов производства и потребления, дигитализация экономики и средств социального обмена; 2) новое «тело» гражданского общества – электронные ризомы социальных сетей, трансформировавшие географические территории в когнитивные; 3) эмансипация знания, его выход из-под контроля надзорных органов, общедоступность профессиональной информации, появление эффективных средств самообразования, бесплатного электронного ликбеза любого профиля. Отсюда – резко возрастающая ценность интеллектуальных ресурсов, умная экономика, упразднение бюрократии и т.п. Иными словами, сегодня мы становимся участниками формирования социальности нового типа, объединяемой творческими и когнитивными процессами, разумными коллективными действиями (Корнев, 2020, 259). Но эта социальность нового типа и главное в проблеме справедливости – не равенство в уранительном смысле, а достижение меритократических принципов социального неравенства.

Итак, сегодня мы становимся участниками формирования социальности нового типа, объединяемой творческими и когнитивными процессами, разумными коллективными действиями в сетях, думающих инфорационалов и когнитариев. И процессы коммунизации общественного бытия в интернет-коммуникациях внушают некоторый оптимизм, что не только в информационной повестке дня, но рано или поздно в общественном сознании россиян появятся пункты, отражающие их интересы.

Библиографический список

- Корнев В. Эгоистичный мем идеологии. – М., 2020.
- Движение «За новый социализм». Режим доступа: <https://socialism.ru>
- Манифест грядущего человечества. Режим доступа: <http://rusrand.ru/library/monographs/manifest-gryaduschego-chelovechestvaState and private property>
- Манифест Информационала, 18 января 2013 г. Режим доступа: <http://www.informacional>
- Социализм: некогда оскорбительный термин обретает новый смысл в американской политике. Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-us-socialism-comeback/4796379.html>
- Траммп заявил в Конгрессе, что социализм в США не пройдет. Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-congress-socialism/4774697.html>
- Шубин А.В. Информационал. Режим доступа: <http://www.soviethistory.ru/informal>

ПАРТИЙНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.П. Тома (Ростов-на-Дону)

Современные тенденции инновационного общества актуализируют проблему цифровизации политического процесса. В настоящее время обсуждаются различные аспекты, механизмы реализации цифровых технологий в контексте информационной коммуникации.

Одни авторы считают, что информационные технологии изменили традиционные способы, которые используют политические структуры как в политическом так и в избирательном процессах. В контексте электронного государства это связывается с цифровыми технологиями. Ряд тенденций в развитии инноваций и роста, как в частном, так и в государственном секторах, в настоящее время также связываются с цифровыми технологиями, предиктивной аналитикой, «облачностью» и стали сутью модернизации, изменили роль информационно-коммуникационных технологий в целом (Денисов, 2019, 24).

Другие авторы педалируют решение вопроса цифровизации политического управления посредством анализа структуры ее политических возможностей. Определяются отдельные индикаторы, которые в той или иной степени могут быть интерпретированы как политические возможности цифровизации (Каплуненко, 2019, 109). По мнению автора этих индикаторов, недостаточно для того, чтобы можно было говорить именно о структуре политических возможностей. В данном случае свою актуальность при-

обретает проблема учета особенностей региона и принятие политических решений.

Актуальная информационная реальность обозначает тенденции перехода к электронной электоральной политике, возможности электронного наблюдения в избирательном процессе, участию «мобильных избирателей» в избирательных кампаниях через сайт Госуслуги и т.п. Среди политических акторов, которые используют современные цифровые платформы в своей повседневной деятельности, целесообразно отметить политические партии. Обозначается фактор перехода от партий в понимании как предвыборный проект, избирательная машина, бренд к осмыслению и формированию новой – «цифровой партии», в которой цифровые технологии могут рассматриваться как средство достижения цели более демократического общества и проведения более открытой политики, чем традиционной.

Можно предположить, что предстоящие электоральные циклы в контексте перехода от партии как референдума легитимности лидеров к партии как проекту трансфера власти для поколения будут акцентировать свою цифровую и технологическую модернизацию.

В процессе реализации информационно-коммуникативных трендов определяются маркеры цифровой модернизации политической партий. К таким маркерам можно отнести:

- цифровой старт (применение цифровых устройств, сервисов, технологий и программного обеспечения);
- цифровая среда (потребление цифровой информации);
- цифровое лидерство (производство цифровой информации и взаимодействие в цифровой среде).

В настоящее время в партии «Единая Россия» создана и активно действует постоянная единая цифровая среда, позволяющая оперативно и качественно решать текущие партийные задачи. Электронными ресурсами партии «Единая Россия» являются:

- информационная система «Вся Россия»;
- платформа «Электронное предварительное голосование»;
- партийное мобильное приложение «Партия на ладони»;
- электронная приемная партии;
- система «Партрадар» и другие.

Администрирование партийной информационной системы «Вся Россия» началось в 2012 году. Основными задачами, которые решает система являются: формирование единой специализированной базы данных о членах и сторонниках партии, обмен внутрипартийными документами, автоматизация задач электорального цикла и другие.

Другим элементом развития партийных информационных технологий «Единой Россией» стало создание модуля «Электронное предварительное голосование».

Возможность обозначить свою гражданскую позицию, принять полноценное участие в голосовании, не посещая при этом счетный участок, вызвала интерес у граждан, общественности и обозначила для партии следующие направления дальнейшей работы:

- прозрачность процедуры сохранения подсчета результатов волеизъявления каждого голосующего (система блокчейн);
- расширение количества избирателей, участвующих в процедуре электронного предварительного голосования.

Задачи коммуникационной активности партии решает мобильное приложение «Партия на ладони», содержащее такие разделы как новости партии, справочник всех региональных и местных отделений партии, партийное представительство в законодательных и представительных органах субъекта. Для авторизированных пользователей доступны также следующие сервисы: платформа для экспертных инициатив, внутрипартийных обсуждений, опросов и другие.

Коммуникативной площадкой партии и общественности стала запущенная в 2019 году онлайн приемная Председателя партии «Единая Россия» Д.А. Медведева по работе с обращениями граждан.

Актуальной является информационная система «Партрадар», которая позволяет вести мониторинг и интеллектуальный анализ медиапространства. В данном направлении осуществляется контроль социальных сетей и блогосферы, информационных каналов новостных лент. Система позволяет:

- определить рейтинги медиа-активности объектов мониторинга;
- выявить медиа-тренды, тональность публикаций и раннее определение информационных угроз;
- структурировать базу информационных материалов по каждому региону;
- формировать отчетные данные, описывающие характер и количество упоминаний об объекте мониторинга в медийной среде.

Таким образом, цифровизация политических партий с одной стороны способствует автоматизации текущих вопросов, укреплению и переводу в цифровую форму горизонтальных коммуникаций партийных активистов всех уровней, поддержки принятия решений (система мониторинга, электронная отчетность), а с другой стороны - информированию широких кругов населения, вовлечению в гражданскую активность с помощью цифро-

вых технологий, созданием новых форм двустороннего взаимодействия с обществом.

Библиографический список

Денисов А.С. Сквозные технологии в электронном государстве: социально-политический аспект // Цифровизация политического пространства. – 2019. – №4. – С. 21-36.

Каплуненко А.М. Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – №4. – С.107-112.

ДИСКУРС ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ГОЛОСОВАНИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ РОССИИ⁵⁵

В.И. Федоров (Москва)

Актуальность исследования особенностей политического участия российской молодежи в социальных сетях обусловлена увеличивающимся влиянием Интернета на реальный политический процесс в России. Электронное голосование как новая важная практика политического участия оформилось в качестве предмета обсуждений в социальных сетях России в 2020 году. В электронном голосовании по поправкам в Конституцию в период 25-30 июня приняли участие 1,2 млн. избирателей г. Москвы и Нижегородской области.

В России в 2020 году сформировались условия для роста неконвенционального политического участия. Модернизация политической системы, инициированная внесением существенных изменений в Конституцию России и ограничения в связи с коронавирусом создали предпосылки для социально-политического и экономического кризиса. Социальные сети могут быть эффективной площадкой для подготовки массовых протестных акций, и выступают местом для выхода «политического пара» без трансформации онлайн-протеста в офлайн-пространство городских улиц и площадей.

За 15 лет своего развития крупнейшие социальные сети существенно изменились, превратившись из канала обмена сообщениями в виртуальную проекцию общества и физического мира, актуальные базы данных о миллионах избирателей. Вопрос о влиянии социальных сетей на реальный по-

⁵⁵Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32132 «Молодёжь в социальных сетях: особенности политического участия (Россия, 2019-2020 гг.)»

литический процесс активно обсуждается в экспертном сообществе как в России, так и за рубежом. По состоянию на июль 2020 года в России социальными сетями пользуются более 40 млн человек, из них на долю молодежи приходится 70%. Такие популярные социальные сети как Facebook, «В контакте», «Одноклассники», Instagram являются влиятельными площадками для выражения политических взглядов, призывов к мобилизации сторонников и, следовательно, формированию общественного мнения и новых моделях политического участия.

В исследованиях влияния социальных сетей на политический процесс и политическое участие сложилось три основных подхода: политологический, социологический и психологический.

Политологи рассматривают социальные сети как новый эффективный инструмент политического манипулирования. Изучение влияния интернет-коммуникации на политические процессы является актуальным предметом политологических исследований. Значительный вклад в разработку данной проблемы внесли такие исследователи, как Ю.Д. Артамонова, А.С. Ахременко, С.В. Володенков, А.Л. Демчук, Д.О. Королева, К.Н. Поливанова, И.Б. Филиппов (Артамонова, Демчук, 2020, 69-79; Ахременко, Филиппов, 2019, 200-225; Володенков, Артамонова, 2020, 188-196; Поливанова, Королева, 2016, 173-182).

Социологи изучают влияние социальных сетей на формирование общественного мнения. В этом аспекте заслуживают внимания работы исследователей, которые опираются на эмпирические исследования, в частности, Е.В. Бродовская, Ю.Г. Мисников, К.А. Платонов, О.Г. Филатова, Т. Хуанг, Д.И. Юдина (Бродовская, Хуанг, 2019, 3-18; Мисников, Филатова, 2019, 320-340; Платонов, Юдина, 2019, 226-249).

В рамках политической психологии изучается эмоциональный профиль пользователей социальных сетей. Внимания заслуживают работы таких авторов, как А.Х. Аянян, М. Барбоса, Р. Матос, С. Мендес, М. Соарес, Н. Тауш (Ayanian, Tausch, 2016, 700-721; Soares, Barbosa, Matos, Mendes, 2018, 27-35).

В результате исследования определены ключевые особенности дискурса об электронном голосовании в социальных сетях России в контексте политического участия. Это позволяет разработать условия для конвенционального политического участия и обучения избирателей новому способу голосования. В рамках исследования получены следующие научные результаты:

1. разработаны рекомендации по оптимальной для России форме взаимодействия власти и общества в социальных сетях по вопросу развития электронного голосования;

2. определен набор факторов, провоцирующих рост неконвенциональных форм политического участия в социальных сетях. Главными факторами делегитимирующими политический режим являются: фальсификация итогов голосования, силовое подавление протестных акций, массовые задержания и судебные процессы против участников протестных акций, снижение реальных доходов населения, информационная закрытость официальных аккаунтов органов государственной власти и местного самоуправления, нарушение госслужащими и лицами, замещающими выборные должности общепринятых норм поведения в обществе;

3. факторами, способствующими росту конвенциональных форм политического участия в социальных сетях являются: легитимность выборов, низкая митинговая активность, рост реальных доходов населения, достоверность и регулярность обновления информации в аккаунтах органов государственной власти и местного самоуправления, демонстрация обратной связи между обществом и властью;

4. социально-демографические характеристики пользователей оказывают определяющее влияние на поведение в социальных сетях и отношение к электронному голосованию. Радикальные политические взгляды и высокий уровень недоверия к электронному голосованию зафиксирован у студентов в возрасте от 18 до 25 лет, которые не имеют официальной работы и не состоят в браке. Носителями конформистских

5. в возрасте от 30 до 35 лет, они имеют официальное трудоустройство, банковский кредит и состоят в браке, но предпочитают голосовать при помощи традиционных бумажных бюллетеней.

Библиографический список

Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Коннективная идентичность в современном мире // Вопросы философии. – № 4. – С. 69-79.

Ахременко А.С., Филиппов И.Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 200-225.

Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3-18.

Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 188-196.

Мисников Ю.Г., Филатова О.Г. Интернет-дискуссия как форма электронного участия: российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 320-340.

Платонов К.А., Юдина Д.И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 226-249.

Поливанова К.Н., Королева Д.О. Социальные сети как новая практика развития городских подростков // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 173-182.

Ayanian A.H., Tausch N. (2016) How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. No. 4. P. 700-721.

Soares M., Barbosa M., Matos R., Mendes S. M. (2018) Public Protest and Police Violence: Moral Disengagement and its Role in Police Repression of Public Demonstrations in Portugal // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. Vol. 24. № 1. P. 27-35.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК В СЕТИ ИНТЕРНЕТ⁵⁶

А.А. Беляков, А.А. Фролов (Ярославль)

Современная гражданская активность представляет из себя сложную совокупность общественно-политических процессов, проходящих не только в реальном мире, но, что является характерным признаком современного этапа ее развития, и в виртуальном пространстве. Актуальность исследования гражданской активности объясняется не только демократизацией российского общества и возрастанием значимости и усложнения горизонтальных общественных связей, но и развитием различных электронных средств коммуникации (Фролов, 2016, 185). Становясь частью общественно-

⁵⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346 «Специфика формирования и динамика трансформации повесток сетевых протестных сообществах в современной России»

политических процессов Интернет, и различные информационные продукты становятся полноценными площадками для осуществления гражданской активности.

Исследователи гражданских процессов, протекающих в виртуальном пространстве, выделяют множество новых форм участия, порождённых Интернетом, социальными сетями, различными сайтами и площадками. Так, в сети Интернет особенно популярны такие формы активности, как общение и обсуждения на форумах общественно значимых проблем, а также различные благотворительные акции (Соколов, 2019, 52). Тем не менее, значительная доля онлайн-гражданской активности приходится на коллективные действия, связанные с протестом. В отечественной политологии нет единого представления о сущности протеста: в зависимости от точки зрения его называют, с одной стороны, нековенциональным, внесистемным и деструктивным поведением, с другой, проявлением гражданской активности, формулирующей необходимость в изменениях (Палагичева, 2019, 220). Подобное различие в понимании протеста связано с достаточно обширным опытом исследования его проявлений в России и в мире за последние 5-10 лет. Появление нового виртуального пространства и, как следствие, новых форм протестной активности, заставляет уделять этому явлению все большее внимание.

Интерес к онлайн-протесту объясняется в том числе тем, что социальные сети предоставляют активистам достаточно широкий функционал для коммуникации. В том числе, благодаря размещению информации в группах и на личных страницах в форме постов. Содержание постов, фактически, передает основные идеи, цели, интересы участников протеста или его организаторов. С точки зрения анализа протестной активности интерес представляют протестные повестки, которые транслируются в постах. Протестная повестка – это совокупность идей, тем, которые являются сущностным информационным наполнением протестной кампании и служат для обращения внимания на проблему, мобилизации соратников или обращения к какой-либо стороне конфликта.

В зависимости от того, на каком этапе протестной кампании транслируется та или иная тема или идея, можно выделить основную (декларируемую) повестку и дополнительную (второстепенную). Основное отличие этих двух повесток заключается в том, что основная несет в себе информацию, которая легла в основу зарождения протеста, а вторичная возникает в процессе активности как реакция протестующих на иные проблемы. Очевидно, что при возникновении в информационном поле протеста дополнительных тем, частота трансляции основной повестки будет сокращаться.

Данное явление можно определить как трансформацию декларируемой повестки – процесс изменения общего дискурса в рамках протестной кампании с основных тем на второстепенные, появляющиеся с течением времени.

Исходя из наблюдений за протестными кампаниями в социальных сетях, можно выдвинуть гипотезу, что трансформация декларируемой повестки происходит по-разному, в зависимости от типа и тематики протестной кампании. Мы можем выделить следующую классификацию процесса трансформации протестных повесток:

Незначительная трансформация. Данный процесс означает, что протестная кампания в течение длительного времени сохраняет статичность информационного поля, где приоритетной повесткой является изначально декларируемая. Стоит заметить, что подобная трансформация зачастую характерна для локальных протестов, которые объединяют людей с одной территории, связанных общей личной проблемой и т.д. В качестве примера подобного протеста можно привести различные объединения обманутых дольщиков. Так, второе по величине сообщество обманутых дольщиков в социальной сети «ВКонтакте» – «Обманутые дольщики | Челябинск» (<https://vk.com/public108702296>) содержит, в основном, посты связанные с борьбой за права обманутых дольщиков. Здесь можно встретить единичные посты на другие тематики, но их нельзя назвать систематическими и, что важнее, протестными так как они связаны с бытовыми темами, поздравлениями с различными праздниками и т.д.

Частичная трансформация. Данный тип процессов трансформации протестных повесток можно встретить в достаточно крупных протестных кампаниях, декларируемая повестка которых определена достаточно четко, но имеет множество проявлений. В данном случае основная повестка сохраняет интенсивность трансляции, но все еще является достаточно общей. Как результат, для полноценного освещения проблемы, гражданские активисты вынуждены транслировать дополнительные повестки по отдельным составным проблемам, включенным в основную повестку. Для того, чтобы привести пример подобной трансформации стоит обратить внимание на протестные акции, которые проходили в России в апреле – июне 2020 года. Основная повестка в рамках данных акций сохранялась – отмена ограничений в связи с распространением коронавирусной инфекцией. Однако, в связи с тем, что данный протест был достаточно массовым, в нем появлялись вторичные повестки от различных социальных групп: представители бизнеса, студенты, многодетные семьи, люди с ОВЗ и т.д. Таким образом, мы могли наблюдать, что основная повестка частично уступила место требова-

ниям о дополнительной поддержке, снятии ограничений, а также критике власти и вопросам, связанным с общероссийским голосованием по поправкам к Конституции.

Преимущественная (полная) трансформация. Данный процесс характерен для затянутых во времени протестных кампаний. В них, наблюдается продолжительный этап доминирования основной повестки, которая, с течением времени полностью распадается на отдельные второстепенные повестки, одна из которых может занять доминирующую позицию. В качестве примера можно привести экологические протесты в России: протест против строительства мусорного полигона у станции Шиес (https://vk.com/great__food, https://vk.com/ob_kotlas), протест против строительства целлюлозно-бумажного комбината на Рыбинском водохранилище (https://vk.com/stopcbk_volga, https://vk.com/stop_cbk) и протест против строительства завода на озере Байкал (<https://vk.com/public166386670>). При анализе групп в социальных сетях было определено, что протестная повестка в рамках таких кампаний из изначальной экологической трансформировалась в политическую, а главной повесткой стал не ущерб окружающей среде и потенциальный вред здоровью местных жителей, а критика региональных и федеральных властей, а также мобилизация населения на протест.

На приведенных примерах мы видим, что протестная повестка – сложное и динамичное явление, подверженное влиянию внутренних и внешних факторов. Дальнейшее изучение процессов ее трансформации в социальных сетях позволит выявить принципы и закономерности транслирования различных протестных тематик в социальных сетях, а также определить наиболее радикализирующиеся и поддерживаемые пользователями проблемы.

Библиографический список

Палагичева А.В. Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – №1. – С. 218-231.

Соколов А.В. Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – №2. – С. 45-58.

Фролов А.А. Методика индексного исследования гражданской активности для регионов российской федерации // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 4. – С. 184-193.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИИ РФ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОТНОШЕНИЙ СВОЙ/ЧУЖОЙ И КУЛЬТУРНУЮ ПАМЯТЬ⁵⁷

Л.А. Холова (Астрахань)

Использование в качестве одного из основных инструментов бинарной оппозиции «Свой-Чужой» для оправдания и легитимизации политических решений, а также внесения конституционных изменений неоднократно обсуждалось зарубежными и отечественными исследователями, где подчеркивалось влияние общемировых тенденций (Хабриева, 2016; Martin Rojo, van Dijk, 1997). Эта бинарная оппозиция обладает значительной аналитической гибкостью и может стать частью конструирования и выражения (политизированных) идентичностей индивидов и групп различного масштаба (Молодыхенко, 2017).

Современная конституционная реформа характеризуется изменениями фундаментальных основ государства и общества в соответствии с последними общественными изменениями и целеполаганием, которое должно привести к определенным результатам. Модернизация общества, фиксируемая на законодательном уровне посредством внесения изменений в основной закон государства, достигается благодаря достижению обществом определенного уровня культуры и толерантности, направленными на сохранение мира, защиту суверенитета и исторически сложившегося государственного единства. Особый упор в новой 67 статье Конституции и дополнении 4 статьи 68 делается на конструирование и выражение идентичности, а также сохранение и поддержание культурной памяти народа страны: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство; Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается; Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» (Конституция..., 2020). Следует отметить, что вышеуказанные поправки направлены на укрепление позиции «Своих» и «Своего» и их четкое позиционирование.

⁵⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90034 «Трансформация образа Чужого в культуре постсоветского пространства Каспийского макрорегиона»

Внесение изменения в статью 79, которое разрешает не исполнять решения межгосударственных органов, если они противоречат Конституции, может повлечь за собой расторжение и отдаление в области международных отношений, акцентируя важность и приоритет «Своего». Новая статья 79, гласящая: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства» может привести к созданию круга «Чужих» исходя из акцентированных государством, а не обществом возможных политических угроз.

Признание и закрепление в Конституции РФ России как правопреемника Союза ССР оставляет за собой не только правовой интерес и принятие на международном уровне, но и может способствовать укреплению интереса подрастающих поколений к советскому периоду истории и закреплению влияния советских ностальгических настроений. Однако, общественная обеспокоенность проблемой пересмотра истории под влиянием политической конъюнктуры может перерасти в идеологическое разделение «Своих» и «Чужих» по принципу принятия или отрицания того или иного исторического факта, где отрицающий становится не просто «Чужим» для всего общества, но и государственным преступником. В контексте истории разграничение приобретает особое значение: на основе анализа исторических фактов современная политическая элита России выстраивает политическую стратегию, которая теперь конституционально становится общегосударственной стратегией. Политические события последних десятилетий и новая этика цифрового пространства оказывают дополнительное влияние на расстановку и систему образов «Свой-Чужой». Феномен постправды в условиях активной дигитализации постсоветской России оказывает влияние на информационное пространство и гражданскую этику российских граждан. Доступность информации об образе жизни и мировоззрении западных, более либеральных обществ и эмоциональность подачи информации в социальных сетях культивируют идеологический разлом, который опять же в условиях законодательного закрепления, провоцирует возможное увеличение государственных идеологических преступлений. Вбросы «фейковой», или недостоверной информации, выдаваемой за государственные ролики и пропаганду, являются проблемным следствием «постправды» для современного общества. Лучше всего фейковая новость распространяется в ситуации угрозы, когда члены сообщества хотят предупредить других его членов о грядущей опасности. Типичные фейковые новости касаются

двух вещей – политики и повседневной жизни. Но и в том, и в другом случае в основе их лежат устойчивые сюжеты, зачастую носящие наднациональный характер. Аудитория формирует свое отношение к чему-либо согласно представляемым интернет-пространством сведениям. Усиление роли социальных антагонизмов в российском обществе приводит к тому, что индивид может отнести себя к категории Чужого, так как разделяет точку зрения, которая не поддерживается большинством (государством). Поэтому он, чтобы не остаться в изоляции, старается не выражать открыто свое мнение по тому или иному вопросу. Данная ситуация приводит к формированию «спирали молчания», согласно которой человек с меньшей вероятностью выскажет своё мнение на ту или иную тему, если чувствует, что находится в меньшинстве, так как боится возмездия или изоляции (Ноэль-Нойман, 1996). Идеологическая маркированность контента, формируемая в соответствии с новыми законодательными требованиями должна быть направлена на сохранение благоприятных межличностных и межнациональных отношений в оси «Свой-Другой-Чужой» и подчеркивать не отличия и противодействия, а сглаживать негативные аспекты коммуникации.

Библиографический список

Молодыхченко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. № 3. – С. 122–133.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.

Текст Конституции Российской Федерации, принятый всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. – М., 2016.

Martin Rojo L., Dijk T. A. van. «There was a problem, and it was solved!»: Legitimizing the expulsion of ‘illegal’ migrants in Spanish parliamentary discourse // *Discourse & Society*. 1997. Vol. 8, № 4. Pp. 523–566.

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА⁵⁸

И.П. Цапенко (Москва)

Цифровизация общества оказывает многомерное и неоднозначное по своему характеру воздействие на трансграничную мобильность и ее регулирование. Выделяется три основных направления влияния цифровых технологий (ЦТ) на миграционную сферу.

1. Распространение ЦТ способствовало возникновению особого, внепространственного и вневременного типа бытия, которому присущи ультрамобильность и подключенность к телекоммуникационным сетям. Подобному стилю жизни привержена быстро растущая страта цифровых нómáдов, называемых «гражданами мира», «людьми вселенной», живущими под множеством «флагов», которые не привязаны к какому-либо определенному месту и в процессе профессиональной деятельности, учебы и т.п. могут постоянно перемещаться благодаря использованию «кочевнических технологий» (Арпентьева, 2018; Кужелева-Саган, 2016).

В когорте цифровых нómáдов, включающей фрилансеров, собственников компаний, топ-менеджеров «бизнеса без офиса», высокооплачиваемых консультантов-экспертов, студентов и др., высоким миграционным потенциалом выделяются профессионалы в области ЦТ. Согласно исследованию VCG, проведенному в 2018 г. 197 странах мира, 67% представителей «цифровых профессий» заявили о готовности переехать работать в другую страну по сравнению с 57% всех опрошенных работников. В России соответствующие показатели составляли 58 и 45%. Наиболее сильными намерениями эмиграции, в первую очередь в США, отличались выходцы из Индии и Бразилии – более 75% специалистов цифрового профиля (массовый отъезд которых чреват отставанием стран исхода в цифровом и социально-экономическом развитии и усилением его мировой асимметрии). Напротив, аналогичная группа респондентов в Китае составляла только 38%, где интенсивное развитие цифровой экономики привлекает эту категорию работников перспективами занятости (VCG, 2019).

2. Обусловленные цифровыми технологиями трансформации глобального рынка труда (Садовая, Сауткина, Зенков, 2019), а именно расширение возможностей удаленной работы в режиме нестандартной или альтернативной занятости на фирмы, расположенные за рубежом, способству-

⁵⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-29-02244 «Место и роль интеллекта населения в системе факторов развития страны»

ет растущему замещению части физических перемещений работников, в особенности профессионалов, их цифровой, виртуальной миграцией (оборотной стороной которой является миграция рабочих мест). Этот процесс приобрел особую значимость и для работников, и для их работодателей в условиях противоэпидемических ограничений мобильности. По оценкам Deloitte, коронакризис ускорил перевод работы в режим он-лайн. примерно на 5 лет. Если в 2019 г. в развитых странах примерно 5% занятых работали из дома, к 2021 г. таковых будет насчитываться уже порядка 25-30% (Gamlen, 2020). Сходное значение для иностранных студентов и образовательных организаций имел перевод значительной части учебных курсов в дистанционную форму. «При закрытости территориальных границ ... информационные технологии оставляют открытыми «виртуальные» границы» (Triandafyllidou, Nalbandian, 2020). Эти процессы в свою очередь ставят вопросы о необходимости разработки методик оценки масштабов цифровой миграции и социальных последствий конкуренции оффшорных и местных работников, требуют изменений в законодательстве, касающихся введения разрешения на дистанционное трансграничное предоставление услуг и соответствующего ему режима социального страхования и др.

3. Расширяется использование ЦТ в сфере управления миграцией, первоначально ограничивавшееся информированием на соответствующих сайтах мигрантов о правилах получения виз и возможностях зарубежного трудоустройства, затем пополнившееся предоставлением электронных услуг подачи документов на визы и отслеживания их готовности. МВД России, например, реализует цифровые сервисы проверки готовности разрешения на временное проживание и вида на жительство, получения приглашений на въезд в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства и др., а также практикует ограниченную выдачу электронных виз.

Еще пандемии началось формирование цифровых платформ управления миграцией (ЦП). На таких платформах хранится информация о трудовых контрактах, квитанциях платежей, медицинских сертификатах и других документах мигранта, подобные записи формируют его «цифровой след» и могут ему пригодиться в случае конфликтов с работодателем, кадровым агентством и т.п. ЦП способны сократить расходы и время на прохождение административных процедур, существенная величина которых порой вынуждает людей прибегать к неофициальным и небезопасным каналам миграции.

В условиях пандемии и секьюритизации миграционной повестки ЦТ стали широко применяться для осуществления иммиграционных процедур, контроля за въездом, пребыванием и занятостью иностранцев и обеспече-

ния санитарно-эпидемической безопасности населения. Получили распространение он-лайн собеседования представителей иммиграционных служб с претендентами на получение виз и гражданства, бесконтактные технологии досмотра пассажиров и их багажа в местах пропуска через государственные границы (Benton, 2020). Применение ЦТ создало небывалые технические возможности для повсеместного осуществления жестких мер в области надзора за соблюдением карантинных мер приезжающими из неблагополучных в эпидемическом отношении стран, включая сограждан, и отслеживания контактов этих путешественников. Это дало основание волне конспирологических выступлений в СМИ о формировании электронного концлагеря под предлогом борьбы с эпидемией. И, кроме того, породило широкую дискуссию об этической стороне подобного контроля и правилах соблюдения безопасности личных данных, «о том, в какой мере эти практики могут подорвать демократические институты Запада и как возможен либеральный электронный надзор за гражданами» (Силаев, Проценко, 2020, 23). Подобные практики заостряют поставленный гораздо ранее британским социологом Дж. Урри вопрос о том, насколько мобильным следует быть хорошему обществу: «Если вслед за мобильностями возникают системы массового контроля и отслеживания, не будет ли предпочтительней менее мобильное общество?» (Урри, 2012, 87).

Исторический опыт иммиграционных рестрикций в условиях угроз национальной безопасности внушает опасения относительно продолжения жестких мер после окончания пандемии. МВД России стало летом 2020 г. в условиях спада заболеваемости продвигать электронные методы контроля за пребыванием и занятостью мигрантов в стране.

Таким образом цифровизация управления мобильностью, с одной стороны, способствует повышению безопасности и комфортности мобильности, повышению эффективности контроля, а с другой, – несет риски ущемления прав широких слоев населения.

Библиографический список

Арпентьева М. Современные трансграничные миграции и цифровой номадизм // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. – Барнаул, 2018. – С.64-76.

Кужелева-Саган И.П. Культура цифровых кочевников и возможные подходы к её изучению // Connect-Universum – 2016. – Томск. – С. 166-182.

Садовая Е.С., Сауткина, В.А., Зенков, А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. – М., 2019.

Силаев Н., Проценко Н. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу // Международная аналитика. – 2020. – №1. – С. 11-26.

Урри Дж. Мобильности. – М., 2012.

BCG Decoding Digital Talent. 2019. Режим доступа: https://image-src.bcg.com/Images/BCG-Decoding-Digital-Talent-May-2019-R-2_tcm9-219578.pdf

Benton M. The Rocky Road to a Mobile World after COVID-19. Commentaries. May 2020. Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/news/rocky-road-mobile-world-after-covid-19>.

Gamlen A. Migration and Mobility after the 2020 Pandemic: The End of an Age? University of Oxford, Centre on Migration, Policy and Society Working Paper, 2020, №. 146. 23 p.

Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. New York: Wiley, 1997. 256 p.

Triandafyllidou A., Nalbandian L. «Disposable» and «essential»// Time for a Reset? August 2020. Режим доступа: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/disposable-and-essential.pdf>

СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

З.Т. Чадаева (Краснодар)

Современные региональные конфликты, как правило, представляют собой сложные объекты управления, что объясняется их блоковыми характеристиками. Исходя из этого, система политического управления такими конфликтами, включающая в себя субъектов управления и совокупность коммуникаций между ними, должна быть как минимум не менее сложной. В условиях развития сетевых взаимодействий и их цифровизации необходимое качество управления может быть достигнуто только за счёт интеграции формальных и неформальных политических институтов. К числу последних относятся сетевые структуры.

К настоящему времени исследования сетевых аспектов политического управления региональными конфликтами недостаточно концептуализированы. Традиционные подходы к этой проблематике преимущественно сосредоточены на формализованных процедурах институционализации конфликтов, выборе индикаторов для их мониторинга и ряде других проблем, отражающих позицию, при которой в качестве основного субъекта управления выступает государство, действующее через правовые механизмы. Не всегда берётся в расчёт распространение в регионах институцио-

нальных комплексов, включающих в себя институты разной природы и различной степени комплиментарности. Это в особенности характерно для Северного Кавказа.

Среди попыток создать объяснительную модель, адекватную реальному положению вещей в данной сфере, следует выделить исследования И. Р. Аминова. Он предлагает рассматривать региональное сообщество в духе концепции Б. Латура как "потокосное пространство", представляющее собой "комплекс акторов и коммуникационных связей, включающий людей/группы людей, а также символы/симулякры нематериальных идей, мифов, идеалов и материальных вещей" (Аминов, 2017, 157). Если соотнести это определение со структурой региональных конфликтов, то можно выделить в последних объектную составляющую, включающую в себя как материальные ресурсы (территории, хозяйственные комплексы, финансовые потоки и др.), так и нематериальные (идеи, традиции, символические действия и др.). При этом многие объекты существуют в нерасчлененном состоянии. Например, земля может выступать и как ценный экономический ресурс, и как символическая основа существования группы людей (общины, рода, этноса и т.д.). Подобный ракурс рассмотрения противоречий, служащих потенциальной основой конфликта, обогащает наши представления о структуре ценностей, интересов и мотиваций участников.

Однако в целом задача отобразить региональную конфликтность средствами и методами сетевого подхода, столь развитого в настоящее время в политические науки, пока представляется нерешённой концептуально и методологически. Для продвижения в данном направлении необходимо осмысливать и перерабатывать с учётом специфики политико-региональных процессов концепты, востребованные в различных областях политологических исследований. В частности, заслуживает внимания применение сетевого подхода в исследованиях локальной политики. И.В. Мирошниченко с соавторами отмечают, что на этом уровне формируются современные и постмодерные социальные сети, имеющие потенциал для реализации своей политической субъектности посредством публичной деятельности. При этом необходимо внедрение в современную практику муниципальных образований механизмов сетевого публичного управления и сетевого менеджмента (Мирошниченко, Рябченко, Ячменник, 2017). На наш взгляд, аналогичные процессы происходят на региональном уровне. В Северокавказском регионе, к примеру, большое значение имеют этнические и религиозные сети.

Принципы использования сетевого подхода обоснованы в исследованиях А.И. Кольбы. Рассматривая феномен политических сетей с позиций

неоинституционального подхода, он выделяет ряд функций сетевого взаимодействия:

- агрегативную (агрегирование интересов множества отдельных участников конфликтов);
- интегративную (сплочение участников, имеющих схожие интересы);
- ресурсную (обмен ресурсами, позволяющий повысить ранг конкретного участника конфликта или создать коалицию);
- конфликтную (создание пространства для дискуссий и других видов конфликтного взаимодействия) (Кольба, 2012).

Также следует обратить внимание на такой подход, как агентоцентрированный анализ. Его значимость определяется возможностью исследования сетей на микроуровне, что позволяет понять макрокартину и макротренды на уровне целостной сложной разветвленной сети (Куркина, Князева, 2017). Таким образом, мы можем проследить развитие региональных конфликтов на различных уровнях, начиная от повседневного взаимодействия между первичными акторами – гражданами, жителями тех или иных мест, регионов. Для субъектов РФ, относящихся к СКФО, это особенно важно, поскольку истоки весьма сложных конфликтов здесь зачастую находятся в соседских, межличностных, локальных отношениях, связаны с противоречиями между традиционными и инновационными практиками в этой сфере.

Подводя итог исследования, следует отметить, что формирование методологии и методики исследования региональной конфликтности с позиций сетевого подхода представляется необходимым не только для дальнейшей концептуализации представлений о ней, но и с точки зрения решения прикладных задач. Современная практика показывает недостаточное внимание структур, принимающих политико-управленческие решения, к сетевой составляющей конфликтных отношений, что приводит к недооценке потенциала конфликтности, некорректной оценке характера и возможных вариантов развития конфликтов.

Библиографический список

Аминов И.Р. Кластерный анализ потокового пространства региона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 4. – С. 155–160.

Кольба А. И. Политические сети в системе управления политическими конфликтами и протестными действиями // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2012. – № 3. – С. 36–42.

Куркина Е.С., Князева Е.Н. Методология сетевого анализа социальных структур // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22. № 2. – С. 120–135.

Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Ячменник К. В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – №1. – С. 150–163.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Б.П. Черненко (Краснодар)

В эпоху научно-технической революции роль науки и интерес к ее проблемам значительно усилились. Успехи науки стали неотъемлемым фактором экономического развития. В современном мире инновационное развитие становится основой конкурентоспособности государств, позволяет им приобретать преимущества, обеспечивающие экономический рост и благосостояние населения.

В самом общем виде научно-техническую политику можно определить как совокупность мер по развитию научно-технического потенциала страны, основанных на всестороннем взаимодействии науки и техники.

И.П. Воробьева считает, что научно-техническая политика государства – это «совокупность стратегических и тактических целей, задач и направлений по развитию научно-технического потенциала, эффективному его использованию в интересах социально-экономического развития общества» (Воробьева, 2013).

Д.Ю. Знаменский под государственной научно-технической политикой предлагает понимать «сложный комплекс целей, задач и приоритетов государства в области развития и эффективного использования научного потенциала страны, подкрепленный соответствующим нормативно-правовым обеспечением, а также систему государственных и общественных институтов, обеспечивающих их реализацию, и технологии взаимодействия государства и гражданского общества по формированию и реализации указанных целей и приоритетов» (Знаменский, 2016).

Любая политика, затрагивающая интересы всего общества, не может проводиться исключительно силами государственных органов. Необходимо подключение как можно более широкого круга субъектов, прямо или косвенно заинтересованных в результатах соответствующей политики.

Развитие науки и техники напрямую влияет на качество вооружения, обороноспособность государства, способствует повышению престижа страны на международной арене, стимулирует стремление других стран к тесному взаимодействию с успешными странами. Наконец, наука и техника влияет на культуру, вносит изменения даже на уровне менталитета, корректирует этические и эстетические взгляды людей, становится одной из определяющих тем философских трудов.

Государственная инновационная политика – это часть проводимой государством политики, относящаяся по цели к социально-экономической, направленная на всемерное развитие инновационной деятельности в стране, превращение инноваций в основу экономического роста, формирование и развитие инновационного общества и включающая целый ряд направлений. Такими направлениями являются подсистемы научно-технической, промышленной и структурной политики, денежно-кредитной политики, бюджетной и фискальной политики, внешнеэкономической и валютной политики, социальной политики, политики в области культуры, образования и регулирования рынка труда, а также правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Рассмотрим подробнее эти направления.

Научно-техническая политика – одно из направлений инновационной политики, под которой понимается система мероприятий, направленных на развитие научно-технического потенциала. Хотя научно-техническая политика и представляет центральное звено инновационной политики, это разные понятия, которые не могут быть взаимозаменяемыми. Основным содержанием научно-технической политики является создание условий, способствующих развитию научно-технической сферы. Научно-техническую политику можно определить как систему целенаправленных мер, обеспечивающих комплексное развитие науки и техники, широкое и быстрое распространение и освоение крупных нововведений, увеличение вклада НТП в стабилизацию социально-экономического развития. Составляющими научно-технической политики являются прогнозирование ее важнейших направлений, выбор приоритетов научно-технической деятельности, разработка научно-технических программ, размещение государственного заказа, финансирование научно-технической деятельности, налогообложение в научно-технической сфере. В инновационную политику, помимо указанных составляющих, входят многочисленные мероприятия, направленные на создание стимулов к инновационной деятельности для различных субъектов, развитие системы подготовки кадров, содействие финансированию инноваций со стороны предприятий-инноваторов и третьих лиц. Таким об-

разом, инновационная политика – гораздо более широкое понятие, чем научно-техническая политика.

Второе направление – это промышленная и структурная политика государства. Промышленную политику разные ученые трактуют по-разному, однако общим положением является то, что ее понимают как усилия государства по содействию экономическому развитию. Структурная политика – это политика в отношении структуры экономики, под которой понимается совокупность пропорций и отношений между всеми элементами хозяйственной системы, обеспечивающей ее целостность. Экономическая структура представлена следующими параметрами: вид производственной деятельности (промышленная, сельскохозяйственная, торговая), размеры экономических единиц, тип экономической организации (рыночная, плановая, переходная), распределение населения между секторами, ориентация экономической деятельности (внутренний и внешний рынок).

Как мы видим, промышленная и структурная политики тесно связаны с научно-технической. Так, развитие отечественной промышленности невозможно без выбора приоритетов научно-технической деятельности, без федеральных или региональных научно-технических программ. А выбор приоритетных направлений развития, осуществляемый в рамках научно-технической политики, неразрывно связан со структурной политикой, которая обеспечивает стимулирование и содействие в развитии тех или иных отраслей и производств. Следует заметить, что все направления государственной политики, входящие в инновационную политику, обнаруживают тесную связь и взаимопроникновение. Например, финансирование научно-технической деятельности (элемент научно-технической политики) осуществляется после выделения средств из бюджета (бюджетная политика), а налогообложение в научно-технической сфере является неотъемлемой частью фискальной (налоговой) политики.

Среди ключевых факторов развития современной экономики на одно из первых мест выдвигается задача внедрения во все ее отрасли новейших достижений научно-технического прогресса. На повестку дня все острее встают вопросы эффективности научно-технического развития, достижения наивысших качественных показателей в данной области. Это связано с исключительно высокими темпами развития науки и техники. Как показывают расчеты, каждые 10 лет в науке происходит удвоение знаний. А в некоторых областях темпы развития знаний еще выше.

Практика показывает, что любой этап научно-технического прогресса в первую очередь связан с развитием науки. Научные исследования и разработки по своему характеру, технологии и назначению подразделяются на

фундаментальные исследования, поисковые научно-исследовательские работы, прикладные исследования и опытно-конструкторские работы.

По результатам фундаментальных исследований формируются наиболее общие, перспективные научные направления, создается своеобразный научный багаж, без которого немислим научно-технический и социальный прогресс общества. Специфика фундаментальных исследований заключается в сложности планирования, в вероятностном характере их результатов. Разработка базовой модели мироустройства опирается на новые методы исследований, на особые способы постановки и решения исследовательских задач, на новые формы выражения знаний. То есть фундаментальные исследования во многом формируют мировоззренческую систему современного общества. Их общая ориентация выражена понятием «научное открытие», которое юридически фиксируется и оформляется правовыми нормами.

Совершенно очевидно, что важнейшей функцией фундаментальной науки является умение создать теоретические модели, математически и логически обосновать их содержание. Для того, чтобы любое научное открытие стало предпосылкой его практического воплощения, крайне важно его переформатировать так, чтобы просматривалась конкретная область применения, то есть открытие должно быть преобразовано в изобретение, в проект, выражающий человеческий интерес и его потребность.

В этом плане поисковые научно-исследовательские работы проводятся для изучения способов применения в прикладных изысканиях результатов фундаментальных исследований. В ходе поисковых научно-исследовательских работ накапливаются исходные данные, необходимые для формирования целей и определения объема затрат на прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки.

Прикладные исследования имеют конкретные цели по совершенствованию организации производства, разработке норм и стандартов, проектированию прогрессивных технических систем, изготовлению и испытанию опытных образцов, поиску более совершенных технологических процессов. Изобретения в области прикладной науки нормативно регистрируются и охраняются патентным правом. Государственно-правовая регистрация и юридическое оформление открытий и изобретений обеспечивают им статус интеллектуальной собственности.

Именно так реализуется метод восхождения от абстрактного к конкретному, как способ теоретической реконструкции проектируемого объекта, сокращения разрыва между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками.

Важность быстрого практического внедрения в производство новых научно-технических достижений объективно требует интеграции фундаментальных, поисковых и прикладных исследований. Успешное решение этой задачи связано с комплексным анализом современного этапа научно-технического прогресса в его тесной взаимосвязи с развитием общества, созданием такого технологического проекта, который реально влияет на социальный прогресс. Для современного этапа развития науки характерно интенсивное формирование теорий, которые прямо влияют на развитие техники.

В итоге хотелось подчеркнуть, что научно-техническая политика является составной частью инновационной политики, под которой понимается система мероприятий, направленных на развитие научно-технического потенциала. И хотя научно-техническая политика и представляет центральное звено инновационной политики, это разные понятия, которые не могут быть взаимозаменяемыми. Основным содержанием научно-технической политики является создание условий, способствующих развитию научно-технической сферы. Научно-техническую политику можно определить как систему целенаправленных мер, обеспечивающих комплексное развитие науки и техники, широкое и быстрое распространение и освоение крупных нововведений, увеличение вклада НТП в стабилизацию социально-экономического развития. В инновационную политику, помимо указанных составляющих, входят многочисленные мероприятия, направленные на создание стимулов к инновационной деятельности для различных субъектов, развитие системы подготовки кадров, содействие финансированию инноваций со стороны предприятий-инноваторов.

Научно-техническая политика тесно связана с промышленной и структурной политикой. Развитие отечественной промышленности невозможно без выбора приоритетов научно-технической деятельности, без федеральных или региональных научно-технических программ. А выбор приоритетных направлений развития, осуществляемый в рамках научно-технической политики, неразрывно связан со структурной политикой, которая обеспечивает стимулирование и содействие в развитии тех или иных отраслей и производств. Следует заметить, что все направления государственной политики, входящие в инновационную политику, обнаруживают тесную связь и взаимопроникновение. Однако наиболее тесная взаимосвязь прослеживается между научно-технической политикой и двумя другими видами экономической политики, имеющими ключевое значение для конкурентоспособности национальной экономики в условиях научно-технического прогресса, – промышленной и инновационной политикой.

Библиографический список

Воробьева И.П. Научно-техническая политика в России, ее возможности и проблемы // Проблемы управления в социальных системах. – 2013. – Т. 6. Вып. 9. – С. 36–43.

Знаменский Д.Ю. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации: понятие, подходы к исследованию // Социодинамика. – 2016. – № 6. – С. 47–55.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СФО)⁵⁹

Я.Ю. Шашкова (Барнаул)

Долгое время в постсоветский период патриотизм воспринимался лишь как элемент советской, ушедшей в прошлое, идеологической системы. Однако возрождение имперских амбиций отечественной политической элиты в середине 2000-х гг. вновь вернуло данное понятие в политический лексикон и систему образования.

В современной России усилия государства по политической социализации молодежи в основном сосредоточены в сфере патриотического воспитания, ставя знак равенства между ним и формированием гражданина. Так, в программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» под патриотическим воспитанием понимается «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» (Государственная программа...). При этом целью ее реализации обозначено «создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, вос-

⁵⁹ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества»

питания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию (Государственная программа, 5). Исходя из этих формулировок, основным адресатом патриотического воспитания становятся школьники, как в силу возраста первичной социализации, так и своей организованности и доступности для влияния.

Однако современная молодежь, выросшая в условиях информационного общества, «глобальной деревни» сильно отличается от предыдущих поколений, в связи с чем возникает вопрос эффективности предпринимаемых государством усилий и реакции на них со стороны адресата.

Школьная система патриотического воспитания опирается на взаимодействие двух компонентов, обусловленных разными трактовками понятия «патриотизм», в том числе и в тексте государственной программы. Первый компонент – военно-патриотический. Он предполагает наличие специализированной материально-организационной базы в виде военных и военно-исторических музеев, поисковых отрядов, военно-спортивных клубов и т.д., а также реализуется через конкурсы, показы фильмов, классные часы по соответствующей тематике. По своему содержанию он больше ориентирован на старших школьников, особенно юношей, готовя их к службе в армии.

В то же время, именно на военную патриотику делается акцент на государственном уровне. Как отмечают В.А. Касамара и А.А. Сорокина, российское патриотическое воспитание нацелено на «формирование милитаристских патриотических установок», реагирование «в первую очередь... на военные достижения страны» (Касамара, Сорокина, 2016, 100). И здесь можно констатировать успехи реализации государственных установок. Так, согласно данным проведенного осенью 2020 г. опроса старших школьников регионов СФО, в наибольшей степени чувство гордости за свою страну у них связано с победой в Великой Отечественной войне.

Вторым компонентом – более простым и доступным большинству школ и учреждений дополнительного образования – является формирование любви к «малой родине» через изучение истории своего региона, населенного пункта, семьи. Он может реализовываться даже в начальной школе и там обычно воспринимается с интересом.

На этом фоне наибольшее отторжение у современной молодежи вызывает сам факт «навязывания» информации патриотического содержания. Российские школьники, в частности регионов СФО, в подавляющем большинстве считают, что «патриотизм – это глубоко

личное чувство, которое нельзя навязывать», и отрицательно относятся к обязательному введению патриотического воспитания в школах и вузах. По их мнению, гораздо большую роль в формировании патриотических ценностей среди молодежи сыграют улучшение условий жизни населения и поднятие престижа страны в мире. При этом интересно, что формы и методы патриотической работы с молодежью (такие как деятельность историко-культурных, патриотических клубов и центров; проведение выставок, фестивалей и конкурсов патриотической направленности, военно-патриотические вахты и игры, создание соответствующей литературы и фильмов), хоть и воспроизводящие советские практики, не вызывают у учащихся резкого отторжения.

Привыкнув обрабатывать большие объемы разноплановой информации, предоставляемой Интернетом, школьники при ее оценке полагаются на собственное мнение или мнение своих близких – родственников, друзей, соответственно за семьей признавая и приоритетное право заниматься патриотическим воспитанием.

Вместе с тем, следует признать, что патриотическое воспитание воспринимается российской молодежью как элемент информационного потока, воспользоваться или не воспользоваться которым – их право. Лишь меньше половины респондентов считают себя патриотами, почти столько же хотели бы эмигрировать из страны при наличии такой возможности. Эти показатели указывают на наличие серьезных проблем в стратегии реализации государственной информационной политики в отношении молодежи, в том числе в области патриотического воспитания, решение которых должно лежать через ответ на главный вопрос – что такое современный патриотизм, и как он соотносится с растущей глобализацией.

Библиографический список

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы»: утверждена Постановлением Правительства РФ №1493 от 30 декабря 2015 г. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.

Касама В.А., Сорокина А.А. «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // ОНС. – 2016. – №6. – С. 99–110.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА СУБЪЕКТАМИ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВИДЕОХОСТИНГ YOUTUBE И «ДРУГАЯ» ПОЛИТИКА⁶⁰

А.А. Шестакова (Краснодар)

Трансформация медийного пространства формирует правила восприятия социально-политического контента пользователями сетевых платформ, конструируя в сознании субъектов сетевой коммуникации определённое отношение к политическому устройству и закладывая фундамент социально-политических взглядов через призму развлекательного контента. В эпоху сетевого общества ни для кого уже не секрет, что социальные online-сети стали неотъемлемым инструментом коммуникативных практик, влияющих на формирование идентичности, конструирование имиджа личности, выстраивание социальных привычек. Причем важно отметить, что формат видеоконтента несет большую смысловую нагрузку, в отличие от поста с обычным визуальным контекстом, тем самым усиливая рейтинг доверия к потребляемому материалу. Как следствие, популярность завоевал формат Stories в социальной сети Instagram и формат «интервью» в топовом видеохостинге YouTube.

Видеохостинг YouTube является одной из самых популярных платформ потребления видео-контента. Согласно исследованиям цифровой среды Digital 2020, аудитория видеохостинга YouTube насчитывает 2 миллиарда пользователей в мире. Потребляемый контент формирует практики поведения пользователей, конструируя привычки социально-политического действия как в online-пространстве, так и за его пределами. Дизайн алгоритмов видеохостинга YouTube влияет на политические предпочтения, конструируя потребляемый контент таким образом, что пользователь невольно оказывается в «информационном коконе».

Формат интервью, который используют топовые журналисты и медийные персоны, способствует завоеванию аудитории владельцами каналов видеохостинга YouTube: лидеры мнений приглашают к себе популярных личностей как в широких, так и в узких кругах, причем это могут быть представители из разных сфер деятельности, начиная от политических фигур, заканчивая режиссёрами, актёрами, ведущими

⁶⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды»

ми, блогерами. В интервью они транслируют свою позицию, отношение к жизни, к политике, к происходящим процессам, отвечая на вопросы и задавая их так, что зритель импонирует контенту и разделяет точку зрения своих кумиров. Эта разноплановость в гостях подкупает и обеспечивает доверие пользователей к потребляемому ими контенту. Подобными технологиями на своих YouTube-каналах пользуются журналистки Ксения Собчак («Осторожно, Собчак!») и Ирина Шихман («А поговорить?»).

Трансформация коммуникативных отношений повлияла на неосознанную включенность пользователей в политические процессы. Согласно рейтингу ТОП-20 каналов в YouTube за июль 2020 года по версии компании «Медиалогия» (Медиалогия, 2020), одним из самых популярных каналов является «вДудь» (почти 8 миллионов подписчиков и до 32 миллионов просмотров) топового журналиста и блогера Юрия Дудя. Канал «вДудь» характеризуется завуалированным политическим контекстом в публикуемом материале. Латентный политический контекст влияет на формирование политических взглядов, казалось бы, у совершенно аполитичных пользователей, импонирующих, как им представляется, развлекательному контенту.

Донесение информации через юмор расширяет аудиторию, которая реагирует на подобный контент, где ненавязчивое транслирование политических взглядов через шуточные «мемы» и видео-контент не нагружает смысловыми нагрузками, но формирует восприятие социально-политической обстановки, импонируя интересам большинства. Пример «другой» политики отражается на YouTube-канале стендап-комика Данилы Поперечного (3 миллиона подписчиков и почти 10 миллионов просмотров), который использует формат шуточных коротких зарисовок, но иногда рассуждает на глобальные темы, являясь лидером мнений, отражает свое отношение по поводу определенных социально-политических событий. Так, в одном из роликов Данила Поперечный призывал быть настоящими и не бояться высказывать свое мнение конкретными действиями. Информация, доносимая в юмористической форме, порой, имеет значительное влияние и оказывает большим уровнем воздействия на подсознание человека.

Видеохостинг YouTube является каналом трансляции «другой» политики, независимой от государственных СМИ, что привлекает и вызывает интерес у все большей аудитории, сознание которой перегружено навязчивыми социально-политическими клише. Происходит усложнение форм донесения ложной и навязываемой информации,

поскольку специфика восприятия социально-политического контента субъектами сетевой коммуникации трансформируется и приобретает разумное состояние под воздействиями альтернативных точек зрения лидерами мнений. Изучение специфики восприятия социально-политического контента субъектами сетевой коммуникации будет способствовать созданию перспектив и возможностей политических практик сетевого гражданского активизма в контексте выстраивания эффективного диалога между государством и институтами гражданского общества в России.

Библиографический список

Медиалогия. ТОП-20 каналов в YouTube – июль 2020. Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7639/>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ⁶¹

Л.А. Шпиро (Краснодар)

«Запросы» общества на эффективные модели государственного управления и взаимодействия с гражданами обуславливают необходимость внедрения новых подходов в государственном управлении, одним из которых выступает проектный подход, интегрируемый в процессную деятельность административных структур. Проектный подход рассматривается как процесс, ограниченный в ресурсах и нацеленный на достижение уникальных результатов, изменяющих объективную социальную реальность.

Внедрение проектного подхода в систему государственного управления заложило основания для новой управленческой идеологии, способной изменить принципы не только принятия управленческих решений, но и достижения приоритетных целей общественного развития, характер и стиль управленческой деятельности, связанные с формированием инновационной культуры и качественно иного кадрового потенциала (Мирошниченко и др., 2019, 360). Интеграция проектного и процессного подхода создает условия для формирования нового институционального дизайна системы государственного управления (Мирошниченко, 2019). В этом отношении модель проектного управления рассматривается в характеристиках

⁶¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации»

видов деятельности его обеспечивающих: аналитической, организационно-управленческой, коммуникативной и документационной.

Проектная деятельность подразумевает четкое определение проблемной ситуации, на решение которой должен быть направлен проект, а также оценку ресурсов и рисков, постоянный мониторинг реализации и оценивание итогового результата проекта.

Организационно-управленческая структура проектной деятельности представляется более гибкой, чем процессной. Здесь формируется проектная команда из разнопрофильных специалистов во главе с руководителем проекта, наделенным уникальными ресурсами.

Коммуникации в проектной команде во многом зависят от сформированной «проектной культуры». Важная роль отводится взаимодействию со стейкхолдерами, которые имеют специфический взгляд на проблемы, решаемые публичным сектором.

Институциональной основой для реализации проектов является законодательная и нормативная база, а также стратегические приоритеты развития государства. Регулирование проектной деятельности осуществляется посредством международных и национальных стандартов, паспортов проектов.

Если рассматривать применение проектного подхода на практике, то сегодня накоплен существенный мировой опыт по развитию системы проектного управления в государственном секторе.

В России утверждены национальные проекты, направленные на решение трех блоков стратегических задач: развитие человеческого капитала, создание комфортной среды для жизни и обеспечение экономического роста. В рамках национальных проектов реализуются федеральные проекты, а на уровне субъектов Российской Федерации реализуются региональные проекты, встраиваемые в систему национальных и федеральных проектов. Региональные проекты должны обеспечивать достижение целей, показателей и результатов федерального проекта, мероприятия которого относятся к законодательно установленным полномочиям субъекта РФ, а также к вопросам местного значения муниципальных образований, расположенных на территории указанного субъекта РФ.

В Великобритании государственные инфраструктурные проекты образуют портфель крупных проектов Правительства (The Government Major Projects Portfolio – GMPP) и делятся на 4 категории: трансформация и предоставление услуг, ИКТ, инфраструктура и строительство, военный потенциал (IPA Annual Report on Major Projects, 2018).

В Канаде, по аналогии с Великобританией, реализуются инфраструктурные проекты, содержащие экологическую составляющую. Выделяются 4 вида проектов (Major natural resource projects): проекты горнодобывающей промышленности, энергетические, лесные, технологические проекты (Natural Resources: Major Projects Planned or Under Construction - 2018 to 2028, 2018).

Организационно-управленческая структура проектного управления в зарубежных государствах представлена следующим образом. Главным органом, регулирующим проектную деятельность в РФ, является Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Функции федерального проектного офиса возложены на Департамент проектной деятельности Правительства Российской Федерации.

В Великобритании систему проектного управления возглавляет Infrastructure and Projects Authority (IPA) – Управление инфраструктуры и крупных проектов Великобритании, образованное в 2016 году на основе объединения Major projects authority (Управление крупных проектов) и Infrastructure UK (Инфраструктура Великобритании). IPA – это подразделение Правительства Великобритании, представляющее собой проектный офис, который осуществляет поддержку проектов. Иными словами, IPA – это своеобразный центр знаний и компетенций в области проектного управления, отвечающий за руководство и поддержку крупных государственных проектов, развитие проектного персонала, разработку национальных стандартов управления проектами и сотрудничество с университетами. IPA напрямую подотчетен Министру финансов и Офису Премьер-Министра Великобритании.

В Канаде гибкую и эффективную финансовую поддержку государственным инфраструктурным и частным проектам осуществляет Управление инфраструктуры Канады (Infrastructure Canada). На региональном уровне в Канаде (в провинции Квебек) руководителем проектов выступают государственные органы при поддержке Квебекской инфраструктурной корпорации (Société québécoise des infrastructures).

Коммуникативная составляющая реализации проектного подхода отражается на примере Норвегии. Так, для создания автоматизированной системы подсчета голосов на местных выборах в Осло была привлечена испанская компания Indra. В результате совместного проекта было создано 23 избирательных участка для досрочного голосования, в рамках которого явка составила 27% по сравнению с 13% в предыдущих выборах (CASE STUDY PMI, 2012).

Таким образом, применение проектного подхода обуславливает качественную трансформацию системы государственного управления, институциональными особенностями которой являются созданная нормативная база, система органов управления проектной деятельностью, институты сотрудничества с бизнес-сообществом и гражданским обществом.

Библиографический список

Мирошниченко И.В. Подготовка кадров для национальных проектов: экспертное заключение по итогам Российского инвестиционного форума – 2019. Режим доступа: <https://roscongress.org/sessions/iif-2019-podgotovka-kadrov-dlya-realizatsii-natsionalnykh-proektov/expert/>

Мирошниченко И.В. Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика / И.В. Мирошниченко, Л.А. Шпиро // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3. № 3. – С. 360–368.

CASE STUDY PMI: Standardized project management helps Indra successfully deploy a high-profile automated vote-counting system in Norway. 2012. Режим доступа: <https://www.pmi.org>

IPA Annual Report on Major Projects 2017-2018. 2018. 28 p. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/721978/IPA_Annual_Report_2018__2_.pdf

Natural Resources: Major Projects Planned or Under Construction - 2018 to 2028. 2018. Режим доступа: <https://www.nrcan.gc.ca>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ

О.Г. Щенина (Москва)

Современное сетевое общество представляет особый интерес для исследователя. Процессы цифровизации, информатизации, сетевизации, гибридизации фактически являются маркерами происходящих сегодня процессов общественногоразвития. Изменяющиеся реалии внешней среды и самого социума предполагают и новые модели объяснения действительности, «идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации и искусственного интеллекта» (Политическая наука, 2020, 9).

В социально-гуманитарном знании осуществляется научный поиск идей, парадигм, дефиниций в инфо-цифро-сетевом контексте, вместе с тем происходит обновление исследовательских подходов. Например, «явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естест-

венно-научных и социолого-политологических методов» (Политическая наука, 2020, 9).

Однако можно выделить один из основных трендов в области социально-гуманитарных наук: «повышается спрос на определение различных траекторий развития» (Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева, 2020, 254). Иной ракурс приобретают и параметры измерения осуществляющихся перемен, на первый план выходит их антропологическая составляющая. Следовательно, «камертон повестки: сложный человек в сложном мире» (Неклесса, 2018, 84).

Тема цифровизации государства, его цифровой трансформации активно обсуждается на разных уровнях власти и общества в течение ряда лет. Электронное правительство, программа «Цифровая экономика», создание единой цифровой платформы для взаимодействия граждан и государства – эти и ряд других проектов позволяют сделать вывод об усилении антропологической составляющей процесса цифровизации в нашей стране. Ведь все они направлены на удовлетворение потребностей и интересов человека в условиях информационно-цифровой среды сетевого общества. Эксперты отмечают, что «общим знаком изменений становится цифровизация государственного управления, всего процесса общественно-государственного взаимодействия» (Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева, 2020, 253).

При этом именно «человек – это главное достояние и главный приоритет России» (Павлова, 2008, 3) рассматривается политиками, учеными, общественными деятелями как главный ресурс и ценность современности. Однако еще Протагор утверждал, что «человек есть мера всех вещей» и эта мудрость софистов сегодня также актуальна, как и 2,5 тысячи лет назад.

Цифровые технологии принципиально изменяют мир и формируют новую цифровую реальность. Цифровые практики современного человека и цифровая коммуникационная реальность в свою очередь изменяют сознание и мышление, мировоззрение и деятельность, в том числе коммуникативные связи и отношения между людьми.

В инновационной цифровой среде складывается цифровая культура человека. Одна из серьезных проблем современного общества – достижение цифрового равенства граждан на основе равного доступа к информации. Поскольку цифровое неравенство уже сегодня рассматривается как проявление социального неравенства.

Динамика развития цифрового мира оказывает существенное влияние и на положение человека в нем. Возникают новые вызовы и угрозы для современного человека, например, фактически абсолютный контроль за ча-

стной жизнью человека, его деятельностью в разных сферах на основе развития технологий (цифровых платформ). На наш взгляд, явно недооценивается опасность развития технологий для современного человека. В частной жизни людей проявляется проблема цифровых аддикций человека (например, игровая зависимость как серьезная проблема общества).

Цифровая эпоха предполагает наличие у человека цифровых компетенций и цифровой грамотности. Национальные образовательные системы разных стран мира ориентированы на формирование в том числе и этих навыков у подрастающего поколения. На выявление уровня их сформированности направлены ряд международных исследований в сфере образования. Например, исследование PISA (Programme for International Student Assessment) Международная программа по оценке качества образования проводится по трем основным направлениям: читательская грамотность, естественнонаучная грамотность и математическая грамотность. Результаты этого международного проекта позволяют корректировать национальные системы образования с целью приобретения молодыми людьми навыков жизнедеятельности в сложном современном мире информационно-сетевом обществе (в 2018 году в проекте PISA участвовали более 70 стран).

В другом международном проекте PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) международное исследование качества чтения и понимания текста – читательская грамотность определяет не только оценку приобретения читательского литературного опыта, но и чтение с целью освоения и использования информации. А это одна из важнейших характеристик человека сетевого общества. Таким образом, в условиях глобализации, информатизации, компьютеризации и демократизации современные национальные системы образования создают условия для формирования всесторонне развитой личности и успешной ее деятельности в усложняющемся и меняющемся цифровом мире.

Очевидно, что в условиях перехода к новому технологическому укладу и цифровой революции направление общественного развития изменяется, возрастает его сложность и усиливается неопределенность. В этой связи уместно вспомнить позицию ряда исследователей, которые отмечают, что «генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных» (Неклесса, 2018, 84).

Библиографический список

Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. Траектории политического развития России // Власть. – 2020. – № 4. – С. 253-258.

Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. – 2018. – №1. – С. 84.

Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. – 2020. – Том 6. № 1. – С. 6-11.

Павлова О. Человек – это главное достояние и главный приоритет России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 4 (25). – С.3-17.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РАБОТЕ ПО ГРАЖДАНСКОМУ УЧАСТИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА⁶²

А.И. Щербинин (Томск)

Тема, поставленная в данном выступлении, в известной степени касается целого ряда особенностей современной эпохи. При этом, затрагивая ли аспекты глобализации, определяя ли сущность самой эпохи («сетевое общества» по М. Кастельсу или «общества знания» по Н. Штеру – оппоненту Кастельса, отдавая дань цифровому измерению новой реальности «умных городов», расширяющихся возможностей коммуникации в самых различных сферах, мы вправе задать вопрос: насколько эти изменения повлияли на главные сферы? Еще до ситуации с COVID-19, поставившей в повестку дня вопрос об ответственности власти, социальной справедливости, можно отметить «ренессанс» обращений к теориям А. Лефевра с его левым взглядом на социальное пространство и повседневную жизнь, Ж. Рансьера с оппозицией «народ – демократия», к ситуационизму Г. Дебора и др. В цифровой среде хотелось бы обратить внимание на сформулированный в начале 2000-х годов сетью авторов и правозащитников эффект *incommunicado*. Изначально название «без права на общение» означало физическую изоляцию от общества в условиях авторитарных режимов, впоследствии в условиях новой парадигмы – ограничения, связанные с невозможностью доступа в интернет, обусловленной нищетой социальных групп, стран и даже континентов, а также ограничениями в правах.

В данной работе мы возвращаемся к сущностной особенности *incommunicado*, связанной с апорией простой схемы управления и усложняющейся сетью акторов. Британский урбанист К. Навратек в своем интервью применительно к нашей теме сформулировал это следующим образом: на смену старому слою горожан приходят «новые горожане» - студенты,

⁶² Статья подготовлена в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ № 8.1.19.2020

мигранты, туристы (Nawratek, 2015). Город как «политическая идея» означает расширение форм работы с этими «нерезидентами», составляющими уже значительную долю населения городов. К числу таких специфических городов относятся «университетские города». В отличие от понятия «университет в городе» «университетский город» официально рассматривает университет (ы) в качестве градообразующего учреждения/ предприятия. Кроме этого имеется часть критериев, куда входит и значительная доля иностранных студентов. В мировом рейтинге QS три года подряд в список «100 лучших студенческих городов мира» входят четыре российских города: Москва, Санкт-Петербург, Томск (72-е место) и Новосибирск. Сегодня в Томске обучаются студенты из 93 стран, в начале текущего года на Гайдоровском экономическом форуме губернатор Томской области С. Жвачкин заявил об удвоении их количества, что соответствует стратегии реализации нацпроекта «Образование» и глобальным тенденциям. Если в 2000 году в мире количество студентов из других стран составляло 1 млн. человек, то к 2025 году оно увеличится до 8 млн.

Увеличение доли иностранных студентов как социальная проблема уже вышла за пределы общежитий и корпусов. Завершающееся сегодня картирование иностранных студентов Томска из дальнего зарубежья по первым оценкам онлайн анкет (5% от генеральной совокупности) показывает локальный характер перемещения в городе (общежитие – учебный корпус – ближайший мини-маркет), студенты знают вузовский центр города, а в качестве «своего центра» отмечают, как правило центральный сквер. Только в начале этого года благодаря инициативе автора данного выступления – председателя Томской городской Палаты общественности состоялась встреча группы студентов с заместителем мэра Томска по социальной политике. Результатом стало понимание того, что в городе есть такая социальная группа со своим потенциалом.

Разумеется, доля иностранных студентов учитывается в областной стратегии (например, «Большой университет Томска»), строительство кампуса и т.д.), Томским государственным университетом при разработке форм онлайн-коммуникации с группами иностранных студентов в учебном процессе и т.д. При этом университетские проекты оторваны от городских, город же не видит главных работодателей и инвесторов в лице университетского комплекса. Ситуация напоминает сюжет фантастического романа Ч. Мьевиля «Город и город», когда существующие в одном пространстве, на одних улицах, город Бещель не видит город Уль-Кому. В этих условиях нами (автором статьи и инициативной группой студентов-«дальников») был задуман «многослойный» проект. Первой по времени уже в условиях

масочного режима стартовала Школа экскурсоводов. На средства гранта Президента РФ завершают свое обучение в качестве сертифицированных экскурсоводов 10 студентов различных вузов (и стран) с последующей задачей проведение экскурсий по Томску и окрестностям для студентов из своих стран, особенно «неофитов». Второй проект, который, к сожалению, придется начать дистантно, «Кольцо университетов». Пространственно и по логике формирования идентичности он должен быть первым. Студенты должны иметь представление обо всем университетском пространстве с его историей, начинающейся с 1877 года, структурой, культурой, общим стилем и, разумеется, научно-образовательной спецификой каждого вуза. В сети глобального университетского образования, а тем более в сети, отражаемой в интернет, мнение очевидца стоит дороже казенной рекламы. Сюда же добавлю еще один сетевой проект «Медведи на улицах». Это ресурс о стереотипах, формируемых фобиях о России (тем более о Сибири) и о том, что каждый реально увидел в Томске. Именно здесь, как показывает факультативный вопрос в анкете «Если бы у Вас была возможность в течение одной минуты рассказать о Томске, что бы Вы сказали», проявился настоящий патриотизм к университетскому городу (с учетом того, что больше половины респондентов заполняли анкеты у себя дома, в своих странах). Жанр выступления не позволяет раскрыть всех деталей, и не хотелось бы обвинять только власти города и университетов. Многие студенты, которые поступили с целью получения качественного образования, имеют мало времени для удовлетворения туристических потребностей. И с этим приходится считаться, не навязывая познавательно-развлекательные программы. Но то, что надо найти гражданские механизмы преодоления эффекта *incommunicado* и обеспечить новым гражданам право на город, является важной научной и общественной задачей университетского города.

Библиографический список

City as political Idea: An Interview witch Krzysztof Nawratek// The New Metropolitan. 02.19.2015.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ БУДУЩЕГО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ⁶³

Н.Г. Щербинина (Томск)

В цифровую эпоху, осуществляющую трансфер информации, объективная действительность дополнилась многочисленными «реальностями». Но репрезентирует ее реальность знаков, которые порождают многочисленные версии собственных искусственных значений. И весь этот полисемантизм ведет к потере смысла, что непосредственно касается знака «будущее». В данной связи под будущим мы будем понимать не временной отрезок, а образ будущего, искусственный конструкт, конституированный символическим способом и служащий для передачи значимого сообщения в коммуникации. То есть образ будущего выступает конструкцией его наиболее ожидаемых характеристик, отличающейся от образов настоящего и прошлого сугубо абстрактным, умопостигаемым и даже метафизическим способом креатива. Образ, с наших конструктивистских позиций, концентрирует в себе систему понимания и трактовки.

Итак, будущее, в отличие от настоящего, существует гипотетически и это исключительно субъективно фиксируемая реальность, родственная миру фантазий. Однако образ будущего не сводится исключительно к сфере воображаемого, в его создании участвует и практический разум. Но, тем не менее, будущее существует в модусе вероятности и казусе возможности. Будущее «реально» в абстрактных понятийных формах, в идеализациях креативного сознания, в мистических прозрениях и в футуристических фантазиях. Наконец, будущее возможно лишь в теории, это буквально «иная» реальность, та, которой здесь и сейчас еще нет. И все это творчество в модерне выражалось в социальных и политических проектах будущего и прогностических конструктах.

В силу своей проективной формы выражения образ будущего, по сути, является «текстом», если понимать последний семиотически. С позиции Ю.М. Лотмана, культура состоит из текстов-конструктов и для культуры, которая производит коммуникацию, существуют (значимы) лишь сообщения, являющиеся текстами. Сам текст будущего, по словам Б.А. Успенского, «нами еще не прочитан», но когда текст-сообщение о будущем конструирует значимую реальность будущего, то мы способ-

⁶³ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России»

ны «прочитать» этот текст на языке образов. В модерне будущее вообще представало воображению в виде общезначимой цели, а его конкретные программы имманентно содержали миссию возрождения мира. Именно тогда будущее, в категориях нашего научного подхода, конструировалось как смысловой мир. Месседж о будущем вообще относится к разряду судьбоносных, обозначающих черты нового порядка и нового мира. И, несмотря на гипотетичность самого феномена будущего, издавна существовало представление о заданности его параметров (будь то идея предопределения или идея детерминизма).

Потому будущим можно было управлять, делая его предсказуемым, но управление осуществлялось, по сути, виртуально с помощью оформления потребного символического образа будущего. На этот счет в культуре существует модель, согласно которой конструируется сам переход к будущему. Имеется в виду мифосхема: «хаос – космос». В начале нарратива (повествования на языке образов) следуют характеристики того, как мир впадает в состояние хаоса. Природа, общество, сферы деятельности человека и он сам характеризуются упадком. Государство и власть оказываются ввергнутыми в состояние беспорядка. Далее, после описания самой низкой точки падения, следует рассказ о возрождении и спасении мира. Мир, согласно логике мифа, неизбежно возрождается к новой жизни и новому порядку. При этом власть (герой) возлагает на себя не только миссию спасения, но и берет ситуацию под свой контроль. Тогда мир космизуется. Не случайно в 2020 году в связи с коронакризисом снова актуализировалась мифосхема «хаос – космос» и в настоящем стали выявляться типичные символические «предзнаменования» будущего: пожары, ураганы, наводнение и засуха. Эсхатологичность характеристик предсказываемого будущего свидетельствует о том, что медианарратив о кризисе стал разновидностью политического текста, требующего вмешательства власти. Но мифоистория сегодня не завершена.

Очевидно, что деконструкция как таковая сущностно связана с конструированием смысла. Деконструкция приводит к десемантизации, обесмысливанию. В ситуации деконструкции знаки перестают репрезентировать, теряют свои референты в объективном мире. Они становятся симулякрами и теперь означают лишь сами себя. Ж. Бодрийяр называл такую замкнутую на себя реальность «гиперреальностью». Но еще Ч. Пирс отмечал, что знак понятен лишь в семиозисе, процессе порождения значения. Например, в советском модерне будущее как знак облагодало ясным значением, оно было определено и служило ценностным

ориентиром для социума и человека. Будущее в цифровую эпоху оказалось в зоне непредставляемого. Это не значит, что нет версий будущего, но оно не ясно и непредсказуемо. Знак будущего произволен, потому, что отсутствуют общие политические и социальные конструкции будущего. И это связано с обесмысливанием настоящего, ведь настоящее это «ключ» к будущему. Текст будущего «кодируется» в настоящем, из которого проецируется образ желаемого будущего. Однако будущее сегодня превращается в «пустую» символическую форму, оно участвует в обмене символов, но ничего «не значит». Вообще-то деконструкция – это не разрушение ради разрушения, она должна завершаться новым конструированием, обновлением смыслов. Здесь мы трактуем «деконструкцию» по Ж. Деррида. Деконструкция в социально-политической сфере есть «разборка» старой конструкции, но за этим должно следовать рождение не просто новых смыслов, но и конституирование нового контекста. Именно «незавершенной» деконструкция предстала в 2020 году.

Итак, в постмодерне образ будущего потерял свою репрезентативность. Так называемый «кризис репрезентации» поставил под сомнение саму возможность социальных наук познавать будущее на основе макропроектов. А в 1990-х годах вместо футурологии получило распространение сценарирование будущего. Научное прогнозирование сменилось конструированием сценарных схем будущего, что представляло собой суперабстрактную спекуляцию, содержащую заведомые варианты (пессимистический, оптимистический и промежуточный). Этот типовой спектр возможностей делал предсказание будущего еще более неопределенно-абстрактным, а семиотику будущего разнонаправленной. Не удивительно, что политическая власть до сих пор не любит говорить о будущем. То есть образ будущего из сферы конструктивного творчества политической власти, когда представление о будущем конституировалось как смысловой мир, переместился в пространство деконструкции политических текстов. Сегодня будущее превращается в бессодержательный текст, лишенный политического и социального значения, что создает проблемы с индивидуальной идентичностью. И проблема здесь коммуникативная, поскольку нет адекватного языка для «написания» текста будущего. Модернистский политический текст будущего «разобран», но не переосмыслен для постмодернистской эпохи. Представление о прогрессивном грядущем обществе разрушено, но новое будущее еще не изобретено и «не облечено» в форму образа.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В.М. Юрченко, С.К. Пуликовский (Краснодар)

Современные исследования в области политики устойчивого развития и цифровизации общественных отношений все больше сталкиваются с проблемами необходимости всестороннего анализа угроз и рисков для национальной безопасности, возникающих в связи с феноменами политического доминирования в социальных сетях. Социальные сети используются оппозиционными политическими акторами с целью формирования массовых настроений. А когда общество тотально медиатизируется, быстрое распространение противоречивой информации приводит к рассогласованию ценностных ориентаций. И даже если позже выясняется, что массовое недовольство было вызвано фейковыми новостями, авторы и организаторы и не пытаются оправдываться, потому что заняты уже новыми темами, с такой же степенью «достоверности». Как отмечает Л. Млечин, «доля фейков составляет лишь один процент от общего объема информации, которые на нас обрушиваются. Однако именно придуманные новости привлекают всеобщее внимание и становятся сенсацией, их читают взахлеб, слушают, замерев, и смотрят, не отрываясь... их горячо комментируют. А любой отклик, даже возмущенный и презрительный, – дополнительный доход для социальной сети» (Млечин, 2020). В условиях, когда обществу нужна адекватная информация, особая ответственность возлагается на профессиональную журналистику, которая обязана и использует самые современные технологические возможности, для того, чтобы сосредоточить внимание на тех аспектах, которые отличают профессионалов от дилетантов – на аналитике, чтобы самые разные группы населения могли понимать, что в действительности происходит в сфере публичной политики.

Новые социальные медиа, конкурирующие между собой, в целом повышают спрос на профессиональную журналистику и высококачественную достоверную информацию. Все это, с точки зрения решения задач обеспечения защищенности личности, общества и государства от дезинформации, говорит о повышении актуальности изучения проблем форм и методов управления в сфере информационной политики. Информационная безопасность, как составляющая часть национальной безопасности, во многом зависит от координации работы различных структур, контролирующих и формирующих поведенческие модели в сфере публичной политики. Это социальное пространство заполняется информационными потоками посредством взаимодействия различных политических дискурсов. Но основ-

ными угрозами для общественной безопасности являются механизмы и инструментарий так называемого «организационного оружия», которое активно применяется в процессе борьбы за доминирование в информационно-коммуникативном социальном пространстве. По мнению А. Е. Конькова, развитие цифровых технологий и их повсеместное проникновение в жизнь людей последовательно оказывает влияние на различные социальные процессы, но особенно это влияние проявляется в настоящий момент в экономической сфере, где развитие цифровой экономики становится одним из ключевых приоритетов. Процессы цифровизации непосредственно затрагивают образование, здравоохранение, право, а также начинают активно проникать и в политические отношения. В своей статье он анализирует «направления такого рода проникновения и механизмы трансформации политической сферы общества под их воздействием, обобщаются практики использования цифровых технологий в политическом дискурсе» (Коньков, 2019). Для обеспечения национальной безопасности в процессе цифровизации современного общества важен поиск условий, укрепляющих антропологические основания институционализации новых сетевых технологий, которые должны работать прежде всего на консолидацию общества и легитимность власти, реализующей инновационный политический курс в условиях жесткой конкуренции. С точки зрения ряда экспертов, в процессе глобализации, активизирующей и цифровизацию, в обществе возникает проблема «интеллектуальной опасности», которая характеризуется как незащищенность сознания человека, не готового к принятию новых моделей поведения, а это, в свою очередь, приводит к новым вызовам в пространстве публичной политики. Так, А.И. Юрьев считает, что глобализация – это новый интеллектуальный климат планеты, это своеобразная планетарная интеллектуальная машина, которая постепенно уходит из-под контроля человека. В результате происходит осознание кризиса потребления и необходимая в этом случае переоценка всех ресурсов планеты: человеческих, сырьевых, финансовых, технологических, информационных, которые закономерно будут подвергаться перераспределению (Юрьев, 2004). Цифровизация экономики, политики, образования и практически всех сфер жизни общества является своеобразным ответом активно защищающегося человека, который, как показывает практика, только в хорошо организованном, эффективном государстве, способном защищать свои национальные интересы, формирует возможности для самых передовых и инновационных идей. «Человеческая субъектность на этапе необходимости кардинального выбора алгоритма политического и социально-экономического развития сталкивается с осознанием жестких ограничений и реального отчуждения

от окружающего мира. Практика показывает, что очень часто выдвигаемые цели приводят к незапланированным, а иногда и к прямо противоположным результатам, а создаваемые в процессе социальных трансформаций организации и институты постепенно перерождаются и обнаруживают тенденцию к дисфункциональности и даже некоторой враждебности к первоначальной интенции. Некоторые перерождения переживают, например, многие современные институты демократии и публичной дипломатии мультикультурализма» (Юрченко, 2016, 412).

Таким образом, научный интерес представляют ретроспективные оценки предпосылок и исходных инструментов, используемых акторами современного политического процесса и применяющих их, в том числе, и в избирательных технологиях. Как мы сегодня видим, особое место в политических практиках занимает именно цифровая среда, как новое пространство публичной политики, требующее пристального внимания с точки зрения решения проблем обеспечения национальной безопасности.

Библиографический список

Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 12(6). – С. 6-28.

Млечин Л. Продажные слова и слава // Российская газета. – 2020, 13 августа.

Юрьев А.И. Главная угроза – страх перед жизнью // Стратегия России. – 2004. – № 9.

Юрченко И.В. Проблемы доминирования в конфликтном политическом дискурсе // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ. – М., 2016.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ⁶⁴

И.В. Юрченко (Краснодар)

В процессе перехода к тотальной цифровизации практически всех сфер жизни общества особенно важно определить, имеется ли в российской политике потенциал для успешной модернизации не только крупных мега-

⁶⁴ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-03-00802 «Конфликтные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов»

полисов, но и всех регионов страны. Политические технологии модернизации понимаются сегодня преимущественно как электронно-сетевые инструменты. Акторы политического процесса по-разному понимая значение и сущность цифровой среды, в которой оказались многие отрасли экономики, вынуждены осознавать значение этого нового пространства общественных отношений. В условиях информационно- сетевого общества существенные трансформации происходят на региональном и муниципальном уровне. Функциональные изменения претерпевают региональные и этнические политические элиты, административные структуры, которые вынуждены приспособляться к новым социальным и управленческим технологиям, таким как «он-лайн» конференции, «электронное правительство», пиар-коммуникации и медиа-общение с институтами гражданского общества, их представителями и, в том числе, с оппозицией. В складывающихся условиях приоритетного значения политического измерения электронно-сетевых технологий социальные институты, формирующие информационно-политическое пространство, стали непосредственными носителями власти в современном модернизирующемся обществе. Но реальный дефицит эффективных политических технологий, которые бы обеспечивали продуктивность модернизационного проекта во всех регионах страны, проявляется в недостаточности использования имеющихся ресурсов и прежде всего человеческого потенциала. То есть, проблема перехода к цифровой экономике заключается в выборе адекватных форм и методов учета и мобилизации имеющихся ресурсов: физических, природных, интеллектуальных, организационных. Управленческие региональные элиты, непосредственно отвечающие за качество применения технологий модернизации при переходе к цифровой экономике, демонстрируют низкую эффективность. При этом негативное влияние оказывает информационный фон, который в большей степени носит характер состязательности, а уровень информационной безопасности имеет тенденцию к снижению, так как политика цифровизации в пределах всей страны осуществляется в неравных условиях. То есть, неравенство регионов свидетельствует об отсутствии единого электронно-сетевого пространства в пределах государственных границ по всей территории страны. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» ориентируют на ускоренную и качественную цифровизацию социально значимых услуг для населения. В свою очередь цифровая трансформация экономики должна стать технологией преодоления регионального неравенства. Перспективы творческого освоения сложного

мира цифровой экономики и политики в интересах подлинного духовно-нравственного совершенствования общества и достижения общего блага, напрямую зависят от культурного наполнения медиапространства, снижения уровня напряженности в информационном поле и отказа от практик применения «сетевое оружие» и жесткого информационного противостояния. Этические аспекты социального доверия в пространстве публичной политики весьма специфичны и малоизучены с точки зрения консенсусного и конфликтного содержания социально-политических коммуникаций в информационном пространстве. Изучение проблем доверия имеет большое научное и практическое значение, особенно при переходе к политике тотальной цифровизации. Так, например, острую реакцию в обществе вызвал Законопроект «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». В социальных сетях появился термин «цифровой концлагерь», а лидеры общественного мнения, популярные артисты высказывались категорически против по поводу понятия «идентификатор» – цифровой номер. Значение стратегически важного процесса цифровизации экономики и предоставления гражданам социально-государственных услуг предполагает институционализацию механизмов развития цифровой экономики на региональном уровне. Актуальные вопросы формирования государственной политики в области цифровой трансформации рассматриваются в ряде публикаций (Попова, Мартемьянова, 2018; Коньков, 2019). Авторы, анализируя соответствующие практики, выделяют значимые, на их взгляд, направления развития цифровизации общества. Цифровая демократия характеризует масштабирование делиберативных механизмов публичной политики за счет возможностей электронно-сетевой коммуникации, цифровая бюрократия, отражает совершенствование компетенций правящего класса на базе новых версий «электронного правительства», а цифровая дипломатия позволяет использовать возможности новых технологий для решения политических задач на международной арене (Коньков, 2019). Эффективность политических технологий модернизации общества обеспечивается важнейшим институциональным ресурсом – прочностью политической системы и способностью противостоять тем силам, которые заинтересованы в дестабилизации политической обстановки. В этой связи имеет смысл провести последовательный анализ уровня социального доверия, в частности, характера взаимодействий (межличностных, межгрупповых, институциональных и др.) в контексте еще довольно высокого уровня конфликтности и социальной напряженности в проблемных регионах. Особенно опасна межэтническая напряженность в полиэтнических регионах, а значит, политической элите нужны механиз-

мы, с помощью которых она сможет регулировать отношения между этническими группами и поддерживать атмосферу социального доверия. Данные механизмы имеют непосредственное отношение к обеспечению неискаженной коммуникации, в том числе и в информационно-цифровом пространстве. Поэтому еще раз подчеркнем актуальность исследования влияния информационной среды на уровень социального доверия, что позволит увидеть реальное положение дел и при необходимости изменять характер и направленность информационного воздействия на общественное сознание. Социальное доверие характеризуется, как «исходное условие общения». Важными аспектами возникновения доверия «являются чувства безопасности и надежности, ощущение того, что окружающий мир не представляет угрозы». (Мониторинг...). Не только государственная политика оказывает воздействие на модернизационные процессы и цифровизацию экономики, но и цифровизация оказывает влияние на политические и государственные решения. Цифровизация (автоматический сбор и анализ данных; объединенные платформы управления предприятиями, системы машинного обучения для принятия оптимальных решений и др.) (Попова, Мартемьянова, 2018) помогает повысить эффективность производства, минимизировать риски, а также точно передавать информацию для принятия решений. В современных условиях перехода к цифровой экономике во всемирном масштабе обществу необходима коалиция здоровых сил за стабильность с позитивной программой развития (Глазьев, 2015). Поэтому реализация политики цифровизации с учетом региональной специфики предполагает высокую социальную ответственность политических элит и лидеров бизнеса.

Библиографический список

Глазьев С.Ю. Угроза войн и ответ России // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. – М., 2015.

Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 12(6).

Мониторинг толерантности, социального доверия и ксенофобии. Режим доступа: www.psy-gratis.ru/monit_opis.htm

Попова Е.А., Мартемьянова З. С. Государственная политика в области цифровой трансформации общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 3.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА⁶⁵

Н.Н. Юрченко (Краснодар)

Цифровизация общества в настоящее время уже может рассматриваться не как возникновение дополнительной площадки реализации технологий политического менеджмента, а как основного поля политических коммуникаций, создания и продвижения политических продуктов. При этом конфликтность новейших факторов предопределена новизной и новаторством, которые не всеми воспринимаются как ценность, поэтому цифровая модернизация вызывает обострение существующих и возникновение новых социально-политических конфликтов (от тотальной информатизации до всеохватывающей цифровизации). Оба эти взаимообусловленных и взаимосвязанных друг с другом феномена привлекают внимание как широкой общественности, так и узких специалистов в контексте возникающих новых проблем кризисного содержания. Одна из них – это проблема регионального неравенства, которая становится в новых условиях еще более серьезной, в связи с ярко проявившемся цифровым неравенством. Как известно, обеспечению этнополитической безопасности официальная власть традиционно придавала самое важное значение. «Сила России – в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге и православных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма. Мы обязаны жёстко противодействовать любым проявлениям экстремизма и ксенофобии, беречь межнациональное и межрелигиозное согласие. Это историческая основа нашего общества и российской государственности» (Послание президента РФ Федеральному собранию, 2016; Мастюгина, Перепелкин, Стельмах 2013). На решение этих проблем была направлена этнокультурная политика. При этом этнокультура может быть определена как культура конкретного региона, в котором непосредственно происходит сохранение локальных этнических норм, как «совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах са-

⁶⁵ Исследование подготовлено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта АААА-А19-119011190170-5 «Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России»

морализации людей» (Афанасьева, 2009). Чтобы адекватно охарактеризовать внутреннюю политику государства по отношению к этническим общностям и межэтническим и межконфессиональным взаимодействиям, необходимо понимать, что важнейшим фактором региональной, в том числе и этнополитической безопасности, является политическая стабильность. Однако проектное управление актуализирующее новаторские идеи может вызывать самую противоречивую реакцию различных этнических сообществ, что и требует разработки новых технологий политического менеджмента, которые могут находить широкое применение в информационно-сетевом пространстве.

В процессе исследования применялись методы проблемного прогнозирования, кейс-стади, мониторинга на основе ивент-анализа и сценариотехники проектного управления с учетом конфликтологической экспертизы, анализа политических текстов и медиадискурса по актуальным проектам, указывающим на новейшие факторы, влияющие на региональную этнополитическую ситуацию. Рассматривая новейшие факторы, влияющие на региональную ситуацию на Юге России, а также на Кавказе и в Черноморском макрорегионе, следует отметить, что в современном открытом публичном пространстве остается угроза влияния и негативных исторических традиций, формирующих человеконенавистнические установки, которые питают современный радикализм и экстремизм, что представляет собой огромную опасность для этнополитической стабильности в исследуемом регионе. Распространение этих негативных установок осуществляется с помощью новейших информационных технологий, и таким образом традиционные и новейшие факторы риска для региональной безопасности должны подвергаться конфликтологической экспертизе и критическому дискурс-анализу в аспекте выявления конкретных политических практик и способов воздействия на региональную этнополитическую ситуацию. Ретроспективные экспертные оценки характеризуют связи между Краснодарским краем и Адыгеей, которая до распада СССР имела статус автономной области в тех же территориальных границах внутри края, как эффективные и в экономическом, и социокультурном, и политико-правовом аспектах. Внутренняя связность и органическая солидарность проявлялась практически во всех областях жизнедеятельности этого многонационального региона. Единый народнохозяйственный комплекс необходим нашей стране и сегодня и прежде всего в примыкающих друг к другу территориях. Особенно важна система единого правового пространства, единая система налогообложения, условия ведения бизнеса, а также благоприятные условия для усовершенствования инфраструктуры и рационализации всего жизнен-

ного пространства. Будет ли такое реформирование называться агломерацией или кластерным способом организации единого социально экономического пространства, это отдельный вопрос для обсуждения. Но то, что назрели реальные причины для реформирования условий пространственного развития многих регионов, в том числе и рассматриваемого в данном исследовании, на наш взгляд, является очевидным фактором. Анализ современного состояния научных разработок по изучаемой проблематике показывает, что в социологической и политологической литературе не сложилось единого общепризнанного подхода к проведению прогнозных исследований. Явно прослеживается высокая степень влияния конфликтологической парадигмы. Также все более востребованными в системе прикладных исследований являются мониторинг на основе ивент-анализа и различные методики сценарийной техники как в социально-экономическом, так и этнополитическом прогнозировании. Все это подтверждает необходимость дальнейшего всестороннего изучения проблем этнополитической напряженности и конфликтов, выявление рисков, влияющих на этнополитическую ситуацию в устойчиво развивающихся регионах. Если говорить о проектном управлении, то во многом оно связано с решением вопросов организации и освоения жизненного пространства, с рационализацией пространственного развития. Кейсы, которые рассматриваются в данном исследовании, анализируются в контексте новейших тенденций освоения и развития пространственной среды для оптимизации интеллектуального и творческого потенциала социальных общностей, взаимодействующих между собой в процессе реализации этих новаторских проектов. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что экономическая интеграция и экономическое развитие, безусловно, положительный фактор, но опасения по поводу политических последствий управленческих проектов, если они недостаточно проработаны, могут вызвать нежелательные последствия в вопросах обеспечения этнополитической безопасности. Тем не менее, в современных условиях возрастает значение социального проектного управления, предполагающего разработку комплексных программ стратегического развития регионов. В этой связи особенно важно применять адекватные объяснительные модели для точной характеристики, комплексного анализа и прогнозирования трансформирующихся условий, в которых будут осуществляться предполагаемые социально-экономические и политические инновации в направлении проектируемого управленческого механизма или создаваемого искусственного объекта в экологической гармонии с окружающей природной средой. Качество формулируемой научной задачи, соответствующее практическим интересам развития регионов, будет снижать опасности и

риски для этнополитической стабильности с учетом всех факторов, влияющих на региональную ситуацию. Основными проблемами активно внедряющегося в политическую практику проектного управления в рамках политического менеджмента является недостаточная разработанность аналитических механизмов прогнозирования и ограниченное применение методов сценарийной техники. Постановка этой задачи в данной работе основывалась на анализе конкретных кейсов с целью дальнейшего факторного и критериального анализа управления социально-политическими рисками в условиях социально-экономических трансформаций и профилактики обострения этнополитической нестабильности.

Библиографический список

Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование: сущность, структура, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. – 2009. – № 3. – С.189-195.

Евланов В.Л. Законодательное обеспечение роста экономики и качества жизни населения на муниципальном уровне // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах. – Краснодар, 2019. – С. 9-10.

Логинова К. Аки посуху: Турция собирается создать альтернативу Босфорскому проливу. Какие угрозы проект «Стамбул» может нести для России. 2020. Режим доступа: <https://iz.ru/969897/kseniia-loginova/aki-posukhu-turtciiia-sobiraetsia-sozdat-alternativu-bosforskomu-prolivu>.

Логинова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве. 2019. Режим доступа: <https://iz.ru/914828/kseniia-melnikova/kak-druzhba-turtciiia-vytesniaet-rossiiu-na-postsovetском-prostranstve>.

Лукашов М. Агломерацию поделят на двоих. Кубань и Адыгея планируют создать соглашение по развитию пограничных территорий. 2018. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3719203>.

Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России. XVI – начало XXI века. – М., 2013.

Москаленко А.Ф. Проблемы правового регулирования формирования агломераций в Российской Федерации. 2020. Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/88740-problemy-pravovogo-regulirovaniya-formirovaniya-aglomeracij-rossijskoj-federacii>.

Послание президента РФ Федеральному собранию. 2016. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>.

Проценко Н. (2018). Кубань на двоих: Краснодарский край и Адыгея приняли агломерационный вызов. 2018. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2018/08/29/kuban-na-dvoih-krasnodarskiy-kray-i-adygeya-prinyali-aglomeracionnyu-vyzov>.

Юрченко И.В., Юрченко Н.Н., Донцова М.В. The development of ethno-political relations in the south of Russia (based on materials from the Krasnodar territory and the Republic of Adygea) // Вестник Брянского государственного университета: научный журнал. 2019. № 3 (41). С. 97-104.

ЦИФРОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Е.А. Яковлева (Воронеж)

Под устойчивым развитием следует понимать постоянное улучшение ситуации, а не конечный результат. В рамках программы устойчивого развития в настоящее время идет работа по трём ключевым направлениям: экономическому развитию, социальному прогрессу и охране окружающей среды. Сформировавшаяся в последние два десятилетия концепция зелёной экономики призвана обеспечить более гармоничное соотношение между этими компонентами, которое должно быть оптимальным как для развитых, так и для развивающихся стран. Данная концепция не заменяет устойчивого развития, а способствует ему, внося свой вклад в реализацию Целей в области устойчивого развития.

Примерами государственных и рыночных рычагов стимулирования в области реализации целей устойчивого развития выступают налоговые льготы для объектов, удовлетворяющих определенным требованиям устойчивого развития и энергоэффективности; программы проектного государственного субсидирования (комфортная городская среда, строительство зданий с минимальным энергопотреблением, домов с нулевым энергопотреблением); национальные планы по повышению энергоэффективности и сокращению углеродного следа; добровольные сертификации по стандартам зеленого строительства; проекты по эмиссии зеленых облигаций; механизмы компенсации выбросов парниковых газов (Бокарев, Яковлев, Кабир, 2017, 40–49).

Современное состояние информатизации лесного хозяйства позволяет эффективно внедрять геоинформационные технологии на все уровни управления лесным комплексом, а также осуществлять эффективный дистанционный контроль оборота древесины. Цифровизация

необходима для увеличения эффективности природоохранных и хозяйственных функций лесного хозяйства в несколько раз благодаря возможности быстро и без ошибок обрабатывать большие массивы информации, получать аналитическую статистику по лесному фонду, обрабатывать и проектировать лесохозяйственные мероприятия на больших территориях в кратчайшие сроки. В развитии информационных технологий в лесном хозяйстве заинтересованы от государственных органов управления лесным хозяйством до конечного пользователя лесными ресурсами, переработчика и потребителя товарной продукции из древесины.

Создаваемая в лесном секторе информационная система включает управленческие функции по контролю за лесным фондом, участниками и связанными с ними бизнес-процессами. Она состоит из набора функциональных и технологических подсистем, обеспечивающих процессы сбора, обработки, хранения и представления информации. Соответственно для охвата производственно-сбытовых цепочек и продвижения устойчивой продукции из древесины создаются подсистемы «Учет лесного фонда», «Администрирование платежей», «Охрана лесов от пожаров», «Защита лесов от вредных организмов», «Мониторинг транспортировки древесины». С целью выявления антропогенных (вырубка леса, гарь, ветровал) и природных изменений лесного фонда будет осуществляться постоянный сплошной космический мониторинг с применением технологий искусственного интеллекта. Решается одна из главных проблем лесного сектора – закрытость и труднодоступность достоверной информации о лесах в России. Итогами создания информационной системы должна стать полная открытая информация о лесном фонде, реестр участников процессов, прозрачность оборота древесины, а также сокращение сроков подготовки отчетности об использовании лесов от граждан, юридических лиц, осуществляющих использование лесов.

Автоматически контролируется правильность внесенных данных, которые сопоставляются с информацией об ограничениях на лесопользование. Эффективнее отслеживается происхождение древесины, цепочка поставок становится более прозрачной. Оперативный автоматический анализ данных дистанционного зондирования позволяет быстро отслеживать изменения в лесах, в том числе выявлять незаконные рубки. При этом цифровые технологии помогают ускорить обмен данными с заинтересованными сторонами и повысить качество

независимого контроля, который является неотъемлемой частью устойчивого управления лесными ресурсами.

Все большее количество лесопромышленных компаний поддерживают коллективную инициативу «Устойчивая древесина для устойчивого мира» (SW4SW), которая нацелена на построение устойчивых цепочек производства, сбыта и вторичного использования древесины и получение социальных, экономических и экологических выгод, начиная с производства и заканчивая потреблением (Vertakova, Plotnikov, 2019).

В лесном секторе экономики происходит преобразование промышленных систем в соответствии с экологическими требованиями, обеспечивается финансирование такого перехода и инвестирование в природный капитал. Принципы ответственного инвестирования ориентированы на стратегию устойчивого развития промышленности: включение экологических и социальных аспектов управления в процессы проведения инвестиционного анализа и принятия решений, в политику и практическую деятельность; требование от получателей инвестиций надлежащего раскрытия информации об экологических, социальных проблемах и вопросах управления и др. Одним из инструментов ответственного инвестирования являются зелёные облигации, представляющие собой ценные бумаги с фиксированным доходом и нацеленные на привлечение капитала в проекты с конкретной экологической пользой. Выпуск зеленых облигаций является сигналом для инвесторов, что фирма-эмитент вовлечена в устойчивое развитие и, следовательно, ее акции могут быть включены в портфель.

Для действенной реструктуризации промышленных систем требуется кросс-секторальный подход, позволяющий перестроить традиционную промышленную политику различных стран таким образом, чтобы включить в неё экологический и энергетический компоненты. Это не только ускорит процесс структурной трансформации всех национальных экономик, но также повысит их продуктивность. Конференция ООН по устойчивому развитию отмечает, что взаимосвязи между добровольными стандартами устойчивости (VVS), торговлей и устойчивым развитием являются одной из наиболее выраженных концепций, востребованных в мире зелёных глобальных цепочек создания стоимости. В качестве новой формы регулирования добровольные стандарты устойчивости устанавливают социальные и экологические нормы для транснационального производства, и на их основе

осуществляется сертификация для проверки соответствия в глобальных цепочках создания стоимости.

Реструктуризацию промышленных систем и приведение их в соответствие с требованиями зелёной экономики возможно осуществить через реализацию мер зелёной промышленной политики. Первичными мерами выступают повышение энергоэффективности, надлежащее управление природными ресурсами, использование добровольных стандартов устойчивости, экологической маркировки и других механизмов, направленных на охрану окружающей среды.

Библиографический список

Бокарев А.А., Яковлев И.А., Кабир Л.С. «Зеленые» инвестиции в России: поиск приоритетных направлений // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2017. – № 6. – С. 40–49.

Vertakova Y.V., Plotnikov V.A., Assessment of the economic activity greening level and the green economy development directions. IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)⁶⁶

К.В. Ячменник (Краснодар)

Противоречивые социальные изменения, происходящие в современном обществе тесно связаны как с институциональными, так и с не институциональными аспектами функционирования политической системы. Особое влияние эти процессы оказывает молодежь, ценности, поведение и социально-политические практики которой принципиально отличаются от других социальных групп общества. Социально-политические практики с участием молодежи в публичном пространстве города представляют собой совокупность способов поведения и определенных действий, которые направлены на реализацию интересов молодых людей, способствующих самовыражению, формированию чувства ответственности за принятие решения и способности влиять на формировании комфортной городской среды.

⁶⁶Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)»

Методика эмпирического исследования социально-политических практик города основывалась на методе фокус-групповой дискуссии. С помощью данного метода были выявлены и охарактеризованы основные виды социально-политических практик молодежи в отобранных городах: Краснодар, Армавир, Сочи, Новороссийск. Всего было проведено 16 фокус-групповых интервью с тремя группами молодежи: школьники, студенты, работающая молодежь. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования в г. Краснодар и г. Сочи.

В результате проведенного эмпирического исследования были выделены и охарактеризованы конструктивные социально-политические практики молодежи в четырех крупных городах Краснодарского края: Армавир, Краснодар, Сочи, Новороссийск. Во всех четырех городах Краснодарского края молодежь в большей или в меньшей степени включена в такие виды конструктивных социально-политических практик: образовательные проекты, добровольческие движения, событийные памятные и символические мероприятия города, экологические акции и проекты, проекты развития города.

Исследование показало, что в г. Краснодаре наиболее вовлеченной в конструктивные социально-политические практики города является студенческая молодежь, затем идет работающая молодежь и наименее включены в общественную жизнь города школьники. В целом школьники Краснодара предпочитают принимать участие в досуговых практиках спортивных мероприятиях и большого интереса к участию в жизни своего города не проявляют. Вероятно, данная позиция связана с тем, что все опрошенные свою дальнейшую жизнь с Краснодаром не связывают и собираются в будущем переехать.

Студенты г. Краснодара делают упор на участии в образовательных проектах. Среди причин высокого участия студенческой молодежи в образовательных проектах города опрошенные респонденты выделяют: развитие каналов коммуникации, приобретение новых компетенций и выступают площадкой для развития карьерных. Также студенты активно включаются в практики молодежного представительства в органах местного самоуправления. Важное место в иерархии включенности в общественные практики города студенческая молодежь отводит экологическим проектам и проектам, направленным на благоустройство города Краснодара. Работающая молодежь Краснодара в большей степени включена в участие в деятельности волонтерских и добровольческих движений и проектах развития города, т.к. данные направления связаны еще и с профессиональной деятельностью опрошенных респондентов.

Опрошенные респонденты отметили, что молодежная политика Краснодаре развита хорошо, и проводится много мероприятий и проектов, направленных на включение молодежи в конструктивные общественные практики города. Краснодар – большой город и не только центр края, в нем сосредоточено много органов власти и существует множество возможностей для общественных инициатив. Вместе с тем, респонденты отмечают, что информационное обеспечение общественных проектов в Краснодаре развито лучше, чем в других муниципалитетах Краснодарского края реализуется их достаточно много, однако большинство из них не подкреплены содержательной базой. В тоже время отмечается, что массовая сплоченность у молодежи Краснодара отсутствует и большая часть молодых людей не вовлечена в конструктивные общественные практики города.

В городе Сочи наиболее вовлеченными в конструктивные общественные практики города являются школьники, затем идут студенты и наименее включена в общественную жизнь работающая молодежь. Однако в Сочи есть и свои особенности: наиболее распространёнными конструктивными общественными практиками для всех групп молодежи (школьники, студенты, работающая молодежь) является вовлеченность в добровольческие движения. На наш взгляд популярность данного типа общественных практик связана с наследием Олимпийского движения 2014 г., а также с тем, что волонтерство способствует сплочению огромного количества людей.

Для школьников города Сочи характерна включенность в той или иной мере практически во все выделенные нами типы конструктивных социально-политических практик и в большинстве случаев они являются и участниками, и организаторами этих мероприятий и проектов. Для студенческой молодежи Сочи, для всего города в целом, типичными являются практики вовлеченности в волонтерскую деятельность. В меньшей степени студенты включаются в образовательные проекты и событийные символические и памятные мероприятия. Вовсе студенты не интересуются проектами развития города и экологическими акциями, и проектами. Характерными особенностями работающей молодежи города Сочи является включенность в событийные символические и памятные мероприятия города и образовательные проекты. Интересно, что работающая молодежь является как организатором, так и участником многих мероприятий в городе.

Таким образом, можно отметить, что вовлеченность молодежи в социально-политические практики публичного пространства города вы-

стует показателем ее субъектной позиции, которая проявляется в способности молодежи аккумулировать, артикулировать свои интересы и принимать участие в решении проблем города.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В ПОСТПАНДЕМИЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ	
Н.А. Азарова (Воронеж).....	7
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-МОБИЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОГО ПАНОПТИКУМА»	
Н.А. Баранов (Санкт-Петербург)	12
ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КРУПНОГО И СРЕДНЕГО ГОРОДА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	
И.С. Башмаков (Краснодар).....	15
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ	
Т.Е. Бейдина, А.Н. Кухарский (Чита)	18
THE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON MEMBERS OF THE ISLAMIC STATE TAKFIRI STREAM (CASE STUDY: EUROPEAN AND RUSSIAN CITIZENS)	
Aref Bijan (Saint Petersburg).....	22
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУЩЕСТВОВАНИЕ РАДИКАЛИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	
М.Ю. Бизина (Томск)	26
ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ЗЕРКАЛЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	
С.Н. Бобылев (Москва).....	29
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РОЛЕВЫЕ ПРОФИЛИ	
О.А. Бориско (Краснодар).....	32
SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF URBANIZED TERRITORIES	
R. Veckalne, T. Tambovceva (Riga)	36
ПАТРИОТИЗМ, ПРОТЕСТЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	
Л.Б. Внукова (Ростов-на-Дону).....	41

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИЗАЙНОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ЭСТОНИИ)	
А.В. Волкова (Санкт-Петербург)	45
ЦИФРО-СЕТЕВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
О.А.Воронкова (Москва).....	52
ИНВЕСТИЦИИ В ОБЛАСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОБЩЕСТВОМ И ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ	
Е.С. Вотченко (Познань)	55
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ TELEGRAM- КАНАЛОВ)	
Б.Г. Вульфович (Краснодар)	59
ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕБРЕНДИНГ РОССИИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	
И.О. Вяткин (Санкт-Петербург).....	63
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ	
Х.А. Гаджиев (Москва)	66
ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	
А.В. Глухова(Воронеж).....	69
ДЕТЕРМИНАНТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В СУБЪЕКТАХ РФ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ КАНДИДАТОВ, ПОБЕДИВШИХ НА ВЫБОРАХ ГУБЕРНАТОРА В 2018 Г.	
А.А. Гнедаш, О.П. Малышева (Краснодар).....	73
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	
К.А. Говорухина, Т.Е. Телятник (Краснодар)	78
МЕХАНИЗМЫ СОГЛАСОВАННОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ	
О.И. Горбанева, А.Д. Мурзин (Ростов-на-Дону).....	83

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВО ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТОВ: ФОРМА И СУБЪЕКТНОСТЬ	
Н.В. Гришин (Санкт-Петербург)	86
ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НКО И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	
М.Е. Громов (Санкт-Петербург)	89
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛОЖИВШИХСЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ	
А.В. Егупов (Краснодар)	92
РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	
М.А. Егупова (Краснодар)	96
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
З.А. Жаде, А.М. Шадже (Майкоп)	100
ВОЗРАСТАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РОЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И НОРМАТИВНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДОКУМЕНТНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
М.Р. Закарян (Краснодар)	104
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЛОНТЁРСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	
С.В. Звягинцев (Краснодар)	108
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ВОПРОС ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	
Т.В. Иващенко (Барнаул)	112
СЕТИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	
О.А. Игнатьева (Санкт-Петербург)	115
ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ВСЕМИРНОГО ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	
Ю.В. Ирхин (Москва)	118

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	
Ю. А. Кабанов, М. Е. Карягин, С. М. Кукарцев, П. Д. Миронов (Санкт-Петербург)	121
ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕДИАТЕКСТ КАК НОВЫЙ ТИП ТЕКСТА	
В.В. Катермина (Краснодар)	124
МЕДИЙНЫЕ «КОНФУЗЫ» РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	
З.З. Кныжова, И.В. Суслов (Саратов)	128
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	
Н.Н. Козлова (Тверь), О.Г. Овчарова (Москва), С.В. Рассадин (Тверь) ...	131
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНФЛИКТОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТРУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА	
А.И. Кольба (Краснодар).....	135
АКТУАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ	
А.Е. Коньков (Москва).....	138
ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	
О.А. Коряковцева , Т.В. Бугайчук (Ярославль).....	141
СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТИПОВ ХЕШТЕГОВ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ (КЕЙС ИВАНА ГОЛУНОВА)	
М.И. Кришталь, А.В. Щекотуров (Калининград)	145
ЦИФРОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РФ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТИЦИЙ РЕСУРСА CHANGE.ORG)	
Д.А. Крупная (Краснодар).....	149
ЦИФРОВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» И «ВЕСНА»	
А.И. Кудряшова (Санкт-Петербург)	153
РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
Н.Г. Кузнецов, С.Г. Тяглов, Н.Д. Родионова (Ростов-на-Дону)	156

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ	
Т.М. Кумпилов (Майкоп)	159
ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛАДИВОСТОКА, КАЗАНИ И НОВОСИБИРСКА	
А.В. Курочкин (Санкт-Петербург)	163
СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	
М.М. Курячая (Краснодар)	167
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА – ОНЛАЙН-СЛОВАРИ КАК ФАКТОР ПЕРМАНЕНТНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	
С.Х. Липириди (Краснодар)	171
КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: НА ПРИМЕРЕ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЙ	
Т.Ю. Луцина (Ижевск)	174
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОСЕТЕВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	
В.В. Люблинский (Москва)	177
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НА СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ	
А. Д. Макей (Калининград)	181
ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА	
Д.А. Мальцева, А.Г. Дедуль, Д.Д. Косарева (Санкт-Петербург)	183
ПОЛИТИКА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: ОБЪЕКТЫ, МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ	
Е.М. Мещерякова (Краснодар)	186
МЕСТО И РОЛЬ ДИСКУРСА «ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК	
М.Ю. Мизулин (Москва)	189

СУБЪЕКТЫ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
С.А. Миронцева (Краснодар).....	192
УПРАВЛЕНИЕ СЕТЕВЫМИ СООБЩЕСТВАМИ В ОНЛАЙН- ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ	
И.В. Мирошниченко (Краснодар).....	195
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИТ-ЛАНДШАФТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
М.А. Мирошниченко (Краснодар).....	200
ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Е.В. Морозова (Краснодар).....	205
УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРОТЕСТА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ПРОФАНАЦИЯ?	
Е.О. Негров (Санкт-Петербург)	208
СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ: ЧТО ЭТО ДАЕТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ	
Л.И. Никовская (Москва).....	211
ПРЕЗЕНТАЦИИ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ	
М.В. Николаева (Краснодар)	215
ЮЖНАЯ КОРЕЯ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ И КРИЗИСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
М.Ю. Носков (Санкт-Петербург).....	218
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ	
М.В. Онищенко (Краснодар)	221
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК АКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНОМИЧНОГО ОБЩЕСТВА	
А.В. Плетнев (Санкт-Петербург)	225
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВОЙ ИНКЛЮЗИИ	
Н.В. Плотицкина (Краснодар)	228

АКТУАЛЬНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ: ЦИФРОВЫЕ ПУСТОТЫ ЗАБВЕНИЯ	
Т.А. Подшибякина (Ростов-на-Дону)	232
ЛИДЕРСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТЕХНОЛОГИИ, ПРОБЛЕМЫ И ЭФФЕКТЫ	
О.В. Попова (Санкт-Петербург)	236
ИСТОРИЧЕСКАЯ АМНЕЗИЯ КАК СТРАТЕГИЯ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ	
С.П. Поцелуев (Ростов-на-Дону)	239
«ГРУППА ДВАДЦАТИ» И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
И.Л. Прохоренко (Москва)	242
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ И АКТОРАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА	
Г.В. Пушкарева (Москва).....	246
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	
А.М. Пшипий, Ф.А. Шумен (Краснодар).....	249
МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОНЛАЙН СЕТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПУБЛИЧНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ	
А.Н. Расходчиков (Москва)	253
ПРОЯВЛЕНИЯ АРХАИЗАЦИИ В ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИИ	
В.Л. Римский (Москва)	256
НОВЫЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ ГРАЖДАН В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: СЕТЕВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ И ФОРМИРУЕМАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ	
Н.А. Рябченко (Краснодар).....	260
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СБОРУ И АНАЛИЗУ ДАННЫХ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
Е.В. Савва (Краснодар)	265

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКАХ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Р.В. Савенков, Ю.И. Лаптева (Воронеж)..... 270

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В.П. Самарина (Старый Оскол) 273

ЦИФРОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО МИРА МОЛОДЕЖИ (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

И.В. Самаркина, Л.А. Шпиро,

В.В. Аничкина, Д.А. Бурлаков, А.В. Корниенко (Краснодар) 277

ТЕХНОПОЛИТИКА ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ: ИСПАНСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ КЕЙСЫ

С.А. Сергеев, С.В. Кузьмина (Казань) 281

БИЗНЕС КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

У.И. Сересова (Москва) 284

РОЛЬ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Н. Сичак (Краснодар) 287

ЦИФРОВЫЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ КАРАНТИННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

А.С. Славянов (Москва)..... 290

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ «ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В.Б. Слатинов (Курск)..... 294

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

К.А. Смольникова (Краснодар) 297

ИНВАРИАНТЫ И ДЕСТРУКЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦИФРОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАЖДАН И ГОСУДАРСТВА

Л.В. Сморгун (Санкт-Петербург)..... 299

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ ПОВЕСТКИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19	
А.В. Соколов, С.В. Миронова (Ярославль)	303
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО РАЗВИТИЮ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ ГУБЕРНАТОРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ПРИМЕР УСПЕШНО РАБОТАЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА	
А.Ю. Сунгуров, Д.К. Тиняков (Санкт-Петербург)	307
ЦИФРОВОЙ АВТОРИТАРИЗМ КАК ПАЛЛИАТИВНОЕ СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ОПОРЫ НА МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕСУРС	
Е.В. Суслов (Йошкар-Ола).....	310
РЕСУРСНЫЕ ЦЕНТРЫ ПОДДЕРЖКИ НКО КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
А.Ю. Сухарева (Ярославль).....	313
CROSS-BORDER GREENWAY TOURISM IN RURAL AREAS	
Т. Tambovceva (Riga), М. V. Tereshina (Krasnodar), D. Atstaja, I. Uvarova (Riga)	315
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	
Е.А. Ташлыкова (Краснодар).....	320
ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ АГЛОМЕРАЦИЙ: ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КАТАЛИЗАТОРЫ	
М.В. Терешина (Краснодар)	324
ИНФОРМАЛИАТ – ПРОЛЕТАРИАТ XXI ВЕКА?	
Л.Н. Тимофеева (Москва)	327
ПАРТИЙНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Ю.П. Тома (Ростов-на-Дону).....	331
ДИСКУРС ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ГОЛОСОВАНИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ РОССИИ	
В.И. Федоров (Москва).....	334
КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ ПОВЕСТОК В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	
А.А. Беляков, А.А. Фролов (Ярославль).....	337

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИИ РФ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОТНОШЕНИЙ СВОЙ/ЧУЖОЙ И КУЛЬТУРНУЮ ПАМЯТЬ	
Л.А. Холова (Астрахань)	341
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	
И.П. Цапенко (Москва)	344
СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА	
З.Т. Чадаева (Краснодар)	347
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ	
Б.П. Черненко (Краснодар)	350
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СФО)	
Я.Ю. Шашкова (Барнаул)	355
СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА СУБЪЕКТАМИ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВИДЕОХОСТИНГ YOUTUBE И «ДРУГАЯ» ПОЛИТИКА	
А.А. Шестакова (Краснодар)	358
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ	
Л.А. Шпиро (Краснодар)	360
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ	
О.Г. Щенина (Москва)	363
ВИРТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РАБОТЕ ПО ГРАЖДАНСКОМУ УЧАСТИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА	
А.И. Щербинин (Томск)	366
ДЕКОНСТРУКЦИЯ БУДУЩЕГО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	
Н.Г. Щербинина (Томск)	369
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	
В.М. Юрченко, С.К. Пуликовский (Краснодар)	372

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	
И.В. Юрченко (Краснодар).....	374
ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	
Н.Н. Юрченко (Краснодар).....	378
ЦИФРОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	
Е.А. Яковлева (Воронеж).....	382
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	
К.В. Ячменник (Краснодар).....	385

Научное издание

Политика развития в условиях цифровизации общества

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
Публикуется в авторской редакции

Дата подписания к использованию __.11.2020 г.
Объём данных 4 МВ. Заказ № 144.

Издатель: ООО «Вика-Принт»
350011, г. Краснодар, ул. Старокубанская, 2, литер 3, кабинет 10,
телефон (861) 235-02-34, e-mail: vika-print@mail.ru